

Аркадий СТРУГАЦКИЙ
Борис СТРУГАЦКИЙ

Рассказы и повести

БЕДНЫЕ ЗЛЫЕ ЛЮДИ
В НАШЕ ИНТЕРЕСНОЕ ВРЕМЯ
Моби Дик рассказ из повести "Возвращение"
НОЧЬ НА МАРСЕ
ПЕРВЫЕ ЛЮДИ НА ПЕРВОМ ПЛОТУ
Песчаная горячка
СПОНТАННЫЙ РЕФЛЕКС
ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ
ШЕСТЬ СПИЧЕК
О странствующих и путешествующих
Белый конус Алаида
Беспокойство
ПЯТЬ ЛОЖЕК ЭЛИКСИРА
ПОВЕСТЬ О ДРУЖБЕ И НЕДРУЖБЕ
ЧЕЛОВЕК ИЗ ПАСИФИДЫ
ЖИДЫ ГОРОДА ПИТЕРА, ИЛИ НЕВЕСЕЛЫЕ БЕСЕДЫ ПРИ СВЕЧАХ

Аркадий СТРУГАЦКИЙ
Борис СТРУГАЦКИЙ

ШЕСТЬ СПИЧЕК

1

Инспектор отложил в сторону блокнот и сказал:

- Сложное дело, товарищ Леман. Да, странное дело.
- Не нахожу, - сказал директор института.
- Не находите?
- Нет, не нахожу. По-моему, все ясно.

Директор говорил очень сухо, внимательно разглядывая пустую, залитую асфальтом и солнцем площадь под окном. У него давно болела шея, на площади не происходило ровно ничего интересного. Но он упрямо сидел отвернувшись. Так он выражал свой протест. Директор был молод и самолюбив. Он отлично понимал, что имеет в виду инспектор, но не считал инспектора в праве касаться этой стороны дела. Спокойная настойчивость инспектора его раздражала. "Вникает, - думал он со злостью. - Все ясно, как шоколад, - но вникает!"

- А мне вот не все ясно, - сказал инспектор.

Директор пожал плечами, взглянул на часы и встал.

- Простите, товарищ Рыбников, - сказал он. - У меня через пять минут семинар. Если я вам не нужен...

- Пожалуйста, товарищ Леман. Но мне хотелось бы поговорить еще с этим... "личным лаборантом". Горчинский, кажется?

- Горчинский. Он еще не вернулся. Как только вернется, его сейчас же пригласят к вам.

Директор кивнул и вышел. Инспектор, прищурившись, поглядел ему вслед. "Легковат, голубчик, - подумал он. - Ладно, дойдет очередь и до тебя".

Сначала следовало разобраться в главном. На первый взгляд действительно все было как будто ясно. Инспектор Управления охраны труда Рыбников уже сейчас мог бы приняться за "Отчет по делу Комлина Андрея Андреевича, начальника физической лаборатории Центрального института мозга". Андрей Андреевич Комлин производил на себе опасные эксперименты и

уже четвертый день лежит на больничной койке в полусне-полубреду, запрокинув щетинистую круглую голову, покрытую странными кольцеобразными синяками. Говорить он не может, врачи вводят в его организм укрепляющие вещества, и на консилиумах часто и зловеще звучат слова: "Сильнейшее нервное истощение. Поражение центров памяти. Поражение речевых и слуховых центров..."

В деле Комлина инспектору было ясно все, что могло интересовать Управление охраны труда. Ясно, что неисправность аппаратуры, небрежное с ней обращение, неопытность работников здесь ни при чем. Ясно, что нарушения правил безопасности - во всяком случае, в общепринятом смысле - не было. Ясно, наконец, что Комлин проводил опыты над собой втайне, и никто в институте ничего об этом не знал, даже Александр Горчинский, "личный" комлинский лаборант, хотя некоторые сотрудники лаборатории держатся на этот счет совсем другого мнения.

Инспектора интересовало другое. Инспектор не был только инспектором. Чутьем старого научного работника он чувствовал, что за отрывочными сведениями о работе Комлина, которыми он располагал, за странным несчастьем с Комлиным кроется история какого-то необычайного открытия, и, перебирая в памяти показания сотрудников лаборатории, инспектор убеждался в этом все больше.

За три месяца до несчастья лаборатория получила новый прибор. Это был нейтринный генератор, устройство для создания и фокусировки пучков нейтрино. С появлением нейтринного генератора в физической лаборатории и началась цепь событий, на которые своевременно не обратили внимание те, кому это следовало сделать, и это привело в конце концов к большой беде.

Именно в это время Комлин с видимой радостью переложил всю работу по незаконченной теме на своего заместителя, заперся в комнате, где был установлен нейтринный генератор, и занялся, как он объявил, подготовкой серии предварительных опытов. Это продолжалось несколько дней. Затем Комлин неожиданно покинул свою келью, совершил, как обычно, обход лаборатории, произвел три публичных разноса, подписал бумаги и засадил заместителя писать полугодовой отчет. На другой день он вновь заперся в "нейтриннике", прихватив с собой на этот раз лаборанта Александра Горчинского.

Чем они там занимались, стало известно лишь недавно, за два дня до несчастного случая, когда Комлин (совместно с Горчинским) сделал замечательный, "потрясший основы медицины" доклад о нейтринной акупунктуре. Но в течение трех месяцев работы с генератором Комлин трижды привлек внимание сотрудников.

Началось с того, что в один прекрасный день Андрей Андреевич обрился наголо и появился в лаборатории в черной профессорской шапочке. Сам по себе этот факт, возможно, и не запомнился бы, но через час из "нейтринника" выскочил всклокоченный и бледный Горчинский и, по чьему-то образному выражению, "роняя шкафы", кинулся к лабораторной аптечке. Выхватив из нее несколько индивидуальных пакетов, он в том же темпе вернулся в "нейтринник", захлопнув за собой дверь. При этом один из сотрудников успел заметить, что Андрей Андреевич стоял у окошка, сияя голым черепом и придерживая правой рукой левую. Левая рука была измазана чем-то, вероятно кровью. Вечером Комлин и Горчинский тихо вышли из "нейтринника" и, ни на кого не глядя, прошли прямо к выходу из лаборатории. Оба имели довольно удрученный вид, причем левая рука Комлина была обмотана грязным бинтом.

Запомнилось и другое. Месяц спустя после этого происшествия младший научный сотрудник Веденеев встретил Комлина вечером в уединенной аллее Голубого парка. Начальник лаборатории сидел на скамейке с толстой, потрепанной книгой на коленях и что-то бормотал вполголоса, уставившись прямо перед собой. Веденеев поздоровался и присел рядом. Комлин сейчас же перестал бормотать и повернулся к нему, странно вытягивая шею. Глаза у него были "какие-то заплесневелые", и Веденееву захотелось немедленно удалиться. Но уходить так сразу было неудобно, поэтому Веденеев спросил:

- Читаете, Андрей Андреевич?

- Читаю, - сказал Комлин. - Ши Найань, "Речные заводы". Очень интересно. Вот, например...

Веденеев по молодости лет знаком с китайской классикой почти не был и почувствовал себя еще более неловко, но Комлин вдруг захлопнул книгу,

сунул ее Веденееву и попросил раскрыть наугад. Слегка смущенный, Веденеев повиновался. Комлин взглянул на страницу ("один раз, мельком"), кивнул и сказал:

- Следите по тексту.

И принялся обычным своим звонким и ясным голосом рассказывать о том, как некто Хуянь-чжо, взмахнув стальными плетками, ринулся на неких Хэ Чжэня и Се Бао, и как некто "Коротколапый тигр" Ван Ин и его супруга "Зеленая"... Тут только Веденеев понял, что Комлин читает страницу наизусть. Начальник лаборатории не пропустил ни одной строчки, не перепутал ни одного имени, пересказал все слово в слово и букву в букву. Закончив, он спросил:

- Были ошибки?

Ошеломленный Веденеев потряс головой. Комлин захохотал, забрал у него книгу и ушел. Веденеев не знал, что подумать. Он рассказал об этом случае некоторым из своих товарищей, и те посоветовали ему обратиться за разъяснениями к самому Комлину. Однако упоминание Веденеева о встрече в уединенной аллее Комлин встретил таким искренним изумлением, что Веденеев, замаявшись, перевел разговор на другую тему.

Но наиболее странными казались события, имевшие место буквально за несколько часов до несчастья.

В тот вечер Комлин - веселый, остроумный, как никогда - показывал фокусы. Зрителей было четверо: Александр Горчинский, небритый и влюбленный в начальника, как девчонка, и молоденькие девушки-лаборантки - Лена, Дуся и Катя. Девушки остались, чтобы закончить сборку схемы для завтрашней работы.

Фокусы были занимательные.

Для начала Комлин предложил кого-нибудь загипнотизировать, но все отказались, и Андрей Андреевич рассказал анекдот о гипнотизере и хирурге. Потом он сказал:

- Леночка, сейчас я буду отгадывать, что ты спрячешь в ящик стола.

Из трех спрятанных вещей он отгадал две, и Дуся сказала, что он подсматривает. Комлин возразил, что он не подсматривает, но девушки принялись над ним подшучивать, и тогда он заявил, что умеет взглядом гасить огонь, Дуся схватила коробок, отбежала в угол комнаты, зажгла спичку, и спичка, разгоревшись, вдруг погасла. Все страшно удивились и посмотрели на Комлина: он стоял, скрестив руки на груди и грозно хмуря брови, в позе иллюзиониста-профессионала.

- Вот это легкие! - сказала Дуся с уважением. От нее до Комлина было шагов десять, не меньше.

Тогда Комлин предложил завязать ему рот платком. Когда это было сделано, Дуся снова зажгла спичку, и спичка снова погасла.

- Неужели вы задуваете носом? - поразилась Дуся.

А Комлин сорвал платок, захохотал и, подхватив Дусю, прошелся с ней вальсом по комнате.

Затем он показал еще два фокуса: ронял спичку, и она падала не вниз, а как-то вбок, каждый раз отклоняясь от вертикали вправо на довольно большой угол ("Опять вы дуετε..." - неуверенно сказала Дуся); положил на стол кусок вольфрамовой спиральки, и спиралька, забавно вздрагивая, ползла по стеклу и падала на пол. Все, конечно, были страшно удивлены, и Горчинский стал приставать к нему, чтобы он рассказал, как это делается. Но Комлин вдруг стал серьезным и предложил перемножить в уме несколько многозначных чисел.

- Шестьсот пятьдесят четыре на двести тридцать один и на шестнадцать, - робко сказала Катя.

- Записывайте, - странным, напряженным голосом приказал Комлин и начал диктовать: - Четыре, восемь, один... - тут голос его упал до шепота, и он закончил скороговоркой: - Семь - один - четыре - два... Справа налево.

Он повернулся (девушек поразило, что он как-то сразу сник, сгорбился, словно стал меньше ростом), волоча ноги вернулся в "нейтринник" и заперся там. Горчинский некоторое время с тревогой смотрел ему вслед, а затем объявил, что Андрей Андреевич сосчитал правильно: если читать названные им цифры справа налево, то получится произведение - два миллиона четыреста семнадцать тысяч сто восемьдесят четыре.

Девушки работали до десяти, и Горчинский помогал им, хотя толку от

него было мало. Комлин все не выходил. В десять они пошли домой, пожелав ему через дверь спокойной ночи. Наутро Комлина отвезли в госпиталь.

Итак, "легальным" результатом трехмесячной работы Комлина была "нейтринная акупунктура" - метод лечения, основанный на облучении мозга нейтринными пучками. Новый метод был необычайно интересен сам по себе, но какое отношение к нейтринной акупунктуре имела раненая рука Комлина? А необычная память Комлина? А фокусы со спичками, спиральками и устным умножением?

- Скрывал, от всех скрывал, - пробормотал инспектор. - Не был уверен или боялся подставить товарищей под удар? Сложное дело. Очень странное дело!

Щелкнул видеофон. На экране появилось лицо секретарши.

- Простите, товарищ Рыбников, - сказала секретарша. - Товарищ Горчинский здесь и ждет вашего вызова.

- Пусть войдет, - сказал инспектор.

2

На пороге появилась громадная фигура в клетчатой рубаше с засученными рукавами. Над могучими плечами возвышалась могучая шея, увенчанная головой, заросшей густыми черными волосами, сквозь которые, однако, просвечивала маленькая плешь (или даже две плечи, как показалось инспектору), - фигура двигалась в кабинет спиной. Прежде чем инспектор успел удивиться, обладатель клетчатой рубашки, продолжая пятиться, сказал: "Пожалуйста, Иосиф Петрович", - и пропустил в кабинет директора. Затем вошедший аккуратно затворил дверь, неторопливо повернулся и отвесил короткий поклон. Лицо обладателя клетчатой рубашки и странных манер было украшено короткими, но весьма пушистыми усиками и казалось довольно мрачным. Это и был Александр Горчинский, "личный лаборант" Комлина.

Директор сел в кресло и молча уставился в окно. Горчинский остановился перед инспектором.

- А вы... - начал инспектор.

- Спасибо, - прогудел лаборант и сел, упершись в колени ладонями и глядя на инспектора серыми недобрыми глазами.

- Горчинский? - спросил инспектор.

- Горчинский Александр Борисович.

- Очень приятно. Рыбников, инспектор УОТА.

- Оч-чень рад, - медленно, растягивая слова произнес Горчинский.

- "Личный лаборант" Комлина?

- Не знаю, что это такое. Лаборант физической лаборатории Центрального института мозга.

Инспектор покосился на директора. Ему показалось, что у того в уголках глаз искрится ехидная улыбочка.

- Так, - сказал Рыбников. - Над какими вопросами работали последние три месяца?

- Над вопросами нейтринной акупунктуры.

- Подробнее, пожалуйста.

- Есть доклад, - веско сказал Горчинский. - Там все написано.

- А я все-таки попросил бы вас поподробнее, - сказал инспектор очень спокойно.

Несколько секунд они глядели друг на друга в упор - инспектор, багровея, Горчинский, шевеля усами. Потом лаборант медленно прищурился.

- Извольте, - прогудел он. - Можно и поподробнее. Изучалось воздействие сфокусированных нейтринных пучков на серое и белое вещество головного мозга, а равно и на организм подопытного животного в целом.

Горчинский говорил монотонно, без выражения и даже, кажется, слегка покачивался в кресле....

- Попутно с фиксацией патологических и иных изменений организма, дифференциального декремента и кривых лабиальности в различных тканях, а также замеры относительных количеств нейроглобулина и нейростромия...

Инспектор откинулся на спинку кресла и с яростью подумал: "Ну, погоди ты мне!.." Директор по-прежнему глядел в окно, дробно постукивая пальцами по столу.

- А скажите, товарищ Горчинский, что у вас с руками? - спросил инспектор неожиданно. Он терпеть не мог обороны. Он любил наступать.

Горчинский взглянул на свои руки, лежащие на подлокотниках кресла, исцарапанные, покрытые синими зарубцевавшимися шрамами, и сделал движение, словно хотел сунуть их в карманы, но только медленно сжал чудовищные кулаки.

- Обезьяна ободрала, - сказал он сквозь зубы. - В виварии.

- Вы делали опыты только над животными?

- Да, я делал опыты только над животными, - сказал Горчинский, чуть выделяя "я".

- Что случилось с Комлиным два месяца назад? - инспектор наступал.

Горчинский пожал плечами.

- Не помню.

- Я вам напомню. Комлин порезал руку. Как это случилось?

- Порезал - и все! - грубо сказал Горчинский.

- Александр Борисович! - предостерегающе сказал директор.

- Спросите у него самого.

Светлые, широко расставленные глаза инспектора сузились.

- Вы меня удивляете, Горчинский, - медленно сказал он. - Вы убеждены, что я хочу вытянуть из вас что-нибудь такое, что может повредить Комлину... или вам, или другим вашим товарищам. А ведь все гораздо проще. Все дело в том, что я не специалист по центральной нервной системе. Я специалист по радиооптике. Всего лишь. И судить по собственным впечатлениям не имею права. И поставлен на эту работу не для того, чтобы фантазировать, а для того, чтобы знать.

Инспектор презрительно усмехнулся и бросил блокнот на стол.

- Вы будете говорить?

Наступило молчание. И директор вдруг понял, в чем сила этого неторопливого упорного человека. Видимо, понял это и Горчинский, потому что он сказал, наконец, ни на кого не глядя:

- Что вы хотите узнать?

- Что такое нейтринная акупунктура? - сказал инспектор.

- Это идея Андрея Андреевича, - устало проговорил Горчинский. -

Облучение нейтринными пучками некоторых участков коры вызывает появление... вернее, резкое возрастание сопротивляемости организма разного рода химическим и биологическим ядам. Зараженные и отравленные собаки выздоравливали после двух-трех нейтринных уколов. Это какая-то аналогия с акупунктурой - лечением иглоукалыванием. Отсюда и название метода. Роль иглы играет пучок нейтрино. Конечно, аналогия чисто внешняя...

- А методика? - спросил инспектор.

- Череп животного выбривается, к голой коже пристраиваются нейтринные присоски... Это небольшие устройства для фокусировки нейтринного пучка. Пучок фокусируется в заданном слое серого вещества. Это очень сложно. Но еще сложнее было найти участки, точки коры, вызывающие фагоцитную мобилизацию в заданном направлении.

- Очень интересно, - совершенно искренне сказал инспектор. - И какие болезни можно так излечивать?

Горчинский ответил, помолчав:

- Многие. Андрей Андреевич полагает, что нейтринная акупунктура мобилизует какие-то неизвестные нам силы организма. Не фагоциты, не нервная стимуляция, а что-то еще, несравнимо более мощное. Но он не успел... Он говорил, что нейтринными уколами можно будет лечить любое заболевание. Отравление, сердечные болезни, злокачественные опухоли...

- Рак?

- Да. Ожоги... Возможно даже восстанавливать утраченные органы. Он говорил, что стабилизирующие силы организма огромны, и ключ к ним - в коре. Нужно только обнаружить в коре точки приложения уколов.

- Нейтринная акупунктура, - медленно, словно пробуя звуки на вкус, произнес инспектор. Потом он спохватился: - Отлично, товарищ Горчинский. Очень вам благодарен. (Горчинский криво усмехнулся.) А теперь будьте добры, расскажите, как вы нашли Комлина. Ведь вы, кажется, были первым, кто обнаружил его?

- Да, я был первым. Пришел утром на работу. Андрей Андреевич сидел... лежал в кресле за столом...

- В "нейтриннике"?

- Да, в помещении нейтринного генератора. На черепе у него была обойма с присосками. Генератор был включен. Мне показалось, что Андрей Андреевич мертв. Я вызвал врача. Все...

Голос Горчинского дрогнул. Это было так неожиданно, что инспектор задержался с очередным вопросом. "Так-так", - отстукивал директор, глядя в окно.

- А вы не знаете, какой эксперимент ставил Комлин?

- Не знаю, - глухо сказал лаборант. - Не знаю. На столе перед Андреем Андреевичем стояли лабораторные весы, лежали два спичечных коробка. Из одного спички были высыпаны...

- Пойдите, - инспектор оглянулся на директора и снова взглянул на Горчинского. - Спички? Спички... При чем здесь спички?

- Спички, - повторил Горчинский. - Они лежали кучкой. Некоторые были склеены по две, по три. На одной чашке весов лежало шесть спичек. И там был листок бумаги с цифрами. Андрей Андреевич взвешивал спички. Это точно, я проверял сам. Цифры совпадают.

- Спички, - пробормотал инспектор. - Зачем это было ему нужно, хотел бы я знать... У вас есть хоть какие-нибудь соображения по этому поводу?

- Нет, - ответил Горчинский.

- Вот и сотрудники ваши рассказывали... - Инспектор задумчиво потер рукой подбородок. - Фокусы эти... с огнем, со спичками... Видимо, Комлин работал еще над какими-то вопросами, помимо нейтринной акупунктуры. Но над какими?

Горчинский молчал.

- И опыты над собой он делал неоднократно. У него кожа на черепе сплошь покрыта следами этих ваших присосков.

Горчинский молчал по-прежнему.

- Вы никогда прежде не замечали у Комлина способности быстро считать в уме? Я имею в виду до того, как он показывал вам свои фокусы?

- Нет, - сказал Горчинский. - Не замечал. Ничего подобного не замечал. Теперь вы знаете все, что знаю я. Да, Андрей Андреевич делал опыты над собой. Испытывал на себе нейтринную иглу. Да, полоснул себя бритвой по руке... Хотел проверить на себе, как нейтринная игла заживляет раны. Не вышло... тогда. И он вел параллельно какую-то работу в тайне от всех. От меня тоже. Что за работа, не знаю. Знаю только, что она тоже связана с нейтринным облучением. Все.

- Кто-нибудь, кроме вас, знал об этом? - спросил инспектор.

- Нет. Никто не знал.

- И вы не знаете, какие эксперименты производил Комлин без вашего участия?

- Нет.

- Свободны, - сказал инспектор. - Можете идти.

Горчинский поднялся, не поднимая глаз, повернулся к выходу. Инспектор глядел на его затылок. На затылке белели проплешины - не одна, а именно две, как и показалось ему в самом начале.

Директор смотрел в окно. Низко над площадью повис небольшой вертолет. Сверкая ртутным серебром фюзеляжа, тихонько покачиваясь, принялся медленно поворачиваться вокруг оси. Сел. Из него вылез пилот в сером комбинезоне, легко прыгнул на асфальт и пошел к зданию института, на ходу раскуривая папироску. Директор узнал вертолет инспектора. "На заправку ходил", - рассеянно подумал он.

Инспектор спросил:

- А не ведет нейтринная акупунктура к поражению психики?

- Нет, - ответил директор. - Комлин утверждает, что не ведет.

Инспектор откинулся на спинку кресла и стал глядеть в матово-белый потолок.

- Директор сказал негромко:

- Горчинский уже не сможет работать сегодня. Напрасно вы так...

- Нет, - возразил инспектор. - Не напрасно. И простите, товарищ Леман, вы меня удивляете. Сколько, по-вашему, у нормального человека может быть лысин? И эти шрамы на руках... Досто-ойный ученичок Комлина.

- Люди любят свое дело, - сказал директор.

Несколько секунд инспектор молча глядел на директора.

- Плохо они его любят, - сказал он, - по старинке, товарищ Леман. И вы их, этих людей, плохо любите. Мы богаты. Самая богатая страна в мире.

Мы даем вам любую аппаратуру, любых подопытных животных, в любом количестве. Работайте, исследуйте, экспериментируйте... Так почему же вы так легкомысленно транжирите людей? Кто вам позволил так относиться к человеческой жизни?

- Я...

- Когда, наконец, прекратится это безобразие?

- Это первый случай в нашем институте, - сердито сказал директор.

Инспектор покачал головой.

- В вашем институте... А в других институтах? А на предприятиях?

Комлин - это восьмой случай за последние полгода. Варварство! Варварский героизм! Лезут в автоматические ракеты, в автобатискафы, в реакторы на критических режимах... - он с трудом усмехнулся. - Ищут кратчайшего пути к истине, к победе над природой. И нередко гибнут. И вот ваш Комлин - восьмой. Разве это допустимо, профессор Леман?

Директор упрямо насупился.

- Бывают обстоятельства, когда это неизбежно. Вспомните о врачах, прививавших себе холеру и чуму.

- Эти мне исторические аналогии... Вспомните, в какое время мы живем!

Они помолчали. Близился вечер, в дальних от окон углах кабинета росли прозрачные серые тени.

- Между прочим, - сказал вдруг директор, не глядя на собеседника, - я распорядился вскрыть сейф Комлина. Мне принесли его рабочие записи. Думаю, вам тоже будет интересно ознакомиться с ними.

- Разумеется, - сказал инспектор.

- Только, - директор слабо улыбнулся, - в них слишком много... м-м... специального. Я мельком проглядел кое-что, и боюсь, вам будет трудно. Я возьму их на сегодняшний вечер к себе и, если хотите, попытаюсь составить для вас конспект...

Инспектор откровенно обрадовался.

- Только не возлагайте на меня больших надежд, - поспешно предупредил директор. - Эти нейтринные иглы... Это было для всех как гром среди ясного неба. Никто и представить себе не мог чего-либо подобного. Комлин здесь пионер, первый в мире. Так что это может оказаться не под силу и мне.

Директор ушел.

Может быть, записи Комлина помогут. Инспектору очень хотелось, чтобы они помогли. Он представил себе Комлина с обоймой нейтринных присосков на голом черепе, взвешивающего склеенные спички. Нет, это не акупунктура. Это что-то совсем новое, и Комлин, видимо, сам не верил себе, если проводил такие страшные опыты над собой, таясь от товарищей.

Славное время, хорошее время! Четвертое поколение коммунистов - смелые, самоотверженные люди. Они по-прежнему неспособны беречь себя, напротив, они с каждым годом все смелее идут в огонь, и требуются огромные усилия, чтобы расходовать этот океан энтузиазма с максимальным эффектом. Не по трупам своих лучших представителей, а по следам могучих машин и точнейших приборов должно идти человечество к господству над природой. И не только потому, что живые могут сделать много больше, чем сделали мертвые, но и потому, что самое драгоценное в мире - это Человек.

Инспектор тяжело поднялся и побрел к двери. Передвигался он без торопливости. Это, во-первых, было у него в крови; во-вторых, сказывался возраст, а в третьих - нога.

- Ноют старые раны, - бормотал он себе под нос, когда ковылял через пустую приемную директора, сильно припадая на правую ногу.

Ранним утром следующего дня, как раз в тот час, когда врачи, так и не сумевшие разобраться в причинах заболевания, с радостью отметили, что к больному Комлину возвращается речь, - именно в этот час Рыбников и Леман снова сидели в директорском кабинете за огромным пустым столом. Инспектор держал на коленях блокнот, перед директором лежала пачка бумаг: записки, диаграммы, чертежи, рисунки - рабочие записи Андрея Андреевича Комлина.

Директор говорил быстро, иногда бессвязно, уставившись покрасневшими от бессонной ночи глазами куда-то сквозь инспектора, иногда

останавливаясь, словно прислушиваясь с изумлением к собственным словам. Инспектор слушал, и последовательность и связь событий становились для него все более понятны. Вот что он узнал.

Облучением мозга нейтринными пучками Комлин занялся не случайно. Во-первых, этот вопрос был совершенно неясен. Методика получения пучков нейтрино "практической" плотности была разработана совсем недавно, и, получив нейтринный генератор, Комлин решил немедленно опробовать его.

Во-вторых, Комлин многого ждал от этих опытов. Излучения высоких энергий (нуклоны, электроны, гамма-лучи) нарушают молекулярную и внутриядерную структуру белков мозга. Они разрушают мозг. Они неспособны давать каких-либо изменений в организме, кроме патологических. Эксперимент подтверждает это. Другое дело нейтрино, крохотная нейтральная частица без массы покоя. Комлин рассчитывал, что воздействие нейтрино не вызовет ни взрывных процессов, ни молекулярной перестройки, что нейтрино будет вызывать в ядрах мозговых белков умеренное возбуждение, будет усиливать ядерные поля и, быть может, вызовет в мозговом веществе совершенно новые, неизвестные еще науке силовые поля. Как оказалось, все предположения Комлина блестяще подтвердились.

- Я понял в записях далеко не все, - прервал себя директор, - а кое-чему просто не мог поверить. Поэтому я расскажу лишь о самом главном и о том, что может пролить свет на таинственную историю с фокусами. Хотя это тоже достаточно невероятно.

Начав опыты над животными, Комлин сразу же натолкнулся на идею нейтринной акупунктуры. Подопытная обезьяна поранила лапу. Рана затянулась и зажила необыкновенно быстро. Так же быстро исчезли у нее из легких темные пятна - следы туберкулеза, столь обычного для обезьян, живущих в умеренном климате.

Работа с нейтринной акупунктурой развивалась успешно. Несколько собак было отравлено различными видами биологических ядов. Нейтринная игла вылечила животных очень быстро; причем хроматография показала, что почти весь яд был выделен животными в несвязанном виде. Игла Комлина в три-пять дней справлялась с нарывами и гнояниками и излечивала туберкулез у обезьян в десятки раз быстрее и успешнее самых мощных антибиотиков.

На этом этапе, когда Комлин еще не разрабатывал метод лечения, а только доказывал его принципиальную осуществимость, никакой прямой необходимости эксперимента над человеком не было. В своем знаменитом докладе Комлин высказывал предположение о существовании в организме человека и животных скрытых целебных сил, пока еще неизвестных науке, но уже выявивших себя при опытах с нейтринной акупунктурой. Подробно излагалась программа перехода от опытов над животными к опытам над человеком - программа осторожная, учитывающая возможные ошибки, предусматривающая постепенный переход от самых простейших и явно безопасных нейтринных уколов к более сложным и комбинированным. Предполагалось привлечение к опытам больших коллективов врачей, физиологов и психологов. Но...

Инспектор не ошибся. Комлин работал не только с нейтринной акупунктурой. Очень скоро опыты с нейтринным генератором показали, что необычайное возрастание целебных сил организма - важное, но вовсе не единственное следствие облучения мозга пучками нейтрино. Подопытные животные вели себя странно. Не все и не всегда. Излеченные кратковременным воздействием нейтринной иглы обычно не обнаруживали никаких отклонений в своем поведении, но "любимцы", над которыми производились многочисленные и разнообразные опыты, приводили обоих исследователей в изумление. И там, где молодой лаборант Горчинский видел только забавные или досадные шутки природы, интуиция большого ученого подсказала Комлину новое открытие.

Пес Генька (полное имя Генератор) обнаружил вдруг склонность показывать цирковые фокусы, которым его никто никогда не учил: ходил на задних и даже на передних лапах, "здоровался", и Горчинский застал его однажды за странным занятием. Пес сидел на табуретке, уставившись в одну точку, и через правильные промежутки времени приподнимался и коротко гавкал, после чего садился снова. Горчинского он не узнал и зарычал на него.

Комлина поразил случай с павианом Корой. Кора сразу после облучения сидела в камере с Комлиным и мирно с ним "беседовала". Вдруг ее точно током ударило. Обезьяна увидела что-то в углу, грозно и жалобно заворчала

и принялась пятиться. Ни уговоры, ни ласки не помогали. Кора, отбежав в противоположный угол, сжалась в комок и просидела так целый час, следя глазами за чем-то невидимым, и время от времени издавала резкий вопль - сигнал опасности. Затем это прошло, но Комлин с удивлением заметил, что с тех пор Кора, входя в камеру, прежде всего оглядывалась на злосчастный угол.

Однажды Горчинский прибежал к Комлину с криком: "Скорее! Скорее!" - и потащил его в обезьянник. В одной из камер обезьянника сидел молодой гамадрил и жевал банан. Ни в банане, ни в гамадриле ничего страшного не было, но и сторож и Горчинский в один голос утверждали, что были свидетелями чего-то совершенно фантастического. По их словам, они застали гамадрила в тот момент, когда он с видимым интересом наблюдал за кусочком бумаги, неторопливо, но уверенно ползущим по полу по направлению к нему, гамадрилу. Гамадрил потянулся к бумажке лапой, и Горчинский бросился искать Комлина. Сторож утверждал, что обезьяна съела бумажку, во всяком случае в камере ее обнаружить не удалось. Попытка воспроизвести удивительное явление не увенчалась успехом.

- Вот что Комлин написал по этому поводу, - сказал директор, протягивая инспектору кусок миллиметровки.

Инспектор прочел: "Массовая галлюцинация? Или иное? Массовая галлюцинация с участием гамадрила - сама по себе вещь удивительная. Но тут что-то есть. С этим зверьем - обезьянами и собаками - ничего не узнаешь. Надо самому".

Комлин начал проводить опыты над собой. Скоро об этом узнал Горчинский и не замедлил последовать примеру начальника. Кажется, по этому поводу у них даже был небольшой скандал. В конце концов Горчинский обещал больше не экспериментировать, а Комлин обещал пробовать только самые простые, непродолжительные и безопасные уколы. Горчинский так и не узнал, что Комлин уже не занимается нейтринной акупунктурой.

- К сожалению, - продолжал свой рассказ директор, - в записках Комлина сохранилось довольно мало сведений относительно истинные поразительных результатов его экспериментов. Записи становятся все более отрывочными и неудобочитаемыми, чувствуется, что зачастую Комлин не может подобрать слов для описания своих ощущений и впечатлений, выводы его теряют стройность и полноту.

Несколько страниц, вырванных из тетради, Комлин посвятил необычайной способности запоминать, появившейся у него после одного из экспериментов. Он записал: "Мне достаточно взглянуть на предмет один раз, и я вижу его во всех подробностях, как наяву, отвернувшись или закрыв глаза. Мне достаточно бросить беглый взгляд на страницу книги, чтобы затем прочитать ее по "изображению", отпечатавшемуся у меня в мозгу. Кажется, на всю жизнь я запомнил несколько глав из "Речных заводов" и всю четырехзначную таблицу логарифмов от первой до последней цифры. Огромные возможности!"

Встречаются среди записей и соображения очень общего характера. "Память, многие рефлексy и навыки, - написал Комлин твердым почерком, словно раздумывая, - имеют определенную, пока неясную для нас материальную основу. Это азбука. Нейтринный пучок просачивается в эту основу и создает новую память, новые рефлексy, новые навыки. Или не создает, а только вызывает появление опосредствованно. Так было с Генькой, Корой, со мной (мнемогенез - творение ложной памяти)".

Наиболее интересному и удивительному из всех открытий Комлина были посвящены последние несколько страничек, соединенных канцелярской скрепкой. Директор взял эти странички и поднял их над головой.

- Здесь, - сказал он очень серьезно, - ответ на ваши вопросы. Это нечто вроде конспекта или черновика будущего доклада. Прочестъ?

- Читайте, - сказал инспектор.

"Усилием воли нельзя даже заставить себя мигнуть. Нужна мышца. Нервная система играет роль датчика импульса, не больше. Ничтожный разряд, и сокращается мышца, способная передвинуть десятки килограммов, совершить работу, огромную в сравнении с энергией нервного импульса. Нервная система - это запал в пороховом погребе, мышца - порох, сокращение мышцы - взрыв".

"Известно, что усиление процесса мышления усиливает электромагнитные поля, возникающие где-то в клетках мозга. Это биотоки. Сам факт, что мы способны это обнаружить, означает, что процесс мышления воздействует на материю. Правда, не непосредственно. Я беру интеграл, усиливается поле

мозга, смещается стрелка прибора, улавливающего и измеряющего это поле. Чем не психодвигатель? Поле - мышца мозга". "Появляется способность считать чрезвычайно быстро. Как я это делаю - сказать не могу. Считаю, и все. $1919 \times 237 = 454803$. Считал в уме в течение четырех секунд по секундомеру. Это прекрасно, но это совсем не то. Электромагнитное поле резко усиливается, а другие поля, если они существуют? Мышца развита. Но как ею управлять?"

"Получается. Вольфрамовая спираль. Вес 4,732 грамма. Подвешена в вакууме на нейлоновой нити. Я просто смотрел на нее, и она отклонилась от начального положения на пятнадцать с небольшим градусов. Это уже нечто. Режим генератора..."

- Я говорил с Горчинским, - сказал директор, закончив чтение ряда цифр. - Сегодня ночью он видел вакуумный колпак с подвешенной спиралькой. Потом прибор исчез: видимо, Комлин разобрал его.

"Психодинамическое поле - мышца мозга - работает. Не знаю, как это у меня получается. И ничего нет странного в том, что не знаю. Что нужно сделать, чтобы согнулась рука? Никто не ответит на этот вопрос. Чтобы согнуть руку, я сгибаю руку. Вот и все. А ведь бицепс - очень послушный мускул. Мышцу надо тренировать. Мышцу мозга нужно научить сокращаться. Вопрос - как? Интересно, ни одной вещи я не могу поднять. Только передвигаю. И не по произволу. Спичку и бумагу - всегда вправо. Металл - к себе. Лучше всего обстоит дело со спичками. Почему?"

"Психодинамическое поле действует через колпак из стекла и не действует через газету. Чтобы действовать на предмет, мне надо видеть его. Воздух (насколько я понимаю) начинает в точке приложения поля двигаться турбулентно. Гашу свечу. Расстояние в пределах "нейтринника", по-моему, не играет роли".

"Убежден, что возможности мозга неисчерпаемы. Необходима только тренировка и определенная активация. Придет время, и человек будет считать в уме лучше любой счетной машины, сможет за несколько минут прочитать и усвоить целую библиотеку..."

"Это страшно утомляет. Раскалывается голова. Иногда могу работать только под непрерывным облучением и к концу весь покрываюсь потом. Не надорваться бы. Сегодня работаю со спичками".

На этом записи Комлина кончались.

Инспектор сидел зажмурившись и думал о том, что когда-нибудь эти идеи принесут свои плоды.

Но все это еще будет, а пока Комлин лежит в госпитале. Инспектор открыл глаза, и взгляд его упал на кусок миллиметровки. "...С этим зверьем - обезьянами и собаками - ничего не узнаешь. Надо самому", - прочитал он. Может быть, Комлин прав?

"Нет, Комлин не прав. Не прав дважды. Он не должен был идти на такой риск в одиночку. Даже там, где не могут помочь ни машины, ни животные (инспектор снова взглянул на кусок миллиметровки), человек не имеет права вступать в игру со смертью. А то, что делал Комлин, было именно такой игрой. И вы, профессор Леман, не будете директором института, потому что не понимаете этого и, кажется, завидуете Комлину. Нет, товарищи, говорю я вам! Под огонь мы вас не пустим. В наше время вы, ваши жизни дороже, чем самые грандиозные открытия".

Вслух инспектор сказал:

- Я думаю, что можно писать акт расследования. Причина несчастия понятна.

- Да, причина понятна, - проговорил директор. - Комлин надорвался, пытаясь поднять шесть спичек.

Инспектора провожал директор. Они вышли на площадь и неторопливо двинулись к вертолету. Директор был рассеян, задумчив и никак не мог приспособиться к неспешной, ковыляющей походке инспектора. У самой машины их догнал Александр Горчинский, взлохмаченный и мрачный. Инспектор, уже пожав руку директору, взбирался в кабину - это было трудно ему.

- Андрею Андреевичу значительно лучше, - негромко сказал Горчинский в широкую спину инспектора.

- Знаю, - сказал инспектор, усаживаясь, наконец, с довольным кряхтением.

Подбежал пилот, торопливо вскарабкался на свое место.

- Будете писать рапорт? - осведомился Горчинский.

- Буду писать рапорт, - ответил инспектор.

- Так...

Горчинский, шевеля усиками, посмотрел инспектору в глаза и вдруг спросил высоким тенорком:

- Скажите, пожалуйста, вы не тот Рыбников, который в шестьдесят восьмом году в Кустанае самовольно, не дожидаясь прибытия автоматов, разрядил какие-то штуки?

- Александр Борисович! - резко сказал директор....

- Тогда еще что-то случилось с вашей ногой...

- Прекратить, Горчинский!

Инспектор промолчал. Он крепко стукнул дверцей кабины и откинулся на мягкое сиденье.

Директор и Горчинский стояли на площади и, задржав головы, смотрели, как большой серебристый жук со слабым гудением проплыл над семнадцатизэтажной бело-розовой громадой института и исчез в синем предвечернем небе.

Моби Дик

рассказ из повести "Возвращение"

К концу октября стада усатых китов и кашалотов начинали миграцию в экваториальную зону. Их принимали малайские и индонезийские базы, а работники Океанской охраны Курильско-Камчатского-Алеутского пояса уходили в отпуск, или занимались любительским патрулированием, или помогали океанологическим и океанографическим экспедициям. Зимние месяцы на северо-востоке - неприятное время года. Это бури, дожди, серое, угрюмое небо и серый, злой океан. Собственно, исправление климатических условий в Беринговом море и южнее не составило бы большого труда: достаточно было бы опустить вдоль дуги ККА несколько сотен мезонных реакторов - стандартных микропогодных установок, какие используются в мире уже полстолетия. Но ни один синоптик не мог сказать, к чему это приведёт. После катастрофы, вызванной на Британских островах попыткой утихомирить Бискайский залив, Мировой Совет воспретил такие проекты до тех времён, когда теоретическая синоптика будет в состоянии предсказывать все долговременные последствия значительных изменений макроклимата. Поэтому зимние месяцы по берегам Берингова моря остались почти такими же в XXII веке, какими были, скажем, в XV веке.

Что касается командира звена субмарин Кондратьева, то он не ездил в отпуск, очень редко ходил в патруль и никогда не предлагал своих услуг океанологам. Как говорили его друзья, Кондратьев тешил свои "родимые пятна капитализма" - предавался зимой безудержной лени. Великолепное овальное здание базы "Парамушир", уходящее на шесть этажей в гранит и возвышающееся стеклянно-стальным куполом на три этажа, располагалось на мысе Капустном. Квартира Кондратьева (кабинет и спальня) находилась на втором этаже, окна выходили на юг, на Четвёртый Курильский пролив. Летом в особенно ясные дни из окон можно было видеть на юго-западе за синей гладью океана белый, как облачко, крошечный треугольник - вулкан Маканруши, а зимой чудовищный силы прибой ляпал в стёкла зеленоватую, пузырящуюся пену. Обстановка квартиры была стандартной. Кондратьев по привычкам и по профессиональному духу был аскетом, и она казалась ему достаточно роскошной. Поэтому он и не пытался как-то обжить и украсить её, только в кабинете над столом повесил полутораметровый клык нарвала, убитого в рукопашной во время подводной прогулки лет пять назад, да завёл самодельную полочку со старыми книгами, взятыми из походной библиотеки "Таймыра".

Кондратьев очень любил свою квартиру. Особенно зимой. Он часами сидел у огромного, во всю стену, окна в кабинете, беспричинно

улыбаясь, вглядываясь в бушующие волны. Едва слышно пощёлкивает система кондиционирования, в комнате полумрак, тепло и уютно, возле локтя чашка чёрного кофе, а за окном страшный ураган несёт сжатые массы воздуха, перемешанного с дождём и снегом, вихри солёной воды, и не понять, где кончается воздух и начинаются пенистые гребни волн.

Ещё хорошо было встать среди ночи, чуть-чуть приоткрыть затёнённое освещение и чуть-чуть включить Грига или Шумана и покойно слушать тихую музыку и едва различимые шумы зимней ночи. А потом взять с полки потрёпанную книжку автора, которого давно уже забыли на Планете, и не читать - только вспоминать о далёком прошлом, не то грустя, не то радуясь. Никак не понять, грусть или радость приносили эти часы одиночества, но они приносили счастье.

Зимой многие уезжали. Улетал в Среднюю Азию с женой весёлый Толя Зайцев, на недели пропадал в экспедициях жадный до дела Эдик Свирский, отправлялся в дальние зимние рейсы серьёзный насмешник Макс. Из тех, кто оставался на базе, одни уходили по вечерам в Васильево и там танцевали и веселились до утра, другие сидели по своим квартирам и обрабатывали материалы, полученные летом, занимались исследовательской работой. Сергея Ивановича частенько эксплуатировали - он очень любил помогать. "Слушай Сергей, прости, беспокою тебя... Ты, кажется, был в июне на Зимней банке. У тебя есть данные по солёности воды? Дай, пожалуйста... Спасибо". "Здравствуй, холостяк! Бездельничаешь? Будь другом, помоги труженику - дай твою статистику по зубам верхней челюсти у кашалотов... Вот спасибо, дружище!... Будь здоров". "Сергей Иванович, разрешите... У меня спешная работа, завтра надо передать в Хабаровск... Я боюсь, что не успею, помогите мне посчитать вот это... Поможете? Вот хорошо-то!"

Сергею Ивановичу очень нравилось, что все незанятые люди собирались, как правило, в компании - большие и маленькие. Пёстрые отряды скалолазов, обмотанных вокруг пояса тридцатиметровыми шарфами, карабкались по обледенелым кручам, куда, впрочем, можно было при желании спокойно подняться по тропинкам с другой стороны. Зимние аквалангисты набивались в субмарины и переправлялись через пролив на Маканруши, где дни напролёт бродили по лабиринтам подводных пещер. Из спортивных залов доносились выкрики, топот и буханье мячей. В клубах витийствовали дискуссионеры - там в утилитарных целях развития сообразительности и логического мышления обсуждались очень странные вопросы. В музыкальных комнатах, неподвижные, как покойники, возлежали в глубоких креслах ценители нежнейших мелодий. Люди, как правило, чувствовали себя особенно хорошо, когда были вместе.

Некоторое исключение составляли художники, предпочитавшие развлекаться в одиночку. Их чем-то влекло серо-свинцовое однообразие скал, ледяной воды, низкого неба. Большинство из них прямого отношения к базе не имело. Они приезжали на зиму с материка и были необычайно трудолюбивы, но гениальности, по крайней мере, по мнению Кондратьева, не обнаруживали. Иногда они устраивали в коридорах выставки своих этюдов. На выставки сбегался народ, и начинались свирепые споры: должен ли художник писать то, что видит, или то, что он чувствует, или то, что он думает. Был ещё на базе один скульптор, опытный работник Океанского патруля, страдавший, однако, гигантоманией. Он мечтал создать грандиозную статую чего-то такого, и все скалы в окрестностях базы носили неизгладимые следы его вдохновения.

Время от времени база оглашалась непривычным оголтело-весёлым шумом. Это случалось, когда в гости приходили юноши и девчонки с Васильевского рыбного комбината. На комбинате работало шестьдесят человек - двадцать пять операторов, тридцать практикантов и пять кибернетистов-снабженцев, на обязанности которых лежало грузить и отправлять во Владивосток и в Магадан самоходные кибернетические баржи с готовой продукцией. Налаживать управление подводными баржами так, чтобы они без промаха и в назначенный срок приходили в нужный порт, - это была труднейшая и интереснейшая задача, поэтому многие студенты-практиканты склонны были отлынивать от переработки сырья и примазывались к кибернетистам. Молодой народ базы и молодой народ завода были тесно связаны. Обычно внепроизводственная связь осуществлялась на вечеринках в комбинатском клубе, но иногда Океанская

охрана приглашала гостей к себе, и тогда на базе начиналось столпотворение.

Явившись на базу, эта толпа сразу рассыпалась кучками по комнатам хозяев. Но двери в пустой обычно коридор были распахнуты, всё наполнялось шумом споров, песнями, музыкой, шарканьем танцующих, веселые компании шатались из комнаты в комнату... Одним словом, было весьма весело. Комнаты были великолепно звукоизолированы, так что весь этот шум и гам никому из <взрослых> не мешал. Первое время Кондратьев запирался в такие <праздничные> вечера, но потом любопытство и зависть победили, и он стал оставлять свою дверь открытой. И много пришлось ему услышать - и новые странные песни со всех концов света, и яростные споры по очень специальным и по очень общим вопросам, и маленькие локальные сплетни о старших, в том числе и о самом себе, и объяснения в любви, такие же мучительно бессвязные, как и в прошлом веке, и даже звуки поцелуев.

Сразу за дверью комнаты Кондратьева находился узенький тупичок-ниша, которым оканчивался коридор. Кто-то соответственно оставил его: поставил кресла, сосну в стеклянном ящике, повесил газосветную лампу, тусклую и подмигивающую. Эта ниша называлась <ловерс дайм> - <пятачок влюбленных>. Именно сюда приходили в плохую погоду объясняться, строить планы и выяснять подпорченные отношения. Кондратьев вздыхал, стоя на пороге своей комнаты и слушая этот шёпот. Он был отлично виден влюблённым на фоне светлого коридора, но на него никто не обращал внимания, его не стеснялись, как не стеснялись вообще никого из старших. Это его задевало - ему казалось, что сопляки смотрят на него как на мебель. Но однажды он подслушал, что его называли <стражем ловерс дайма>, и он понял, что его просто считают неким негласным судьей и свидетелем, общественной совестью. Впрочем, это тоже было достаточно обидно. Кондратьев захлопывал дверь и подолгу с ворчанием рассматривал в зеркале свою худую коричневую физиономию и ежик жестких волос над широким большим лбом. <Да уж,- уныло думал он старую мыслишку.- Где уж мне...>

Как-то раз случился сильный тайфун, и волны разбили пластмассовую балюстраду, огораживавшую оранжерейную площадку базы. На следующий день по вызову базы с комбината прибыла вся молодёжь и принялась за починку. Старшие тоже приняли участие. Самые ловкие и сильные ребята опускались в люльках со скалы и крепили легкие пластмассовые плиты к камню вдоль обрыва, предварительно размягчив камень ультразвуком. Бури уже не было, но серые ледяные волны накатывались на берег из серого тумана и с ужасным громом лупили в скалы стены, обдавая висящих в люльках потоками брызг. Работали весело, с большим шумом,

Кондратьев взялся крепить размякший, как тесто, камень вокруг оснований балюстрадных плит. Надо было густо намазывать это каменное тесто, как цемент, заглаживать специальной лопаточкой и затем обрабатывать место крепления ультразвуком второй раз. Тогда пластмасса и камень схватывались намертво и плита балюстрады становилась как бы частью скалы. В разгар работы Кондратьев обнаружил, что ему не приходится шарить рукой в поисках инструментов. Инструменты сами попадали в его протянутую руку, и именно те, которые были нужны. Кондратьев обернулся и увидел, что рядом с ним сидит на корточках лаборантка базы Ирина Егорова, Она была закутана в меховой комбинезон с капюшоном и казалась непривычно неуклюжей.

- Спасибо, - сказал Кондратьев.

- Сколько угодно, - сказала Ирина и засмеялась.

Несколько минут они работали молча, прислушиваясь к сварливому спору о природе ядов в молоках кистепёра, доносившемуся от соседней плиты сквозь рёв волн и ветра.

- Вы всё один да один, - сказала Ирина.

- Привычка,- ответил Кондратьев. - А что?

Ирина глядела на него странными глазами. Она была очень славная девочка, только очень уж суровая. Поклонники от неё стоном стонали, и Сергей Иванович тоже её побаивался. Язык у неё был совершенно без костей, а чувство такта было явно недоразвито. Она была способна ляпнуть всё, что угодно, в самый неподходящий момент и неоднократно делала это. Так вот посмотрит-посмотрит странными глазами и ляпнет

что-нибудь. Хоть плачь.

- Я хочу давно спросить вас, Сергей Иванович, - сказала Ирина. - Можно?

Кондратьев покосился опасливо. <Ну вот, пожалуйста. Сейчас спросит, почему у меня волосатая спина, - был такой случай прошлым летом на пляже при большом скоплении народа>.

- М-можно, - сказал он не очень уверенно.

- Скажите, Сергей Иванович, вы были женаты тогда, в своем веке?

<Пороть тебя некому!> - с чувством подумал Кондратьев и сказал сердито:

- Легко видеть, что не был.

- Почему это легко видеть?

- Потому что как бы я мог пойти в такую экспедицию, если б был женат?

Подошел океанский охотник Джонсон, который три года назад был строителем и сейчас взял на себя руководство работами, покивал одобрительно, погладил Кондратьева по спине, сказал: <О, вери, вер-ри гуд!> - и ушел.

- Тогда почему вы, Сергей Иванович, такой нелюдимый? Почему вы так боитесь женщин?

- Что? - Кондратьев перестал работать. - То есть как это - боюсь?

Откуда это, собственно, следует?

<А ведь и вправду боюсь, - Подумал он. - Вот ее боюсь. Все время привязывается и вышучивает. И все вокруг хохочут, а она нет. Только смотрит странными глазами>.

- Дайте-ка насадку, - сказал он, сдвинув брови до упора. - Нет, не эту, На малую мощность. Спасибо.

- Я, наверное, неудачно выразилась, - сказала Ирина тихо. - Конечно, не боитесь. Просто сторонитесь. Я думала, может быть тогда, в своем веке...

- Нет, - сказал он.

Она и говорила как-то странно.

- Сегодня вечером будем танцевать, - быстро сказала она. - Вы придете?

- Я же не умею, Ирина.

- Вот и хорошо, - сказала Ирина. - Это самое интересное.

Кондратьев промолчал, и до конца работы они больше не разговаривали.

Работа была закончена к вечеру, Затем было много шума и смеха, много плеска в бассейне и в ваннах, и все сошлись в столовой, чистые, розовые, томные и зверски голодные. Ели много и вкусно, пили еще больше - вино и ананасный сок главным образом, затем стали танцевать. Ирина сразу вцепилась в Кондратьева и долго мучила его, показывая, с какой ноги надо выступать под левый ритм и почему нельзя делать шаг назад при правом ритме. Кондратьев никак не мог разобраться, что такое правый и левый ритмы, вспотел, рассердился и, крепко взяв Ирину за руку, вывел ее из толпы танцующих в коридор.

- Будет с меня.

- Еще немножко, - просительно сказала Ирина.

- Нег. У меня уже бока болят от толчков. А что н ног сегодня отдал - счету нет...

Он повел ее по коридору, бессознательно прижимая ее руку к себе.

Она молча шла за ним. Потом он вдруг остановился и нервно рассмеялся.

- Купа это я вас веду? - сказал он, глядя в сторону. - Идите, идите, танцуйте,

- А вы?

- А я... это... Да что я, пойду к старичкам, сыграю в го. (1)

(1 Г о - японская игра, разновидность шашек.)

Они остановились посреди коридора, Из раскрытых дверей доносились звуки хориолы, кто-то пел сильным, свободным голосом:

Deep blue sea, baby, deep blue sea.

Deep blue sea, baby, deep blue sea..

Deep blue sea, baby, deep blue sea...

Hit was Willy, who got drowned in the deep blue sea... (2)

(2 В синем море, детка, в глубоком синем море...
Там наш Вилли утонул - в глубоком синем море (англ.).)

- Джонсон поет, - тихо сказала Ирина. - Красиво поет Джонсон.
- Да, красиво, - согласился Кондратьев. - Но вы тоже красиво поете.
- Да? А где вы слышали меня?
- Ну господи, да хотя бы месяц назад, когда ребята с комбината приходили в последний раз.
- И вы слушали?
- Я всегда слушаю, - уклончиво сказал Кондратьев. - Встану у себя в дверях и слушаю.
- Она засмеялась:
- Если бы мы знали, мы обязательно...
- Что?
- Ничего.

Кондратьев насупился. Затем он встрепенулся и с изумлением осмотрелся. Да полно, он ли это? Стоит в коридоре, не зная, куда идти, не желая никуда идти, чего-то ожившая, что-то предчувствуя, нему-то странно радуясь... Наваждение. Колдовство. Эта синеглазая тощая девчонка. Праправнучка. Если бы у него были дети, это могла бы быть его собственная праправнучка.

Мимо пробежали юноша и девушка, оглянулись на них, подмигнули и скрылись в открытых дверях. Из дверей сейчас же донёсся взрыв многоголосого хохота. Ирина словно очнулась.

- Пойдёмте, - сказала она.

Кондратьев не спросил куда. Он просто пошёл. И они пришли на <ловерс дайм>. И сели в кресла под пахучей смолистой сосной. И над ними замигала слабая газосветная лампа.

- Сергей Иванович, - сказала Ирина, - давайте помечтаем.
- В мои-то годы... - печально отозвался Кондратьев.
- Ага, в ваши. Очень интересно, о чём в ваши годы мечтают?
- Положительно, никогда за свою жизнь Кондратьев не вёл таких разговоров. Он удивился. Он до того удивился, что серьёзно ответил:
- Я мечтаю добыть Моби Дика. Белого кашалота.
- Разве бывают белые кашалоты?
- Бывают. Должны быть. Я добуду белого кашалота и... это...
- Что?

- И всё. Тогда моя мечта исполнится.

Ирина подумала. Затем сказала решительно:

- Нет. Это не мечта.
- Почему не мечта? Мечта.
- Не мечта.
- Ну, мне-то лучше знать...
- Нет. Это... Цель работы, что ли... Не знаю. Вот если бы белых кашалотов не существовало, тогда это была бы мечта.
- Но они существуют.
- В том-то и дело.

Она смотрела на лампу, и глаза её вспыхивали и гасли.

- А раньше... Сто лет назад какая была у вас мечта? Большая мечта, понимаете?

Он стал добросовестно вспоминать.

- Было всякое. Но теперь это неважно. Мечтал... Мы все мечтали достигнуть звёзд...

- Теперь это уже сделано.
- Да. Мечтали, чтобы всем на земле было хорошо.
- Это невозможно...
- Нет, это тоже сделано. Так, как мы тогда мечтали. Чтобы все на Планете не заботились о еде и о крыше и не боялись, что у них отнимут...

- Но ведь это так мало!..

- Но это было страшно трудно, Ирина. Вы тут и представить себе не можете, как это много - хлеб и безопасность...

Да, да, я знаю. Но теперь это история. Мы помним об этом, но ведь

всё это уже сделано, правда?

- Правда.

- Вот я и спрашиваю: какая теперь у вас большая мечта?

Кондратьев стал думать и вдруг с изумлением и ужасом обнаружил, что у него нет большой мечты. Тогда, в начале XXI века он знал: он был коммунистом и, как миллиарды других коммунистов, мечтал об освобождении человечества от забот о куске хлеба, о предоставлении всем людям возможности творческой работы. Но это было тогда, сто лет назад. Он так и остался с теми идеалами, а сейчас, когда всё это уже сделано, о чём он может ещё мечтать?

Сто лет назад... Тогда он был каплей в могучем потоке, зародившемся некогда в тесноте эмигрантских квартир и в застуженных залах экспроприированных дворцов, и поток этот увлекал человечество в неизведанное, ослепительно сияющее будущее. А сейчас это будущее наступило, могучий поток разлился в океан, и волны океана, заливая всю планету, катились к отдалённым звёздам. Сейчас больше нет некоммунистов. Все десять миллиардов - коммунисты. <Милые мои десять миллиардов... Но у них уже другие цели. Прежняя цель коммуниста - изобилие и душевная и физическая красота - перестала быть целью. Теперь это реальность. Трамплин для нового, гигантского броска вперёд. Куда? И где моё место среди десяти миллиардов?>

Он думал долго, вздыхал и поглядывал на Ирину. Ирина молча смотрела на него странными глазами, такими странными и чудными, что Сергей Иванович совсем потерял нить разговора.

- Что же это, Ирина, - произнёс он наконец. - Что же, мне теперь и мечтать не о чём?

- Не знаю, - сказала Ирина.

Они смотрели друг на друга - глаза в глаза. Господи, подумал Кондратьев с тоской. Вот, взять её тихонько за руку и погладить тонкие пальцы. И прижаться щекой...

- Сергей Иванович, - сказала Ирина тихо, - мы хорошие люди?

- Очень.

- Вам нравится здесь?

- Да. Очень.

- И вам не одиноко?

- Нет, что вы, Иринка...

Это <Иринка> получилось у него как-то само собой.

- Мне очень хорошо. И Моби Дик... Мне это очень нравится, Иринка,

- Моби Дик. Пусть сначала Моби Дик, а потом видно будет.

- Жаль.

- Ну, что делать, Не великой я мечты человек. Моя звезда - близкая звезда.

Ирина усмехнулась и покачала головой. Она сказала:

- Я не об этом. Я думала, вы одинокий... Я думала, вам тяжело одному... Я люблю вас.

Утром звено субмарин Кондратьева подняли по тревоге. С дежурного вертолета Океанской охраны сообщили, что в стаде кашалотов, идущем на кальмарное пастбище, произошла драка между старым самцом - вожаком стада и одином-пиратом. Кашалоты ходят стадами до тридцати голов, старый опытный самец-вожак и старые и молодые самки. Вожак не подпускает других самцов к стаду и изгоняет молодых, а иногда и убивает их, но время от времени стадо подвергается нападению злющего одинца, которого Океанская охрана называет пиратом. Тогда происходит бой. Океанская охрана всегда старается помочь вожаку. Прежде всего потому, что вожак, как правило, приручен и водит стадо по привычным и известным трассам - к специально организованным пастбищам кальмаров и подальше от трасс миграций усатых китов. Известны случаи, когда одинец, которому удавалось отделить от стада нескольких самок, вел их прямо в районы китового молодняка и устраивал там кровавую бойню.

Летчик вертолета атаковал одинца, но вертолет так сильно трепало и противники находились так близко друг от друга, что он расстрелял весь боезапас и попал анестезирующей бомбой только один раз - и не в пирата, а в вожака. Оглушенный вожак перестал сопротивляться. Одинец быстро добил его, ловко отделил от стада молодых самок и погнал их на

юг, в район планктонных полей, где благоденствовали молочные, только что ощенившиеся матки. Вдогонку пирату были брошены два звена субмарин охраны, и еще одно звено готовилось встретить его на дальних подступах к району щена.

Все в этой операции шло с самого начала неудачно. Первое звено, под командой Коршунова, разделилось в пылу погони и потеряло ориентировку. Звено субмарин Кондратьева было сброшено с транспортного турболета - оно должно было попасть в район впереди одиноца и отрезать его от самок, но вследствие ли поспешности или неопытности пилотов субмарины оказались далеко позади стада. Кондратьев распорядился всем идти на глубине в сто метров и только сам время от времени выскакивал на ходу на поверхность принять радиogramмы с сопровождающих вертолетов.

Погоня продолжалась весь день. Около семи вечера Ахмет, который шел правым ведомым, закричал:

- Вот он! Командир, цель обнаружена, дистанция триста - триста пятьдесят метров, четыре сигнала! Ух, понимаешь, настоящий Моби Дик!

- Координаты? - спросил Кондратьев в микрофон.

- Азимут... Высота с глубины двести десять...

- Вижу.

Кондратьев подрегулировал ультразвуковой прожектор. На экране всплыли и закачались большие светлые пятна-сигналы. Пять... Шесть... Восемь... Все здесь. Семь угнанных самок и сам одинок. Дистанция триста пятнадцать - триста двадцать метров. Идут <звездой>: самки по периферии вертикально поставленного кольца диаметром в пятьдесят метров, самец - в центре и немного позади.

Кондратьев круто повернул субмарину вверх. Надо было выскочить на поверхность и сообщить вертолетам, что стадо беглецов обнаружено. Субмарина задрожала от напряжения, пронзительно завывали турбины. У Кондратьева заложило уши. Он наклонился над приборной доской и вцепился обеими руками в мягкие рукоятки руля. Но он не отрывал взгляда от иллюминатора. Иллюминатор быстро светлел. Мелькнули какие-то тени, неожиданно ярко блеснуло серебряное брюхо небольшой акулы, затем - у-эх! - субмарина стремительно вылетела из воды. Кондратьев торопливо отпустил кормовые крылья.

Раз-два! Сильная волна ударила субмарину в правый борт. Но инерция движения и крылья уже подняли ее и перебросили через пенный гребень. На несколько секунд Кондратьев увидел океан. Океан был лилово-чёрный, изрытый морщинистыми волнами и покрытый кровавой пеной. Кровавой - это только на мгновение так подумалось Кондратьеву, На самом деле это были отблески заката. Небо было покрыто низкими сплошными тучами, тоже лилово-черными, как и океан, но на западе - справа по курсу - низко над горизонтом висело сплюснутое багровое солнце. Все это - свинцово-лиловый океан, свинцово-лиловое небо и кровавое солнце - Кондратьев увидел на один миг через искажающее, залитое водой стекло иллюминатора, В следующий миг субмарина вновь погрузилась, зарывшись острым носом в волну, и вновь нутужно взвыли турбины.

- Я - Кондратьев, цель обнаружена, курс...

Субмарина неслась, как глиссер, прыгая с гребня на гребень, тяжело шлепая округлым днищем по воде. Бело-розовая пена плескалась в иллюминатор и сейчас же смывалась зеленоватой пузырящейся водой. Быстроходные субмарины Океанской охраны способны передвигаться, как летающие рыбы: вырваться на полной скорости из воды, пролетать в воздухе до пятидесяти метров, снова погружаться и, набрав скорость, совершать новый прыжок. При преследовании и при других обстоятельствах, требующих поспешности, этот способ передвижения незаменим. Но только при спокойном или хотя бы не слишком беспокойном океане. А сейчас была буря. Субмарине так поддавало под крылья, что она подпрыгивала, как мяч на футбольном поле. Притом ее непрерывно сбивало с курса, и Кондратьев злился, не получая ответа на вызовы.

- Я - Кондратьев... Я - Кондратьев... Цель обнаружена, курс...

Ответа не было. Видимо, вертолет отнесло в сторону. Или он вернулся на базу из-за бури? Буря сильная, не меньше десяти баллов. Ладно, будем действовать сами.

Солнце то скрывалось за теперь уже черными валами, то вновь на короткое время выскакивало из-за горизонта. Тогда можно было видеть кроваво-чёрный океан. И бесконечные гряды волн, катившиеся с живым злым упрямством с запада. <С запада - это плохо, - думал Кондратьев. - Если бы волны шли по меридиану, то есть по курсу преследования, мы в два счета по поверхности догнали бы Моби Дика...>

Моби Дик! Пусть это еще не белый кашалот - все равно, это Моби Дик, кашалот, громадный самец в двадцать метров длиной, в сто тонн весом, грузный и грациозный. С тупой мордой, похожей на обрубок баобаба бревна, твердой и жесткой снизу и мягкой, расплывчатой сверху, где под толстой черной, шкурой разлиты драгоценные пуды спермацета. С ужасной пастью, нижняя челюсть которой распаивается, как крышка перевернутого чемодана. С мощным горизонтальным хвостом, с одной длинной узкой ноздрей на кончике рыла, с маленькими злыми глазами, с белым морщинистым брюхом, Моби Дик, свирепый Моби Дик, гроза кальмаров и усатых китов. Интересно, когда наконец это животное выведет своих невест на поверхность? Пора бы им и подышать немного...

Кондратьев бросил субмарину под воду. Он обогнал звено, уклонился немного к востоку, повернул и снова занял свое место в строю звена. В звене пять субмарин. Звено идет <звездой>, как и кашалоты. В центре - Кондратьев. Левее и на двадцать метров выше - Ахмет Баратбеков, кончивший курсы всего год назад. Правее и выше - его жена Галочка. Левее и ниже - серьезный здоровяк Макс, громадный сумрачный парень, прирожденный глубоководник. Правее и ниже - Николас Дрэгану, пожилой профессор, известный лингвист, двадцатый год проводивший отпуск в охране.

Теперь до стада не более ста метров. На экране ультразвукового прожектора отчетливо виден силуэт Моби Дика - круглое дрожащее пятно, разбрасывающее светлые искры.

- Плотнее к стаду! - скомандовал Кондратьев
- Командир, включи ультразвуку! - крикнул Ахмет.
- Частота?
- Шестнадцать шестьсот пятьдесят... Они поют! Моби Дик поет!

Кондратьев наклонился к пультам, Каждая субмарина оснащена преобразователями ультразвука. На некоторых даже есть преобразователи инфразвука, но это только на исследовательских. Океан полон звуков. В океане звучит все. Звучит сама вода. Гремят пропасти. Пронзительно воют рыбы. Пищат медузы. Гудят и стонут кальмары и спруты. И поют и скрипят киты. И кашалоты в том числе. Некоторые считают, что красивее всех поют кашалоты.

Кондратьев завертел штурвальчик преобразователя. Когда тонкая стрелка на циферблате проползла отметку 16.5, субмарина наполнилась низкими, гулкими звуками. Несомненно, это пел Моби Дик, великий кашалот, и самки хором подпевали своему новому повелителю.

- Вот прохвост! - сказал Дрэгану с восхищением.
- Какой голосистый! - отозвалась Галя.
- Скотина горластая! - проворчал Макс. - Пират...

Моби Дик орал: <Уа-ау-у-у... Уа-ау-у-у... Уа!..>

Его подруги отвечали: <И-и-и... Иа-и-и... И-и-и...>

Кондратьев переводил: <Скорее, скорее, еще немного, и мы будем там... Роскошное угощение... Маленькие молочные киты... Жирные, вкусные беспомощные матери... Скорее... Не отставайте!> И ему отвечают: <Мы спешим... Мы спешим изо всех сил... изо всех сил...>

Расстояние сократилось до шестидесяти метров. Пора было начинать. До искусственных пастбищ, где отлеживались сейчас синие киты с детенышами, оставалось не более сорока километров. Но когда Моби Дик собирается подышать?

- Макс, Дрэгану, вниз!
- Есть...

Макс и Дрэгану круто нырнули, заходя под <звезду> кашалотов. Кашалоты плохо видят, но все же следовало быть осторожным. Заметив преследователей, они могли бы начать игру в трех измерениях, ведь они способны погружаться на километр и более, и игра в прятки при наличии всего пяти субмарин сильно затруднила бы дело. Макс и Дрэгану, выйдя под <звезду>, перерезали ей дорогу вглубь и ограничивали маневр Моби

Дика двумя измерениями.

Ага, вот, наконец-то! <Звезда> сжалась и вдруг пошла к поверхности.

- Макс, Дрэгану, не зевать!

- Не зеваем, - недовольно отозвался Макс.

А профессор лингвистики весело сказал:

- Есть не зевать! - Видимо, ему нравились все эти <есть>, атрибуты старинного морского и военного обихода.

Моби Дик вел свое стадо на поверхность, и снизу его подпирали Макс и Дрэгану. Кондратьев сказал:

- Иду на поверхность!

Он повернул субмарину носом вверх и включил турбины на полную мощность. Сейчас мы увидим тебя воочию, великий Моби Дик, пират и убийца!

Субмарина с ревом вырвалась из водоворота, пронеслась, сверкнув чешуей, над пенистым гребнем волны и снова ушла носом в воду, оставляя за собой клочья синтетической слизи. Солнце уже зашло, только на западе тускло горела багровая полоска. Но ночи не было над океаном. Потому что светились тучи, Над океаном царили сумерки. А буря была в самом разгаре, волны стали выше, двигались стремительнее и расшвыривали мохнатые клочья пены. Это было все, что увидел Кондратьев при первом прыжке. И при втором прыжке он разглядел только белесое светящееся небо и черные волны, плюющиеся пеной во все стороны.

Зато, когда субмарина вылетела из пучины в третий раз, Кондратьев увидел наконец Моби Дика. Метрах в ста от субмарины из волн вырвалось громадное черное тело, повисло в воздухе - Кондратьев отчетливо увидел тупое, срезанное рыло и широкий раздвоенный хвост,- описало в белесом небе длинную и медленную дугу и скрылось за бегущими волнами. Сейчас же впереди вылетел из волн ровный ряд теней поменьше и тоже скрылся. И субмарина тоже ушла под воду, и сразу же на ультразвуковом экране запрыгали огромные светлые пятна.

И опять вверх... Минуты полета над кипящим океаном... гигантская туша вылетает из волн впереди, пролетает над пенистыми гребнями и исчезает, еще семь туш поменьше в полете... и снова иллюминатор заливают пузырьчатая, белесая, как небо, вода.

Ну что ж, пора кончать с Моби Диком, гигантским кашалотом. Он прижат к поверхности, уйти вниз теперь стадо не может - там сердитый Макс и азартный Дрэгану. Повернуть вправо или влево оно тоже не может - на его флангах опытные охотники Ахмет и его жена Галочка. В хвосте стада идет сам Кондратьев, и он уже ловит в прицел акустической пушки чёрный горб Моби Дика. Надо целиться именно в горб, в мозжечок, так будет наверняка и Моби Дик не придётся мучиться. Бедный глупый Моби Дик, груды свирепых мускулов и маленький мозг, набитый жадностью. Сто тонн прочнейших в мире костей и сильнейших в мире мускулов и всего три литра мозга. Мало, слишком мало, чтобы соперничать с человеком. Моби Дик, пират и разбойник!

А Моби Дик ликовал! Он выскакивал стремглав из кипящей бури, мчался в спокойном теплом воздухе, захватывая его чудовищной пастью, открытой, словно перевернутый чемодан, и снова плюхался в волны, и семь самок, семь невест, из-за которых он на рассвете убил слугу человека, весело прыгали вслед за ним. Они мчались за ним, торопясь на подводные лежбища синих китов, где сладкие, жирные матери, повернувшись на спину, подставляют черные соски новорожденным китятам. Моби Дик вел подруг на веселый пир.

До Моби Дика осталось всего тридцать метров. Отличное расстояние для инфразвуковой пушки.

Командир звена субмарин Кондратьев нажал спусковую клавишу..

И Моби Дик потонул. Ахмет, Галочка и Дрэгану повернули растерянных и негодующих самок на север и погнали их прочь. В голове стада пристроился Макс. Он успел записать песни Моби Дика, и теперь снова под водой понеслись вопли <Уа-а-у-у... Уа... Уа-а-ау!> Молодые глупые самки сразу повеселели и устремились за субмариной Макса. Их больше не приходилось подгонять. А Кондратьев опускался в пучину вместе с Моби Диком. На черном горбу Моби Дика, там, куда пришелся мощный удар инфразвука, вспух большой бугор. Но Кондратьев вбил под

толстую шкуру кашалота стальную трубу и включил компрессор. И под шкуру Моби Дика хлынул воздух. Много сжатого воздуха. Моби Дик быстро расплпнел, бугор на горбу исчез, да и сам горб был теперь едва заметным. Моби Дик перестал тонуть и с глубины полутора километров начал подниматься на поверхность. Кондратьев поднимался вместе с ним. Они рядом закачались на волнах, как на гигантских качелях.

Кондратьев открыл люк и высунулся по пояс. Это опасное дело во время бури, но субмарины Океанской охраны очень устойчивы. К тому же волны не захлестывали субмарину. Они только поднимали ее высоко к белесому небу и сразу бросали в черную водяную пропасть между морщинистыми жидкими скалами. Рядом так же мерно взлетал и падал Моби Дик. У него был и сейчас злоеший и внушительный вид. Он был только чуть-чуть короче субмарины и гораздо шире ее. И мокро блестела живая, раздутая сжатым воздухом шкура. Вот и конец Моби Дику.

Кондратьев вернулся в рубку и захлопнул люк. В горбу Моби Дика остался радиопередатчик. Когда дня через два буря утихнет, Моби Дика запеленгуют и придут за ним. А пока он может спокойно покачаться на волнах. Ему не нужны больше ни невесты, ни нежные новорожденные киты. И хищники его не тронут - ни кальмары, ни акулы, ни касатки, ни морские птицы, - потому что шкура Моби Дика надута не простым чистым воздухом.

<Прощай, Моби Дик, прощай до новой встречи! Хорошо, что ты не белый кашалот. Мне еще долго-долго искать тебя по всем океанам моей Планеты, искать и снова и снова убивать тебя. Над бурной волной и в вечно спокойных глубинах ловить в перекрестие прицела твой жирный загривок.

А сейчас я немного устал, хотя мне очень и очень хорошо. Сейчас я вернусь к себе на базу, поставлю <Голубку> в ангар и, прощаясь, по обычаю поцелую ее в мокрый иллюминатор: <Спасибо, дружок>. И все будет как обычно, только теперь на базе меня ждут>.

Песчаная горячка

- Знаешь, - сказал Боб, - я сейчас бы выпил томатного сока... - он перевернулся на другой бок и с отвращением выплюнул окуроч. - Когда от сигарет болит язык, лучше всего выпить томатного сока.

- Когда у тебя что-нибудь болит, надо пить коньяк, - говоривший был велик ростом и тощ. Звали его Виконт. - Можно водку. Годятся и ликёры. Не возбраняется вино, в котором, как известно, истина. Но лучше всего - спирт...

- Ты забыл пиво. Ты болван, - сказал Боб, - я бы выпил сейчас пива...

В палатке было жарко и темно. На полу валялись спальные мешки, множество окуроч, винтовка, стреляные гильзы и пара сапог. В низкую треугольную дверь палатки виднелись красноватые сумрачные барханы и обложенное тяжёлыми тучами небо. Налетал порывами горячий ветер, шелестел брезентовыми стенами.

- Слушай, Боб, у тебя скрипит песок на зубах?

- Не успеваю отплевываться. А что?

- Мне надоело. Я жую его вторую неделю. Это нервит. Я подожду ещё пару дней, накоплю побольше слюны, пойду к нашему и...

- По дороге ты будешь питаться слюной и гильзами. Ты будешь ужасен в своём гневе, ты будешь рубить колючки, но Багровое Небо сожжёт тебя, и твой высохший труп занесут пески. Ибо такова жизнь. Уходя, не забудь выстрелить себе в лоб - это укоротит твой тернистый путь и сбережёт много драгоценного времени. Я буду рыдать над твоим телом. Клянусь удачей.

Боб сплюнул и потянулся за сигаретой. Сел, чиркнул спичку, закурил, стал разглядывать свои босые ноги. Осторожно потрогал вспухший синий шрам.

- Здешние муравьи кусаются подобно леопардам, - сказал он, - ты должен пожалеть меня, Виконт.

Виконт не ответил. Порыв ветра распахнул полы палатки, дохнул горячим песком. Боб, кряхтя, поднялся, чертыхнулся, задев за столб, и неторопливо вылез из палатки.

- Горячо, дьявол, - донёлся его голос, - Виконт, дружище, ты сгниёшь заживо... выйди подышать чистым воздухом. О, этот воздух! Он прохладен, как дыхание холодильника! Ривьера, Ривьера! Не верите? Нюхните сами...

Виконт, злобно жуя губами и поминутно сплёвывая, слушал, как он бродил вокруг палатки - проверял крепления. Из-за стенки сквозь шелест ветра доносилось:

В стране, где зной, где плеск волны морской,
Жил длинноногий Джо...

...до чего же горячо пяткам! Ай-яй!..

...Виконт, выйди, милый, дело есть...

Потом что-то случилось. Стенки колыхнулись, треснул и накренился столб. Виконт поднялся и сел, прислушиваясь. Голос Боба:

- Эй-ей! Тебе чего?.. Пошёл!.. А-а-а-а!.. Виконт, ко мне!

За стенкой дрались. Боб крикнул и замолчал. Палатка тряслась, доносилось хриплое тяжёлое дыхание.

На ходу загоняя в карабин обойму, путаясь в спальных мешках, Виконт кинулся из палатки.

- Вввв-а-а!.. - несло из-за палатки...

- Эге-гей! Держись, Бобби! - рявкнул Виконт, огибая угол. Там не было никого и ничего. Только разрытый горячий песок...

- Бобби... - тихо сказал Виконт, озираясь, - Бобби, дружище...

Дымящиеся красные барханы, саксаул, раскалённое тяжёлое небо... обвисший брезент палатки... всё. И разрытый горячий песок. Виконт облизал губы.

- Бобби, где ты?

Он выплюнул песок и медленно пошел вокруг палатки. Красные барханы, саксаул, разрытый горячий песок... Всё.

- Если это шутка, Бобби, то очень неудачная. И я воздам тебе...- голос его упал.

Разумеется, это не было шуткой, и Виконт с самого начала прекрасно понимал это. Но ему вдруг почему-то стало смешно, и он рассмеялся:

- Ладно, Боб, захочешь жрать - придёшь.

Виконт решительно обогнул палатку и полез внутрь. Разумеется, первое, что он там увидел, был Боб, вернее его ноги - длинные, сухие, в серо-зелёных парусиновых сапогах, они торчали из-под спальнх мешков. Тогда Виконт рассердился. Он снял с центрального столба знаменитую многохвостую плётку Джаль-Алла-Эд-Муддина из жил древнего зверя Уф и угрожающе взмахнул ею.

- Вылезай, старое дерьмо! - заорал он. - Вылезай, не то восплачешь, аки жида у стен Синайских!

Боб не двигался. Виконт осторожно ударил по мешку. Сапоги не дрогнули.

- Кэ дьябль! - пробормотал Виконт, боясь, что мелькнувшая мысль вернётся снова. - Хватит валять Катта. Вставай.

И вдруг, задрожав от нестерпимого ужаса, отскочил назад: ноги не двигались. Шуршал песок по брезенту палатки. Гулко стучала кровь.

- Это ничего, - громко сказал Виконт.

Он бросил плётку и нагнулся над одеялами. Тонкий, вязкий запах красного цвета ударил ему в нос. Тонкий, пьянящий аромат - единственный в мире аромат - самый вкусный запах во Вселенной, запах свежей крови. Одеяла ещё скрывали его источник, но можно уже было догадаться, что это не Боб. Кровь Боба пахнет не так, Виконт хорошо знал это. Но - сапоги? Серо-зелёные сапоги Боба. Ах, но ведь это очень просто... Виконт сбросил одеяла, усмехнулся:

- Так и есть!

Здрав кверху свалывшуюся бородку и открывая бесстыдно широкую чёрную щель под ключицами, загадив простыни кашей из крови и песка, лежал там смуглый человек в пёстром халате.

- Здравствуй, Бажжах-Туарег, - улыбнулся Виконт.

Бажжах не ответил. Он пристально всматривался в обвисший

брезентовый потолок и сжимал в правом кулаке клочья короткой рыжей шерсти - космы с круглой весёлой головы Боба.

- Неужели Боб отдал тебе свои сапоги... да ещё и вместе с ногами?
- глумливо спросил Виконт.

Мертвец улыбнулся и сел, отряхивая руки. Его лицо заливала краска, светившаяся в темноте...

Палатка вновь затрепетала. Голос Боба тревожно спросил:

- Виконт, ты что?.. Тебе плохо?..

Виконт обернулся: в дверях, согнувшись, стоял Боб чёрным силуэтом на красном фоне песков.

- Я тебя звал, ты не слышал? С кем это ты болтал тут? Да очнись ты, старый сапог!..

Виконт вытер пот со лба, сплюнул, глянул через плечо. В сумраке - покосившийся столб, сваленные в кучу спальные мешки, окурки.

- Плохо дело, Бобби, старина, - он не узнал своего голоса, - здесь был Бажжах. Я видел его лучше, чем тебя сейчас...

- Бажжах-Туарег?! - Боб нырнул в палатку, выпрямился, настороженно озираясь. - Ты не ошибся? Ты не понимаешь, что ты говоришь...

Он осёкся. Виконт опустился на пол, сел, обхватив голову руками.

- Бажжах-Туарег... - прошептал он с отчаянием.- Мы погибли, Боб. Господи, помоги нам! Мы хуже, чем умерли... Бажжах-Туарег!.. Это конец, это конец, Бобби... Мы всё равно, что мертвецы теперь...

Боб кинулся было из палатки, потом вернулся и стал, вцепившись в центральный столб.

- К дьяволу, Вик! - прохрипел.- Я не видел его... Ведь меня не было в палатке, не правда ли? Почему мы? Ведь я-то не видел его?..

Он сел на одеяла и начал быстро обуваться. Руки его дрожали. Виконт быстро повернулся к нему:

- Ты... ты уходишь?..- он судорожно глотнул.

Боб не отвечал. Он торопливо шарил в полутьме, хватал одежду, коробки с сигаретами, патроны - совал в рюкзак. Виконт несколько секунд молча следил за ним, облизывая сухие губы.

- Не оставляй меня одного, Боб... - проговорил он наконец, - позволь мне идти с тобой... Ведь мы старые друзья, не так ли?.. - Он потянулся дрожащей рукой к плечу товарища - похлопать, тот, дико глянув, шатнулся в сторону.

Виконт замолчал и весь наклонился вперёд, стараясь поймать взгляд Боба. Тот затянул ремни, вскинул на плечо карабин и, не глядя на Виконта, шагнул к двери, волоча рюкзак по песку. Вцепившись в одеяло судорожно сжатыми пальцами, Виконт смотрел, как он, наклонившись, вылезает наружу. Красный треугольник двери исчез на мгновение и вновь появился, шаги зашуршали, удаляясь, и вдруг остановились. Виконт, не отрываясь, глядел на дверь. Пот крупными каплями стекал по его худым щекам.

Палатка колыхнулась, тело Боба опять заслонило вид на красные пески.

- Ты знаешь, я не могу взять тебя с собой, - мягко сказал Боб.- Ты не первый и не последний... Вспомни Хао... и Дэрка... и Зисса... Тебе ведь и самому приходилось поступать так же. Теперь твой черёд... Когда-нибудь придёт и мой... Не сердись, Вик, дружище... Прощай.

Они посмотрели друг другу в глаза. Боб отвернулся...

Далёкий протяжный грохот заставил обоих выбежать из палатки. Небо задрожало, пелена туч лопнула, пропуская добела раскалённое громадное тело, окутанное паром и дымом. Оно медленно опускалось на равнину, сотрясаясь от грохота.

- Это они!!! - покрывая дикий рёв, заорал Виконт, хватая Боба за плечи. - Это они!.. Клянусь богом, это они...

Тело коснулось почвы и мгновенно скрылось в тучах песка. Земля дрогнула под ногами, Виконт, покачнувшись, бросился к палатке, таща за собой Боба. Тот не сопротивлялся...

Лохматый чёрно-оранжевый столб упёрся в низкое небо. Раскалённый ураган свалил Боба и Виконта с ног, и они покатались по песку, как пустые папиросные коробки катятся по асфальту летнего города в ветреный день.

- Это ничего! - кашляя и отплёвываясь, кричал Виконт. - Это пустяки... всё пустяки! Милая старая Земля! Ты пришла за нами!

Им удалось остановиться. Боб поднялся первым, протирая глаза и трясая головой. Вихрь, наконец, унялся, и стала видна дрожащая сизая масса в полукилометре от них. Постепенно воздух вокруг неё успокоился. Не спуская глаз с астроплана, друзья медленно, с трудом вытягивая ноги из песчаных наносов, двинулись к нему. Виконт всхлипывал судорожно от возбуждения и радости. У Боба был вид человека, вынутого из петли на секунду раньше, чем этого требовал приговор. Впрочем, карабин он держал под мышкой.

- Хао... Дэрк... Зиес... - бормотал Виконт. - Что мне за дело? Я вернусь и поправлюсь. Не правда ли, Бобби? Ведь я ещё не совсем... И я не виноват, что Бажжах украл у тебя ноги... Но до чего всё это смешно! Понимаешь, открываю я одеяло, а он тут... Такой же, как тогда... когда его убил Джаль-Алла...- он захохотал идиотским смехом и забился от кашля. Боб ничего не сказал. Он только ускорил шаг.

До астроплана оставалось не больше двадцати шагов, когда часть его сизой щербатой поверхности откинулась, открыв квадратный провал люка. Несколько человек в лёгкой нейлоновой одежде выпрыгнули на песок, неуклюже подворачивая ноги.

- Эхой! Боб! Виконт! - крикнул один из них. - Живы? А где остальные?

Боб раскрыл было рот, но Виконт снова залился хохотом.

- Они все вернулись домой... и даже глубже! - заорал он. - Молитесь за них, ребята... за них и старину Бажжаха. А я... вы видите меня, не правда ли? - я жив и здоров... не верите?

- Скорее! - стараясь перекричать сумасшедшего, визжал Боб.- Все в палатку и за дело! Забирайте товар! Грузитесь и сейчас же назад!

Экипаж астроплана окружил их. Кто-то схватил Виконта за руки и заставил замолчать. Командир растерянно сказал:

- У меня совсем другие инструкции, Боб. Я должен остаться здесь до тех пор, пока на базу не вернётся группа Кайна... у них Золотое Руно.

Боб сбросил с плеч вещевой мешок и принялся с нарочитой медлительностью рыться в нем. Все стояли молча, неподвижные, не в силах оторвать взгляды от его дрожащих рук.

- Не держите меня, ребята, я здоров, - сказал Виконт. - Могу взять любой интеграл... или хотите, я расскажу вам, что случилось с Кайном?

Боб поднялся, протягивая командиру толстый свёрток, обернутый в прорезиненную материю.

- Вот всё, что осталось от группы Кайна,- голос его дрогнул.- И это ещё много. Так что торопитесь, ребята. В этих песках и без вас уже достаточно костей.

- Джаль-Алла! - прошептал один из вновь прибывших.

- Джаль-Алла! - сумрачно кивнул Боб.- Торопитесь же...

Командир бережно сунул сверток за пазуху и аккуратно застегнулся.

- Я всё же думаю остаться здесь на более долгий срок, - сказал он.

- Не имеешь права,- хрипло выдохнул Боб.

- У меня есть указания дожидаться Кайна.

- Я говорю тебе, Кайн и его группа...

- Я ничего не слышал и ничего не знаю.

- Но Золотое Руно, которое я передал тебе, - Боб ткнул пальцем в выпуклость под грудью командира. - Если не веришь, убедись, посмотри...

- Ты мне передал? - на лице командира изобразилось глубочайшее изумление. - Ты бредишь, Бобби.

Он повернулся к остальным.

- Передавал он мне что-либо, ребята?

Те молчали, с презрительными усмешками рассматривая Боба. Брови командира сурово насупились.

- Вы двое паршивых сумасшедших... болтаете чёрт знает что, сеете панику в моем экипаже... Я прикажу расстрелять вас обоих по законам Страны Багровых Туч...

- Предатель, - почти беззвучно проговорил Боб.

Командир вынул пистолет.

- За нарушение дисциплины, выразившееся в... э-э... попытке организовать саботаж, оскорбление старшего должностного лица при... э-э... исполнении служебных обязанностей...

Рука с пистолетом поднялась. Боб, облизывая губы, смотрел в чёрный зрачок... Пистолет был пневматический, выстрел не был слышен.

- Теперь в дорогу, ребята,- капитан, морщась, совал пистолет в кобуру. - Пошевеливайтесь, дело сделано...

- А куда девать этого? - спросил тот, что держал Виконта.

- К чёрту! Пусти его. По местам!

Виконт сел на песок рядом с телом Боба. Беззвучно смеясь, хлопал труп по плечу.

- Так-то, Боб... Так-то, дружище...- услышал командир. Он беззвучно скривился, пошёл, увязая в песке к астроплану. Около люка остановился, положил руку на пистолет, оглянулся: Виконт, подпрыгивая, размахивая длинными тощими руками, брёл к завалившейся палатке. Оглянувшись - капитан увидел его перекошенное лицо, широко открытый рот - Виконт пел и слова сквозь ветер доносились до командира, закрывающего люк:

...В бар часто заходил

...наш Джо-о-о...

Люк мягко захлопнулся.

Воздушным смерчем Виконта пронесло мимо палатки, и он ещё несколько секунд лежал, задыхаясь, полусасыпанный песком. Потом привстал и оглянулся. Там, где только что стоял астроплан, тянулся к небу песчаный смерч, ветер гнал его вдаль. Песок вспыхивал, наливался горячей светящейся кровью, как давеча лицо Бажжах-Туарега, и это было очень смешно. Виконт хохотал от души, зарывался в горячий песок и нисколько не удивился, увидев рядом с собой Кайна. Тот тряс его за плечи, хрипел:

- Кто это был? Где Бо? Отвечай, отвечай!..

- Здорово, Кайн! - весело сказал Виконт.- Ты ещё не видел Боба?! Он отправился туда, к вам... Весёлый славный парень, ей-богу!.. Ему даже не дали рассказать, как тебя убил Джаль-Алла... тебя и Бажжаха... и всех,- Виконт разразился рыдающим хохотом.

- Песчаная горячка... - пробормотал Кайн, отодвигаясь. Он был весь чёрный, спалённый пустыней, покрытый вспухшими язвами, иссечённый песком.

- Я-то знал, что вы все живёхоньки,- болтал Виконт,- я сегодня видел Бажжаха... Здоровый, весёлый, светится... А Боб говорит: "Скорее, скорее. В песках и так уже... это... кости... Вот, мол, всё, что осталось от Кайна" Шутник, ей-ей!..

- Что за дьявол, я жив! Он знал это,- Кайн растерянно озирался вокруг.

- Ругаются!.. Боб кричит - Руно! А тот говорит - прикажу расстрелять! Чудаки! Залезли в звездолёт и - дззык!

- Виконт, парень, очнись, - в голосе Кайна дрожали страх и надежда, - где Боб? Может, он в палатке? Или улетел... ведь не может же быть...

- Боб там лежит... Ты разве его ещё не встречал!? Он пошел к вам... к вам... Из пистолета... Золотое Руно, говорит, если не веришь - убедись...

- Золотое Руно?... - прошептал Кайн, медленно поднимаясь с колен. - Какой подлец!..

Виконт видел, как с горизонта поползли красные мокрые облака, опускался мрак. Едва видимый теперь сквозь красную мглу Кайн вдруг рванул на себе рубаху и, увязая в песке, тяжело побежал куда-то в туман. Туман на секунду рассеялся, и Виконт в последний раз увидел: красные барханы, саксаул, горячий песок, тяжёлое багровое небо...

Аркадий СТРУГАЦКИЙ
Борис СТРУГАЦКИЙ

СПОНТАННЫЙ РЕФЛЕКС

Урму стало скучно.

Собственно, скука, как реакция на однообразие и монотонность обстановки, или внутренняя неудовлетворенность самим собой, потеря интереса к жизни, свойственна только человеку и некоторым животным. Для того чтобы скучать, нужно, так сказать, иметь то, чем скучать, - тонко и совершенно организованную нервную систему. Нужно уметь мыслить или, по крайней мере, страдать. У Урма не было нервной системы в обычном смысле слова, и он не умел мыслить. Тем более он не умел страдать. Он только воспринимал, запоминал и действовал. И тем не менее ему стало скучно.

Все дело было в том, что вокруг него, после ухода Хозяина, не осталось ничего нового, что можно было бы запомнить. Между тем накопление новых впечатлений было основным стимулом, направляющим деятельность Урма и побуждающим его к деятельности. Его обуревало ненасытное любопытство, ненасытная жажда воспринять и запомнить как можно больше. Если неизвестных фактов и явлений не было, их следовало найти.

Но обстановка вокруг Урма была знакома ему до последней черточки, до последнего оттенка. Это обширное квадратное помещение с серыми шероховатыми стенами, низким потолком и железной дверью он помнил с первого момента своего существования. Здесь всегда пахло нагретым металлом и изоляционным маслом. Откуда-то сверху доносился невнятный низкий гул - люди не могли слышать его без специальных приборов, но Урм слышал отлично. Лампы дневного света под потолком были погашены, и тем не менее Урм отлично видел комнату в инфрасвете и в импульсах локаторов.

Итак, Урму стало скучно, и он решил отправиться на поиски новых впечатлений. После ухода Хозяина прошло полчаса. Опыт подсказывал Урму, что теперь Хозяин вернется не скоро. Это было очень важно, потому что однажды Урм предпринял небольшую прогулку по комнате без приказа, и Хозяин, заставший его за этим занятием, сделал так, что Урм не в состоянии был пошевелить даже рогом локатора. Теперь, по-видимому, этого можно было не опасаться.

Урм качнулся и тяжело шагнул вперед. Цементный пол загудел под его толстыми каучуковыми подошвами, и Урм на мгновение остановился, чтобы послушать, и даже нагнулся. Но в гамме звуков, излучаемых вибрирующим цементом, не было ни одного незнакомого, и Урм снова устремился к противоположной стене. Он подошел к ней вплотную и понюхал. Стена пахла мокрым бетоном и ржавым железом. Ничего нового. Тогда Урм повернулся, царапнув стену острым стальным локтем, пересек комнату по диагонали и остановился перед дверью. Открыть дверь было не так просто, и Урм не сразу сообразил, как это сделать. Потом, вытянув зубчатую клешню левой руки, ловко ухватился за рычажок замка и повернул его. Дверь отворилась со слабым протяжным скрипом. Это было занятно, и Урм провел несколько минут, открывая и закрывая дверь, то быстро, то медленно, прислушиваясь и запоминая. Затем он переступил через высокий порог и оказался перед лестницей. Лестница была узкая, с каменными ступеньками и довольно высокая. Урм мгновенно насчитал восемнадцать ступенек до первой площадки, где горел свет. Затем он неторопливо двинулся вверх. От площадки вела еще одна лестница, деревянная, с десятью ступеньками, справа открывался широкий коридор. Поколебавшись, Урм свернул направо. Он не знал почему. Коридор был не более любопытен, чем лестница. Но возможно, Урму не очень понравились деревянные ступени.

Из коридора тянуло теплом, он был ярко освещен инфрасветом. Инфрасвет излучался рубчатыми цилиндрами, подвешенными невысоко над полом. Урм никогда прежде не видел батарей парового отопления, и рубчатые цилиндры

заинтересовали его. Он нагнулся и подцепил один из них обеими клешнями. Раздался короткий треск и скрежет металла, густое облако горячего пара поднялось к потолку. Под ноги Урма хлынула струя кипящей воды. Урм поднял цилиндр к голове, внимательно осмотрел его, обследовал рваные края трубки. Затем цилиндр был отброшен в сторону, и подошвы Урма захлюпали по лужам. Урм дошел до конца коридора. Там над низкой дверью вспыхнула красная надпись. "Осторожно! Без спецкостюма не входить!" - прочел Урм. Он знал слово "осторожно", но знал также и то, что слово это всегда относится к людям. К нему, Урму, это слово относиться не могло. Он вытянул руку и толкнул дверь.

Да, здесь было много интересного и нового. Он стоял у входа в обширный зал, заполненный металлическими, каменными и пластмассовыми предметами. Посредине зала возвышалось на метр круглое бетонное сооружение, похожее на плоскую тумбу, накрытое железным или свинцовым щитом. Многочисленные кабели разбегались от него к стенам, вдоль которых тянулись мраморные щиты с блестящими приборами и рукоятками рубильников. Вокруг бетонной тумбы была изгородь из медной проволоки, с потолка свисали коленчатые блестящие палки. Палки оканчивались щипцами и клешнями, такими же, как на руках у Урма.

Урм, неслышно ступая по кафельному полу, приблизился к медной сетке и обошел ее вокруг. Затем постоял и обошел еще раз. Прохода в сетке не оказалось. Тогда Урм поднял ногу и без усилия прошел сквозь сетку. Рваные клочья медной паутины повисли у него на плечах. Но, не доходя двух шагов до бетонной тумбы, он остановился как вкопанный. Его круглая, как школьный глобус, голова настороженно поворачивалась вправо и влево, оттопырились и шевелились эбонитовые раковины акустических рецепторов, вздрагивали рога локаторов. Свинцовая крышка на тумбе излучала инфракрасный свет, заметный даже в этом нагретом помещении. Но кроме того, от нее исходило какое-то ультра-излучение. Урм хорошо видел в рентгеновских и гамма - лучах, и ему показалось, что крышка прозрачна и под ней открывается узкий бездонный колодец, наполненный светящейся пылью. В недрах памяти Урма всплыл приказ: немедленно уходить отсюда. Урм не знал, когда и кем был отдан этот приказ. Вероятно, Урм так и появился на свет, уже зная его, как он знал многое другое. Но Урм не подчинился приказу. Любопытство оказалось сильнее. Он нагнулся над тумбой, протянул клешни и с некоторым усилием поднял крышку.

Поток гамма-света ослепил его. На мраморных щитах тревожно замигали красные огни, завывала сирена. На мгновение сквозь прозрачные силуэты своих рук он увидел внутренность бетонной ямы, затем бросил крышку, провозгласив низким хриплым голосом:

- Опасность! Гефар! Дэйджэр! Вэйсянь! Абунай!

По залу прокатилось и замерло гулкое эхо. Урм повернул верхнюю часть тела на сто восемьдесят градусов и поспешно направился к выходу. Шок, вызванный потоком радиоактивных частиц в контрольных счетчиках, гнал его прочь от бетонной тумбы. Разумеется, ни самое жесткое излучение, ни мощные потоки частиц не могли бы причинить Урму ни малейшего вреда; даже пребывание в активной зоне реактора не грозило бы ему тяжелыми последствиями. Но, создавая Урма, хозяева, вложили в него стремление держаться как можно дальше от источников излучений большой интенсивности. Урм вышел в коридор, тщательно прикрыл за собой дверь и, перешагнув через ребристый цилиндр парового отопления, снова оказался на лестничной площадке. Там он сразу увидел Человека, торопливо спускавшегося по деревянной лестнице.

Человек этот был гораздо меньше ростом, чем Хозяин. На нем была просторная светлая одежда, волосы его были непривычно длинные, золотистого цвета. Таких людей Урм еще никогда не видел. Он потянул в себя воздух и ощутил знакомый запах белой сирени. Иногда точно так же, но гораздо слабее пахло от Хозяина.

На площадке царил полумрак, лестница позади девушки была ярко освещена, и девушка не сразу разглядела громоздкие очертания огромной фигуры Урма. Впрочем, услышав его шаги, она остановилась и сердито окликнула:

- Кто там? Это ты, Ивашев?

- Здравствуйте, как поживаете? - сипло сказал Урм.

Девушка взвизгнула. Из полутьмы на нее надвигалась блестящая голова с выпуклыми стеклянными глазами, непомерно широкие бронированные плечи,

толстые коленчатые руки. Урм ступил на нижнюю ступеньку деревянной лестницы, и девушка завизжала снова.

Еще ни разу не случилось, чтобы Человек не откликнулся на его приветствие. Но этот странный высокий звук, резкий, пронзительный и, несомненно, нечленораздельный, не подходил под стандарты ответов, известных Урму. Заинтересованный Урм решительно двинулся вслед за пятившейся девушкой. Деревянные ступеньки ныли и трещали под его ногами.

- Назад! - крикнула девушка.

Урм остановился и наклонил голову, прислушиваясь.

- Назад, ты, урод!

Команда "назад" была известна Урму. По этой команде надо было повернуть верхнюю часть тела кругом и сделать несколько шагов в обратном направлении до команды "стоп". Но обычно приказы исходили от Хозяина, и кроме того, Урму хотелось исследовать. Он снова стал подниматься, пока не очутился перед входом в небольшую светлую комнату.

- Назад! Назад! Назад! - кричала девушка.

Урм больше не останавливался, хотя шел медленнее, чем мог бы. Его заинтересовала комната - два письменных стола, стулья, чертежная доска, шкаф с книгами и толстыми папками. И пока он выдвигал ящики, распуская завязки на папках и читал вслух надписи, четко выведенные черной тушью на краях чертежа, девушка выскользнула в соседнее помещение, укрылась за диваном и схватила телефонную трубку. Урм видел это, так как он имел оптический рецептор на затылке, но маленький длинноволосый человек больше не интересовал его. Ступая по разбросанным по полу бумагам, он направился дальше. За его спиной девушка кричала в телефон:

- Николай Петрович? Николай Петрович, это я - Галя! Николай Петрович, к нам ворвался Урм. Ваш Урм! Урм! Ульяна - Роберт - Мама... Вы слышали сирену? Да! Не знаю... Я встретила его, когда он выходил из зала большого реактора... Да, да, он был в реакторной... Что? По-видимому, нет. На центральном пункте уже знают...

Урм не стал слушать. Он вышел в фойе и там остановился как вкопанный, усиленно двигая черными рогами локаторов. На противоположной стене висело что-то большое, блестящее и холодное. Оно казалось серым непроницаемым квадратом в инфрасвете и сверкало и серебрилось в обыкновенных лучах, но не это смутило Урма. В странном квадрате стояло черное чудовище с шевелящимися рогами на голове, круглой, как школьный глобус, и Урм не мог понять, где оно. Визуальный дальномер мгновенно сообщил ему, что до незнакомого предмета двенадцать метров восемь сантиметров, но локатор опроверг это сообщение. "Никакого предмета нет. Есть гладкая, почти вертикальная поверхность на расстоянии... шесть метров четыре сантиметра". Урму до сих пор никогда не приходилось видеть ничего подобного, и никогда еще локатор и зрительные рецепторы не давали ему столь противоречивых показаний. В его организме с самого начала была заложена потребность делать ясным и понятным все, с чем приходится соприкасаться, и он решительно пошел вперед, мимоходом отмечая и запоминая выяснившуюся закономерность: "Расстояние по зрительному дальномеру равно расстоянию по локатору, умноженному на два"... Он вошел в зеркало. Стекло разлетелось звенящим дождем осколков, и Урм, упершись в стену, остановился. Очевидно, делать здесь было больше нечего. Урм поцарапал штукатурку, понюхал, повернулся и, не обращая внимания на белого, как бумага, дежурного милиционера, повисшего на сигнале тревоги, хрустя по битому стеклу, шагнул к выходной двери. Снег и метель обступили его.

Когда Николай Петрович бросил трубку, Пискунов уже был в передней и торопливо натягивал шубу.

- Ты куда?

- Туда, разумеется...

- Погоди, надо решить, что делать. Если эта махина начнет резвиться по всей электростанции...

- Хорошо, если только по электростанции, - прервал его Рябкин. - А лаборатории? А склады? А если он заглянет сюда, в городок?

Николай Петрович напряженно думал. Пискунов нетерпеливо переминался с ноги на ногу, держась за ручку двери.

- Надо бежать туда всем вместе, - робко предложил Костенко. - Найди его и... ну, и схватить!

Пискунов только поморщился, а Рябкин, рывшийся на вешалке в поисках

своей дохи, сердито крикнул:

- Хорошенькое дело - схватить! За что прикажете? За штаны? Полтонны весу, живая сила удара кулака - триста кило... Чушь какая! Ты, Костенко, человек новый у нас, так уж помалкивай...

- Вот что, - сказал Королев. - Сделаем так. Я сейчас позвоню в общежитие, подниму практикантов. Ты, Рябкин, беги в автопарк... Ах, черт, ведь все, наверное, в клубе... Все равно беги, найди хотя бы трех шоферов. Нужно вывести тракторы-бульдозеры... Так, Пискунов?

- Да, да, и поскорее. Только...

- Ты, Пискунов, ступай к институту. Разведай, где Урм, и немедленно звони в автопарк. Костенко, отправляйся с ним. Ясно? Дьявол, только бы он не выбрался за ворота!

Толкаясь и наступая друг другу на ноги, они выскочили на крыльцо. Рябкин, поскользнувшись, боднул головой в спину Костенко, и тот с размаху упал на четвереньки.

- Черт! Вот черт!

- Что, очки?

- Нет, все в порядке...

Свирепый ветер гнал тучи сухого снега над землей, жалобно выл в проводах, густо гудел в железном кружеве высоковольтных столбов. Из окон коттеджа на сугробы падали мутные желтые прямоугольники света, все остальное было погружено в непроглядную тьму.

- Ну, я пошел, - сказал Рябкин. - Осторожнее там, друзья, не подставляйте зря головы.

Он снова споткнулся и с минуту барахтался в сугробе, ругательски ругая проклятую пургу, свинячьего Урма и вообще всех, причастных к происшествию. Затем его светлая доха мелькнула у калитки и скрылась в вихрях крутящегося снега.

Пискунов и Костенко остались одни.

Костенко зябко поежился.

- Не понимаю, - проговорил он. - При чем здесь тракторы?

- А что бы вы предложили? - осведомился Пискунов.

- Нет, я просто не понимаю... Вы хотите разрушить Урма?

Пискунов коротко вздохнул.

- Урм - это уникальная машина, творческий отчет Института экспериментальной кибернетики за последние несколько лет работы. Понимаете? Как же я могу желать его гибели?

Он подобрал полы дохи и полез через сугроб Смущенный и оробевший Костенко последовал за ним. Впереди лежало заснеженное поле, за ним - шоссе. Но ту сторону шоссе была электростанция.

Чтобы сократить путь, Пискунов свернул с шоссе и двинулся по пустырю, на котором еще с осени был заложен котлован для нового здания. Костенко слышал, как Пискунов бормочет что-то, спотыкаясь о кучи обледенелого кирпича и прутья арматуры. Идти было трудно. За пеленой пурги еле видна была редкая цепочка огоньков института.

- Погодите... - проговорил наконец Костенко. - Ей богу... Тяжело очень. Отдохнем немного.

Пискунов присел рядом с ним на корточки. Что же все-таки произошло? Он знал Урма, как никто в институте. Через его руки прошел каждый винтик, каждый электрод, каждая линза этого великолепного механизма. Он полагал, что может рассчитать и предсказать каждое его движение в любых обстоятельствах. И вот пожалуйста. Урм "самовольно" вышел из своего подвала и гуляет по электростанции. Почему?

Поведение Урма определяется его "мозгом", необычайно сложным и тонким аппаратом из германиево-платиновой пены и феррита. Если у обычной цифровой машины десятки тысяч триггеров - элементарных органов, получающих, хранящих и отдающих сигналы, то в "мозгу" Урма задействовано уже около восемнадцати миллионов логических ячеек. На них запрограммированы реакции на множество положений, на различные варианты изменения обстоятельств, предусмотрено выполнение огромного числа разнообразных операций. Что могло повлиять на "мозг", на программу? Излучение атомного двигателя? Нет, двигатель окружен мощной защитой из циркония, гадолиния и бористой стали. Практически через эту защиту не может прорваться ни один нейтрон, ни один гамма-квант. Тогда рецепторы? Нет, рецепторы еще сегодня вечером были в идеальном порядке. Значит, все дело в самом "мозге". Программа. Сложная

новая программа. Пискунов сам руководил программированием и...
Программирование... Так вот в чем дело!

Пискунов медленно поднялся.

- Спонтанный рефлекс! - сказал он. - Ну, конечно, это спонтанный рефлекс! Идиот!

Костенко испуганно взглянул на него.

- Не понял...

- А я понял. Разумеется... Но кто бы мог подумать? Все шло так хорошо...

- Глядите! - крикнул вдруг Костенко.

Он ахнул и вскочил на ноги. Серо-черное небо над институтом озарилось дрожащей голубой вспышкой, и на фоне этого зарева, удивительно четкие и в то же время какие-то нереальные, возникли из вихря пурги силуэты черных зданий. Редкая цепочка огней, отмечавшая ограду института, мигнула и погасла.

- Это трансформатор! - хрипло сказал Пискунов. - Подстанция как раз напротив реакторной башни! Там Урм... И охрана...

- Бежим! - предложил Костенко.

Они побежали. Это было не так просто. Встречный ветер валил с ног, они проваливались в рытвины, занесенные сухим снегом, падали, поднимались и падали снова.

- Скорей, скорей! - торопил Пискунов.

Слезы - от ветра и от волнения - заливали его лицо, стыли на ресницах мутными льдинками, мешали смотреть. Он схватил Костенко за руку и тащил за собой, продолжая хрипло бормотать.

- Скорей! Скорей!

По-видимому, вспышку над институтом заметили в городке. На окраине тревожно завывала сирена, осветились окна коттеджей, в которых располагалась охрана, по полю пробежал слепящий луч прожектора. Он выхватывал из мглы снежные барханы, решетчатые стойки столбов высокого напряжения, скользнул по каменной стене, окружавшей институт, и, наконец, уперся в ворота. У ворот торопливо двигались маленькие черные фигурки.

- Кто это... там? - задыхаясь, спросил Костенко.

- Охрана. Милиция, наверное... - Пискунов остановился, протер глаза, голос его прерывался. - Ворота... заперли. Молодцы! Значит... Урм еще там.

По-видимому, тревога началась. Теперь уже не один, а три прожекторных луча шарили вдоль стены института. Было видно, как снежные смерчи танцуют в голубом свете. Сквозь шум и вой ветра доносились крики, кто-то сердито ругался. Наконец взревели моторы, послышался лязг гусениц. Гигантские тракторы-бульдозеры выходили из автопарка.

- Смотрите, Костенко, - проговорил Пискунов. - Смотрите внимательно. Мы присутствуем при самой необыкновенной облаве в истории человечества. Смотрите внимательно, Костенко!

Костенко искоса взглянул на Пискунова. Ему показалось, что по лицу инженера текут слезы. Впрочем, это могли быть слезы от ветра. Между тем лязг гусениц слышался уже не за спиной, а правее. Тракторы вышли на шоссе. Можно было уже различить дрожащие огоньки фар. Огоньков было пять.

- Пять против одного, - прошептал Пискунов. - У него нет никаких шансов. Спонтанная дуга здесь не поможет.

И вдруг что-то изменилось вокруг. Костенко даже не сразу понял, что именно. По-прежнему выла пурга, по-прежнему метались над землей тучи сухого снега, по-прежнему грозно и уверенно ревели моторы тракторов. Но лучи прожекторов уже не скользили по полю. Они неподвижно уперлись в ворота. А ворота были открыты настежь, и возле них никого не было.

- Что за дьявол? - сказал Костенко.

- Неужели он...

Пискунов не закончил, и они, не сговариваясь, побежали к институту. До ворот оставалось не больше двухсот метров, когда Пискунов, бежавший впереди, налетел на человека с винтовкой. Человек заорал в ужасе и шарахнулся было в сторону, но Пискунов ухватил его за плечи и остановил.

- В чем дело?

Человек ошалело вертел головой в милицейской шапке, выругался и, наконец, пришел в себя.

- Вырвался, - сказал он. - Вырвался. Опрокинул ворота и ушел. Чуть Макеева не потоптал. Я в городок за подмогой...

- Куда он пошел?

Милиционер неуверенно махнул рукой влево.

- Туда, кажется... На шоссе...

- Значит, сейчас на тракторы нарвется. Пойдем.

То, что произошло в следующий момент, запомнилось им на всю жизнь. Из крутящейся снежной мглы на них внезапно надвинулось нечто огромное, бесформенное, прямо в глаза им мигнули красные и зеленые огни, и резкий, лишенный интонаций голос произнес:

- Здравствуйте, как поживаете?

- Урм, стой! - закричал отчаянно Пискунов.

Костенко увидел, как побежал милиционер, как поднял руки и потряс кулаками Пискунов, затем исполинская фигура, окутанная паром, злое чучело, двинулась мимо него, высоко поднимая толстые, как бревна, ноги, и растаяла в пурге.

Старательно прикрыв за собой дверь, как он делал всегда, если дверь не была сломана, Урм шагнул и остановился. Все вокруг было полно звуков, движения, излучений. Ночь светилась феерическим пестрым калейдоскопом радиоволн. Впереди в тринадцати с половиной метрах было приземистое здание с широкими окнами, забранными в железные решетки. Стены его излучали яркий инфрасвет. Из здания доносилось низкое мощное гудение. В воздухе кружились миллионы снежинок. Оседая на граненых боках Урма, разогретых жаром атомного двигателя, они мгновенно таяли и испарялись.

Урм повертел головой и решил, что наиболее интересным и близким объектом исследования может быть только приземистое здание напротив. Вход он нашел сразу, заметив тропинку на подветренной стороне. Здание было обсажено низкими елками, и он немного задержался, сломав и осмотрев одну из них. Затем он открыл дверь и вошел.

Два человека, сидевшие у стола в тесной узкой комнатухе, вскочили при его появлении и с ужасом уставились на него. Он закрыл за собой дверь (и даже задвинул засов) и остановился перед ними.

- Как поживаете? - сказал он.

- Товарищ Пискунов? - растерянно спросил один из людей.

- Товарищ Пискунов вышел. Что ему передать? - равнодушно осведомился Урм.

Люди его не интересовали. Внимание его привлекло небольшое мохнатое существо, прижавшееся к стене в углу. "Теплое, живое, сильно пахнет, не Человек", - определил Урм и сказал:

- Здравствуйте, как поживаете?

- Р-р-р... - ответило с мужеством отчаяния существо оскалив белые острые зубы, и еще плотнее вжалось в угол.

Урм был поглощен собакой и совершенно безучастно отнесся к тому, что милиционеры ловко забаррикадировались столом и шкафом и стали торопливо растегивать кобуры.

Жалобно визжа и поджав хвост, собачонка шмыгнула - мимо Урма. Но Урм был гораздо проворней собаки. Он был проворней любого, самого проворного животного на свете. Туловище его молниеносно и бесшумно сделало поворот, и длинная, вытянувшаяся, словно подзорная труба, рука схватила собачонку поперек туловища. В то же мгновение раздался выстрел: нервы одного из милиционеров не выдержали. Пуля звонко щелкнула о панцирь, прикрывающий спину Урма, и рикошетом влипла в стену. Посыпалась штукатурка.

- Сидоренко, отставить! - крикнул другой милиционер.

Урм выпустил дрожащую собачонку и уставился на людей, бледных, но очень решительных, державших оружие на изготовку. Он с любопытством понюхал. В воздухе расплывался незнакомый запах бездымного пороха. Собачонка забила под ноги милиционеров, но Урм уже утратил интерес к ней. Он повернулся и двинулся к следующей двери, на которой красовалось изображение черепа и скрещенных костей, пронзенных красной молнией. Милиционеры, оторопев от изумления, смотрели, как его клешневидные пальцы нащупывают рубчатый барабан замка. Дверь отворилась. Тогда оба они, опомнившись, бросились за ним:

- Стой! Назад! Нельзя!

Они цеплялись за его бронированные бока, забыв обо всем на свете, в ужасе от одной мысли о том, что может натворить в трансформаторе это железное чудовище. Но Урм просто не замечал их. Их усилия не производили

на него никакого впечатления. С таким же успехом они могли пытаться остановить на ходу трактор. Тогда один из них, оттолкнув товарища в сторону, в упор, снизу вверх выпустил в голову Урма всю обойму. Залитый светом зал подстанции огласился грохотом выстрелов.

Урм пошатнулся. Вдребезги разлетелась эбонитовая раковина правого акустического рецептора. Сорвался и повис, болтаясь на проволоке, изогнутый рог локатора. Зазвенело разбитое стекло в потолке.

Урм никогда еще не подвергался нападению. У него не было инстинкта самосохранения и не было опыта борьбы против человека. Но Урм мог сопоставлять факты, делать логические выводы и избирать линию поведения, максимально обеспечивающую ему безопасность. На все эти мыслительные операции у него ушли доли секунды. В следующий миг он повернулся кругом и пошел на людей, угрожающе выставив страшные клешни.

Милицionesеры разделились. Один отбежал за распределительный щит, другой прыгнул за массивный стальной кожух ближайшего трансформатора, торопливо перезаряжая пистолет.

- Сидоренко! Беги в дежурку, звони, объявляй тревогу! - крикнул он.

Но Сидоренко никак не удавалось добежать до двери. Урм передвигался гораздо быстрее, чем человек, и стоило милиционеру высунуться из-за распределительного щита, как Урм в два шага оказывался перед ним. Тогда люди решили выбежать одновременно. Это не удалось: Урм носился от щита к трансформатору со скоростью курьерского поезда.

Распределительный щит треснул поперек от неловкого толчка Урма, через пулевые отверстия в окнах и стеклянном потолке свистел ветер.

Наконец Урму надоела эта игра, и он решил оставить людей в покое. Он вдруг остановился перед трансформатором и решительно запустил руки под кожух. Милиционеру воспользовались этим и стремглав бросились в дежурку. В то же мгновение раздался оглушительный треск, все вокруг озарилось ослепительной голубой вспышкой, и свет погас. Острый запах горелого металла, дыма, горячего лака хлынул из зала. Оглушенные, подавленные милиционеру не сразу сообразили, что произошло. А затем дежурка затряслась от тяжелых шагов, и резкий голос произнес в темноте:

- Здравствуйте, как поживаете?

Щелкнула задвижка. Со скрипом отворилась дверь, в мутном прямоугольнике на секунду обозначились грузные очертания железного чудища, и дверь снова закрылась.

Урм шел по территории института, увязая в снегу и высоко поднимая ноги. Институт был погружен во мрак, и в этом мраке мало помогало даже инфракрасное зрение Урма. Он различал только слабое сияние вокруг собственного живота и ног, на которых таяли и испарялись снежинки. Несколько слабо фосфоресцирующих силуэтов людей промелькнуло между зданиями. Урм не обратил на них внимания. Он шел, ориентируясь по показаниям локатора, хотя один рог локатора был сбит пулей и правильно определять расстояния было теперь невозможно.

Урма заинтересовали далекие огоньки городка, едва мерцавшие сквозь пургу. Затем там вспыхнули яркие голубые лучи прожекторов. Он дошел до стены, поколебался и повернул налево. Он хорошо знал, что в стенах всегда бывают двери. И вскоре оказался у ворот. Ворота были большие, железные. Важнее всего, однако, было то, что они оказались заперты. За воротами слышались встревоженные голоса людей, через щель пробивался яркий голубой свет. - Здравствуйте, - сказал Урм и навалился на ворота. Ворота не поддавались. Они были заперты крепко. Где-то далеко послышался лязг металла. Там, за воротами, происходило что-то очень интересное. Урм нажал сильнее, затем отошел, запрокинул голову и с разбегу ударил в ворота бронированной грудью. Голоса за воротами смолкли, потом кто-то крикнул неуверенно:

- Назад! Эй, гляди, не стреляй в этого дьявола!

- Здравствуйте, как поживаете? - сказал Урм, разбежался и ударил снова. Ворота рухнули. Засов оказался сильнее шарниров, заделанных в бетонную стену, и ворота легли на снег плашмя, как настил. Урм прошел по ним мимо разбежавшихся милиционеру и окунулся в пургу, бушевавшую в открытом поле.

Он шагал, едва успевая восстанавливать равновесие на разрытой земле, покрытой зыбким морем сухого снега. Раз под его ногой разверзлась пустота, и он упал. Снег зашипел под ним. Он никогда раньше не падал, но уже в

следующий момент уперся руками в землю, вытянул их на всю длину и поджал под себя ноги.

Поднявшись, он постоял оглядываясь. Впереди мерцали огни коттеджей. Слева, совсем рядом, маячили три человеческие фигуры, дальше - рычали машины, цепочкой двигавшиеся к воротам. Урм повернул налево. Проходя мимо людей, он поздоровался с ними и тут же узнал в одном из них Хозяина. Хозяин мог лишить его возможности двигаться. Урм отлично помнил это и пошел быстрее. Хозяин скрылся позади в вихрях крутящегося снега.

Он вышел на плоское укатанное место. Яркий свет озарил его с головы до ног. Громоздкие металлические чудовища, неся перед собой тяжелые щиты, надвинулись на него и остановились, сердито отфыркиваясь.

Урм стоял в пяти шагах от переднего бульдозера, медленно поворачивал свою круглую голову направо и налево и повторял:

- Здравствуйте, как поживаете?

Николай Петрович Королев соскочил с трактора. Водитель испуганно крикнул:

- Куда вы, товарищ инженер?

И в этот момент на шоссе появился Пискунов. Взъерошенный, с вздыбившимися волосами (шапка осталась где-то на пустыре), глубоко засунув руки в карманы распахнутой дохи, он обошел бульдозер и остановился перед Урмом. Их разделяло не больше пяти шагов. Урм громоздился над инженером, словно башня, его граненые бока блестели в свете фар, окутанный паром живот лоснился от влаги, круглая голова с большими стеклянными глазами, растопыренными ушами рецепторов и рогом локатора была похожа на страшную и смешную маску из тыквы, какими в деревнях парни пугают девочек. Голова равномерно покачивалась, глаза следили за каждым движением Пискунова.

- Урм, - громко сказал Пискунов.

Голова застыла неподвижно, суставчатые руки прильнули к туловищу.

- Урм, слушай мою команду!

Урм ответил:

- Я готов.

Кто-то нервно рассмеялся. Пискунов шагнул вперед и положил руку в перчатке на грудь Урма. Его пальцы торопливо поползли по броне, нащупывая главное - замыкатель, соединяющий счетно-анализаторскую часть мозга Урма с системой силы и движения. И тут случилось неожиданное - неожиданное для всех, кроме Пискунова, боявшегося этого больше всего. По-видимому, в памяти Урма сохранились ассоциации, связывающие этот жест Хозяина с внезапно возникающей неспособностью двигаться. Едва пальцы Пискунова коснулись ключа, как Урм резко повернулся. Бронированная рука стремительно прошла над головой успевшего пригнуться Пискунова, и Урм, не торопясь, двинулся обратно по шоссе. Николай Петрович первым пришел в себя.

- Эй, ребята! - крикнул он. - Заводите бульдозеры справа и слева!

Отрежьте ему дорогу к воротам... Пискунов! Эй, Пискунов!

Но Пискунов не слушал. Пока бульдозеры расползались по обе стороны от шоссе, ныряя в снежных тучах, он побежал за Урмом.

- Стой, Урм! - кричал он высоким, срывающимся голосом. - Стой, скотина! Назад! Назад!

Он задохнулся. Урм шел все быстрее, и расстояние между ними постепенно увеличивалось. Наконец Пискунов остановился, сунул руки в карманы и, втянув голову в плечи, стал смотреть ему вслед. Николай Петрович и Рябкин подбежали к нему. Последним подошел Костенко.

- Ну куда тебя понесло? - сердито сказал Королев. Пискунов не ответил.

- Он не повинуется, - проговорил он. - Понимаешь, Коля? Не повинуется. Ясно, это спонтанный рефлекс.

Николай Петрович кивнул.

- Я тоже догадался.

- Еще бы! - воскликнул Рябкин. - С таким же успехом вы могли бы предоставить железнодорожным составам самим выбирать время и путь следования...

- Что это такое - спонтанный рефлекс? - робко спросил Костенко. Ему не ответили.

- И все-таки, несмотря ни на что, это замечательно. - Николай Петрович высморкался, сунул платок за пазуху. - Он не повинуется! Надо же...

- Идем! - решительно сказал Пискунов.

Тем временем бульдозеры развернулись в полукольцо и стали стягиваться вокруг Урма, неторопливо шлепавшего по шоссе. Один из бульдозеров выполз на шоссе впереди него, кормой к воротам, другой нагонял его сзади, остальные три приближались с боков - два слева, один справа. Конечно, Урм давно заметил, что его окружают, но, вероятно, не придавал этому значения. Он продолжал двигаться по шоссе, пока не уперся грудью в бульдозер. Он надавил, трактор чуть качнулся, водитель с напряженным лицом схватился за рычаги. Урм отошел и ударил с разбегу. Железо лязгнуло о железо, и было видно, как снежную мглу под прямым лучом фары прорезали яркие искры.

В то же мгновение щит заднего бульдозера уперся в спину Урма. Урм застыл неподвижно, только голова его медленно поворачивалась вокруг оси, точно школьный глобус. Справа и слева подошли еще два бульдозера и плотно закрыли последние пути к отступлению. Урм оказался в плену.

- Товарищи инженеры! Товарищ Пискунов! Что дальше делать? - закричал водитель первой машины.

- Товарищ Пискунов вышел. Что ему передать? - сказал Урм.

Он размахнулся и ударил по щиту. Затем еще и еще. Он бил равномерно, словно боксер на тренировке, слегка отклоняясь при каждом ударе, и из-под его палицеобразных рук с лязгом сыпались снопы искр. Пискунов в сопровождении Николая Петровича, Рябкина и Костенко поспешил к нему.

- Надо скорее что-то предпринять, иначе он покалечит себя, - встревоженно сказал Рябкин.

Пискунов молча полез на гусеницу трактора, но Рябкин схватил его и стянул обратно.

- В чем дело? - раздраженно спросил Пискунов.

Рябкин сказал:

- Ты - единственный человек, который знает Урма до тонкостей. Если он тебе вмажет... это дело может затянуться на несколько месяцев. Должен идти кто-то другой.

- Правильно, - поспешно сказал Николай Петрович. - Я пойду.

Один из рабочих, обступивших инженеров, вмешался:

- Может, кого из нас выберете? Мы помоложе, ловчее...

- Я, - хмуро сказал Костенко.

- Это не пойдет, - сказал Николай Петрович. - Пискунова не пускайте.

Он сбросил шубу и полез на трактор. Тогда Пискунов рванулся из объятий Рябкина.

- Пустите, Рябкин.

Рябкин не ответил. Костенко подошел с другой стороны и крепко взял Пискунова за плечи.

А Урм бушевал. Нижняя часть его тела была плотно зажата бульдозерами, но верхняя двигалась свободно, и он молниеносно поворачивался из стороны в сторону, наотмашь колотя стальными кулаками по железным щитам. Ключья пара крутились над ним, в снеговой мгле. "Живая сила удара кулака - триста кило", - вспомнил Костенко.

Николай Петрович, стиснув зубы, сидел на корточках между бульдозерами в ногах Урма и ждал подходящего момента. От лязга и грохота болели уши. Он знал, что Урм заметил его - стеклянные глаза, то и дело настороженно мерцая, обращались к нему.

- Тише, тише, - одними губами шептал Николай Петрович. - Урм, голубчик, тише! Да тише же ты, подлец!

Какой-то новый звук возник при ударах, что-то треснуло - не то стальная рука Урма, не то щит бульдозера. Медлить больше было нельзя. Николай Петрович нырнул под кулак Урма и прижался к его боку. И тут Урм снова поразил всех. Руки его упали. Грохот прекратился, снова стало слышно, как воет пурга над полем и фыркают моторы тракторов. Николай Петрович, бледный и потный, выпрямился и протянул руки к груди Урма. Раздался сухой щелчок. Зеленые и красные огоньки на плечах Урма погасли.

- Все, - просипел Пискунов и закрыл глаза.

Люди сразу заговорили преувеличенно громко, послышались смех и шутки. Водители помогли Николаю Петровичу выбраться из-под Урма и под руки свели его на землю. Пискунов обнял его и поцеловал.

- А теперь, - сказал он отрывисто, - в институт будем работать.

Понадобится - неделю, месяц... Надо выбить из него эту дурь и сделать его все-таки Урмом - Универсальной рабочей машиной.

- Так что же случилось с Урмом? - спросил Костенко. - И что такое спонтанный рефлекс?

Николай Петрович, усталый и осунувшийся после бессонной ночи, сказал:

- Видишь ли, Урм конструировался по заказу Управления межпланетных сообщений. Тем он и отличается от других самых сложных кибернетических машин, что предназначен для работы в условиях, которые не в состоянии предсказать точно даже самый гениальный программист. Например, на Венере. Кто знает, каковы там условия? Может быть, она покрыта океанами. А может быть, пустынями. Или джунглями. Послать туда людей пока невозможно - слишком опасно. Будут посланы Урмы, десятки Урмов. Но как их программировать? Все горе в том, что при нынешнем уровне кибернетики нельзя еще научить машину "мыслить" абстрактно...

- То есть?

- Для машины нет собаки вообще. Для нее есть только та, другая, третья собака. Встретив четвертую, не похожую на первых трех, машина уже не будет знать, что делать. Грубо говоря, если Урм запрограммирован на определенную реакцию только в отношении дворняги, он не сможет реагировать так же в отношении мопса. Простой пример, конечно, но полагаю, ты меня понимаешь. В этом и есть одно из основных отличий самой умной машины от самого глупого человека - неспособность оперировать абстрактными категориями. Так вот, Пискунов попытался возместить этот недостаток путем создания самопрограммирующейся машины. "Мозгу" Урма была задана рефлекторная цепь, сущность которой сводится к тому, чтобы заполнять самостоятельно пустующие ячейки памяти. Пискунов рассчитывал, что "набравшись впечатлений", Урм будет способен без помощи человека подбирать наиболее выгодные линии поведения для каждого нового случая. Это самая совершенная в мире модель сознания. Но результат получился неожиданный. То есть теоретически Пискунов допускал такое явление, однако практически... Короче говоря, новая рефлекторная дуга породила десятки вторичных, не предусмотренных программистами рефлексов. Пискунов окрестил их спонтанными рефлексам. С их появлением Урм перестал действовать по своей основной программе и начал "вести себя".

- Что же теперь делать?

- Будем идти по другому пути. - Николай Петрович потянулся и зевнул.

- Будем совершенствовать анализаторские способности "мозга", рецепторную систему...

- А как же спонтанный рефлекс? Никто им не интересуется?

- Ого! Пискунов уже что-то задумал... Одним словом, первыми на неизведанных планетах и в неизведанных океанских глубинах будут все-таки Урмы. Людьюми рисковать не придется... Слушай, Костенко, давай пойдем спать, а? Будешь у нас работать и все узнаешь, даю тебе слово.

Аркадий СТРУГАЦКИЙ
Борис СТРУГАЦКИЙ

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

"...Исследователи сообщают о межзвездном планктоне, о спорах неведомой жизни в Пространстве. Протяженные скопления их встречаются только за орбитой Марса. Происхождение их до сих пор остается неясным..."

Титан не понравился Виктору Борисовичу. Планетка слишком быстро вращалась и обладала темной беспокойной атмосферой. Зато Виктор Борисович досыта налюбовался кольцами Сатурна и странной игрой красок на его поверхности. Планетолеет разгрузился - продовольствие, сжиженный дейтерий,

кибернетическое оборудование для планетологов, - принял на борт двадцать восемь тонн эрбия и биолога Малышева и сейчас же отправился в обратный рейс. Как всегда, в поясе астероидов планетолет потерял скорость и уклонился от курса. Пришлось помучиться. Вымотались все, и больше всех биолог Малышев. Бедняга не выносил перегрузок. Когда его вытащили из амортизатора, он был желтый, как сыр. Он ощущал себя, помотал головой и молча устремился в свою каюту. Он торопился поглядеть, как перенесла перегрузку его улитка - жирный синий слизняк в многостворчатой раковине, выловленный в нефтяном океане недалеко от эрбиевой долины.

Теперь, как и все на свете, плохое и хорошее, перелет подходил к концу. Меньше чем через сутки планетолет прибывал на ракетодром в кратере Ломоносова, затем неделя карантина - и Земля, полгода отпуска, полгода синего моря, шумящих сосен, зеленых лугов, залитых солнцем.

Виктор Борисович улыбнулся, перевернулся на другой бок и сладко зевнул. До вахты оставалось два часа. Сейчас на вахте стоял Туммер, носатый и длинный как палка. Виктор Борисович представил себе Туммера, как он сидит, сутулясь, у вычислителя и, выпятив челюсть, просматривает голубую ленту записи контрольной системы. Затем Туммер расплылся, а вычислитель стал похож на замшелый валун с шершавыми боками. Под валуном темнела глубокая вода, и, если присмотреться, в шевелящихся водорослях стоит щука с черной спиной, неподвижная и прямая как палка. И вдруг около уха загудел шмель. Виктор Борисович всхрипнул и проснулся. В каюте было темно. Он пожевал губами и замер. Где-то очень близко гудел шмель.

- Не может быть, - громко и уверенно сказал Виктор Борисович. Он поднялся в постели и включил лампу. Шмель замолк. Виктор Борисович огляделся и увидел на простыне черное пятно. Это был не шмель. Это была муха.

- Мама моя, - сказал Виктор Борисович. Муха сидела неподвижно. Она была совсем черная, с черными растопыренными крыльями. Виктор Борисович тщательно прицелился, подвел к мухе ладонь с подобранными пальцами и схватил. Он поднес кулак к уху. В кулаке шевелилось, шуршало и вдруг загудело так знакомо, что Виктор Борисович сразу вспомнил уроки рисования.

- Муха в планетолете, - сказал он и поглядел на кулак с изумлением.

- Вот это да! Надо показать ее Туммеру.

Действуя одной рукой, он натянул брюки, выскочил в коридор и пошел в рубку, огибая выпуклую стену. В кулаке шуршало и щекотало. В рубке стоял Туммер с темным тощим лицом. На экране телепроектора покачивались два узких серпа - голубой побольше, белый поменьше - Земля и Луна.

- Здравствуй, Тум, - сказал Виктор Борисович. Туммер качнул головой и посмотрел на него запавшими глазами. - А ну, угадай, что у меня здесь, - сказал Виктор Борисович, осторожно потрясая кулаком.

- Дирижабль, - ответил Туммер.

- Нет, не дирижабль, - сказал Виктор Борисович.

- Муха. Муха, старый сын!

Туммер сказал скучно:

- Ферритовый накопитель работает скверно.

- Я сменю, - сказал Виктор Борисович. - Ты понимаешь, она меня разбудила. Она гудит, как шмель на полянке.

- Меня бы она не разбудила, - сказал Туммер сквозь зубы.

- Шуршит, - нежно произнес штурман, - шуршит, скотинка.

Туммер посмотрел на него. Виктор Борисович сидел, приложив кулак к уху, и счастливо улыбался.

- Виктор, - сказал Туммер, - ну что у тебя за лицо?

В рубку вошел капитан планетолета Константин Ефремович Станкевич и следом бортинженер Лидин.

- Я же говорил - не спит, - сказал Лидин, тыча пальцем в штурмана.

- С ним что-то случилось, - ядовито сказал Туммер. - Поглядите на его физиономию.

Виктор Борисович объявил:

- Я поймал муху.

- Ну да? - удивился Лидин.

- Я спать пойду, Константин Ефремович, - сказал Туммер.

- Виктор, принимай вахту.

- Погоди, - сказал Виктор Борисович.

- А ну, покажи, - потребовал Лидин. У него был такой вид, словно он

никогда в жизни не видел мух.

Виктор Борисович приоткрыл кулак и осторожно просунул туда два пальца левой руки.

- Откуда на корабле муха? - спросил капитан.

- Не знаю, - ответил штурман. Он разглядывал муху, держа ее за ножки двумя пальцами. - Она жужжит совершенно как шмель, - сообщил он.

- Осторожно, Витя, - с придыханием сказал Лидин, - ты сломаешь ей ногу. У-у, негодяйка... Жужжит!

- Все-таки откуда на корабле муха? - спросил капитан. - Это, между прочим, ваше дело, Виктор Борисович.

Штурман выполнял обязанности сантехника.

- Вот именно, - сказал Туммер. - Расплодил на корабле мух, и ферритовый накопитель работает отвратительно. Принимай вахту, слышишь?

- Слышу, - сказал штурман. - Мне еще десять минут осталось. Надо показать ее Малышеву.

Он тоже давно не видел мух. Он двинулся к выходу, держа перед собой муху, как тарелку с борщом.

- Мухолов, - сказал Туммер презрительно. Капитан засмеялся. Дверь отворилась, и в рубку шагнул Малышев. Штурман отскочил в сторону.

- Осторожно, - сердито сказал он. Малышев извинился. У него был встрепанный вид и растерянные глаза.

- Дело в том, что... - начал он и остановился, уставясь на муху в пальцах штурмана.

- Можно? - спросил он, протягивая руку.

- Мухи, - с гордостью сказал Виктор Борисович. Малышев взял муху за крыло, и она завопила на всю комнату.

- У нее восемь ног, - сказал Малышев медленно.

- Ай-яй-яй, - сказал Туммер. - И что же теперь будет? Виктор, принимай вахту.

- Это не муха, - сказал Малышев. Его брови поднялись чуть ли не до волос и снова опустились на глаза.

- Я думал, что это траурница - антракс морию. Но это не муха.

- А что же это? - осведомился штурман несколько раздраженно.

- Послушайте, - сказал Малышев. - Какие у вас есть дезинсекторы? И потом мне нужен микроскоп.

- Да в чем дело? - спросил штурман. Капитан нахмурился и подошел к ним. Лидин тоже подошел ближе.

- Послушайте, - повторил Малышев, - мне нужен микроскоп. Пойдемте в мою каюту. Я покажу вам кое-что.

Туммер сказал им вслед:

- Пожалуйста, не уроните муху.

В коридоре Лидин вдруг закричал:

- Муха!

Они увидели муху, ползущую по стене под самым потолком. Муха была черная, с черными растопыренными крыльями. В каюте биолога их было целых три. Одна сидела на подушке, две ползали по стенкам большого стеклянного баллона с синей титанианской улиткой. Лидин, войдя последним, хлопнул дверью, и мухи поднялись в воздух, гудя как шмели.

- 3-забавные мухи, - неуверенно сказал Виктор Борисович и посмотрел на Станкевича.

Капитан стоял неподвижно и следил глазами за мухами. Лицо его наливалось краской.

- Дрянь, - сказал он.

- Что случилось? - сказал Лидин. Малышев повернул к нему хмурое лицо.

- Я же сказал: это не мухи. Это не земные мухи, понимаете?

- Мама моя, - проговорил Виктор Борисович и вытер правую ладонь о сорочку.

- Ах, вот оно что, - сказал Лидин. Черная муха закрутилась у него перед глазами, он отшатнулся и ударился затылком в закрытую дверь.

- Пшла! - крикнул он, судорожно отмахиваясь.

- Нужен дезинсектор, - сказал капитан. - Что у нас есть?

- Есть леталь, - сказал штурман.

- Еще?

- Все.

- Хорошо, - сказал капитан. - Я сам это сделаю. Ступайте помойте

руки, оботрите формалином.

Малышев все еще рассматривал муху, держа ее у самого носа. Виктор Борисович видел, как сильно дрожат его пальцы.

- Бросьте вы эту гадость, - сказал Лидин. Он уже стоял в коридоре и то и дело озирался.

- Она мне нужна, - ответил Малышев. - Вторую вы мне, что ли, поймаете?

В ванной Виктор Борисович торопливо стянул сорочку, бросил ее в мусоропровод и кинулся к умывальнику. Он мылил руки, тер их губкой и намыливал снова. Руки стали красными и распухли, а он все тер, тер и снова намыливал. Произошло самое страшное, что может произойти на корабле. Это бывает очень редко, но лучше бы этого не случилось никогда. У планетолета толстые стены, и все, что через эти стены проникает, смертельно опасно. Все равно что - метеорит, жесткие излучения или какие-нибудь восьминогие мухи. И опаснее всего мухи. Три года назад Виктор Борисович участвовал в спасении экспедиции на Каллисто. В экспедиции было пять человек - два пилота и трое ученых, - и они занесли в свой корабль протоплазму ядовитой планетки. Коридоры корабля были затянуты клейкой прозрачной паутиной, под ногами хлюпало и чавкало, а в рубке лежал в кресле капитан Рудольф Церер, белый и неподвижный, и лохматые сиреневые паучки бегали по его губам. Виктор Борисович вытер опухшие руки формалином и вышел в коридор. По потолку ползали мухи. Их было много, штук двадцать. Навстречу шел Лидин. Лицо его было перекошено.

- Откуда они берутся? - спросил он шепотом. - М-мерзость.

Из-под ног его с гудением взлетела муха, и он остановился, подняв над головой кулаки.

- Спокойно, - сказал Виктор Борисович. - Спокойно, бортинженер. Ты куда?

- Мыться.

- Как дезинсектор?

Лидин оскалился и молча прошел в ванную. Виктор Борисович забежал в свою каюту, надел свежую сорочку и куртку и отправился в рубку. У дверей мимо его лица с тонким воем пронеслась стайка черных мошек.

В рубке на столе перед вычислителем стояла стеклянная баночка, наполовину наполненная мутноватой жидкостью, от которой воняло даже через притертую пробку. В жидкости плавала муха. Малышев, видимо, помял-таки ей крылья, и она не могла взлететь, только время от времени гудела густым басом. Станкевич, Туммер и Малышев стояли у стола и глядели на муху. Виктор Борисович подошел и тоже стал смотреть на муху.

Мутная жидкость в баночке была дезинсектором "Леталь". Леталь убивал насекомых практически мгновенно. Он мог бы убить и быка. Но восьминогая муха об этом, по-видимому, не знала и даже не догадывалась. Она плавала в летале и время от времени злобно гудела.

- Пять с половиной минут, - сказал Туммер. - Что же ты, голубушка? Пора.

- Может быть, есть какой-нибудь другой дезинсектор? - спросил Малышев.

Виктор Борисович покачал головой. Он оглядел потолок. Мух в рубке еще не было. Потом он заметил, что Туммер, ухмыляясь, рассматривает его опухшие руки. Он сунул руки в карманы и зашипел от боли. И все зря, подумал он, эту дрянь не берет даже леталь: "Кубический сантиметр на квадратный метр поверхности. Уничтожает все виды насекомых, их личинки и яйца". Он посмотрел на муху в банке. Муха плавала и отвратительно гудела. Виктор Борисович вздохнул, вынул руки из карманов и сказал:

- Сдавай вахту, Тум.

Он принял вахту и доложил капитану о смене.

Станкевич рассеянно кивнул.

- Где Лидин? - спросил он.

- Моется. Дезинфицируется, - сказал Туммер.

- Слушать меня, - сказал капитан. - Всем надеть защитные спецкостюмы.

Сделать прививку против песчаной горячки. Далее. Леталь не годится. Но не исключено, что на этих мух действует что-нибудь другое. Как вы предполагаете, товарищ Малышев?

- Что? - сказал Малышев. Он оторвался от созерцания мухи в банке и поспешно сказал: - Да, возможно. Не исключено.

- У нас есть петронал, буксил, нитросиликель... сжиженные газы...

- Слюни, - тихонько сказал Туммер. Станкевич холодно взглянул на него.

- Оставьте ваши остроты при себе, Туммер. Так. Опыты проведем в медицинском отсеке. Я могу рассчитывать на вас, товарищ Малышев?

- В вашем распоряжении, - быстро сказал Малышев. - Но мне нужен микроскоп.

- Микроскоп в медицинском отсеке. Вы остаетесь в рубке, Виктор Борисович. Спецкостюм вам принесут.

- Слушаюсь, - сказал Виктор Борисович. Послышалось звонкое бодрое гудение. Все посмотрели на банку и сейчас же, как по команде, подняли лица к потолку. Под потолком с победным воем носилась большая черная муха. Спецкостюм Виктору Борисовичу принес Туммер. Он быстро приоткрыл дверь, козлом прыгнул через комингс и захлопнул дверь за собой. На секунду в рубку ворвался многоголосый стонущий вой. Туммер откинул с головы спектролитовый колпак.

- В коридоре мух - не протолкнешься, - сказал он. - Черно. Засучи рукав.

Он достал шприц и впрыснул штурману сыворотку против песчаной горячки - единственной внеземной инфекционной болезни, против которой имелось противоядие. Это было явно бессмысленно, потому что единственным местом, где были найдены возбудители песчаной горячки, была Венера, но капитан не хотел упускать ни малейшего шанса.

- Как там наши? - спросил Виктор Борисович, опуская рукав.

- Костя злой как черт, - сказал Туммер. - Этих мух ничего не берет. А Малышев в восторге. Прямо на седьмом небе. Режет мух и разглядывает в микроскоп. Говорит, что в жизни не представлял себе ничего подобного. Говорит, что у этих мух нет ни глаз, ни рта, ни пищевода, ни чего-то там еще. Говорит, что не может понять, как они размножаются...

- А он не говорит, откуда они взялись?

- Говорит. Он считает, что это споры неизвестной формы жизни. Он говорит, что они миллионы лет носились в Пространстве, а в корабле нашли благоприятную почву. Он говорит, что нам повезло. Таких случаев еще не бывало.

- Блуждающая жизнь, - сказал штурман и стал влезать в защитный спецкостюм. - Я слышал об этом. Но я как-то не считаю, что нам повезло. Кстати, как они могли попасть в корабль?

- Помнишь, неделю назад Лидин вылезал наружу. Кажется, это было в поясе астероидов.

- А может быть, они с Титана?

Туммер пожал плечами.

- Малышев говорит, что на Титане нет восьминогих мух. Да не все ли равно? Скажи спасибо, что это не осы.

Туммер ушел, снова прыгнув через комингс, и захлопнул за собой дверь. Виктор Борисович сел у пульта. В спецкостюме и спектролитовом колпаке он чувствовал себя в безопасности и даже принялся что-то напевать себе под нос. Под потолком уже носились десятки мух, некоторые крутились перед телеэкраном и ползали по лентам записи контрольной системы. Но их гудение не было слышно: спецкостюм обладал хорошей звукоизоляцией. Виктор Борисович оглядел пульт управления. На пульте у его локтя сидела муха. Виктор Борисович прицелился и крепко прихлопнул ее ладонью в силиконовой перчатке. Муха перевернулась, пошевелила лапками и замерла. Виктор Борисович, наклонившись, с любопытством оглядел ее. Дохлая черная муха. Восемь ног... Пакость, конечно, но почему они опасны? Ни одно насекомое не опасно, опасны инфекция или яд, а инфекции может и не быть и яда тоже. Впрочем, если представить, что несколько этих космических мух попало на Землю...

Штурман обернулся. Листок бумаги, лежавший на столе, соскользнул на пол и, крутясь, полетел к двери. Дверь в коридор была приоткрыта.

- Эй, кто там? - крикнул Виктор Борисович. - Дверь!

Он подождал немного, затем поднялся и выглянул в коридор. В коридоре ползали и летали мухи. Их было так много, что стены казались черными, а под потолком висела как бы траурная бахрома. Виктор Борисович передернул плечами и закрыл дверь. Взгляд его упал на листок бумаги у комингса. Какое-то смутное подозрение, тень догадки мелькнула у него в голове.

Несколько секунд он стоял, соображая.

- Чепуха, - сказал он вслух и вернулся к пульту. В рубке стало заметно темнее. Плотные мушиные тучи вились под потолком, заслоняя голубые осветительные трубки. Виктор Борисович поднес к глазам часы. С начала биологической атаки прошло полтора часа. Он поглядел на дохлую муху на пульте, почувствовал тошноту и зажмурился. И зачем я ее раздавил? - подумал он. Гадость все-таки, ядовитая или нет - все равно. Сквозь полусомкнутые веки он увидел, что лента идет неровно. Он поправил ее, потом невольно поискал глазами раздавленную муху.

Сначала ему показалось, что она исчезла. Но он снова увидел ее. Раздавленная дрянь шевелилась. Штурман пригляделся и проглотил слюну. Он стал весь мокрый. Останки мухи были покрыты мельчайшей черной мошкаррой. Мошкара суетливо ползала по расплюсченному брюху - крошечные черные мошки с черными растопыренными крыльями. Их было штук тридцать, и они копошились, расползаясь в стороны по гладкой светлой поверхности пульта. Они еще не могли летать.

Это продолжалось минут десять, не меньше. Голубая лента ползла из вычислителя и ленивыми витками ложилась на пол. Вокруг нее вились большие черные мухи. Штурман сидел наклонившись, сдерживая дыхание, и глядел не отрываясь на дохлую муху. На бывшую дохлую муху. Было видно, как шевелится черная голая нога мухи. Если присмотреться - она вся покрыта мельчайшими порами, и из каждой поры торчит головка микроскопической мушки. Они вылезали прямо из тела. Вот почему они так быстро размножаются, подумал Виктор Борисович. Они просто вылезают друг из дружки. Каждая клетка несет в себе зародыш. Эту муху просто нельзя убить. Она возрождается стократно повторенная.

Мошкара ползала по пульту, по кнопкам и верньерам, по прозрачной пластмассе приборов. Мошек было много, и некоторые уже пытались взлететь. От дохлой мухи остался мелкий черный порошок, и штурман смахнул его с пульта, как на Земле смахивают со стола табачный пепел.

- Штурман проветривает рубку, - раздался в наушниках голос Туммера. В рубку вошли четверо в блестящих силиконовых костюмах и серебристых шлемах.

- Зачем вы открыли дверь, Виктор Борисович? - спросил капитан.

- Дверь? - Виктор Борисович оглянулся на дверь. - Я не открывал ее.

- Дверь была открыта, - сообщил капитан. Виктор Борисович пожал плечами. Он все еще видел, как черная мошкара вылезает из дохлой мухи.

- Я не открывал дверь, - повторил он. Он снова оглянулся на дверь.

Он увидел клочок бумаги у комингса, и снова смутная догадка мелькнула у него в голове. Лидин сказал нетерпеливо:

- Давайте решать, что делать дальше.

- Штурман не в курсе дела, - сказал капитан. - Товарищ Малышев, повторите ваши выводы.

Малышев покашлял.

- Аппаратура у вас неважная, - сказал он. - Микротом, например, в полном запустении...

Он замолчал, и стало слышно, как Лидин втолковывает вполголоса кому-то, вероятно Туммеру: "...взять баллон со спиртом, ходить, поливать их и тут же поджигать..."

- Словом, так, - сказал Малышев. - Состав у них странный - кислород, азот и в очень малых количествах кальций, водород и углерод. Я делаю вывод, что это не белковая жизнь. И тогда, во-первых, опасность инфекции сомнительна; во-вторых, это открытие высокого класса. Я это подчеркиваю, потому что вот товарищ Лидин только и думает, как их уничтожить. Это неверный подход к проблеме.

- Пауков бы сюда, - сказал Лидин, - старых матерых крестовиков...

- Совершенно неясно, - продолжал Малышев, - чем они питаются. Совершенно неясен механизм их размножения. Я считаю, что есть основания полагать...

- Я все-таки не понимаю, - сказал Туммер. - Я убивал их, давил ногами, но покажите мне хоть одну дохлую муху.

- Не ищи, - сказал штурман, - даже не пробуй.

- Это почему же?

Виктор Борисович увидел, что дверь снова тихо приоткрылась. Бумажка на полу взлетела, словно пытаясь перепрыгнуть через комингс, и снова бессильно опустилась на пол.

- Я потом расскажу. Потом, когда все кончится.

Виктор Борисович подошел к двери, закрыл ее и вернулся к столу. Капитан легко хлопнул ладонью по столу.

- Слушать меня! - сказал он. - Я решил очистить корабль от мух.

- Каким образом? - осведомился Малышев.

- Мы наденем пустолазные костюмы, поднимем в корабле давление - можно использовать запасы жидкого водорода - и откроем люки...

- Мама моя! - пробормотал штурман.

- ...впустим Пространство в корабль. Вакуум и абсолютный нуль. И ток сжатого водорода выбросит эту гадость.

- Идея, - сказал Лидин. Туммер сел в кресло и вытянул ноги.

- Все равно мы так не избавимся от спор, - сказал он.

- Спор, я думаю, на корабле не осталось, - сказал Малышев. В голосе его слышалось сожаление. - Они все развились.

- Мы избавимся от мух, - сказал Лидин. - От этих омерзительных, проклятых, чертовых...

- Слушайте, - сказал Виктор Борисович, - я, кажется, понял. Он подошел к двери, нагнулся и зачем-то потрогал пальцами клочок бумаги у комингса.

- Что ты понял? - спросил Туммер.

- Так, - сказал Станкевич. - Пойдемте за вакуум скафандрами. Лидин, поможете Малышеву надеть скафандр.

- Мушки повымерзнут, - сказал Лидин, хихикая. Ему ужасно хотелось, чтобы мушки повымерзли.

Виктор Борисович огляделся. Стены были черными. Под потолком висели бархатистые фестоны. Пол был покрыт сухой шевелящейся кашей. Сгущались сумерки - кучи мух облепили осветительные трубки.

- Слушайте, - сказал Виктор Борисович. - Вы знаете, почему открывалась дверь?

- Какая дверь, штурман? - нетерпеливо спросил капитан.

- Которая дверь? - спросил Туммер.

- Вот эта, дверь в коридор. А теперь она больше не открывается.

- Ну?

- Вот в чем дело, - торопливо сказал Виктор Борисович. - Дверь отворяется наружу, так? В коридоре падает давление, так? Избыток давления в рубке выталкивает дверь. Все очень просто. А теперь избытка давления нет.

- Ничего не понимаю, - сказал капитан.

- Мухи, - сказал Виктор Борисович.

- Ну, мухи, - сказал Туммер. - Ну?

- Мухи жрут воздух. Вот откуда они берут живой вес. Они жрут воздух, кислород и азот.

Биолог издал неясное восклицание, а капитан повернулся к приборам циркуляционной системы. Несколько минут он вглядывался в приборы, яростно смахивая мух. Все молчали. Наконец капитан выпрямился.

- Расходомеры показывают, медленно сказал он, - что за последние два часа на корабле израсходовано около центнера жидкого кислорода.

- Великолепно, - проговорил Малышев.

- Ну и твари, - сказал Лидин. - Вот так твари.

- Я же говорил, - сказал Туммер. - Это всего-навсего восьминогие мухи.

- Логически рассуждая, - заметил биолог, - атмосфера из водорода должна быть для них летальной.

- Что ж, это упрощает, - сказал капитан. - Слушать меня. Лидин, помогите товарищу Малышеву облачиться в скафандр. Туммер, переключите по кораблю циркуляционную систему. Штурман, подготовьте корабль к обработке вакуумом и сверхнизкими температурами. Готовность доложить через десять минут.

Виктор Борисович направился к выходу, размышляя, что произойдет, если хоть несколько мух попадет на Землю. Землю не обработаешь вакуумом и сверхнизкими температурами.

Он вздохнул, отворил дверь и нырнул головой вперед в черную мохнатую дыру, еле освещенную красноватым светом.

Они натянули вакуум-скафандры прямо на спецкостюмы. Затем они шли к рубке длинным тоннелем с черными стенами, сумрачным незнакомым тоннелем.

Стены тоннеля медленно колыхались, словно дышали. Они пришли в рубку. Здесь тоже все было незнакомо и сумрачно. Капитан спросил:

- Туммер, циркуляция?
- Выключена.
- Штурман, люки?
- Открыты... За исключением внешних.
- Лидин, состояние вакуум-скафандров?
- Проверено, товарищ капитан.

- Начнем, - сказал капитан. Виктор Борисович нагнулся к манометру.

Давление в корабле упало на тридцать миллиметров, а ведь Туммер выключил циркуляционную систему всего несколько минут назад. Мухи пожирали воздух и размножались с чудовищной быстротой. Капитан открыл подачу водорода. Стрелка манометра остановилась, затем медленно поползла в обратную сторону. Атмосфера... Полторы... Две...

- Есть у кого-нибудь мухи в скафандре или в спецкостюме? - осведомился капитан.

- Пока нет, - сказал Лидин. Снова наступила тишина. В наушниках было слышно только дыхание. Кто-то чихнул, кажется Туммер.

- Будьте здоровы, - вежливо сказал Малышев.

Никто не ответил. Пять атмосфер. Черная каша на стенах тяжело заворачивалась. "Ага!" - злорадно сказал Лидин. Шесть атмосфер.

- Внимание, - сказал капитан. Виктор Борисович напрягся и ухватился за пояс Малышева. Малышев ухватился за Лидина, Лидин - за кресло, в котором сидел Туммер. Капитан согнал с пульта мушиную тучу и нажал кнопку. Четыре грузовых люка - широкие пластметалловые шторы, покрывающие грузовой отсек, - раскрылись мгновенно и одновременно. Виктор Борисович ощутил мягкий толчок, сотрясший его с ног до головы. Кто-то ахнул. Водородно-воздушная смесь под давлением в шесть атмосфер устремилась к люкам и в пространство. В рубке закрутилась черная вьюга. И стало светло. Ярко, ослепительно светло. Рубка стала прежней стерильно-чистой рубкой. Только искрилась в отблесках голубых трубок изморось на стенах да у комингса остался налет серой пыли.

- Как хорошо! - сказал незнакомый хриплый голос в наушниках.

- Внимание, - сказал капитан. - Второй этап!

Затем был третий этап, и четвертый, и пятый. Пять раз корабль наполнялся сжатым водородом, и пять раз вихри сжатого газа промывали каждый угол, каждую щель в корабле. Налет серой пыли перед комингсом рубки исчез, исчезла изморось на стенах. Затем корабль наполнился водородом в шестой раз. Капитан на полную мощность включил пылеуловители, и только после этого в корабль я был снова подан воздух.

- Вот и все, - сказал Станкевич. - Пока по крайней мере.

Он первым стащил с головы тяжелый шлем скафандра.

- Может быть, все это нам приснилось? - задумчиво сказал Лидин.

- Сладостное сновидение, - сказал Туммер. А Виктор Борисович помогал Малышеву освободиться от скафандра. Когда он стянул с правой руки биолога коленчатый рукав, капитан вдруг сказал:

- А это что у вас, товарищ Малышев?

И в кулаке Малышева была пластмассовая коробочка, похожая на очешницу. Биолог спрятал руку за спину.

- Ничего особенного, - сказал он и сразу насупился.

- Товарищ Малышев! - ледяным голосом сказал капитан.

- Что, товарищ Станкевич? - отозвался биолог.

- Дайте сюда эту штуку.

- Мама моя, - сказал Виктор Борисович, - у вас там мухи!

- Ну и что же? - сказал биолог. Лидин побледнел, затем покраснел.

- Немедленно уничтожьте эту гадость, - сказал он сквозь зубы. - В реактор ее, немедленно!

- Спокойно, бортинженер, - сказал Виктор Борисович. Малышев стряхнул с себя пустолазный панцирь и сунул коробочку в карман. Брови его поднялись до волос и снова надвинулись на глаза.

- Мне стыдно за вас, товарищи, - объявил он.

- Ему стыдно за нас! - Лидин так и взвился.

- Да, стыдно. Я понимаю, это было неожиданно и... по-человечески страшно...

- Да вы представляете, - сказал Лидин, - что будет если хоть одна

муха попадет в земную атмосферу?

- Вы знаете, как они размножаются? - спросил штурман.

- Знаю. Видел. Это все чепуха. - Малышев перешагнул через скафандр и сел в кресло. - Выслушайте меня. Жизнь в Космосе иногда бывает враждебна земной жизни, это правда. Глупо это отрицать. Если бы мухи угрожали жизни или хотя бы здоровью человека, я бы первым потребовал отвести корабль подальше от Земли и взорвать его. Но мухи неопасны. Небелковая жизнь не может - не может, понимаете? - угрожать белковой жизни. Меня поражает ваша неосведомленность. И ваша, простите, нервозность.

- Малейшая ваша неосторожность, - упрямо сказал Лидин, - и они расплодятся на Земле. Они сожрут всю атмосферу.

Малышев презрительно щелкнул пальцами.

- Вот, - сказал он. - Пусть они даже расплодятся на планете, и я берусь в два дня вывести двадцать две рас азотно-кислородных вирусов, которые уничтожат и мух, споры, и двести двадцать поколений потомства. Это во первых. А во-вторых, мы пробовали и леталь, и буксил, петронал, и еще что-то. Но я уверен, что эффективнейшим средством против наших мух были бы простые слюни.

Туммер захохотал.

- Черт знает, что вы говорите, - проворчал Станкевич.

- Ну, не слюни, конечно, но простая вода. Обыкновенная аква дистиллята. Я уверен в этом.

Малышев обвел межпланетников торжествующим взглядом. Все молчали.

- Но вы по крайней мере понимаете, что нам повезло? - спросил он.

- Нет, - сказал Станкевич. - Еще нет.

- Нет? Ладно, - сказал Малышев. - Во-первых, в наших руках, - он похлопал себя по карману, - уникальнейшие экземпляры небелковых существ. До сих пор небелковая жизнь воспроизводилась только искусственно. Понимаете? Оч-чень рад. Во-вторых. Представьте себе завод без машин и котлов. Гигантские инсектарии, в которых с неимоверной быстротой плодятся и развиваются миллиарды наших мух. Сырье - воздух. Сотни тонн первоклассной неорганической клетчатки в день. Бумага, ткани, покрытия... А вы говорите - в реактор.

Биолог замолчал, извлек пластмассовую коробочку и поднес ее к уху.

- Гудят, - сообщил он. - Уникальнейшие существа. Редчайшие... Редчайшие.

Глаза его вдруг округлились, на лице появилась растерянность.

- Моя улитка, - сказал он и кинулся из рубки. Межпланетники переглянулись.

- Биология - царица наук, бортинженер, - сказал Туммер.

- Много я знаю о небелковой жизни! - сказал Лидин брезгливо.

Капитан поднялся.

- Все хорошо, что хорошо кончается, - сказал он, глядя на Туммера. - Если мне еще кто-нибудь когда-нибудь станет болтать про угрозу из Космоса... Кто вахтенный?

Виктор Борисович поглядел на часы. (Мама моя, - подумал он, - еще не кончилась моя вахта! Неужели прошло всего три часа?)

Сменившись с вахты, он зашел к Малышеву. Биолог горестно вздыхал над донышком стеклянного баллона. Во время вакуумной чистки внутреннее давление разорвало и баллон и титанианскую улитку, и высушенные Пространством клочья слизняка присохли к стенам и потолку каюты.

- Это был такой экземпляр, - жалобно сказал Малышев, - такой экземпляр!

- Зато у вас теперь есть мухи, - сказал штурман. - А в следующий рейс я привезу вам другого слизняка. Пойдемте в медотсек и покажите мне, что там с микротомом. Понимаете, нам еще не приходилось им пользоваться.

Аркадий СТРУГАЦКИЙ
Борис СТРУГАЦКИЙ

НОЧЬ НА МАРСЕ

Когда рыжий песок под гусеницами краулера вдруг осел, Петр Алексеевич Новаго дал задний ход и крикнул Манделю: "соскакивай!" Краулер задержался, разбрасывая тучи песка и пыли, и стал переворачиваться кормой вверх. Тогда Новаго выключил двигатель и вывалился из краулера. Он упал на четвереньки и, не поднимаясь, побежал в сторону, а песок под ним оседал и проваливался, но Новаго все-таки добрался до твердого места и сел, подобрав под себя ноги.

Он увидел Манделя, стоявшего на коленях на противоположном краю воронки, и окутанную паром корму краулера, торчащую из песка на дне воронки. Теоретически было невозможно предположить, что с краулером типа "ящерица" может случиться что-либо подобное. Во всяком случае, здесь, на Марсе. Краулер "ящерица" был легкой быстроходной машиной - пятиместная открытая платформа на четырех автономных гусеничных шасси. Но вот он медленно сползал в черную дыру, где жирно блестела глубокая вода. От воды валил пар.

- Каверна, - хрипло сказал Новаго. - Не повезло, надо же...

Мандель повернул к Новаго лицо, закрытое до глаз кислородной маской.

- Да, не повезло, - сказал он.

Ветра совсем не было. Клубы пара из каверны поднимались вертикально в черно-фиолетовое небо, усыпанное крупными звездами. Низко на западе висело солнце - маленький яркий диск над дюнами. От дюн по красноватой долине тянулись черные тени. Было совершенно тихо, слышалось только шуршание песка, стекающего в воронку.

- Ну ладно, - сказал Мандель и поднялся. - Что будем делать? Вытащить его, конечно, нельзя. - Он кивнул в сторону каверны. - Или можно?

Новаго покачал головой.

- Нет, Лазарь Григорьевич, - сказал он. - Нам его не вытащить.

Раздался длинный, сосущий звук, корма краулера скрылась, и на черной поверхности воды один за другим вспучились и лопнули несколько пузырей.

- Да, пожалуй, не вытащить, - сказал Мандель. - Тогда надо идти, Петр Алексеевич. - Пустяки - тридцать километров. Часов за пять дойдем.

Новаго смотрел на черную воду, на которой уже появился тонкий ледяной узор. Мандель поглядел на часы.

- Восемнадцать двадцать. В полночь мы будем там.

- В полночь, - сказал Новаго с сомнением. - Вот именно в полночь.

"Осталось километров тридцать, - подумал он. - Из них километров двадцать придется идти в темноте. Правда, у них есть инфракрасные очки, но все равно дело дрянь. Надо же такому случиться... На краулере мы были бы там засветло. Может быть, вернуться на базу и взять другой краулер? До базы сорок километров, и там все краулеры в разгоне, и мы прибудем на плантации только завтра к утру, когда будет уже поздно. Ах, как нехорошо получилось!"

- Ничего, Петр Алексеевич, - сказал Мандель и похлопал себя по бедру, где под дохой болталась кобура с пистолетом. - Пройдем.

- А где инструменты? - спросил Новаго.

Мандель огляделся.

- Я их сбросил, - сказал он. - Ага, вот они.

Он сделал несколько шагов и поднял небольшой саквояж.

- Пошли, - сказал Новаго.

- Вот они, - повторил он, стирая с саквояжа песок рукавом дохи. - Пошли?

И они пошли.

Они пересекли долину, вскарабкались на дюну и снова стали спускаться. Идти было легко. Даже пятипудовый Новаго с кислородными баллонами, системой отопления, в меховой одежде и свинцовыми подметками на унтах весил здесь всего сорок килограммов. Маленький сухопарый Мандель шагал как на прогулке, небрежно помахивая саквояжем. Песок был плотный, слежавшийся, и следов на нем почти не оставалось.

- За краулер мне страшно влетит от Иваненки, - сказал Новаго после долгого молчания.

- При чем здесь вы? - возразил Мандель. - Откуда вы могли знать, что

здесь каверна? И воду мы как-никак нашли.

- Это вода нас нашла, - сказал Новаго. - Но за краулер все равно влетит. Знаете, как Иванченко: "за воду спасибо, а машину вам больше не доверю".

Мандель засмеялся:

- Ничего, обойдемся. Да и вытащить этот краулер будет не так уж трудно... Глядите, какой красавец!

На гребне недалекого бархана, повернув к ним страшную треугольную голову, сидел мимикродон - двухметровый ящер, крапчато-рыжий, под цвет песка. Мандель кинул в него камешком и не попал. Ящер сидел, раскорячившись, неподвижный, как кусок камня.

- Прекрасен, горд и невозмутим, - заметил Мандель.

- Ирина говорит, что их очень много на плантациях, - сказал Новаго. - Она их подкармливает...

Они, не сговариваясь, прибавили шаг.

Дюны кончились. Они шли теперь через плоскую солончаковую равнину. Свинцовые подошвы звонко постукивали на мерзлом песке. В лучах белого закатного солнца горели большие пятна соли; вокруг пятен, ошетинясь длинными иглами, желтели шары кактусов. Их было очень много на равнине, этих странных растений без корней, без листьев, без стволов.

- Бедный Славин, - сказал Мандель. - Вот беспокоится, наверное.

- Я тоже беспокоюсь, - проворчал Новаго.

- Ну, мы с вами врачи, - сказал Мандель.

- А что врачи? Вы хирург, я терапевт. Я принимал всего раз в жизни, и это было десять лет назад в лучшей поликлинике Архангельска, и у меня за спиной стоял профессор...

- Ничего, - сказал Мандель. - Я принимал несколько раз. Не надо только волноваться. Все будет хорошо.

Под ноги Манделю попал колючий шар. Мандель ловко пнул его. Шар описал в воздухе длинную пологую дугу и покатился, подпрыгивая и ломая колючки.

- Удар - и мяч медленно выкатывается на свободный, - сказал Мандель.

- Меня беспокоит другое: как будет ребенок развиваться в условиях уменьшенной тяжести?

- Это меня как раз совсем не беспокоит, - сердито отозвался Новаго. - Я уже говорил с Иванченко. Можно будет оборудовать центрифугу.

Мандель подумал.

- Это мысль, - сказал он.

Когда они огибали последний солончак, что-то пронзительно свистнуло, один из шаров в десяти шагах от Новаго взвился высоко в небо и, оставляя за собой белесую струю влажного воздуха, перелетел через врачей и упал в центре солончака.

- Ох! - вскрикнул Новаго.

Мандель засмеялся.

- Ну что за мерзость! - плачущим голосом сказал Новаго. - Каждый раз, когда я иду через солончаки, какой-нибудь мерзавец...

Он подбежал к ближайшему шару и неловко ударил его ногой. Шар вцепился колючками в полу дохи.

- Мерзость! - прошипел Новаго, на ходу с трудом отдирая шар сначала от дохи, а затем от перчаток.

Шар свалился на песок. Ему было решительно все равно. Так он и будет лежать - совершенно неподвижно, засасывая и сжимая в себе разряженный марсианский воздух, а потом вдруг разом выпустит его с оглушительным свистом и ракетой перелетит метров на десять - пятнадцать.

Мандель вдруг остановился, поглядел на солнце и поднес к глазам часы.

- Девятнадцать тридцать пять, - пробормотал он. Солнце сядет через полчаса.

- Что вы сказали, Лазарь Григорьевич? - спросил Новаго.

Он тоже остановился и оглянулся на Манделя.

- Блеяние козленка манит тигра, - произнес Мандель. - Не разговаривайте громко перед восходом солнца.

Новаго огляделся. Солнце стояло уже совсем низко. Позади на равнине погасли пятна солончаков. Дюны потемнели. Небо на востоке сделалось черным, как китайская тушь.

- Да, - сказал Новаго, озираясь, - громко разговаривать не стоит.

Говорят, у нее очень хороший слух.

Мандель поморгал заиндеветыми ресницами, изогнулся и вытащил из кобуры теплый пистолет. Он щелкнул затвором и сунул пистолет за отворот правого унта. Новаго тоже достал пистолет и сунул за отворот левого унта.

- Вы стреляете левой? - спросил Мандель.

- Да, - ответил Новаго.

- Это хорошо, - сказал Мандель.

- Да, говорят.

Они поглядели друг на друга, но ничего уже нельзя было рассмотреть выше маски и ниже меховой опушки капюшона.

- Пошли, - сказал Мандель.

- Пошли, Лазарь Григорьевич. Только теперь мы пойдем гуськом.

- Ладно, - весело согласился Мандель. - Чур, я впереди.

И они пошли дальше: впереди Мандель с саквояжем в левой руке, в пяти шагах за ним Новаго. "Как быстро темнеет, - думал Новаго. - Осталось километров двадцать пять по пустыне в полной темноте... И каждую секунду она может броситься на нас. Из-за той дюны, например, или из-за той, подальше. - Новаго зябко поежился. - Надо было выехать утром. Но кто мог знать, что на трассе есть каверны? Поразительное невезение. И все же надо было выехать утром. Даже вчера, с вездеходом, который повез на плантации пленки и аппаратуру. Впрочем, вчера Мандель оперировал. Темнеет и темнеет. Марк, наверное, места уже не находит. То и дело бегают на башню поглядеть, не едут ли долгожданные врачи. А долгожданные врачи тащатся пешком по ночной пустыне. Ирина успокаивает его, но тоже, конечно, волнуется. Это у них первый ребенок, и первый ребенок здесь, на Марсе, первый марсианин... Она очень здоровая и уравновешенная женщина! Но на их месте я бы воздержался от ребенка. Ничего, все будет благополучно. Только бы нам не задержаться..."

Новаго все время глядел вправо, на сереющие гребни дюн. Мандель тоже глядел вправо. Поэтому они не сразу заметили следопытов. Следопытов было тоже двое, и они появились слева.

- Эхой, друзья! - крикнул тот, что был повыше.

Другой, короткий, почти квадратный, закинул карабин за плечо и помахал рукой.

- Эге, - сказал Новаго с облегчением. - А ведь это Опанасенко и канадец Морган. Эхой, товарищи! - радостно заорал он.

- Какая встреча! - сказал, подходя, долговязый Гэмфри Морган. - Добрый вечер, доктор, - сказал он, пожимая руку Манделя. - Добрый вечер, доктор, - повторил он, пожимая руку Новаго.

- Здравствуйте, товарищи, - прогудел Опанасенко. - Какими судьбами?

Прежде чем Новаго успел ответить, Морган неожиданно сказал:

- Спасибо, все зажило, - и снова протянул Манделю длинную руку.

- Что? - спросил озадаченный Мандель. - Впрочем, я рад.

- О нет, он еще в лагере, - сказал Морган. - Но он тоже почти здоров.

- Что это вы так странно изъясняетесь, Гэмфри? - осведомился сбитый с толку Мандель.

Опанасенко схватил Моргана за край капюшона, притянул к себе и закричал ему прямо в ухо:

- Все не так, Гэмфри! Ты проспорил!

Затем он повернулся к врачам и объяснил, что час назад канадец случайно повредил в наушниках слуховые мембраны и теперь ничего не слышит, хотя уверяет, что может отлично обходиться в марсианской атмосфере без помощи акустической "техник".

- Он говорит, что и так знает, что ему могут сказать. Мы спорили, и он проиграл. Теперь он будет пять раз чистить мой карабин.

Морган засмеялся и сообщил, что девушка Галя с базы здесь совершенно ни при чем. Опанасенко безнадежно махнул рукой и спросил:

- Вы, конечно, на плантации, на биостанцию?

- Да, - сказал Новаго. - К Славиным.

- Ну, правильно, - сказал Опанасенко. - Они вас очень ждут. А почему пешком?

- О, какая досада! - виновато сказал Морган. - Не могу слышать совсем ничего.

Опанасенко опять притянул его к себе и крикнул:

- Подожди, Гэмфри! Потом расскажу!

- Гуд, - сказал Морган. Он отошел и, оглядевшись, стащил с плеча карабин. У следопытов были тяжелые двустольные полуавтоматы с магазинами на двадцать пять разрывных пуль.

- Мы потопили краулер, - сказал Новаго.

- Где? - быстро спросил Опанасенко. - Каверна?

- Каверна. На трассе, примерно сороковой километр.

- Каверна! - радостно сказал Опанасенко. - Слышишь, Гэмфри? Еще одна каверна!

Гэмфри Морган стоял к ним спиной и вертел головой в капюшоне, разглядывая темнеющие барханы.

- Ладно, - сказал Опанасенко. - Это после. Так вы потопили краулер и решили идти пешком? А оружие у вас есть?

Мандель похлопал себя по ноге.

- А как же, - сказал он.

- Та-ак, - сказал Опанасенко. - Придется вас проводить. Гэмфри! Черт, не слышит...

- Погодите, - сказал Мандель. - Зачем это?

- Она где-то здесь, - сказал Опанасенко. - Мы видели следы.

Мандель и Новаго переглянулись.

- Вам, разумеется, виднее, Федор Александрович, - нерешительно сказал Новаго, - но я полагал... В конце концов мы вооружены.

- Сумасшедшие, - убежденно сказал Опанасенко. - У вас там, на базе, все какие-то, извините, блаженные. Предупреждаем, объясняем - и вот, пожалуйста. Ночью. Через пустыню. С пистолетами. Вам что, Хлебникова мало?

Мандель пожал плечами.

- По-моему, в данном случае... - начал он, но тут Морган сказал: "ти-хо!", и Опанасенко мгновенно сорвал с плеча карабин и встал рядом с канадцем.

Новаго тихонько крикнул и потянул из унта пистолет.

Солнце уже почти скрылось - над черными зубчатыми силуэтами дюн светилась узкая желто-зеленая полоска. Все небо стало черным, и звезд было очень много. Звездный блеск лежал на стволах карабинов, и было видно, как стволы медленно двигаются направо и налево.

Потом Гэмфри сказал: "Ошибка. Прошу прощения", и все сразу зашевелились. Опанасенко крикнул на ухо Моргану:

- Гэмфри, они идут на биостанцию к Ирине Викторовне! Надо проводить!

- Гуд. Я иду, - сказал Морган.

- Мы идем вместе! - крикнул Опанасенко.

- Гуд. Идем вместе.

Врачи все еще держали в руках пистолеты. Морган повернулся к ним, всмотрелся и воскликнул:

- О, это не нужно! Это спрятать.

- Да-да, пожалуйста, - сказал Опанасенко. - И не вздумайте стрелять. И наденьте очки.

Следопыты были уже в инфракрасных очках. Мандель стыдливо сунул пистолет в глубокий карман дохи и перехватил саквояж в правую руку. Новаго помедлил немного, затем снова отпустил пистолет за отворот левого унта.

- Пошли, - сказал Опанасенко. - Мы поведем вас не по трассе, а напрямик, через раскопки. Это ближе.

Теперь впереди и правее Манделя шел с карабином под мышкой Опанасенко. Позади и правее Новаго вышагивал Морган. Карабин на длинном ремне висел у него на шее. Опанасенко шел очень быстро, круто забирая на запад.

В инфракрасные очки дюны казались черно-белыми, а небо - серым и пустым. Пустыня быстро остывала, и рисунок становился все менее контрастным, словно заволакивался туманной дымкой.

- А почему вас так обрадовала наша каверна, Федор Александрович? - спросил Мандель. - Вода?

- Ну как же, - сказал Опанасенко, не оборачиваясь. - Во-первых, вода, а во-вторых - в одной каверне мы нашли облицованные плиты.

- Ах, да, - сказал Мандель. - Конечно.

- В нашей каверне вы найдете целый краулер, - мрачно проворчал Новаго.

Опанасенко вдруг резко свернул, огибая ровную песчаную площадку. На краю площадки стоял шест с поникшим флажком.

- Зыбучка, - проговорил позади Морган. - Очень опасно.

Зыбучие пески были настоящим проклятием. Месяц назад был организован специальный отряд разведчиков - добровольцев, который должен был отыскать и отметить все зыбучие участки в окрестностях базы.

- Но ведь Хасэгава, кажется, доказал, - сказал Мандель, - что вид этих плит может объясняться и естественными причинами.

- Да, - сказал Опанасенко. - В том то и дело.

- А вы нашли что-нибудь за последнее время? - спросил Новаго.

- Нет. Нефть нашли на востоке, окаменелости нашли очень интересные. А по нашей линии - ничего.

Некоторое время они шли молча. Затем Мандель сказал глубокомысленно:

- Пожалуй, ничего странного в этом нет. На земле археологи имеют дело с остатками культуры, которым самое большее сотня тысяч лет. А здесь - десятки миллионов. Напротив, было бы странно...

- Да мы и не очень жалуемся, - сказал Опанасенко. - Мы сразу получили такой жирный кусок - два искусственных спутника. Нам даже копать ничего не пришлось. И потом, - добавил он, помолчав, - искать не менее интересно, чем находить.

- Тем более, - сказал Мандель, - что освоенная вами площадь пока так мала...

Он споткнулся и чуть не упал. Морган проговорил вполголоса:

- Петр Алексеевич, Лазарь Григорьевич, я подозреваю, что вы все время беседуете. Это сейчас нельзя. Федор меня подтвердит.

- Гэмфри прав, - виновато сказал Опанасенко. - Давайте лучше молчать.

Они миновали гряду барханов и спустились в долину, где слабо мерцали под звездами солончаки.

"Опять, - подумал Новаго. - Опять эти кактусы". Ему никогда еще не приходилось видеть кактусы ночью. Кактусы испускали ровный яркий инфракрасный свет. По всей долине были разбросаны светлые пятна. "Очень красиво! - подумал Новаго. - Может быть, ночью они взбрыкивают. Это было бы приятной неожиданностью. И без того нервы натянуты: Опанасенко сказал, что она где-то здесь..." Новаго попытался представить себе, каково было бы им сейчас без этого заслона справа, без этих спокойных людей с их тяжелыми смертоубийственными пушками наготове. Запоздалый страх морозом прошел по коже, словно наружный мороз проник под одежду и коснулся голого тела. С пистолетиками среди ночных дюн... Интересно, умеет Мандель стрелять? Умеет, конечно, ведь он несколько лет работал на арктических станциях. Но все равно... "Не догадался взять ружье на базе, дурак! - подумал Новаго. - Хороши бы мы сейчас были без следопытов... Правда, о ружье некогда было думать. Да и сейчас надо думать о другом. О том, что будет, когда доберемся до биостанции. Это поважнее. Это сейчас вообще самое важное - важнее всего".

"...Она всегда нападает справа, - думал Мандель, - все говорят, что она нападает только справа. Непонятно. И непонятно, почему она вообще нападает. Как будто последний миллион лет она только тем и занималась, что нападала справа на людей, неосторожно удалившихся ночью пешком от базы. Понятно, почему на удалившихся. Можно себе представить, почему ночью. Но почему на людей и почему справа? Неужели на Марсе есть свои двуногие, легко уязвимые справа или трудно уязвимые слева? Тогда где они? За пять лет колонизации Марса мы не встретили здесь животных крупнее мимикродона. Впрочем, она тоже появилась всего месяц назад. За два месяца восемь случаев нападения. И никто ее как следует не видел, потому что она нападает только ночью. Интересно, что она такое. У Хлебникова было разорвано правое легкое, пришлось ставить ему искусственное легкое и два ребра. Судя по ране, у нее необычайно сложный ротовой аппарат. По крайней мере, восемь челюстей с режущими пластинками, острыми, как бритва. Хлебников помнит только длинное блестящее тело с гладким волосом. Она прыгнула на него из-за бархана шагах в тридцати... - Мандель быстро огляделся по сторонам. - Вот бы мы сейчас шли вдвоем... - подумал он. - Интересно, умеет Новаго стрелять? Наверное, умеет, ведь он долго работал в тайге с геологами. Он хорошо это придумал - центрифуга. Семь-восемь часов в сутки нормальной тяжести для мальчишки будет вполне достаточно. Хотя почему для мальчишки? А если будет девочка? Еще лучше, девочки легче переносят отклонения от нормы..."

Долина с солончаками осталась позади. Справа потянулись длинные узкие

траншеи, пирамидальные кучи песка. В одной из траншей, уныло опустив ковш, стоял экскаватор.

"Экскаватор надо увести, - подумал Опанасенко. - Что он здесь зря болтается? Скоро бури начнутся. На обратном пути, пожалуй, и уведу. Жаль, что он такой тихоходный - по дюнам не более километра в час. А то было бы славно. Ноги гудят. Сегодня сделали с Морганом километров пятьдесят. В лагере будут беспокоиться. Ничего, с биостанции дадим радиограмму. Как там еще на биостанции будет! Бедный Славин. Но это все-таки здорово - на Марсе будет малыш! Значит, будут люди, которые когда-нибудь скажут: "я родился на Марсе". Только бы не опоздать. - Опанасенко пошел быстрее. - А доктора каковы! - Подумал он. - Воистину, докторам закон не писан. Хорошо, что мы их встретили. На базе, видимо, плохо понимают, что такое пустыня ночью. Хорошо бы ввести патруль, а еще лучше - облаву. На всех краулерах и вездеходах базы".

Гэмфри Морган, погруженный в мертвую тишину, шагал, положив руки на карабин, и все время глядел вправо. Он думал о том, что в лагере, кроме дежурного, обеспокоенного их отсутствием, все уже, наверное, спят; что завтра нужно перевести группу в квадрат е-ии; что теперь придется пять вечеров подряд чистить "федор'з ган"; что придется еще чинить слуховое устройство. Затем он подумал, что врачи молодцы и смельчаки и что Ирина Славина тоже молодец и смельчак. Затем он вспомнил Галю, радистку на базе, и с сожалением подумал, что при встречах она всегда спрашивает его о Хасэгава. Японец - превосходный товарищ, но в последнее время он тоже зачастил на базу. Правда, трудно спорить - Хасэгава умен. Это он первый подал мысль о том, что охота на "летающую пиявку" ("сора-тобу хиру") может иметь прямое отношение к задачам следопытов, потому что может навести людей на след марсианских двуногих... О, эти двуногие... Соорудить два гигантских сателлита и не оставить больше ничего...

Опанасенко вдруг остановился и поднял руку. Все остановились, а Гэмфри Морган вскинул карабин и круто развернулся вправо.

- Что случилось? - спросил Нового, стараясь говорить спокойно. Ему очень хотелось вытащить пистолет, но он постеснялся.

- Она здесь, - негромко сказал Опанасенко. Он помахал рукой Моргану.

Тот подошел, и они наклонились, всматриваясь в песок. В плотном песке виднелась неглубокая широкая колея, как будто здесь протащили мешок с чем-то тяжелым. Колея начиналась в пяти шагах справа и кончалась в пятнадцати шагах слева.

- Вот и все, - сказал Опанасенко. - Она нас выследила и идет за нами.

Он перешагнул через колею, и они пошли дальше. Нового заметил, что Мандель снова переложил саквояж в левую руку, а правую в карман дохи. Нового усмехнулся, но ему было нехорошо. Он испытывал страх.

- Что ж, - сказал Мандель неестественно веселым голосом. - Раз она нас уже выследила, давайте разговаривать.

- Давайте, - сказал Опанасенко. - А когда она прыгнет, падайте лицом вниз.

- Зачем? - оскорбленно спросил Мандель.

- Лежачего она не трогает, - пояснил Опанасенко.

- Ах да, правда.

- Остается пустяк, - проворчал Нового. - Узнать, когда она прыгает.

- А вы это заметите, - сказал Опанасенко. - Мы начнем палить.

- Интересно, - сказал Мандель. - Нападает она на мимикродонов? Когда они стоят столбиком, знаете? На хвосте и на задних лапах... Да! - воскликнул он. - Может быть она принимает нас за мимикродонов?

- Мимикродонов не стоит выслеживать и нападать на них именно справа, - сказал Опанасенко немного раздраженно. - К ним можно просто подойти и есть - с хвоста или с головы, как угодно.

Через четверть часа они снова пересекли колею и еще через десять минут другую. Мандель замолчал. Теперь он не вынимал правую руку из кармана.

- Минут через пять она прыгнет, - напряженным голосом сказал Опанасенко. - Теперь она справа от нас.

- Интересно, - тихонько сказал Мандель. - Если идти спиной вперед, она тоже прыгнет справа?

- Да помолчите же, Лазарь Григорьевич, - сказал сквозь зубы Нового.

Она прыгнула через три минуты. Первым выстрелил Морган. У Нового

зазвенело в ушах; он увидел двойную вспышку выстрелов, прямые, как лучи, следы двух трасс и белые звезды разрывов на гребне бархана. Секундой позже выстрелил Опанасенко. Бах-бах, бах-ба-бах! - гремели выстрелы карабинов, и было слышно, как пули с тупым треском рвутся в песок. На мгновение Новаго показалось, что он увидел оскаленную морду с выпученными глазами, но звезды разрывов и трассы уже сместились далеко в сторону, и он понял, что ошибся. Что-то длинное и серое стремительно пронеслось невысоко над барханами, пересекая гаснущие нити трасс, и только тогда Новаго бросился животом в песок. Тах, тах, тах! - Мандель стоял на одном колене и, держа пистолет в вытянутой руке, торопливо опустошал обойму куда-то в промежуток между Морганом и Опанасенко. Бах-ба-бах, бах-ба-бах! - гремели карабины. Теперь следопыты стреляли по очереди. Новаго увидел, как длинный Морган на четвереньках вскарабкался на бархан, упал, и плечи его затряслись от выстрелов. Опанасенко стрелял с колена, и белые вспышки раз за разом озаряли огромные черные очки и черный намордник кислородной маски.

Затем наступила тишина.

- Отбили, - сказал Опанасенко, поднимаясь и отряхивая песок с колен.
- Вот так всегда: если вовремя открыть огонь, она прыгает в сторону и удирает.

- Я попал в нее один раз, - громко сказал Гэмфри Морган. Было слышно, как он со звоном вытащил пустую обойму.

- Ты разглядел ее? - спросил Опанасенко. - Да он же не слышит.

Новаго, крихтя, поднялся и посмотрел на Манделя. Мандель, завернув полу дохи, втискивал пистолет в кобуру. Новаго сказал:

- Ну знаете, Лазарь Григорьевич...

Мандель виновато покашлял.

- Я, кажется, не попал, - сказал он. - Она передвигается с исключительной быстротой.

- Оч-чень рад, что вы не попали, - с сердцем сказал Новаго. - Здесь было много мишеней!

- Но вы видели ее, Петр Алексеевич? - спросил Мандель. Он нервно потирал руки в меховых перчатках. - Вы разглядели ее?

- Серая и длинная, как щука.

- И у нее нет конечностей! - возбужденно сказал Мандель. - Я совершенно отчетливо видел, что у нее нет конечностей. И, по-моему, у нее нет глаз!

Следопыты подошли к врачам.

- В такой кутерьме, - сказал Опанасенко, - очень легко перечислить, чего у нее нет. Гораздо труднее сказать, что у нее есть. - Он засмеялся. - Ну ладно, товарищи. Самое главное - нападение мы отбили.

- Я пойду поищу тело, - неожиданно сказал Морган. - Я попал один раз.

Опанасенко повернулся к нему.

- Что ты сказал, Федор? - спросил Морган.

- Ни в коем случае, - сказал Новаго.

- Нет, - сказал Опанасенко. Он притянул Моргана к себе и крикнул: - Нет, Гэмфри! Нет времени! Поищем завтра вместе на обратном пути!

Мандель поглядел на часы.

- Ого! - сказал он. - Уже десять пятнадцать. Сколько еще идти, Федор Александрович?

- Километров десять, не больше. К двенадцати будем там.

- Отлично, - сказал Мандель. - А где мой саквояж? - Он завертелся на месте. - А, вот он...

- Пойдем, как раньше, - сказал Опанасенко. - Вы слева. Может быть, она здесь не одна.

- Теперь бояться нечего, - проворчал Новаго. - У Лазаря Григорьевича пустая обойма.

И они пошли, как раньше. Новаго - в пяти шагах позади Манделя, впереди и правее - Опанасенко с карабином под мышкой, а позади и правее - Морган с карабином на шее.

Опанасенко шел быстро и думал, что больше так продолжаться не может. Независимо от того, убил Морган эту гадину или нет, послезавтра надо пойти на базу и организовать облаву. На всех краулерах и вездеходах, с ружьями, динамитом и ракетами... Ему пришел в голову аргумент для несговорчивого Иваненки, и он улыбнулся. Он скажет Иваненке: "На Марсе уже появились дети, пора очистить Марс от всякой гадости".

"Какова ночка! - думал Новаго. - Не хуже любой из тех, когда я заблудился в тайге. А самое главное еще и не начиналось и кончиться не раньше, чем к пяти утра. Завтра в пять, ну, в шесть утра парень уже будет вопить на всю планету. Только бы Мандель не подкачал. Нет, Мандель не подкачает. Папаша Марк Славин может быть спокоен. Через несколько месяцев мы будем всей базой таскать парня на руках, однообразно вопрошая: "А кто это у нас такой маленький? А кто это у нас такой пухленький?" Только надо все очень тщательно продумать с центрифугой. И вообще пора вызывать с земли хорошего педиатра... Парню совершенно необходим педиатр. Жаль вот, что следующие корабли будут только через год".

В том, что родится именно парень, Новаго не сомневался. Он очень любил парней, которых можно носить на руках, время от времени осведомляясь: "А кто это у нас такой маленький?"

Аркадий СТРУГАЦКИЙ
Борис СТРУГАЦКИЙ

ПЕРВЫЕ ЛЮДИ НА ПЕРВОМ ПЛОТУ

На попутной машине Марков добрался до поворота на Сельцы, дал шоферу полтинник и выпрыгнул из темной кабины. Мороз был градусов пятнадцать. Марков сразу понял это, когда почувствовал, что слипаются ноздри. Он знал эту примету: если ноздри слипаются, значит, ниже десяти. Грузовик заворчал, букснул задними колесами в обледеневшей колее и ушел за поворот, оставив горький на морозе, едкий запах бензинового перегара. Марков остался один. Он очень любил эту минуту: попутка скрывается за поворотом, остается только тихий, заваленный снегом лес, да сугробы вокруг, да серое низкое небо над головой, а он один, с рюкзаком и ружьем за спиной, мороз пощипывает щеки, воздух восхитительно свеж и вкусен, а впереди - две недели охоты, целых две недели молчаливого леса, и следов на снегу, и тягучих зимних вечеров в теплом домике лесника, когда ни о чем можно не думать, а только радоваться здоровью, снегу, спокойным добрым людям и размеренному течению дней, похожих друг на друга.

Марков встал на лыжи, поправил за плечами рюкзак и, перебравшись через кювет, вошел в лес по невидимой, но знакомой тропинке, ведущей к дому лесника Пал Палыча. Некоторое время он еще слышал гудение грузовика, а потом и оно стихло, только поскрипывал и шелестел под лыжами наст да где-то вдалеке каркали вороны.

До домика было километров восемь. Следов было немного, но Марков знал, что Пал Палыч не оставит его милостями и все еще будет: и следы, и тетерева, с грохотом вылетающие из-под снега, и выстрелы, и то до боли острое, азартное ощущение, когда точно знаешь, что попал, и огромная птица тяжело ухает в сугроб, и кажется, что земля вздрагивает от удара.

Обычно дом Пал Палыча встречал Маркова приветливым шумом. Зычно гавкал, гремя на весь лес цепью, здоровенный Трезор. "Цыц, бешеный!" - грозно кричала на него бабка Марья, мать Пал Палыча; и вдруг ни с того ни с сего принимался орать петух. Но на этот раз все было тихо, и Марков даже подумал, что дал вправо, как вдруг открылась полянка и он увидел дом. Он сразу почувствовал, что случилась какая-то беда. Калитка была распахнута, двор пуст, и стояла тишина, странная и недобрая.

Он все еще не понимал, откуда это ощущение беды; а потом сразу понял: слишком много распахнутых дверей. Дверь в дом была раскрыта настежь, и дверца курятника была сорвана и валялась в стороне, и дверь хлева тоже, и почему-то была раскрыта дверь на чердак. Одно из окон в доме разбито, будка Трезора перевернута, по всему двору разбросаны рыжие перья, а истоптанный снег забрызган красными пятнами. Сдерживая дыхание, Марков торопливо снял лыжи и пошел в дом. В доме все двери тоже были распахнуты, в разбитое окно тянуло морозом, но было еще тепло. Марков позвал: "Эй,

хозяйева!", но никто не откликнулся, да он и не ждал, что откликнутся. В комнатах было, как всегда, чисто и прибрано, но в сенях валялся на полу большой тулуп.

Марков вышел во двор, покричал, приставив ладони ко рту, и побежал вокруг дома. Из-под ног у него выскочил полосатый старухин кот Муркот и, надувши хвост, опрометью взлетел на крышу курятника. Марков остановился и позвал его, но кот посмотрел косо и, прижав короткие уши, так злобно и яростно затянул "дуа-уа", что сразу стало ясно: кот тут видел такое, что не скоро успокоится и поверит в чьи-нибудь добрые намерения.

Обойдя вокруг дома, Марков встал на лыжи, сбросил рюкзак и перезарядил ружье. Патроны с "двойкой" он выбросил прямо в снег, а в стволы загнал "нулевку", самое солидное, что у него было. Он не сомневался, что совершено преступление, и, как ни дика была эта мысль, ничто другое не приходило ему в голову. Теперь он видел, что через калитку протасили по снегу что-то тяжелое, пачкающее кровью, и видел, что след этот тянется по поляне и исчезает за деревьями. Вокруг было множество следов, они показались Маркову какими-то странными, но не было времени разбираться. Он взял ружье на изготовку и пошел рядом с жуткой бороздой, где в развороченном снегу расплывались красные пятна. "Сволочи, - думал он с холодной ненавистью, - зверье..." Все ему было совершенно ясно: в свое время Пал Палыч задержал злостного браконьера, и тот, вернувшись после отсидки, явился с пьяными друзьями отомстить, и они убили Пал Палыча и его мать, а потом, протрезвев, перепугались и уволокли трупы в лес, чтобы спрятать. Он отчетливо видел заросшие хари и налитые водкой глаза и думал, что стрелять будет не в ноги, а как на фронте.

У самых деревьев след разделился. Вправо потянулась цепочка странных следов, и, когда Марков понял, что это такое, он остановился озадаченный. Это были следы босых ног. Там, где наст выдержал и не провалился, можно было отчетливо видеть отпечатки голых ступней. Это казалось необъяснимым, и некоторое время Марков колебался, не зная, что делать, но потом все-таки пошел дальше вдоль запачканной кровью борозды. Она тянулась, петляя между кустами, зеленые ветви елей над нею выпрямились, освобожденные от снежных шапок. Иногда борозду пересекала цепочка следов босых ног. Потом Марков заметил впереди какое-то движение и остановился, судорожно сжав ружье.

Впереди в кустах кто-то был - кто-то живой, пестрый, яркий, словно раскрашенная кукла. Он сразу замер, и Марков не мог как следует рассмотреть его. Сквозь заснеженный лапник просвечивали желтые и красные пятна, и Маркову казалось, что он слышит тяжелое дыхание. Он шагнул вперед и хрипло крикнул: "Кто там? Стрелять буду". Никто не отозвался. Потом краем глаза Марков заметил какое-то движение слева и резко повернулся, выставив вперед ружье.

Прямо на него из-за деревьев выбежал удивительный человек. Если бы этот человек был в полушубке или в ватнике и держал бы в руках топор или ружье, Марков автоматически упал бы боком в снег, выбросив на лету перед собой двустволку, и хладнокровно расстрелял бы его. Но человек был гол, весь размазан красным и желтым, а в руке у него была длинная заостренная палка. Марков, открыв рот, смотрел, как он бежит, с необыкновенной легкостью выдергивая ноги из снега. Затем человек замедлил бег, весь изогнулся и, дико крикнув, метнул в Маркова свое копье. Марков инстинктивно присел и, не удержавшись на скрещенных лыжах, опрокинулся набок. Он был очень удивлен и испуган, и тем не менее странный полет копья даже тогда поразил его. Брошенное с силой, оно отделилось от руки размазанного человека и медленно поплыло по воздуху. Оно отстало от бегущего, а потом, все набирая скорость, обогнало его и пронеслось над головой Маркова с вибрирующим свистом. Марков еще слышал, как оно с треском врезалось в чащу, словно по кустам дали очередь разрывными пулями, но тут на Маркова навалились со всех сторон. Крепкие маленькие руки схватили его за лицо, опрокинули на спину, он почувствовал резкий неприятный запах, жестокий удар в подбородок, рванулся, и его оглушили.

Очнувшись, он обнаружил, что лежит в снегу под деревом. Слышались незнакомые голоса, какие-то неопределенные звуки, скрип. Неприятно и остро пахло. Он сразу все вспомнил и сел, опершись спиной о ствол. Перед ним была обширная поляна, и на ней - полно народу. У Маркова запестрело в глазах. Всюду сновали, крича во все горло, маленькие, голые, размазанные яркими красками люди. Рядом с Марковым такой же человек кричал и

размахивал копьем. А на другом конце поляны грузно лежало в снегу длинное серое сооружение, похожее не то на ковчег, не то на огромный, чуть расплывшийся огурец. Один конец сооружения был тупо срезан, как корма корабля. Другой был заострен и приподнят.

Марков зачерпнул снегу и потерял лоб и щеки. Он был без шапки и без ватника, ружье куда-то пропало. Человек, стоявший рядом, повернулся к Маркову и что-то сказал, зябко шевеля губами. Вид у него был дикий и свирепый - широкое скуластое лицо, расписанное желтыми зигзагами, щетинистые желтые волосы, большие злые глаза. Видно было, что он сильно замерз и челюсти у него сводит от холода.

- Что вам надо? - сказал Марков. - Кто вы такие?

Человек снова что-то сказал злым гортанным голосом, затем ткнул Маркова копьем. Копье было тяжелое, тупое, без всякого наконечника. Марков с трудом встал на ноги. Его сразу затошнило, закружилась голова. Человек снова выкрикнул несколько слов и снова ткнул его копьем, не сильно, но очень решительно. Марков, стараясь выиграть время, пока перестанет мутить, послушно пошел вперед, а человек двинулся за ним по пятам, время от времени постукивая его копьем то справа, то слева, указывая направление. Он гнал Маркова, как вола, а Марков чувствовал себя совершенно разбитым и никак не мог собраться с мыслями. Отчаянно болела голова.

Возле галеры Марков остановился и, обернувшись, посмотрел на своего погонщика. Тот что-то проорал, погрозил копьем и отошел в сторону. Тут все на поляне разразилось отчаянным воем, страшным визгом заверещала свинья, и Марков увидел, как ее волокут к борту галеры. Свинью подняли на руках и перевалили в узкую щель, которую Марков сначала не заметил. Люди на поляне перестали орать и размахивать копьями, сгрудились в толпу и тоже подошли к галере. Марков поймал себя на том, что пытается сосчитать их. Он насчитал три десятка маленьких размалеванных и еще четырех рослых людей с серой кожей. С рослыми обращались неуважительно: на них замахивались, кричали, то и дело подбегали к ним и толкали или пинали ногами, а те только, жмурясь, прикрывали лица и шли, куда их толкают. Это было тем более странно, что они как на подбор были здоровенные мужчины с огромными мускулами...

Гвалт стоял, как на вокзале во время эвакуации. Голова Маркова раскалывалась на части, так что он даже плохо видел. Он ощупал темя - там была огромная мягкая шишка, а волосы слиплись и смерзлись.

Серокожих рослых медленно подогнали к галере и построили в ряд возле Маркова, и это ему очень не понравилось, тем более что десяток маленьких копейщиков столпились напротив них в нескольких шагах, крича друг на друга и тыча пальцами в Маркова и рослых. Марков поглядел на своих соседей. Вид у них был забитый и удрученный, так что надеяться на них не приходилось. Тут Марков обнаружил свой ватник. Он был на одном из маленьких, пожалуй, на самом маленьком и размалеванном с головы до ног. Этот малыш кричал больше всех, яростно подпрыгивал, замахивался на других и пихался. Его слушались, но не очень. В конце концов он ударил кого-то древком по голове, подбежал к рослым, схватил одного за руку и потащил за собой. Тот слабо упирался, тихонько скуля. Все завопили, но потом разом смолкли и уставились на Маркова. Малыш в ватнике бросил рослого, подскочил к Маркову и схватил его за рукав. Марков рванулся и высвободился. Все заговорили, замахали руками и неожиданно полезли в галеру. У Маркова отлегло от сердца. Трое рослых забрались последними, с трудом протиснувшись в узкую щель.

Поляна опустела. Около галеры остались только малыш в ватнике, выбранный им верзила, стоявший понуро в тихом отчаянии, и Марков. Малыш обжег галеру кругом, посмотрел на небо, окинул взглядом поляну и верхушки деревьев и вдруг заорал диким голосом, уставив копьё в грудь рослому. Тот стал пятиться, уперся спиной в борт, не сводя глаз с копья, а малыш все наступал на него, оттесняя к корме. Марков тоже попятился к корме. За кормой все остановились, и малыш снова принялся прыгать, бесноваться и орать во все горло. Марков никак не мог понять, чего он хочет. - Чего ты орешь? - спросил он. Малыш заорал еще громче. Марков оглянулся на рослого. Рослый, расставив ноги, всем телом давил на широкую серую стену, нависавшую над ними. Видно, он пытался сдвинуть с места всю галеру, и это показалось Маркову таким же бессмысленным, как если бы он пытался передвинуть двухэтажный дом. Но рослый не видел в этом ничего

бессмысленного: он натужно кряхтел, упиравшись в корму грудью и напряженными руками. Тогда Марков тоже уперся в корму.

Корма возвышалась над головами метра на три. На ощупь она была не деревянной, скорее, она была сделана из какого-то минерала, серого, пористого, покрытого темными потеками. Малыш уперся копьём и тоже навалился. Все трое пыхтели от напряжения, толкая и упиравшись, словно вытаскивая из грязи буксующую машину, и Марков хотел уже бросить эту дурацкую затею, как вдруг почувствовал, что корма подается. Он не поверил себе. Но корма подавалась, она уходила от него, и ему пришлось переступить, чтобы не упасть. У него было такое ощущение, словно он сталкивал в воду тяжелый плот. Малыш поднял копьё и крикнул. Рослый остановился. Марков еще раз переступил и тоже остановился.

Это было необычайное зрелище: огромная неуклюжая галера медленно ползла на брюхе по снегу, воздух постепенно наполнялся скрипом. Рослый, косясь на малыша, стал медленно обходить корму. Малыш прикрикнул на него и ударил Маркова древком по плечу. Марков отскочил и развернулся. Малыш тоже отскочил и выставил перед собой копьё. Движения у него были стремительные и хищные. А рослый вдруг перестал красться и со всех ног пустился бежать за уползающей галерой. Галера ползла все быстрее.

Тогда малыш прыгнул в сторону и, обогнув Маркова, тоже помчался за галерой. Марков все еще не понимал, что происходит. Галера увеличивала скорость. Малыш обогнал рослого, подпрыгнул и ухватился за края щели. Навстречу ему потянулись руки, его схватили за руки, под мышки и потянули внутрь. Рослый взвизгнул, рванулся и ухватился за его ноги. Малыш ужасно заорал и выронил копьё. Галера уже не ползла, она скользила по воздуху, и скорость ее стремительно нарастала. С шумом рухнуло дерево, стоявшее на пути. Марков смотрел вслед. Это было жутко и грандиозно: огромное неуклюжее сооружение, грубое и угловатое, уходило в небо, все круче задирая нос. Некоторое время ноги рослого еще болтались в воздухе, затем его тоже втянули в щель. Галера свечой уходила к тучам. Марков услышал ревущий свист, словно летел реактивный самолет, и она скрылась. Рев затих, и Марков остался один.

Он обвел глазами поляну. Растоптанный снег, красные пятна на снегу, широкий прямой овраг до самой земли... Он пощупал темя. Было очень больно, и он застонал. Надо было добираться до жилья, а он не знал, где находится, и даже не пытался сориентироваться, так у него все перемешалось в голове.

Пошел снег, стало темнее. Держась за голову и постанывая на каждом шагу, Марков побрел вдоль борозды, оставленной галерой. Он увидел копьё, брошенное малышом, и поднял его, пытаясь рассмотреть, хотя от боли слезами застилало глаза. Копьё было тяжелое, черное, шершавое. Опираясь на него, Марков пошел дальше. Снег падал все гуще, и все сильнее болела голова, и скоро Марков перестал соображать, куда он идет и зачем. Пал Палыч с шумом допил чай из блюдца, подставил свою огромную расписную чашку под самовар и, повернув краник, смотрел, как закрученной струйкой бежит кипяток.

- Викинги, говоришь... - сказал он негромко.

Бабка Марья стучала топором, колола лучину для растопки. В доме было тепло, разбитое окошко заткнули тулупом. Марков сидел за столом, подперев рукой забинтованную голову.

- Плохо, брат, - сказал Пал Палыч. - Я как вернулся, увидел твой рюкзак, сразу подумал - плохо...

- Почему же плохо? - слабым голосом сказал Марков. - Наоборот! Открытие, Пал Палыч! Открытие!

- Н-да-а, - неопределенно прогудел Пал Палыч, отводя глаза и наливая в блюдце чай.

- Я думаю так, - продолжал Марков слабым голосом. - Прилетали они издалека, не знаю откуда, но есть у них там, наверное, дерево или какой-нибудь минерал с особенными свойствами. И стали они строить летающие корабли. Смелые, черти!.. - И он сморщился от тошноты.

Пал Палыч со стуком поставил блюдце на стол.

- Как это у тебя получается, Олег Петрович, - сказал он. - Не знаю, не знаю... Дикари голые, по воздуху летают и, значит, свиней воруют... Неувязочка! Брось ты про это думать, Олег Петрович. Выпей-ка ты еще чайку с малиной. Водки я тебе, пожалуй, больше не дам, пусть голова заживет, а чаек пей. Боюсь, не прохватило бы тебя...

Марков переждал, пока прошла тошнота.

- Надо немедленно сообщить в Москву, - сказал он. - Прямо в Академию наук. А что касается голых дикарей... Сто тысяч лет назад, Пал Палыч, наши предки, такие же вот дикари, сколотили первый плот и поплыли на нем вдоль берега. Они тоже не знали, почему плот плавает, почему дерево не тонет. Сто тысяч лет оставалось до Архимеда, да что там - многие не знают этого и сейчас. А предки плавали, строили плоты, потом лодки и - плавали. Ведь закон Архимеда понадобился только для тех, кто строил железные корабли, а деревянные прекрасно плавали и без закона. Так и эти... Им наплевать, почему этот материал летает по воздуху. Построили корабль, набились в него и пошли добычу искать.

- Н-да, - сказал Пал Палыч. - Ты, Олег, вот что... Не хотел я тебе говорить, да, видно, надо сказать. Бред это у тебя, померещилось тебе.

Марков непонимающе уставился на него.

- Как это - бред.

- Так вот. Лесиной тебя оглушило. В беспамятстве ты все с себя посрывал, в одной тельняшке по лесу бродил. Ружье где-то бросил, так я его и не нашел...

- Постой, постой, Пал Палыч, - сказал Марков. - А дом пустой как же? А кровь на снегу? А следы?... Окно выбито, все двери открыты... И кот Муркот...

Пал Палыч крикнул и почесал в затылке.

- Надо же, - сказал он, глядя веселыми глазами. - Как это у тебя все переделалось!.. Свинью я колол, Олег, свинью!.. А она у меня вырвалась и - с ножом - через двор да в лес! Я за ней, поскользнулся - в стекло въехал локтем... Понял? Трезора с цепи спустил, мать выскочила, тоже за свиньей побежала... Ведь верно, мать?

- Что это ты? - сказала бабка Марья.

- Свинью, говорю, колол! - заревел Пал Палыч.

- А?

- Свинью, говорю!

- Нет уж ее, - сказала бабка, качая головой. - Нет уж свинки...

- Ничего не понимаю, - сказал Марков.

- А тут и понимать нечего, - сказал Пал Палыч. - Академии наук тут не нужно. Вернулся я со свиньей, гляжу - твой рюкзак. Я по следу. Нашел сначала место, где тебя пришибло. Потом лыжи нашел. А потом уж к вечеру гляжу - сам идешь, за деревья держишься. Я было подумал, что обобрали тебя...

- Где это было? - спросил Марков.

- А километрах в пяти к северу, где мы с тобой в прошлом году зайца гоняли.

Марков помолчал, пытаясь вспомнить.

- А копьё? - спросил он. - Было при мне копьё?

Пал Палыч посмотрел на него, словно раздумывая.

- Ничего при тебе не было, - сказал он решительно. - Ни копыа, ни ватника. Так что брось это, забудь...

Марков медленно закрыл глаза. Голова, успокоившаяся было, снова начала болеть. "А может, и правда - бред", - подумал он.

- Пал Палыч, - сказал он, - дай-ка ты мне еще водки. Боюсь, не засну теперь.

- Болит? - спросил Пал Палыч.

- Болит, - сказал Марков. Летучий корабль... Летучие викинги... Не бывает такого и быть не может... Первые люди на первом плоту... Чепуха, поэзия.

Он кряхтя перебрался на лавку, где ему постелили.

Когда он заснул, Пал Палыч, накинув полушубок, прихватил инструмент и вышел во двор прилаживать дверцу курятника. За ночь снегопад кончился, солнце было яркое, снег во дворе сверкал девственной белизной. Пал Палыч работал со злостью и два раза стукнул себя молотком по большому пальцу, так что из-под ногтя выступила кровь. К нему подошла мать, пригорюнилась, подперла щеку рукой.

- Курей-то опять заводить будем, Пашенька? - сказала она.

- Заведем, - угрюмо ответил Пал Палыч. - И курей заведем, и свинью. Не впервой. У Москаленковых щенков хороший есть - надо взять... - Он встал и принялся отряхивать снег с колен.

- Чисто немцы - энти-то, - сказала бабка, всхлипнув.

- При немцах ты б в погребе не отсиделась, - сказал Пал Палыч. - Да и мне бы не уйти... Ты вот что, мать... Ты об этом никому ни слова, и особенно про палку, что я принес, а ты сожгла.

- Да я же не знала, Пашенька!.. Палка и палка.

- Ладно - сожгла и сожгла. А рассказывать все равно не надо. До Олега Петровича дойдет - очень обидится, а я его обижать не хочу. А чтобы он на тебя сердился, тоже не хочу. Поняла?

- Да поняла, - сказала бабка. - А палка-то, ох и красиво же она горела, эта палка! И красным, и синеньким, и зеленым - ну чисто изумруд!.. А кто же это были, Пашенька? Неужели опять немцы?

- Викинги! - сказал Пал Палыч сердито. - Викинги это были, дикие, понятно?

Аркадий СТРУГАЦКИЙ
Борис СТРУГАЦКИЙ

В НАШЕ ИНТЕРЕСНОЕ ВРЕМЯ

Первые две страницы рассказа утрачены безвозвратно. Мы собирались, да так и не собрались их восстановить. Впрочем, насколько я помню, ничего особенно интересного там не было - сидит у себя на даче редактор, клянет дурную погоду и правит скучную рукопись. (Примечание Б.Стругацкого.)

...уравновешенными и добропорядочными людьми. Я вздохнул и посмотрел в окно. Дачный поселок спал. Было тихо, только дождь шуршал да подвывала во сне дворняга соседей. Мокрая, унылая, свернувшаяся в клубок под крыльцом. Я взялся за вторую папку и проработал еще часа полтора.

Академик успел стушеваться и уйти с головой в научную работу, аспирантка сделала небольшое открытие и ушла от Володи, когда сквозь шум дождя я услышал какие-то новые звуки. Сначала я подумал, что это мокрая дворняга бродит в палисаднике. Но потом кто-то отворил дверь в сени, и в сенях что-то загремело - наверное, канистра, в которой я носил керосин из лавки. В дверь постучали, и раньше, чем я ответил, дверь отворилась. На пороге стоял совсем незнакомый человек в очень странном костюме. От удивления я даже, кажется, открыл рот. Человек затворил за собой дверь и сказал:

- Извините, можно у вас погреться?

Я смотрел на него. Он был весь мокрый и грязный с ног до головы, и у него зуб на зуб не попадал от холода. Я на всякий случай встал и сказал нерешительно:

- З-заходите...

На нем была толстая куртка с множеством карманов, стеганая, словно ватник, а из-под куртки торчали ноги в черном балетном трико в обтяжку. Обуви на ногах не было никакой. Это уже само по себе было странно, но он еще весь был вывалян в грязи, даже лицо было в грязи, будто его километра три протащили по деревенской улице волоком.

Он присел на табурет и улыбнулся. Улыбнулся весело, но с трудом - у него лицо сводило от холода. Я молча притащил керогаз и стал его разжигать, а незнакомец сидел, обхватив себя руками за плечи, и звонко стучал зубами. Я разжег керогаз. Незнакомец с трудом выговорил "спасибо" и протянул руки к огню. От куртки сразу повалил пар, и запахло сыростью.

- Где это вы так? - спросил я. - Машина застряла?

Он посмотрел на меня, засмеялся и сказал:

- Ага, машина.

Он совсем не походил на человека, у которого застряла машина. У него было худое веселое лицо, очень смуглое, какое-то хитрое и довольное, словно он только что кого-то очень ловко обманул или перехитрил. И весь он

был ловкий, крепкий, прочно сбитый. Было в нем что-то от молодого Мефистофеля.

- Далеко? - спросил я.

- Километров пять отсюда, - сказал он. - Я зашел в Поселок, смотрю - везде спят. Ну, думаю, имею один грипп. А тут ваше окно. Я так обрадовался, ей-богу!

- Слушайте, - сказал я. - Снимите ваш балахон. Он же мокрый насквозь.

Он посмотрел на меня, подумал и стал снимать куртку. Никогда в жизни я не видел такой сложной куртки. На ней было штук двадцать молний, и больше всего она напоминала пояс для спасения на водах. Он снимал ее минут пять, время от времени вздрагивая и судорожно поводя плечами.

- А где ваши ботинки? - не вытерпел я.

- В грязи утопил, - ответил он и опять засмеялся. - Грязь у вас здесь - прямо первобытная. Хорошо!

Под курткой у него оказалось все то же облегающее трико без ворота. Я хотел взять у него куртку и развесить в сенях, но он сказал:

- Нет, не надо, спасибо. Я так.

- Что значит - так? - удивился я. Он свернул куртку в рулон и положил у своих ног. - Так она и до утра не просохнет.

Он хихикнул.

- Не беспокойтесь, ей-богу. Мне до утра ждать не придется. Пусть здесь полежит.

И тут я заметил одну странную вещь. Эта черная рубашка у него тоже была вся в грязи. Грязь уже подсохла и отваливалась серыми струпами. Я сразу подумал: как это так много грязи могло попасть ему под куртку? С другой стороны - глупо лазить под машиной в трико, если есть толстая стеганая куртка.

Незнакомец грел руки над керогазом и смотрел на огонь. Он задумчиво улыбался. Странное у него было лицо. По-моему, он совершенно забыл обо всем - и обо мне, и о первобытной грязи... Конечно, про машину он врал, но кому придет в голову бродить ночью под дождем в таком балетном наряде?.. Чем-то он мне нравился все-таки - может быть, по контрасту с нудным престарелым академиком... Я сказал:

- Хотите водки? - Он все еще вздрагивал и поеживался.

Он поднял на меня глаза, и я увидел, что он колеблется. Тогда я встал, сходил за водкой и принес два стакана. Он уставился на водку, затем снова посмотрел на меня.

- Знаете... - нерешительно сказал он. - Пожалуй, не стоит... - Он снова посмотрел на водку и вдруг махнул рукой. - А ну их всех! Выпью!

Он взял свой стакан, чокнулся со мной и выпил залпом. Я пододвинул ему холодные котлеты и налил еще. Он подмигнул мне, снова махнул рукой и снова выпил.

- Все равно никто не узнает, - заявил он. - А узнают, так тоже не беда.

Я заметил у него на ладони свежие царапины. Под ногтями было полно грязи, а один ноготь был сломан и надорван, и на нем запеклась кровь.

Он взял с тарелки котлету, сунул ее целиком в рот и невнятно спросил:

- Что тут у вас новенького?

- Где это - у нас?

Он немножко смешался.

- Ну здесь, в этих краях... И вообще... Я на своей машине газет не получаю.

Я сказал, что на своей даче тоже не получаю газет. Он кивнул и снова протянул руки к огню.

- А тут у вас ничего... Только холодно.

- Погода дрянная, - сказал я. - Лето называется...

- Да, погодка не летняя, - сказал он с удовольствием. - Дождь. Кругом дождь. Я там влез в кусты - мокро, ужас! - Он радостно засмеялся.

Станный он был человек: грязный, мокрый, промерзший и все-таки чем-то необычайно довольный.

- Так что же у вас за машина? - спросил я иронически.

- "Победа", - быстро ответил он. Слишком быстро.

- Не вездеход?

- Да нет, пожалуй, не вездеход.

- И вас, конечно, снесло в кювет, - сказал я.

- А почему - конечно? Впрочем, действительно снесло. И представьте себе, именно в кювет... А скажите, сельсовет у вас тут есть?

Врал он весело и совершенно откровенно - он даже не пытался скрывать этого.

- Нет, сельсовета у нас нет, - сказал я медленно. - У нас дачный поселок. А зачем вам сельсовет?

Он засмеялся мне в лицо:

- А как же! Машину вытащить надо? Надо. А чем тащить? Трактором?

- Да, - сказал я неопределенно. - Действительно... Трактором.

Наступило молчание. Он смотрел на меня с откровенной насмешкой. Тогда я сказал внушительно:

- А вот милиция у нас есть. Совсем рядом - через два дома...

Незнакомец замахал на меня руками.

- Ну зачем же милиция?! - закричал он. - Давайте уж как-нибудь обойдемся без милиции!

- Давайте, - согласился я. Он мне нравился несмотря ни на что. Бдительность моя дремала.

- Славный у вас поселок, - заявил он неожиданно. - Тут дачу можно снять?

- Чего славного? - проворчал я. - Грязища да скука...

- Скука? Какая же это скука? Кругом зелень, речка, наверное, есть...

- Речка есть, - сказал я.

- Ну вот видите! И девушки здесь, наверное, приятные...

- Откуда здесь девушки, - сказал я сердито. - Одни жены дачные - поперек себя шире...

Он так и залился смехом, совершенно детским, и долго не мог остановиться, а потом вдруг настороженно прислушался и спросил:

- А до города далеко отсюда?

- Километров тридцать.

Я увидел, что вокруг его свернутой куртки натекло воды. Я нагнулся и протянул к куртке руку - он поймал меня за запястье.

- Не надо... - попросил он. Пальцы у него были горячие и твердые, как железо.

- Она же вся мокрая... - сказал я и попытался освободиться.

Он легко отвел мою руку.

- Ей-богу, не надо. Так высохнет. И потом я скоро все равно пойду.

Он отпустил мою руку.

- Куда же вы пойдете в такой дождь? - сказал я. - Оставайтесь ночевать.

Он подмигнул мне.

- А машина? Вдруг сопрут!..

- Как хотите, - сухо сказал я.

Все-таки он очень утомлял, этот странный человек. А он весело запел "Как в моем садочке...", опустил на корточки и стал разворачивать свою неприкосновенную куртку. Когда он развернул ее, откуда-то выпала маленькая черная коробочка и стукнулась об пол. Он ее сразу подхватил и сунул обратно в куртку. Я заметил только, что на коробочке горел зеленый огонек.

- Чуть не раскокал... - прошептал незнакомец и снова свернул куртку изнанкой внутрь. Я промолчал.

Он легко вскочил и бесшумно подошел к окошку. Я сидел и смотрел, как он, прижав лицо к стеклу, вглядывается в темноту.

- Это главная улица, да? - спросил он, не оборачиваясь.

Я сказал, что главная. Великолепного сложения был этот человек - стройный, плечистый, настоящий боец. Черное трико словно обливало его.

Он повернулся, несколько раз прыгнул на месте - мягко, как кот, и сказал весело:

- Вот я и обсох. Спасибо.

- На здоровье, - буркнул я и подумал, а не спросить ли у него все-таки документы. Но в эту минуту на улице взревели моторы, и в окна ударил свет прожектора.

- Прекрасно! - сказал незнакомец. - Это за мной.

Он сразу как-то подтянулся, перестал улыбаться, торопливо подобрал и набросил на плечи свою куртку и снова подошел к окну. Я увидел, что он открывает окно, и на всякий случай поднялся. На улице под дождем стояли две огромные машины на гусеницах. Послышались голоса. Незнакомец открыл

окно и высунулся по пояс. "Сейчас он сунет руку в задний карман..." - подумал я и приготовился на него прыгнуть. Но он только крикнул:

- Ксан Ксаныч, я здесь!

На улице радостно заорали в несколько голосов. Послышался беспорядочный топот, зачавкала грязь. Злобно взвыла напуганная соседская дворняга. В сенях загремело - вероятно, все та же канистра, - кто-то чертыхнулся сдавленным голосом.

Незнакомец повернулся и шагнул мимо меня. Дверь распахнулась. В комнату ввалились сразу трое - удивительно, как они втиснулись. Один, маленький, в мокром черном плаще, остался на пороге, а двое - бородатый и в очках - сразу кинулись к моему незнакомцу и принялись его обнимать.

- Жив, Вовка, жив!..

- У-у, медведь здоровый...

- Руки-ноги целы?.. Ой, не дави так!..

- А где она? - спросил незнакомец.

- Кончилась, Вова! - сказал бородатый и лихо сдвинул шляпу на затылок.

- Ничего, главное - ты у нас остался...

- ...нашли? - тут мой незнакомец употребил какое-то сложное слово, какой-то, видимо, термин, которого я не понял.

- Все, все нашли, - нежно сказал бородатый и снова обнял его. - Все нашли и еще полмешка луку в придачу!..

- Штаны твои нашли... - сказал очкастый. Маленький в черном плаще все смотрел на меня, приятно улыбаясь одними губами. У меня было такое ощущение, что я ему очень не нравлюсь.

- А я-то искал-искал, - сказал незнакомец. - Нет штанов! В грязи вывалялся как свинья. Куртку сразу нашел, а штаны - нет.

- Ну, пошли, - сказал бородатый и поволок незнакомца к выходу. Незнакомец дошел до дверей и вдруг остановился.

- Подождите, с хозяином надо проститься... - Он повернулся ко мне. - Спасибо вам за ласку, товарищ... Простите, не знаю вашего имени-отчества...

Он добродушно и растроганно улыбнулся и вдруг подмигнул. Я молча поклонился. Мне было неловко. Все смотрели на меня, особенно - маленький в черном плаще. Незнакомец сунул-таки руку в задний карман, покопался там, что-то вытащил, вложил мне в ладонь и вышел. Остальные последовали за ним, разговаривая во весь голос, и даже двери за собой не закрыли.

Я поднял руку к глазам. На ладони у меня лежал камешек. Обыкновенный камешек, пористый, серенький, похожий на песчаник. Голоса уже раздавались во дворе. Отчаянно заливалась дворняга. В голове у меня все шло кругом, и я ничего не понимал.

Вдруг кто-то сказал: "Извините". Передо мной стоял тот, в черном плаще, и приятно улыбался.

- Извините, - повторил он и осторожно взял камешек у меня с ладони.

- Что это? - спросил я.

Он внимательно посмотрел на меня, потом - мельком - на камешек, потом снова на меня.

- Это так... Шутка... Спокойной ночи. Простите нас за беспокойство...

Он повернулся и вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

За окном взревели моторы, и свет фар снова скользнул по окну.

Я посмотрел на пустую ладонь. Шутка, подумал я. Вот так шутка... Я стоял посреди комнаты, смотрел на стол, где громоздилась история престарелого академика, на пустой табурет, на воняющий керогаз, на мокрый след неприкосновенной куртки на полу и слушал, как затихает, удаляясь, рев могучих моторов.

Аркадий СТРУГАЦКИЙ
Борис СТРУГАЦКИЙ

БЕДНЫЕ ЗЛЫЕ ЛЮДИ

Царь сидел голый. Как нищий дурак на базаре, он сидел, втянув синие пупырчатые ноги, прислонясь спиной к холодной стене. Он дрожал, не открывая глаз, и все время прислушивался, но было тихо.

В полночь он проснулся от кошмара и сразу же понял, что ему конец. Кто-то хрипел и бился под дверью спальни, слышались шаги, позвякивание железа и пьяное бормотание дядюшки Бата, его высочества: "А ну,пусти... А ну, дай я... Да ломай ее, стерву, чего там..." Мокрый от ледяного пота, он бесшумно скатился с постели, нырнул в потайной шкаф и, не помня себя, побежал по подземному коридору. Под босыми ногами хлюпало, шарахались крысы, но тогда он ничего не замечал и только сейчас, сидя у стены, вспомнил все: и темноту, и осклизлые стены, и боль от удара головой об окованные двери храма, и свой невыносимо высокий визг.

Сюда им не войти, подумал он. Сюда никому не войти. Только если царь прикажет. А царь-то не прикажет... Он истерически хихикнул. Нет уж, царь не прикажет! Он осторожно разжмурился и увидел свои синие безволосые ноги с ободранными коленками. Жив еще, подумал он. И _б_у_д_у_ жив, потому что сюда им не войти.

Все в храме было синеватое от холодного света лампад - длинных светящихся трубок, протянутых под потолком. Посередине стоял на возвышении Бог, большой, тяжелый, с блестящими мертвыми глазами. Царь долго и тупо смотрел, пока Бога не заслонил вдруг плюгавый служка, совсем еще сопляк. Раскрыв рот и почесываясь, он стоял и глазел на голого царя. Царь снова прикрыл глаза. Сволочь, подумал он, гаденыш вшивый, скрутить ублюдка - и собакам, чтобы жрали... Он сообразил, что не запомнил хама как следует, но служки уже не было. Сопливый такой, хлипкий... Ладно, вспомним. Все вспомним, дядюшка Бат, ваше высочество. При отце небось сидел в уголке, пил себе потихоньку да помалкивал, на глаза боялся попасть, знал, что царь Простяга подлого предательства твоего не забыл...

Велик был отец, с привычной завистью подумал царь. Будешь великим, если у тебя в советниках ангелы Божьи во плоти. Все знают, все их видели: лики страшные, белые, как молоко, а одежды такие, что не поймешь, голые они или как... И стрелы у них были огненные, как бы молнии, кочевников отгоняли этими стрелами, и хотя метали в небо, половина орды покалечилась со страху. Дядюшка Бат, его высочество, шептал как-то, пьяно отрывая, что стрелы те метать может каждый, нужны лишь особые пращи, которые у ангелов есть и которые у них хорошо бы взять. А он еще тогда сказал - тоже был пьяный, - что раз хорошо взять, то и надо взять, чего там... И вскоре после этого застольного разговора один ангел упал со стены в ров, поскользнулся, наверное. Рядом с ним во рву нашли дядюшкина телохранителя с дротиком между лопаток. Темное это было дело, темное... Хорошо, что народ ангелов никогда не жаловал, страшно было на них глядеть, хотя и не понять, почему страшно, - ангелы были люди приветливые, веселые. Вот только глаза у них были страшные. Маленькие, блестящие, и все бегают да бегают... нечеловеческие глаза, немирные. Так народ и промолчал, хотя и дал ему отец, царь Простяга, такую волю, что вспомнить стыдно... и то сказать, отец до Переворота, говорят, шорником был. За такие разговоры я потом самолично глаза вырывал и в уши зашивал. Но помню, сядет он, бывало, под вечер на пороге Хрустальной Башни, примется кожу кроить - смотреть приятно. А я рядом примощусь, прижмусь к его боку, тепло, уютно... Из комнат ангелы поют, тихо так, слаженно, отец им подтягивает - он их речь знал, - а вокруг просторно, никого нет... не то что сейчас, стражников на каждом углу понатыкано, а толку никакого...

Царь горестно всхлипнул. Да, отец хороший был, только слишком долго не помирал. Нельзя же так при живом сыне... Сын ведь тоже царь, сыну тоже хочется... А Простяга все не стареет, мне уже за пятьдесят перевалило, а он все на вид моложе меня... Ангелы, видно, за него Бога просили... За него просили, а за себя забыли. Второго, говорят, прижали в отцовской комнате, в руках у него было по праще, но биться он не стал, перед смертью, говорят, кинул обе пращи за окно, лопнули они синим огнем, и пыли не осталось... Жалко было пращей... А Простяга, говорят, плакал и упился тогда до полусмерти - первый раз за свое царствование - искал все меня, рассказывают, любил меня, верил...

Царь подтянул колени к подбородку, обхватил ноги руками. Ну и что ж, что верил? Меру надо было знать, отречься, как другие делают... да и не знаю я ничего, и знать не желаю. Был только разговор с дядюшкой, с его высочеством.

"Не стареет, - говорит, - Простяга". - "Да, - говорю, - а что поделаешь, ангелы за него просили". Дядюшка тогда осклабился, сволочь, и шепчет: "Ангелы, - говорит, - нынче песенки уже не здесь поют". А я возьми и ляпни: "Ух это верно, и на них управа нашлась, не только на человеков". Дядюшка посмотрел на меня трезво и сразу ушел... Я ведь ничего такого и не сказал... Простые слова, без умысла... А через неделю помер Простяга от сердечного удара. Ну и что? И пора ему было. Казался только молодым, а на самом деле за сто перешел. Все померем...

Царь встrepенулcя и, прикрываясь, неловко поднялся на корточки. В храм вошел верховный жрец Агар, служки вели его под руки. На царя он не взглянул, приблизился к Богу и склонился перед возвышением, длинный, горбатый, с грязно-белыми волосами до пояса. Царь злорадно подумал: "Конеч тебе, ваше высочество, не успел, я тебе не Простяга, нынче же свои кишки жрать будешь, пьяная сволочь..." Агар проговорил густым голосом:

- Бог! Царь хочет говорить с тобой! Прости его и выслушай!

Стало тихо, никто не смел вздохнуть. Царь соображал: когда случился великий потоп и лопнула земля, Простяга просил Бога помочь, и Бог явился с неба комом огня в тот же вечер, и в ту же ночь земля закрылась, и не стало потопы. Значит, и сегодня так будет. Не успел дядюшка, ваше высочество, не успел! Никто тебе теперь не поможет...

Агар выпрямился. Служки, поддерживавшие его, отскочили и повернулись к Богу спиной, пряча головы руками. Царь увидел, как Агар протянул сложенные ладони и положил на грудь Бога. У Бога тотчас загорелись глаза. От страха царь стукнул зубами: глаза были большие и разные - один ядовито-зеленый, другой белый, яркий, как свет. Было слышно, как Бог задышал, тяжело, с потрескиванием, словно чахоточный. Агар попятился.

- Говори, - прошептал он. Ему, видно, тоже было не по себе.

Царь опустилcя на четвереньки и пополз к возвышению. Он не знал, что делать и как поступать. И он не знал, с чего начинать и говорить ли всю правду. Бог тяжело дышал, похрипывая грудью, а потом вдруг затянул тихонько и тоненько - жутко.

- Я сын Простяги, - с отчаянием сказал царь, уткнувшись лицом в холодный камень. - Простяга умер. Я прошу защиты от заговорщиков. Простяга совершал ошибки. Он не ведал, что делал. Я все исправил: смирил народ, стал велик и недоступен, как ты, я собрал войско... А подлый Бат мешает мне начать завоевание мира... Он хочет убить меня! Помоги!

Он поднял голову. Бог, не мигая, глядел ему в лицо зеленым и белым. Бог молчал.

- Помоги... - повторил царь. - Помоги! Помоги! - Он вдруг подумал, что делает что-то не так и Бог равнодушен к нему, и совсем нехстати вспомнил: ведь говорили, что отец его, царь Простяга, умер вовсе не от удара, а был убит здесь, в храме, когда убийцы вошли, никого не спросив. - Помоги! - отчаянно закричал он. - Я боюсь умереть сегодня! Помоги! Помоги!

Он скрючился на каменных плитах, кусая руки от нестерпимого ужаса. Разноглазый Бог хрипло дышал над его головой.

- Старая гадюка, - сказал Толя. Эрнст молчал. На экране сквозь искры помех черным уродливым пятном расплылся человек, прижавшийся к полу. - Когда я думаю, - снова заговорил Толя, - что, не будь его, Аллан и Дерек остались бы живы, мне хочется сделать что-то такое, что ты никогда не хотел делать.

Эрнст пожал плечами и отошел к столу.

- И я всегда думаю, - продолжал Толя, - почему Дерек не стрелял? Он мог бы перебить всех...

- Он не мог, - сказал Эрнст.

- Почему не мог?

- Ты пробовал когда-нибудь стрелять в человека?

Толя сморщился, но ничего не сказал.

- В том-то и дело, - сказал Эрнст. - Попробуй хоть представить. Это почти так же противно.

Из репродуктора донесся жалобный вой. "ПОМОГИ ПОМОГИ Я БОЮСЬ

ПОМОГИ..." - печатал автомат-переводчик.

- Бедные злые люди... - сказал Толя.

Аркадий и Борис Стругацкие.

О странствующих и путешествующих

Вода в глубине была не очень холодная, но я все-таки замерз. Я сидел на дне под самым обрывом и целый час осторожно ворочал головой, всматриваясь в зеленоватые мутные сумерки. Надо было сидеть неподвижно, потому что септоподы - животные чуткие и недоверчивые, их можно отпугнуть самым слабым звуком, любым резким движением, и тогда они уйдут и вернутся только ночью, а ночью с ними лучше не связываться.

Под ногами у меня копошился угорь, раз десять проплывал мимо и снова возвращался важный полосатый окунь. И каждый раз он останавливался и тарасил на меня бессмысленные круглые глаза. Стоило ему уплыть - и появлялась стайка серебристой мелочи, устроившая у меня над головой пастбище. Колени и плечи у меня окоченели совершенно, и я беспokoился, что Машка меня не дожидется и полезет в воду искать и спасать. Я в конце концов до того отчетливо представил себе, как она сидит одна у самой воды и ждет, и как ей страшно, и как хочется нырнуть и отыскать меня, - что совсем было решился вылезать, но тут наконец из зарослей, шагах в двадцати справа выплыл септопод.

Это был довольно крупный экземпляр. Он появился бесшумно и сразу, как привидение, округлым серым туловищем вперед. Белесая мантия мягко, как-то расслабленно и безвольно пульсировала, вбирая и выталкивая воду, и он слегка раскачивался на ходу сбоку на бок. Концы подобранных рук, похожие на обрывки большой старой тряпки, волочились за ним, и тускло светилась в сумраке щель прикрытого веком глаза. Он плыл медленно, как и все они в дневное время, в странном жутковатом оцепенении, неизвестно куда и непонятно зачем. Вероятно, им двигали самые примитивные и темные инстинкты, те же может быть, что управляют движением амебы.

Очень медленно и плавно я поднял метчик и повел стволом, целясь в раздутую спину. Серебристая мелочь вдруг мотнулась и пропала, и мне показалось, что веко над громадным остекленным глазом дрогнуло. Я спустил курок и сразу же оттолкнулся от дна, спасаясь от едкой сепии. Когда я снова взглянул, септопода уже не было видно, только плотное иссиня-черное облако расходилось в воде, заволакивая дно. Я вынырнул на поверхность и поплыл к берегу.

День был жаркий и ясный, над водой висела голубая парная дымка, а небо было пустым и белым, только из-за леса поднимались, как башни, неподвижные сизые груды облаков.

В траве перед нашей палаткой сидел незнакомый человек в пестрых плавках и с повязкой через лоб. Он был загорелый и не то чтобы мускулистый, но какой-то невероятно жилистый, словно переплетенный канатами под кожей. Сразу было видно до невозможности сильный человек. Перед ним стояла моя Машка в синем купальнике - длинноногая, черная, с копной выгоревших волос над острыми позвонками. Нет, она не сидела над водой, ожидая в тоске своего папу, - она что-то азартно рассказывала этому жилистому дядьке, вовсю показывая руками. Мне даже стало обидно, что она и не заметила моего появления. А дядька заметил. Он быстро повернул голову, посмотрелся и, заулыбавшись, потряс раскрытой ладонью. Машка обернулась и обрадованно заорала:

- А, вот он ты!

Я вылез на траву, снял маску и вытер лицо. Дядька улыбался, разглядывая меня.

- Сколько пометил? - спросила Машка деловито.

- Одного. - У меня сводило челюсти.

- Эх ты, - сказала Машка. Она помогла мне снять аквастат, и я растянулся на траве. - Вчера он двух пометил, - пояснила Машка. - Позавчера четырех. Если так будет, лучше прямо перебираться к другому озеру. - Она взяла полотенце и принялась растирать мне спину. - Ты похож на свежемороженого гусака, - объявила она. - А это Леонид Андреевич Горбовский. - Он астроархеолог. А это, Леонид Андреевич, мой папа. Его

зовут Станислав Иванович.

Жилистый Леонид Андреевич покивал, улыбаясь.

- Замерзли, - сказал он. - А у нас здесь так хорошо - солнце, травка...

- Он сейчас отойдет, - сказала Машка, растирая меня изо всех сил. - Он вообще веселый, только замерз сильно...

Было ясно, что она тут про меня наговорила всякого и теперь изо всех сил поддерживает мою репутацию. Пусть поддерживает. У меня не было времени этим заниматься - я стучал зубами.

- Мы с Машей здесь очень за вас беспокоились, - сказал Горбовский. - Мы даже хотели за вами нырять, но я не умею. Вот вы, наверное, даже не можете представить себе человека, которому ни разу не приходилось нырять на работе... - Он опрокинулся на спину, повернулся на бок и подперся рукой. - Завтра я улетаю, - сообщил он доверительно. - Просто не знаю, когда мне снова случится полежать на травке у озера и чтобы была возможность понырять с аквастатом...

- Валяйте, - предложил я.

Он внимательно посмотрел на аквастат и потрогал его.

- Обязательно, - сказал он и лег на спину.

Он заложил руки под голову и смотрел на меня, медленно помаргивая редкими ресницами. Было в нем что-то непобедимо располагающее. Не знаю даже, что именно. Может быть, глаза - доверчивые и немного печальные. Или то, что ухо у него оттопыривалось из-под повязки как-то очень уж потешно. Насмотревшись на меня, он перевел глаза и уставился на синюю стрекозу, качающуюся на травинке. Губы у него нежно вытянулись дудкой.

- Стрекозочка, - произнес он. - Стрекозулечка. - Синяя... Озерная... Красавица... Сидит себе аккуратненько, смотрит, кого бы слопать... - Он протянул руку, но стрекоза сорвалась с травинки и по дуге ушла к камышам. Он проводил ее глазами, а потом снова улегся. - Как это сложно, друзья мои, - сказал он, и Машка тотчас села и впиалась в него круглыми глазами. - Ведь совершенна, изящна и всем довольна! Скушала муху, размножилась, а там и помирать пора. Просто, изящно, рационально. И нет тебе ни духовного смятения, ни любовных мук, ни самосознания, ни смысла бытия...

- Машина, - сказала вдруг Машка. - Скучный кибер!

Это моя-то Машка! Я чуть не захохотал, но сдержался, только засопел, кажется, она посмотрела на меня с неудовольствием.

- Скучный, - согласился Горбовский. - Именно. А теперь представьте себе, товарищи, стрекозу ядовито-желто-зеленую, с красными поперечинами, размах крыльев семь метров, на челюстях черная гадкая слизь... Представили? - Он задрал брови и посмотрел на нас. - Вижу, что не представили. Я от них бегал без памяти, а у меня ведь было оружие... Вот и спрашивается, что у них общего, у этих двух скучных киберов?

- Эта зеленая, - сказал я, - с другой планеты, вероятно?

- Несомненно.

- С Пандоры?

- Именно с Пандоры, - сказал он.

- Что у них общего?

- Да. Что?

- Это же ясно, - сказал я. - Одинаковый уровень переработки информации. Реакция на уровне инстинкта.

Он вздохнул.

- Слова, - сказал он. - Правда, вы не сердитесь, но это же только слова. Это же мне не поможет. Мне надо искать следы разума во Вселенной, а я не знаю, что такое разум. А мне говорят о разных уровнях переработки информации. Я ведь знаю, что этот уровень у меня и у стрекозы разный, но ведь это все интуиция. Вы мне скажите: вот я нашел термитник - это следы разума или нет? На Марсе и Владиславе нашли здания без окон, без дверей. Это следы разума? Что мне искать? Развалины? Надписи? Ржавый гвоздь? Семигранную гайку? Откуда я знаю, какие они оставляют следы? Вдруг у них цель жизни - уничтожить атмосферу везде, где ни встретят. Или строить кольца вокруг планет. Или гибридизировать жизнь. Или создавать жизнь. А может быть, эта стрекоза и есть в незапамятные времена запущенный в самопроизводство кибернетический аппарат? Я уж не говорю о самих носителях разума. Ведь можно же двадцать раз пройти мимо и только нос

воротить от скользкого чучела, хрюкающего в луже. А чучело рассматривает тебя прекрасными желтыми бельмами и размышляет: "Любопытно. Несомненно, новый вид. Следует вернуться сюда с экспедицией и выловить хоть один экземпляр..."

Он прикрыл глаза ладонью и задудел песенку. Машка ела его глазами и ждала. Я тоже ждал и думал с сочувствием: плохо работать, когда задача не поставлена четко. Трудно работать. Бредешь, как впотьмах, и нет тебе ни радости, ни удовольствия. Слышал я об этих астроархеологах. Нельзя было к ним относиться серьезно. Никто и не относился.

- А разум в космосе есть, - сказал Горбовский. - Это несомненно. Уж теперь-то я знаю, что есть. Но он не такой, как мы думаем. Не тот, которого мы ждем. И ищем мы его не там. Или не так. И попросту не знаем мы, что ищем...

"Вот именно, - подумал я. - Не тот, не там, не так... Это же несерьезно, товарищи... Ребячество сплошное..."

- Вот, например, Голос Пустоты, - продолжал он. - Слыхали? Наверное, нет. Полсотни лет назад об этом писали, а теперь уж и не пишут. Потому что, видите ли, нет никаких сдвигов, а раз нет сдвигов, то, может, и Голоса-то нет? У нас ведь хватает этих зябликов - сами в науке разбираются плохо от лени или там плохого воспитания, но понаслышке знают, что человек-де всемогущ. Ай-яй-яй, стыдно, нельзя, не будем... Этаким дешевенький антропоцентризм...

- А что это такое - Голос Пустоты? - спросила Машка тихонько.

- Есть такой любопытный эффект. На некоторых направлениях в космосе. Если включить бортовой приемник на автонастройку, то рано или поздно он настроится на странную передачу. Раздается голос, спокойный и равнодушный, и повторяет он одну и ту же фразу на рыбьем языке. Много лет его ловят, и много лет он повторяет одно и то же. Я слышал это, и многие слышали, но немногие рассказывают. Это не очень приятно вспоминать. Ведь расстояние до Земли невообразимое. Эфир пуст - даже помех нет, только слабые шорохи. И вдруг раздается этот голос. А ты на вахте - один. Все спят, тихо, страшно - и этот голос. Да, неприятно, честное слово. Существуют записи этого голоса. Многие бились над дешифровкой и бьются сейчас, но, по-моему, это бессмысленно... Есть и другие загадки. Звездолетчики многое могли бы порассказать, только они не любят... - Он помолчал и добавил с какой-то печальной настойчивостью: - Это надо понять. Это не просто. Ведь мы даже не знаем, чего ждать. Они могут встретиться с ними в любую минуту. Лицом к лицу. И - вы понимаете - они могут оказаться неизмеримо выше нас. Совсем не такие, как мы, и вдобавок неизмеримо выше. Толкуют о столкновениях и конфликтах, о всяком там различном понимании гуманности и добра, а я не этого боюсь. Боюсь небывалого уничтожения человечества, гигантского психологического шока. Ведь мы такие гордые. Мы создали такой замечательный мир, мы знаем так много, мы вырвались в Большую Вселенную, мы там открываем, изучаем, исследуем - что? Для них эта Вселенная - дом родной. Миллионы лет они живут в ней, как мы живем на Земле, и только удивляются на нас: откуда такие появились среди звезд?..

Он вдруг замолчал и рывком поднялся, прислушиваясь. Я даже вздрогнул.

- Это гром, - тихонько сказала Машка. Она посмотрела на него, приоткрыв рот. - Гром... Гроза будет...

Он все прислушивался, шаря глазами по небу. - Нет, это не гром, - проговорил он наконец и снова сел. - Лайнер. Вон, видите?

На фоне сизых туч сверкнула и пропала блестящая полоска. И снова слабо громынуло в небе.

- Вот и сиди теперь - жди, - сказал он непонятно. Он посмотрел на меня, улыбаясь, а в глазах были печаль и напряженное ожидание. Потом все пропало, и глаза стали прежними, доверчивыми. - А вы чем занимаетесь, Станислав Иванович? - спросил он.

Я решил, что ему захотелось переменить тему, и стал рассказывать про септоподов. Что они относятся к подклассу двужаберных класса головоногих моллюсков и представляют собой особую, не известную ранее трибу отряда восьминогих. Характеризуются они редукцией третьей левой руки, парной к третьей правой гектокотилизированной, тремя рядами присосок на руках, полным отсутствием целома, необычайно мощным развитием венозных сердец,

максимальной для головоногих концентрацией центральной нервной системы и некоторыми другими, не столь значительными особенностями. Впервые их обнаружили недавно, когда отдельные особи появились у восточных и юго-восточных берегов Азии. А спустя год их стали находить в нижнем течении великих рек - Меконга, Янцзы, Хуанхэ и Амура, а также в озерах довольно далеко от океанского побережья - например, вот в этом озере. И это поразительно, потому что обыкновенно головоногие в высшей степени стеногалинны и избегают даже арктических вод с их пониженной соленостью. И они почти никогда не выходят на сушу. Но факт остается фактом: септоподы превосходно чувствуют себя в пресной воде и выходят на сушу. Они забираются в лодки и на мосты, а недавно двоих обнаружили в лесу, километрах в тридцати отсюда...

Машка меня слушать не стала. Я это ей все уже рассказывал. Она пошла в палатку, принесла оттуда "голосок" и включила автонастройку. Видно, ей было невтерпеж поймать Голос Пустоты.

А Горбовский слушал очень внимательно.

- Эти двое были живы? - спросил он.

- Нет, их нашли мертвыми. Здесь в лесу - заповедник. Септоподов затоптали и наполовину съели дикие кабаны. Но в тридцати километрах от воды они еще были живы! Мантийная полость обоих была набита влажными водорослями. Видимо, так септоподы создают некоторый запас воды для переходов по суше. Водоросли были озерные. Септоподы, несомненно, шли от этих вот озер дальше на юг, в глубь суши. Следует отметить, что все пойманные до сих пор особи были взрослыми самцами. Ни одной самки, ни одного детеныша. Вероятно, самки и детеныши не могут жить в пресной воде и выходить на сушу.

- Все это очень интересно, - сказал я. - Ведь, как правило, океанские животные резко меняют образ жизни только в периоды размножения. Тогда инстинкт заставляет их уходить в совершенно непривычные места. Но здесь не может быть и речи о размножении. Здесь какой-то другой инстинкт, может быть еще более древний и мощный. Сейчас для нас главное - проследить пути миграции. Вот я и сижу на этом озере, по десять часов в сутки под водой. Сегодня пометил одного. Если повезет - до вечера помечу еще одного-двух. А ночью они становятся необычайно активными и хватают все, что к ним приближается. Были даже случаи нападения на людей. Но только ночью.

Машка запустила приемник на полную мощность и наслаждалась могучими звуками.

- Потихе, Маша, - попросил я.

Она сделала потихе.

- Значит, вы их метите, - сказал Горбовский. - Забавно. Чем?

- Генераторами ультразвука. - Я вытащил из метчика обойму и показал ампулу. - Вот такими пульками. В пулке - генератор, прослушивается под водой на двадцать - тридцать километров.

Он осторожно взял ампулу и внимательно осмотрел ее. Лицо его стало печальным и старым.

- Остроумно, - пробормотал он. - Просто и остроумно. ..

Он все вертел в пальцах, словно ощупывая, ампулу, потом положил ее передо мной на траву и поднялся. Движения его стали медленными и неуверенными. Он отошел в сторону к своей одежде, разворошил ее, нашел брюки и застыл, держа их перед собой.

Я следил за ним, ощущая смутное беспокойство. Машка держала наготове метчик, чтобы рассказать, как с ним обращаться, и тоже следила за Горбовским. Углы губ ее скорбно опустились. Я давно заметил, что у нее это часто бывает: выражение лица становится таким же, как у человека, за которым она наблюдает...

Леонид Андреевич вдруг заговорил очень негромко и с какой-то насмешкой в голосе:

- Забавно, честное слово... До чего же отчетливая аналогия. Века они сидели в глубинах, а теперь поднялись и вышли в чужой, враждебный им мир... И что же их гонит? Темный древний инстинкт, говорите? Или способ переработки информации, поднявшийся до уровня нестерпимого любопытства? А ведь лучше бы ему сидеть дома, в соленой воде, но тянет что-то... тянет его на берег... - Он встрепенулся и принялся натягивать брюки. Брюки у него были старомодные, длинные. Натягивая их, он запрыгал на одной ноге.

- Правда, Станислав Иванович, ведь это, надо думать, не простые головоногие, а?

- В своем роде, конечно, - согласился я.

Он не слушал. Он повернулся к приемнику и уставился на него. И мы с Машкой тоже уставились на приемник. Из приемника раздавались мощные неблагозвучные сигналы, похожие на помехи от рентгеновской установки. Машка положила метчик.

- Шесть и восемь сотых метра, - сказала она растерянно. - Какая-то станция обслуживания, а что?

Он прислушивался к сигналам, закрыв глаза и наклонив голову набок.

- Нет, это не станция обслуживания, - проговорил он, - Это я.

- Что?

- Это я. Я - Леонид Андреевич Горбовский.

- 3-зачем?

Он засмеялся без всякой радости.

- Действительно - зачем? Очень хотел бы знать - зачем? - Он натянул рубашку. - Зачем три пилота и их корабль, вернувшись из рейса ЕН 101 - ЕН 2657, сделали источниками радиоволн с длиной волны шесть и восемьдесят три тысячных?

Мы с Машкой, конечно, молчали. И он замолчал, застегивая сандалии.

- Нас исследовали врачи. Нас исследовали физики. - Он поднялся и отряхнул с брюк песок и травинки. - Все пришли к единственному выводу: это невозможно. Можно было умереть от смеха, глядя на их удивленные лица. Но нам было, честное слово, не до смеху. Толя Обозов отказался от отпуска и улетел на Пандору. Он заявил, что предпочитает излучать подальше от Земли. Валькенштейн ушел работать на подводную станцию. Один я вот брожу и излучаю. И чего-то все время жду. Жду и боюсь. Боюсь, но жду. Вы понимаете меня?

- Не знаю, - сказал я и покосился на Машку.

- Вы правы, - сказал он. Он взял приемник и задумчиво приложил его к оттопыренному уху. - И никто не знает. Вот уже целый месяц. Не ослабевая, не прерываясь. Уа-уи... Уа-уи... Днем и ночью. Радуетесь мы или горюем. Сыты мы или голодны. Работаем или бездельничаем. Уа-уи... А излучение "Тариэля" падает. "Тариэль" - это мой корабль. Его теперь поставили на прикол. На всякий случай. Его излучение забивает управление какими-то агрегатами на Венере, оттуда шлют запросы, раздражаются... Завтра я уведу его подальше... - Он выпрямился и хлопнул себя длинными руками по бедрам. - Ну, мне пора. До свидания. Желаю вам удачи. До свидания, Машенька. Не ломайте над этим голову. Это очень не простая загадка, честное слово.

Он поднял руку раскрытой ладонью вверх, кивнул и пошел - длинный, угловатый. Мы смотрели ему вслед. У палатки он остановился и сказал:

- Знаете... Вы как-нибудь поделекатнее все-таки с этими септоподами... А то так вот - метишь, а ему, меченому, одни неприятности.

И он ушел. Я полежал немного животом вниз, затем поглядел на Машку. Машка все смотрела ему вслед. Сразу было видно, что Леонид Андреевич произвел на нее впечатление. А на меня нет. Меня совсем не трогали его соображения о том, что носители Мирового Разума могут оказаться неизмеримо выше нас. Пусть себе оказываются. По-моему, чем выше они будут, тем меньше у нас шансов оказаться у них на дороге. Это как плотва, для которой нипочем сеть с крупными ячейками. А что касается гордости, унижения, шока... Вероятно, мы переживем это. Я-то уж как-нибудь пережил бы. И то, что мы открываем для себя и изучаем давно обжитую ими Вселенную, - ну и что же? Для нас-то ведь она не обжита! А они для нас всего-навсего часть природы, которую тоже предстоит открыть и изучить, будь они хоть трижды выше нас... Они для нас внешние! Хотя, разумеется, если бы меня, например, пометили, как я мечу септоподов... Я взглянул на часы и поспешно сел. Пора было вернуться к делам. Я записал номер последней ампулы. Проверил аквастат. Слезил в палатку, нашел ультразвуковой локатор и положил его в карман плавок.

- Помоги мне, Маш, - сказал я и стал натягивать аквастат.

Матка все сидела перед приемником и слушала незатихающие "уа-уи". Она помогла мне надеть аквастат, и мы вместе вошли в воду. Под водой я включил локатор. Запели сигналы - это мои меченые сонно бродили по озеру. Мы значительно посмотрели друг на друга и вынырнули. Машка отплевалась, убрала мокрые волосы со лба и сказала:

- Да ведь есть же разница между звездным кораблем и мокрой тиной в жаберном мешке...

Я велел ей вернуться на берег и снова нырнул. Нет, на месте Горбовского я так не волновался бы. Все это слишком несерьезно. Как и вся его астроархеология. Следы идей... Психологический шок... Не будет никакого шока. Скорее всего, мы просто не заметим друг друга. Вряд ли мы им так уж интересны...

Аркадий и Борис Стругацкие.
Белый конус Алаида

Эмбриомеханика есть наука о моделировании
процессов биологического развития и теория
конструирования саморазвивающихся механизмов.
(Примечание авторов)

1

Вахлаков сказал Ашмарину:

- Вы поедете на остров Шумшу.

- Где это? - хмуро спросил Ашмарин.

- Северные Курилы. Летите сегодня в двадцать тридцать.

Грузопассажирским Новосибирск - Порт Провидения.

Механозародыши предполагалось опробовать в разнообразных условиях. Институт занимался главным образом делами межпланетников, поэтому тридцать групп из сорока семи направлялись на Луну и на другие планеты. Остальные семнадцать должны были работать на Земле.

- Хорошо, - медленно проговорил Ашмарин.

Он надеялся, что ему все же дадут межпланетную группу, хотя бы лунную, и у него было много шансов, потому что он давно не чувствовал себя так хорошо, как последнее время. Он был в отличной форме и надеялся до последней минуты. Но Вахлаков почему-то решил иначе, и нельзя даже поговорить с ним по-человечески, потому что в кабинете торчат какие-то незнакомые с постными физиономиями.

- Хорошо, - повторил он спокойно.

- Северокурильск уже знает, - сказал Вахлаков. - Конкретно о месте для пробы договоритесь в Байкове.

- Где это?

- На острове Шумшу. Административный центр Шумшу, - Вахлаков сцелил пальцы и стал глядеть на стену. - Сермус тоже остается на Земле, - сказал он. - Он поедет в Сахару.

Ашмарин промолчал.

- Так вот, - сказал Вахлаков. - Я уже подобрал вам помощников. У вас будет двое помощников. Хорошие ребята.

- Новички. - сказал Ашмарин.

- Они справятся, - быстро сказал Вахлаков. - Они получили общую подготовку. Хорошие ребята, говорю вам. Знают, что делать по любую сторону от мушки.

Незнакомые в кабинете почтительно улыбнулись. Вахлаков заметил:

- Один, между прочим, тоже был Десантником.

- Хорошо, - безразлично сказал Ашмарин. - У вас все?

- Все. Можете отправляться, желаю удачи. Ваш груз и ваши люди в сто шестнадцатой.

Ашмарин пошел к двери. Вахлаков помедлил и сказал вдогонку:

- И возвращайся скорее, камрад. У меня есть для тебя интересная тема.

Ашмарин притворил за собой дверь и немного постоял. Потом он вспомнил, что лаборатория 116 находится пятью этажами ниже, и пошел к лифту. В лифте он встретил Тацудзо Мисима, плотного бритоголового японца в голубых очках. Мисима спросил:

- Ваша группа куда, Федор Семенович?

- Курилы, - ответил Ашмарин.

Мисима поморгал припухшими глазками, вынул носовой платок и принялся вытирать очки. Ашмарин знал, что группа Мисима отправляется на Меркурий,

на Горящее Плато. Мисима было двадцать восемь лет, и он не налетал еще своего первого миллиарда километров. Лифт остановился.

- Саенара, Тацудзо. Еросику, - сказал Ашмарин.

Мисима улыбнулся во весь рот.

- Саенара, Федор-сан, - сказал он.

В лаборатории 116 было светло и пусто. В углу справа стояло Яйцо - полированный шар в половину человеческого роста. В углу слева сидели два человека. Когда Ашмарин вошел, они встали. Ашмарин остановился, разглядывая их. Им было лет по двадцать пять, не больше. Один был высокий, светловолосый, с некрасивым красным лицом. Другой пониже, смуглый красавец испанского типа, в замшевой курточке и тяжелых горных ботинках. Ашмарин сунул руки в карманы, встал на цыпочки и снова опустился на пятки. "Новички", - подумал он. Неожиданно заныло в правом боку, там, где не хватало двух ребер.

- Здравствуйте, - сказал он. - Моя фамилия Ашмарин.

Смуглый показал белые зубы.

- Мы знаем, Федор Семенович. - Он перестал улыбаться и представился:

- Кузьма Владимирович Сорочинский.

- Гальцев Виктор Сергеевич, - сказал светловолосый.

"Интересно, кто из них был Десантником, - подумал Ашмарин. - Наверное, этот испанец, Кузьма Сорочинский". Он спросил:

- Кто из вас был Десантником?

- Я, - ответил светловолосый Гальцев.

- И за что же вас? - спросил Ашмарин. - Если не секрет...

- Не секрет, - ответил Гальцев. - Дисциплина.

Он посмотрел Ашмарину в глаза. У Гальцева были светло-голубые глаза в пушистых женских ресницах. Они как-то не шли к его грубому красному лицу.

- Да, - сказал Ашмарин. - Десантнику надлежит быть дисциплинированным. Любому человеку надлежит быть дисциплинированным. Впрочем, это только мое мнение. Что вы умеете?

Он увидел, как брови Гальцева сдвинулись, и он ощутил что-то вроде удовлетворения. Он повторил:

- Что вы умеете, Гальцев?

- Я биолог, - сказал Гальцев. - Специальность - нематоды.

- А-а... - сказал Ашмарин и повернулся к Сорочинскому. - А вы?

- Инженер-гастроном, - громко отпартовал Сорочинский, снова показывая белые зубы.

"Прелестно, - подумал Ашмарин. - Специалист по глистам и кондитер. Недисциплинированный Десантник и замшевая курточка. Хорошие ребята. Особенно этот горе-Десантник. Черт бы побрал Вахлакова. Ашмарин представил себе, как Вахлаков, придирчиво и тщательно отобрав из двух тысяч добровольцев состав межпланетных групп, посмотрел на часы, посмотрел на списки и сказал: "Группа Ашмарина, Курилы. Ашмарин - человек деловой, опытный человек. Ему вполне достаточно троих. Даже двоих. Это же не на Меркурий, не на Горящее Плато. Дадим ему хотя бы вот этого Сорочинского и вот этого Гальцева. Тем более что Гальцев тоже был Десантником".

- Вы подготовлены к работе? - спросил Ашмарин.

- Да, - сказал Гальцев.

- Еще как, Федор Семенович, - сказал Сорочинский. - Обучены.

Ашмарин подошел к Яйцу и потрогал прохладную полированную поверхность. Потом он спросил:

- Вы знаете, что это такое? Вы, Гальцев.

Гальцев поднял глаза к потолку, подумал и сказал монотонным голосом:

- Эмбриомеханическое устройство МЗ-8. Механозародыш, модель восьмая.

Автономная саморазвивающаяся механическая система, объединяющая в себе программное управление МХВ - механохромосому Вахлакова, систему воспринимающих и исполнительных органов, дигестальную систему и энергетическую систему. МЗ-8 является эмбриомеханическим устройством, которое способно в любых условиях на любом сырье разворачиваться в любую конструкцию, заданную программой. МЗ-8 предназначен...

- Вы, - сказал Ашмарин Сорочинскому.

Сорочинский ответил не задумываясь:

- Данный экземпляр МЗ-8 предназначен для испытания в земных

условиях. Программа стандартная, стандарт Шестьдесят четыре: развитие зародыша в герметический жилой купол на шесть человек, с тамбуром и кислородным фильтром.

Ашмарин посмотрел в окно и спросил:

- Вес?

- Примерно полтора центнера.

Разнорабочие экспериментальной группы могли всего этого и не знать.

- Хорошо, - сказал Ашмарин. - Теперь я сообщу вам то, чего вы не знаете. Во-первых, Яйцо стоит девятнадцать тысяч человеко-часов квалифицированного труда. Во-вторых, оно действительно весит полтора центнера, и там, где понадобится, вы будете таскать его на себе.

Гальцев кивнул. Сорочинский сказал:

- Будем, Федор Семенович.

- Вот и прекрасно, - сказал Ашмарин. - Вот сразу и начинайте. Катите его к лифту и спустите в вестибюль. Затем отправляйтесь на склад и получите регистрирующую аппаратуру. Явитесь со всем грузом на аэродром к восьми вечера. Постарайтесь не опоздать.

Он повернулся и вышел. Позади раздался тяжелый гул: группа Ашмаринаступила к выполнению первого задания.

2

На рассвете грузопассажирский стратоплан сбросил группу на птерокаре над Вторым Курильским проливом. Гальцев с большим изяществом вывел птерокар из пике, осмотрелся, поглядел на карту, поглядел на компас и сразу отыскал Байково - несколько ярусов двухэтажных зданий из белого и красного литопласта, охватывающих полукругом небольшую, но глубокую бухту. Птерокар сел на набережной. Ранний прохожий (юноша в тельняшке и брезентовых штанах) объяснил им, где находится Управление. В Управлении дежурный администратор острова, он же старший агроном, пожилой сутулый айн, встретил их приветливо.

Выслушав Ашмарина, он предложил на выбор несколько невысоких сопок у северного берега. Он говорил по-русски довольно чисто, только иногда останавливался посередине слова, как будто не был уверен в ударении или заикался.

- Северный берег - это довольно далеко, - сказал он. - И туда нет хорошей дороги. Но у вас есть птеро... кар. И потом, я не могу предложить вам что-нибудь ближе. Я плохо понимаю в физических опытах. Но большая часть острова занята под бахчи, баштаны, парники. Везде сейчас работают школьники... ки. Я не могу рис... ковать.

- Никакого риска нет, - сказал Сорочинский. - Совершенно никакого риска.

Ашмарин вспомнил, как однажды, два года назад, он целый час просидел на пожарной лестнице, спасаясь от пластмассового упыря, которому для самосовершенствования понадобилась протоплазма. Правда, тогда еще не было Яйца.

- Спасибо, - сказал он. - Нас вполне устраивает северный берег.

- Да, - сказал айн. - Там нет ни бахчей, ни парников. Там только береза. И еще где-то там работают архео... логи.

- Археологи? - удивился Сорочинский.

- Спасибо, - сказал Ашмарин. - Я думаю, мы отправимся сейчас же.

- Сейчас будет завтрак, - сказал айн.

Они молча позавтракали.

- Спасибо, - сказал Ашмарин поднимаясь. - Я думаю, нам следует торопиться.

- До свидания, - сказал айн. - Если вам что-нибудь понадобится, обращайтесь без стес... нения.

- Нет, мы не будем стес... няться, - сказал Сорочинский.

Ашмарин вскользь взглянул на него и снова повернулся к айну.

- До свидания, - сказал он.

В птерокаре Ашмарин сказал:

- Если вы, юноша, позволите себе еще одну такую выходку, я вас выставлю с острова.

- Извиняюсь, - сказал Сорочинский, сильно краснея. Румянец сделал его смуглое лицо еще более красивым.

На северном побережье действительно не было ни бахчей, ни парников и была только береза. Курильская береза растет "лежа", стелется по земле, и ее мокрые узловатые стволы и ветви образуют плотные, непроходимые переплетения. С воздуха заросли курильской березы представляются безобидными зелеными лужайками, вполне пригодными для посадки не очень больших машин. Ни Гальцев, который вел птерокар, ни Ашмарин и Сорочинский понятия не имели о курильской березе. Ашмарин показал на круглую сопку и сказал: "Здесь". Сорочинский робко взглянул на Ашмарина и сказал: "Хорошее место". Гальцев выпустил шасси и повел птерокар на посадку прямо в центр обширного зеленого поля у подножия круглой сопки. Через минуту птерокар с треском зарылся носом в хилую зелень курильской березы. Ашмарин услышал этот треск, увидел миллионы разноцветных звезд и на некоторое время потерял сознание.

Потом он открыл глаза и прежде всего увидел руку. Она была большая, загорелая, и свежепощапаные пальцы ее словно нехотя перебирали клавиши на пульте управления. Рука исчезла, и появилось темно-красное лицо с голубыми глазами в женских ресницах.

- Товарищ Ашмарин, - сказал Гальцев, с трудом шевеля разбитыми губами.

Ашмарин, кряхтя, попробовал сесть. Очень болел правый бок, и, кажется, саднило лоб. Он потрогал лоб и поднес пальцы к глазам. Пальцы были в крови. Он поглядел на Гальцева. Тот вытирал рот носовым платком.

- Мастерская посадка, - сказал Ашмарин. - Вы меня радуете, товарищ специалист по нематодам.

Гальцев молчал. Он прижимал к губам скомканный носовой платок, и лицо его было неподвижно. Высокий дрожащий голос Сорочинского сказал:

- Он не виноват, Федор Семенович.

Ашмарин медленно повернул голову и посмотрел на Сорочинского. Сорочинский был взъерошен.

- Гальцев не виноват, - повторил он и отодвинулся.

Ашмарин приоткрыл дверцу кабины, высунул голову наружу и несколько секунд разглядывал вырванные с корнем, изломанные стволы, запутавшиеся в шасси. Он протянул руку, сорвал несколько жестких глянцевиных листочков, помял их в пальцах и попробовал на язык. Листочки были терпкие и горькие. Ашмарин сплюнул и спросил, не глядя на Гальцева:

- Машина цела?

- Цела, - ответил Гальцев сквозь платок.

- Зуб что ли выбили? - спросил Ашмарин.

- Да, - сказал Гальцев. - Выбил.

- До свадьбы заживет, - пообещал Ашмарин. - Попробуйте поднять машину на вершину сопки.

Вываться из дурацких зарослей было не очень просто, но в конце концов Гальцев посадил птерокар на вершине круглой сопки. Ашмарин, поглаживая ладонью правый бок, вылез и огляделся. Отсюда остров казался безлюдным и плоским, как стол. Сопка была голая и рыжая от вулканического шлака. С востока на нее напоздали заросли курильской березы, к югу тянулись зеленые прямоугольники бахчей. До западного берега было километров семь, за ним в сиреновой дымке проступали бледно-лиловые горные вершины, а еще дальше и правее в синем небе неподвижно висело странное треугольное облако с четкими очертаниями. Северный берег был гораздо ближе. Он круто уходил в море, над обрывом торчала нелепая серая башня - вероятно, колпак старинного японского дота. Возле башни белела палатка и копошились фигурки людей. Это были археологи, о которых говорил дежурный администратор. Ашмарин потянул носом. Пахло соленой водой и нагретым камнем. И было очень тихо, не слышно даже прибоя.

Хорошее место, подумал Ашмарин. Яйцо оставить здесь, кинокамеры и прочее - на склонах, а лагерь оборудовать внизу, на бахчах. Арбузы, наверное, здесь еще зеленые. Затем он подумал об археологах. До них отсюда километров пять, но все равно их надо предупредить, чтобы они не очень удивлялись, когда мезозавроид начнет развиваться. Интересно, что делают здесь археологи. Ашмарин позвал Гальцева и Сорочинского и сказал:

- Опыт проведем здесь. По-моему, место подходящее. Сырье - лава, туф, как раз то, что нужно. Приступайте.

Гальцев и Сорочинский подошли к птерокару и открыли багажник. Из багажника брызнули солнечные зайчики. Сорочинский залез в багажник,

покряхтел и вдруг одним толчком выкатил Яйцо на землю. Хрустя по шлаку, Яйцо прокатилось несколько шагов и остановилось. Гальцев едва успел отскочить в сторону.

- Зря, - сказал он тихо. - Надорвешься.

Сорочинский прыгнул и сказал басом:

- Ничего, мы привычные.

Ашмарин походил вокруг Яйца, попробовал толкнуть. Яйцо даже не покачнулось.

- Прекрасно, - сказал он. - Теперь кинокамеры.

Они долго возились, устанавливая кинокамеры: кинокамеру с инфракрасным объективом, кинокамеру со стереообъективом, кинокамеру с объективом, регистрирующим температурные характеристики, кинокамеру с набором светофильтров.

Было уже около двенадцати, когда Ашмарин осторожно промокнул рукавом потный лоб и вытащил из кармана пластмассовый футляр с активатором. Гальцев и Сорочинский придвинулись сзади, заглядывая через его плечо. Ашмарин неторопливо вытряхнул активатор на ладонь - это была блестящая трубочка с присоской на одном конце и красной рубчатой кнопкой на другом. "Приступим", - сказал он вслух. Он подошел к Яйцу и прижал присоску к полированному металлу. Помедлив секунду, большим пальцем надавил на красную кнопку.

Теперь разве только прямым попаданием из ракетного ружья можно было бы остановить процессы, которые пошли под блестящей оболочкой. Серия высокочастотных импульсов разбудила механизм, сотни микрорецепторов послали в позитронный мозг и в механохроносому информацию о внешней среде, настройка механозародыша на полевые условия началась. Неизвестно, сколько времени она будет продолжаться. Но когда настройка закончится, механизм начнет развиваться.

Ашмарин взглянул на часы. Было двенадцать ноль пять. Он с усилием отделил активатор от поверхности Яйца, спрятал в футляр и положил в карман. Потом он оглянулся на Гальцева и Сорочинского. Они стояли за его спиной и молча смотрели на Яйцо. Сидоров в последний раз потрогал Яйцо и сказал: "Пошли".

3

Ашмарин приказал остановиться между сопкой и бахчами. Яйцо было хорошо видно отсюда - серебряный шарик на рыжем холме под синим небом. Ашмарин послал Сорочинского к археологам, а сам уселся в траву в тени птерокара. Гальцев уже дремал, забравшись от солнца под птерокар. Ашмарин курил и поглядывал то на вершину сопки, то на странное треугольное облако на западе. В конце концов он взял бинокль. Как он и ожидал, треугольное облако оказалось снежным пиком какой-то горы, должно быть вулкана. В бинокль были видны узкие тени проталин, можно было даже различить снеговые пятна ниже неровной белой кромки. Ашмарин отложил бинокль и стал думать о том, что Яйцо раскроется скорее всего, ночью, и это хорошо, потому что дневной свет сильно влияет на работу кинокамер. Затем он подумал, что Сермус, вероятно, вдребезги разругался с Вахлаковым, но в Сахару все-таки доехал. Затем ему пришло в голову, что Мисима сейчас грузится на ракетодроме в Киргизии, и он снова ощутил ноющую боль в правом боку. "Старость, немощь", - пробормотал он и покосился на Гальцева. Гальцев лежал ничком, положив руки под голову.

Через полтора часа вернулся Сорочинский. Он был голый до пояса, его смуглая гладкая кожа лоснилась от пота. Замшевую курточку и сорочку он нес под мышкой. Сорочинский опустился перед Ашмариным на корточки и, блестя зубами, рассказал, что археологи благодарят за предупреждение и очень заинтересованы, что их четверо, но им помогают школьники из Байкова и Северокурильска, что они копают подземные японские укрепления середины прошлого века и, наконец, что начальником у них "очень симпатичная девочка".

Ашмарин поблагодарил и попросил распорядиться насчет обеда. Он сидел в тени птерокара и, покусывая былинку, шурился на далекий белый конус. Сорочинский разбудил Гальцева, и они возились в стороне, негромко переговариваясь.

- Я приготовлю суп, - сказал Сорочинский, - а ты займись вторым,

Витя.

- У нас где-то курятина есть, - сиплым со сна голосом сказал Гальцев.

- Вот курятина, - сказал Сорочинский. - Археологи прекрасные ребята. Один весь в бороде - живого места нет. Они копают японские укрепления сороковых годов прошлого века. Здесь была подземная крепость с двадцатитысячным гарнизоном. Потом их вышибли советские войска, вернее взяли в плен со всеми пушками и танками. Этот бородатый подарил мне пистолетный патрон. Вот!

Гальцев сказал недовольно:

- Не суй ты мне эту, пожалуйста, ржавчину.

Запахло супом.

- Начальник у них, - продолжал Сорочинский, - такая славная девушка. Блондинка, стройная такая, хорошенькая. Она посадила меня в дот и заставила смотреть в амбразуру. Отсюда, говорит, простреливался весь северный берег.

- Ну и как? - спросил Гальцев. - Действительно простреливался?

- Кто его знает. Наверное. Я в основном на нее смотрел. Потом мы с ней измеряли толщину перекрытий.

- Так два часа и измеряли?

- Угу. А потом я сообразил, что у нее такая же фамилия, как у бородатого, и сразу же удалился. А в казематах этих, я тебе скажу, прегадостно. Темно, и на стенках плесень. А хлеб где?

- Вот он, - сказал Гальцев. - А может быть, она просто сестра этому бородатому?

- Может быть. А как Яйцо?

- Никак.

- Ну и ладно, - сказал Сорочинский. - Федор Семенович, прошу к столу.

За едой Сорочинский объявил, что японское слово "тотика" происходит от русского термина "огневая точка", а русское слово "дот" восходит к английскому "дот", что тоже значит "точка". Затем он принялся очень длинно рассказывать о дотах, казематах, амбразурах и о плотности огня на квадратный метр, поэтому Ашмарин постарался есть побыстрее и отказался от фруктов. После обеда он оставил Гальцева наблюдать за Яйцом, забрался в птерокар и задремал. Вокруг было удивительно тихо, только Сорочинский, мывший у ручья посуду, время от времени принимался петь. Гальцев сидел с биноклем и, не отрываясь, глядел на вершину сопки.

Когда Ашмарин проснулся, солнце садилось, с юга напозлали темно-фиолетовые сумерки, стало прохладно. Горы на западе стали черными, серой тенью висел над горизонтом конус давешнего вулкана. Яйцо на вершине сопки сияло багровым пламенем. Над бахчами ползла сизая дымка. Гальцев сидел в той же позе и слушал Сорочинского.

- В Астрахани, - говорил Сорочинский, - я ел Шахскую Розу. Это арбуз редкой красоты. Он имеет вкус ананаса.

Гальцев покашливал.

Ашмарин посидел еще несколько минут, не двигаясь, прислушиваясь к ноющей боли в боку. Он вспомнил, как они с Горбовским ели арбузы на Венере. С Земли перебросили целый корабль арбузов для планетологической станции. Они ели арбузы, въедаясь в хрустящую мякоть, сок стекал у них по щекам, и потом они стреляли друг в друга скользкими черными семечками.

- Пальчики оближешь, говорю тебе, как гастроном!

- Тише, - сказал Гальцев. - Разбудишь Старика.

Ашмарин сел поудобнее, положил подбородок на спинку переднего сиденья и прикрыл глаза. В кабине было тепло и немного душно - металлопласт кабины остывал медленно.

- Значит тебе не приходилось летать со Стариком? - спросил Сорочинский.

- Нет, - сказал Гальцев.

- Мне его немного жаль. И одновременно я завидую. Он прожил такую жизнь, какую мне никогда не прожить. Да и многим другим. Но все-таки он уже прожил.

- Почему, собственно, прожил? - спросил Гальцев. - Он только перестал летать.

- Птица, которая перестала летать... - Сорочинский замолчал. -

Вообще, всем Десантникам теперь конец, - сказал он неожиданно.

- Ерунда, - спокойно ответил Гальцев.

Ашмарин услышал, как Сорочинский завозился на месте.

- Вот оно, - сказал Сорочинский. - Их будут делать сотнями и сбрасывать на неизвестные и опасные миры. И каждое Яйцо построит там город, ракетодром, звездолет. Оно будет разрабатывать шахты и рудники. Будет ловить и изучать твои нематоды. А Десантники будут только собирать информацию и снимать разнообразные пенки.

- Ерунда, - повторил Гальцев. - Город, шахта... А герметический купол на шесть человек?

- Что герметический купол?

- Кто эти шесть человек?

- Все равно, - упрямо заявил Сорочинский. - Все равно Десантникам конец. Герметический купол - это только начало. Будут посылать вперед автоматические корабли, которые сбросят Яйца, а тогда, на все готовое, будут приходить люди...

Он принялся рассуждать о перспективах эмбриомеханики, явно цитируя известный доклад Вахлакова. Об этом много говорят, подумал Ашмарин. И все это верно. Когда были испытаны первые планетолеты-автоматы, тоже много говорили о том, что межпланетникам останется только снимать пенки. А когда Акимов и Сермус запустили первую СКИБР - систему кибернетических разведчиков, - Ашмарин даже хотел уйти из Десантников. Это было двадцать лет назад, и с тех пор ему приходилось не раз прыгать в ад за исковерканными обломками СКИБРов и делать то, что не смогли сделать они. Конечно, и автоматические корабли, и СКИБРы, и эмбриомеханика - все это в огромной степени увеличивает мощь человека, но полностью заменить живой мозг и горячую кровь механизмы не способны. И, наверное, никогда не будут способны. Новичок, подумал Ашмарин про Сорочинского. И болтлив неумеренно.

Когда Гальцев в четвертый раз сказал "ерунда", Ашмарин полез из машины. При виде его Сорочинский замолчал и вскочил. В руках у него была половинка недозрелого арбуза, из нее торчал нож. Гальцев продолжал сидеть, скрестив ноги.

- Хотите арбуз, Федор Семенович? - спросил Сорочинский.

Ашмарин помотал головой и, засунув руки в карманы, стал смотреть на вершину сопки. Красные отблески на полированной поверхности Яйца тускнели на глазах. Быстро темнело. Из тумана вдруг поднялась яркая звезда и медленно поползла по густо-синему небу.

- Спутник Восемь, - сказал Гальцев.

- Нет, - уверенно сказал Сорочинский. - Это Спутник Семнадцать. Или нет - это Спутник Зеркало.

Ашмарин, который знал, что это Спутник Восемь, стиснул зубы и пошел к сопке. Сорочинский ужасно надоед ему, и надо было осмотреть кинокамеры.

Возвращаясь, он увидел огонь. Неугомонный Сорочинский развел костер и теперь стоял в живописной позе, размахивая руками.

- ...цель - это только средство, - услышал Сидоров. - Счастье не в самом счастье, но в беге к счастью...

- Я это уже где-то читал, - сказал Гальцев.

Я тоже, подумал Ашмарин. Не приказать ли Сорочинскому лечь спать? Ашмарин поглядел на часы. Светящиеся стрелки показывали полночь. Было совсем темно.

4

Яйцо лопнуло в два часа пятьдесят три минуты. Ночь была безлунная. Ашмарин дремал, сидя у костра, повернувшись к огню правым боком. Рядом клевал носом краснолицый Гальцев, по другую сторону костра Сорочинский читал газету, шелестя страницами. И вот Яйцо лопнуло.

Раздался резкий пронзительный звук. Затем вершина сопки озарилась оранжевым светом. Ашмарин посмотрел на часы и встал. Вершина сопки довольно четко выделялась на фоне звездного неба. И когда глаза, ослепленные костром, привыкли к темноте, он увидел множество слабых красноватых огоньков, медленно перемещающихся вокруг того места, где находилось Яйцо.

- Началось! - зловещим шепотом произнес Сорочинский. - Началось!

Витя, проснись, началось!..

- Может быть, ты помолчишь, наконец? - быстро сказал Гальцев. Он тоже говорил шепотом.

Из всех троих только Ашмарин знал, что происходило на вершине. Первые десять часов после пробуждения механозародыш настраивался на обстановку. Абстрактные команды, заложенные в позитронное управление, видоизменялись и исправлялись в соответствии с внешней температурой, составом атмосферы, атмосферным давлением, влажностью и десятками других факторов, определенных рецепторами. Дигестальная система - великолепный "высокочастотный желудок" эмбриомеханической системы - приспосабливалась к переработке лавы и туфа в полимеризованный литопласт, нейтронные аккумуляторы готовились отпускать точные порции энергии для каждого процесса. Когда настройка закончилась, механизм начал развиваться. Все в Яйце, что не понадобилось для развития в данной обстановке, пошло на переделку и укрепление рабочих органов - эффекторов. Потом дело дошло до оболочки. Оболочка была прорвана, и механозародыш принялся осваивать подножный корм.

Огоньков становилось все больше, они двигались все быстрее. Послышались жужжание и визгливый скрежет - эффекторы вгрызались в почву и перемалывали в пыль куски туфа. Пых, пых! - бесшумно отделились от вершины и поплыли в звездное небо клубы светящегося дыма. Неровный дрожащий отсвет на секунду озарил странные, тяжело ворочающиеся формы, затем все снова скрылось. Скрежет и треск усилились.

- Может подойдем поближе? - умоляюще сказал Сорочинский.

Ашмарин не ответил. Он вдруг вспомнил, как испытывался первый механозародыш, модель Яйца. Это было несколько лет назад. Тогда он был еще совершенным новичком в эмбриомеханике. В обширном павильоне возле Института разместился механозародыш - восемнадцать ящиков, похожих на несгораемые шкафы, вдоль стен и огромная куча цемента посередине. В куче цемента прятались эффекторная и дигестальная системы. Вахлаков махнул рукой, и кто-то включил рубильник. Они просидели в павильоне до позднего вечера, забыв обо всем на свете. Куча цемента таяла, и к вечеру из пара и дыма возникли очертания стандартного литопластового домика на три комнаты, с паровым отоплением и автономным электрохозяйством. Он был совершенно такой же, как фабричный, только в ванной остались керамический куб - "желудок" - и сложные сочленения гемомеханических эффекторов. Вахлаков осмотрел домик, тронул ногой эффекторы и сказал:

- Пожалуй, хватит кустарничать. Надо делать Яйцо.

Вот тогда было впервые произнесено это слово. Потом было много работы, много удач и очень много неудач. Эмбриомеханические системы учились настраивать себя, приспосабливаться к резким изменениям обстановки, самовосстанавливаться. Они учились безотказно служить человеку в самых сложных и опасных условиях. Они учились развиваться в дома, экскаваторы, ракеты, они учились не разбиваться при падении с огромной высоты, не выходить из строя в волнах расплавленного металла, не бояться абсолютного нуля. Сотни человек, десятки институтов и лабораторий помогали механозародышу превратиться в то, чем он стал теперь - в Яйцо. Нет, это хорошо, что Ашмарину пришлось остаться на Земле. И кто он такой, чтобы претендовать на большее?

На вершине холма клубы светящегося дыма взлетали все чаще и чаще, треск, скрип и жужжание слились в непрерывный дребезжащий шум. Блуждающие красные огоньки образовывали цепочки, цепочки сливались в причудливые подвижные линии. Розовое зарево занималось над ними, и уже можно было различить что-то огромное и горбатое, качающееся, словно лодка на волнах.

Ашмарин снова взглянул на часы. Было без пяти четыре. Видимо, лава и туф оказались благоприятным материалом: купол рос гораздо быстрее, чем на цементе. Интересно, что покажут температурные измерения? Механизм надстраивает купол с верхушки к краям, и при этом эффекторы забираются все глубже в сопку. Чтобы купол не оказался под землей, механозародышу придется позаботиться либо о свайных подпорках, либо о передвижении купола в сторону от ямы, которую вырыли эффекторы. Ашмарин представил себе добела раскаленные края купола, к которым лопаточки эффекторов лепят все новые и новые частицы вязкого от жара литопласта.

На минуту вершина сопки погрузилась в тишину, грохот смолк, слышалось только неясное жужжание. Механизм перестраивал работу

энергетической системы.

- Сорочинский, - сказал Ашмарин.

- Я, - сказал из темноты Сорочинский.

- Обойдите сопку справа и ведите наблюдение оттуда. На сопку не подниматься ни в коем случае.

- Бегу, Федор Семенович.

Было слышно, как он шепотом попросил у Гальцева фонарик, затем желтый кружок света запрыгал по гравию и исчез.

Грохот возобновился. Снова над вершиной сопки загорелось розовое зарево. Ашмарину показалось, что черный купол немного переместился, но он не был уверен в этом. Он с досадой подумал, что Сорочинского надо было послать в обход сопки сразу, как только зародыш вылупился из Яйца. Впрочем, обо всем в должное время отчитаются кинокамеры.

И вдруг что-то оглушительно треснуло. На вершине полыхнуло красным. Медленная багровая молния проползла по черному склону и погасла. Розовое зарево стало желтым и ярким и сейчас же заволокло густым дымом. Бухающий удар расколол небо, и Ашмарин с ужасом увидел, как в дыму и пламени, окутавших вершину, поднялась огромная тень. Что-то массивное и грузное, отсвечивающее глянцевитым блеском, закачалось на тонких трясущихся ногах. Бухнул еще удар, еще одна раскаленная молния зигзагом прошла по склону. Дрогнула земля, и тень, повисшая в дымном зареве, рухнула.

Тогда Ашмарин побежал на сопку. В сопке что-то гремело и трещало, волны горячего воздуха валили с ног, и в красном пляшущем свете Ашмарин видел, как падают, увлекая за собой куски лавы, кинокамеры - единственные свидетели того, что произошло на вершине.

Он споткнулся об одну камеру. Она валялась, растопырив изогнутые ноги штатива. Тогда он пошел медленнее, и горячий гравий сыпался по склону ему навстречу. Наверху стало тихо, там что-то еще тлело в дыму. Потом раздался еще один удар, и Ашмарин увидел несильную желтую вспышку.

На вершине пахло горячим дымом и чем-то незнакомым и кислым. Ашмарин остановился на краю огромной воронки. Собственно, это была не воронка, а яма с почти отвесными краями, и в этой яме лежал на боку почти готовый купол, герметический купол на шесть человек, с тамбуром и кислородным фильтром. В яме тлел раскаленный шлак, на его фоне было видно, как слабо и беспомощно двигаются потерявшие управление гемомеханические щупальца зародыша. Из ямы тянуло горелым и кислым.

- Да что же это? - сказал Сорочинский.

Ашмарин поднял голову и увидел Сорочинского, стоявшего на четвереньках на самом краю.

- Дед бил, бил - не разбил, - уныло сказал Сорочинский. - Баба била, била...

- Молчать, - тихо сказал Ашмарин.

Он сел на край ямы, спустил ноги и стал спускаться.

- Не надо, - сказал Гальцев. - Опасно.

- Молчать, - сказал Ашмарин.

Надо было немедленно понять, что произошло. Не может быть, чтобы подвела конструкция Яйца, самой совершенной из машин, созданных человеком. Самой неуязвимой машины, самой умной машины.

Сильный жар опалил лицо. Ашмарин зажмурился и соскользнул вниз мимо докрасна раскаленного края купола. Он встал и огляделся. Он сразу увидел оплавленные бетонные своды, ржавые почерневшие прутья арматуры, широкий темный проход, который вел куда-то в глубину сопки. Он шагнул вперед, но чуть не упал, споткнувшись о что-то тяжелое и круглое. Ашмарин нагнулся. Он не сразу понял, что собой представляет этот серый металлический обрубок с округлым утолщением на конце, а когда понял, то понял все. Это был артиллерийский снаряд.

В сопке была пустота. Сто лет назад какие-то мерзавцы устроили залитое бетоном темное помещение и сложили сюда артиллерийские снаряды. Зародыш не мог знать, что здесь склад снарядов. Он не мог знать, что это такое - артиллерийский снаряд, потому что люди, которые дали ему программу жизни, давным-давно забыли о том, что это такое. Кажется, снаряды заряжались тротилом. И вот в одном из этих снарядов сработал взрыватель, от жара или от толчка. Все, что могло взорваться, начало взрываться. И замечательная машина превратилась в кучу хлама.

Сверху посыпались камешки. Ашмарин поглядел вверх и увидел, что к нему спускается Гальцев. По противоположной стене спускался Сорочинский.

- Куда вы лезете? - спросил Ашмарин.

Гальцев не ответил, а Сорочинский сказал тонким голосом:

- Мы хотим помочь вам, Федор Семенович.

- Вы мне не нужны. - сказал Ашмарин.

- Мы только... - начал Сорочинский и запнулся.

По стене позади Ашмарин побежала трещина. Купол качнулся.

- Осторожно! - заорал Сорочинский.

Ашмарин шагнул в сторону, споткнулся о снаряд и упал. Он упал лицом вниз и сейчас же перевернулся на спину. Купол падал прямо на него. Он зажмурился и услышал чье-то сдавленное рычание. Но это зарычал он сам, когда раскаленный край купола обрушился на него.

5

Можно просто лежать и смотреть в синее небо. Он так давно не смотрел в синее небо, а оно стоит того, чтобы смотреть в него часами. Он знал это, когда был Десантником, когда прыгал на северный полюс Венеры, когда штурмовал Япет, когда сидел один в разбитом планетолете на Трансплутоне. Там вообще не было неба, была звездная пустота и ослепительная звезда - Солнце. Тогда ему казалось, что он отдал бы последние минуты жизни, лишь бы увидеть синее небо. На Земле это чувство забывается быстро. И только, когда приходит пора, вспоминаешь, и каждый раз оказывается, что уже поздно. А потом оказывается, что не поздно.

- Слушайте, а он выживет? - сказал голос Сорочинского.

Ашмарин не знал, о ком идет речь - о нем или о Гальцеве. Гальцев лежал рядом. Он был без сознания и тихо стонал. Он весь обжегся, вытаскивая Ашмарина из-под купола. И Сорочинский обжегся. Надо выжить, - подумал Ашмарин.

Десантнику не пристало думать о смерти. Да и катастрофа как бы то ни было произошла из-за неслыханно нелепой случайности. Ведь не мог он предположить, что под круглой сопкой спрятан старинный японский дот, что длинная грязная лапа преступлений вековой давности дотянется до него. Он вспомнил, что были годы, когда каждая секунда могла стать его последней секундой. И однажды он уже лежал вот так, искалеченный, лицом вверх. Только небо было другое. Небо было оранжево-черное, по нему тянулись длинные черные полосы, дул ядовитый ураган и кругом не было никого. Была только боль, тошнота, как сейчас, и обида, что все кончится.

Он пристально глядел в синее небо, и ему стало казаться, что в синеве появляются и уплывают бледные пятна. Он силился понять, что это и почему. Потом понял: он хотел увидеть странное неподвижное облако с четкими очертаниями. Нечеловеческим усилием он поднял голову. Чья-то рука поддержала его затылок. И он увидел прозрачный белый конус над горизонтом.

- Что это? - спросил он.

- Это вулкан Алаид, - сказал кто-то.

- Хорошо бы туда... - сказал Ашмарин.

Он опустил голову и стал думать, как когда-нибудь обязательно поднимется на этот конус. Воздух там, наверное, холодный, такой холодный, что стынут зубы. На нем будут такие же тяжелые горные ботинки, как у Сорочинского. Пожалуй, он даже возьмет Сорочинского с собой.

- Хорошее, синее небо, - сказал Ашмарин громко. Он закрыл глаза и подумал, что боль уходит. И сразу захотелось спать.

- Заснул, - сказал кто-то.

Ашмарин дремал и ему казалось, что он стоит на белой вершине Алаида и смотрит в синее небо. Можно часами смотреть в него, такое оно синее и удивительно земное. Небо, под которым возвращаются.

Аркадий и Борис Стругацкие.
Беспокойство

Несколько слов о повести "Беспокойство"

Когда в марте 1965 года в Доме творчества "Гагра" мы закончили первый

черновик романа "Улитка на склоне", все события этого романа развивалось у нас тогда в Мире Полудня, заданном повестью "Полдень, XXII век", и главными героями были звездолетчик Горбовский и космобиолог Сидоров по прозвищу Атос. Атос-Сидоров мучительно и безрезультатно пытался пробиться сквозь дебри леса к себе домой, на Базу землян, построенную на вершине двухкилометрового утеса, а Горбовский, охваченный смутными, но явно неприятными предчувствиями, столь же мучительно и безрезультатно наблюдал за лесом сверху, не понимая даже, что именно его так беспокоит, но ожидая беды и взрыва несчастий.

Уже летом 65-го мы поняли, что написали не то, что следовало нам писать, и осенью все переделали, заменив Атоса Кандидом, Горбовского - Перцом, а научно-исследовательскую базу землян-коммунаров - Управлением по делам леса. Только лес мы оставили в первозданном виде, хотя и он потерял изначальную свою атрибутику вместилища мрачных тайн и сделался символом Будущего, настолько чужого, настолько неадекватного нашей сегодняшней ментальности, что мы, по определению, не в силах даже понять - дурное оно, это Будущее, или хорошее, светлое или черное. Чужое.

"Линия Горбовского" в романе исчезла полностью. Сформулированные там идеи потеряли (для нас тогда) всякую актуальность. И только спустя двадцать пять лет мы извлекли эту стопку страниц из архивов и перечитали текст, написанный в совсем иные времена и вроде бы совсем другими людьми. К нашему огромному изумлению текст нам понравился. Оказалось, что эта повесть (совершенно самостоятельная, не имеющая сколько-нибудь жесткой идейной связи с романом "Улитка на склоне") не утратила полностью актуальности и читается так, словно написана была, все-таки, именно нами и, вроде бы, совсем недавно.

Мы решили напечатать ее без всяких исправлений под названием "Беспокойство", что и было сделано в 1990 году журналом "Измерение-Ф".

Впрочем, повесть эта так и осталась известна лишь сравнительно узкому кругу читателей, почему я и решил снова опубликовать ее здесь (после самой минимальной стилистической правки - черновик, все-таки) в качестве некоего назидательного примера довольно странного преобразования идей и не менее странной их живучести.

Б.Стругацкий
сентябрь, 1995 год

х х х

С этой высоты лес был как пышная пятнистая пена; как огромная, на весь мир, рыхлая губка; как животное, которое затаилось когда-то в ожидании, а потом заснуло и поросло грубым мохом. Как бесформенная маска, скрывающая лицо, которое никто еще никогда не видел.

Леонид Андреевич сбросил шлепанцы и сел, свесив босые ноги в пропасть. Ему показалось, что пятки сразу стали влажными, словно он и в самом деле погрузил их в теплый лиловатый туман, скопившийся в тени под утесом. Он достал из кармана камешки и аккуратно разложил их возле себя, а потом выбрал самый маленький и тихонько бросил его вниз, в живое и молчаливое, в спящее, в равнодушное и глотающее навсегда, и белая искра погасла, и ничего не произошло -- никакие глаза не приоткрылись, чтобы взглянуть на него. Тогда он бросил второй камешек.

- Так это вы гремели у меня сегодня под окнами, -- сказал Турнен.

Леонид Андреевич скосил глаз и увидел ноги Турнера в мягких сандалиях.

- Доброе утро, Тойво, - сказал он. - Да, это был я. Очень твердый камень попался. Я вас разбудил?

Турнен придвинулся к обрыву, осторожно заглянул вниз и сейчас же отступил.

- Кошмар, - сказал он. - Как вы можете так сидеть?

- Как?

- Да вот так. Здесь два километра, - Турнен присел на корточки. - Даже дух захватило, -- сказал он.

Леонид Андреевич нагнулся и посмотрел через раздвинутые колени.

- Не знаю, - сказал он. - Понимаете, Тойво, я человек вообще боязли-

вый, но вот чего не боюсь, того не боюсь... Неужели я вас разбудил? По-моему, вы уже не спали, я даже немножко надеялся, что вы выйдете...
- А босиком почему? - спросил Турнен. - Так надо?
- Иначе нельзя. Я вчера уронил туда правую туфлю и решил, что впредь всегда буду сидеть босиком, - он снова поглядел вниз. - Вон она лежит. Сейчас я в нее камушком...

Он бросил камушек и сел по-турецки.
- Да не шевелитесь вы ради бога, - сказал Турнен нервно. - И лучше вообще отодвиньтесь. На вас смотреть страшно.
Леонид Андреевич послушно отодвинулся.
- Ровно в семь, - сообщил он, - под утесом выступает туман. А ровно в семь часов сорок минут туман исчезает. Я заметил по часам. Интересно, правда?

- Это не туман, - сказал Турнен сквозь зубы.
- Я знаю, - сказал Леонид Андреевич. - Вы скоро уезжаете?
- Нет, - сказал Турнен сквозь зубы. - Мы уезжаем не скоро. Мы уезжаем через два дня. Через - два - дня... - сказал он с расстановкой. - Повторить?

- Сегодня я спросил вас в первый раз, - кротко сказал Леонид Андреевич.

- И больше не спрашивайте, - сказал Турнен. - Хотя бы сегодня.
- Не буду, - сказал Леонид Андреевич.

Турнен посмотрел на него.
- Я надеюсь, вы не обиделись?
- Ну что вы, Тойво...
- А вы тоже не любите охоту?
- Терпеть я ее не могу.
Турнен опустил глаза.

- Что бы вы делали на моем месте? - спросил он.
- На вашем месте? Ну что бы я делал... Ходил бы за женой по лесу и носил бы ее... этот... ружье... и разные огнеприпасы.

- А вам не кажется, что это было бы глупо?
- Зато спокойно. Мне нравится, когда спокойно.
Турнен поджал губы и покачал головой.
- Она не выносит, когда я таскаюсь следом. Она раздражается, нервничает, все время промахивается. И егеря злятся... Так что я предпочитаю оставаться. В конце концов можно представить себе, что это даже полезно... Здоровое волнение, этакое взбадривание...

- Действительно, - сказал Леонид Андреевич, - как это мне сразу не пришло в голову? Все наши страхи - просто нормальная функция застоявшегося воображения... Ведь что такое этот лес? А?

- Да, - сказал Турнен. - Что он собственно такое?
- Ну, тахорги... Ну, туман, который, правда, не туман... Смешно!
- Какие-то там блуждающие болота, - проговорил Турнен, усмехаясь.
- Насекомые! - сказал Леонид Андреевич и поднял палец. - Вот насекомые - это действительно неприятно.

- Ну, разве что насекомые...
- Да. Так что, я думаю, мы совершенно напрасно беспокоимся.
- Слушайте, Горбовский, - сказал Турнен, - почему-то, когда я разговариваю с вами, мне всегда кажется, что вы надо мной издеваетесь.

Леонид Андреевич поднял брови.
- Странно, - сказал он. - Честное слово, я действительно думаю, что мы с вами напрасно беспокоимся.

Они помолчали.
- Я беспокоюсь о своей жене, - сказал Турнен. - А вот о чем беспокоитесь вы, Горбовский?

- Я? Кто вам сказал, что я беспокоюсь?
- Вы все время говорите "мы с вами"...
- А-а... Ну, это просто... Вы только не подумайте, что я тоже беспокоюсь за вашу жену. Если бы вы видели, как она на двести шагов...
- Я видел, - сказал Турнен.

- И я тоже видел. Поэтому я несколько за нее не беспокоюсь.
Он замолчал. Турнен подождал немного и спросил:

- Все?
- Что - все?

- Больше вы ничего мне не скажете?
- Н-ничего.
- Тогда пойдемте завтракать, - сказал Турнен, поднимаясь.
Леонид Андреевич тоже поднялся и запрыгал на одной ноге, натягивая шлепанец.

- Ох, - сказал Турнен. - Да отойдите же вы от края!
- Уже все, - сказал Леонид Андреевич, притопывая. - Сейчас отойду.
Он последний раз посмотрел на лес, на плоские пористые пласты его у самого горизонта, на его застывшее грозное кипение, на липкую паутину тумана в тени утеса.

- Хотите бросить камушек? - сказал он, не оборачиваясь.
- Что?
- Бросьте туда камушек.
- Зачем?
- Я хочу посмотреть.

Турнен открыл рот, но ничего не сказал. Он подобрал камень и, размахнувшись, швырнул его в пропасть. Потом он поглядел на Горбовского.

- Я еще мог бы напомнить вам, - сказал Леонид Андреевич, - что с нею Вадим Сартаков, а это самый опытный егеря на базе.

Турнен все смотрел на него.
- А ищейку настраивал сам Поль, а это значит...
- Все это я помню, - сказал Турнен. - Я спрашивал вас совсем не об этом.

- Правда? - сказал Горбовский. - Значит, я вас неправильно понял.

х х х

Алик Кутнов пил томатный сок, держа стакан двумя толстыми красными пальцами. На месте Риты почему-то расположился тот молодой человек с громким голосом, что прибыл вчера на спортивном корабле, и Турнен сидел, нахохлившись, не поднимая глаз от своей тарелки, и резал на тарелке кусочек сухого хлеба -- пополам и еще раз пополам, и еще раз пополам...

- Или, например, Ларни, - сказал Алик, взбалтывая стакан сока. - Он видел треугольный пруд, в котором купались русалки.

- Русалки! - сказал новичок с восторгом. - Превосходно!
- Да-да, самые обыкновенные русалки. Вы не смейтесь, Марио. Я же вам говорю, что наш лес немножечко не похож на ваши сады. Русалки были зеленые и необычайно красивые, они плескались в воде... Только у Ларни не было времени ими заниматься, у него истек срок биоблокады, но он говорит, что запомнил их смех на всю жизнь. Он говорит, что это было как громкий комариный звон.

- А может быть, это и был комариный звон? - предположил Марио.

- У нас все может быть, - сказал Алик.

- И может быть биоблокада к тому времени у него уже ослабела?

- Может быть, - охотно согласился Алик. - Он вернулся совсем больной.

Но вот, скажем, скачущие деревья я видел сам и неоднократно. Это выглядит так. Огромное дерево срывается с места и перепрыгивает шагов на двадцать.

- И не падает при этом?

- Один раз упало, но сейчас же поднялось, - сказал Алик.

- Великолечно! Вы просто прелесть! Ну а зачем же они скачут?

- Этого, к сожалению, никто не знает. О деревьях в нашем лесу вообще мало что известно. Одни деревья скачут, другие деревья плюют едким соком пополам с семенами, третьи еще что-нибудь... Вот в километре от Базы есть, например, такое дерево. Я, например, остаюсь возле него, а вы отправляетесь точно на восток и в трех километрах трехстах семидесяти двух метрах находите второе такое же дерево. И вот когда я режу ножом свое дерево, ваше дерево вздрагивает и начинает топорщиться. Вот так. - Алик показал руками, как топорщится дерево.

- Понимаю! - воскликнул Марио. - Они растут из одного корня.

- Нет, - сказал Алик, - просто они чувствуют друг друга на расстоянии. Фитотелепатия. Слыхали?

- А как же, - сказал Марио.

- Да, - сказал Алик лениво, - кто об этом не слыхал... Но вот чего вы, наверное, не слыхали, так это что в лесу есть еще люди кроме нас. Их видел Курода. Он искал Сидорова и видел, как они прошли в тумане. Маленькие и чешуйчатые, как ящеры.

- У него тоже кончалась биоблокада?
- Нет, просто он любит приврать. Не то что я, скажем, или вы. Правда, Тойво?

- Нет, - сказал Турнен, не поднимая глаз. - Вранья вообще не бывает. Все, что выдуманно - возможно.

- В том числе и русалки? - спросил Марио. Видимо, он подумал, что его мрачный сосед тоже наконец решил пошутить.

Турнен посмотрел на него. По лицу его было видно, что шутить он не собирается.

- Я их вижу, - сказал он. - И треугольный пруд. И туман, и зеленую луну. Все это я вижу так отчетливо, что могу описать во всех подробностях. Для меня это и есть критерий реальности, и он не хуже любого другого.

Марио неуверенно улыбнулся. Он все еще надеялся, что Турнен шутит.

- Превосходная мысль, - сказал он. - Отныне нам не нужны лаборатории. Субэлектронные структуры? Я вижу их. Могу описать, если хотите. Они так и переливаются. И треугольно-зеленые.

- Мне лаборатории не нужны уже давно, - произнес Турнен. - Они, по-моему, вообще никому не нужны. Вряд ли они помогут вам представить субэлектронные структуры.

Лицо Марио утратило готовность к веселью. Обнаружилось, что глаза у него совсем не детские.

- Я - физик, - сказал он. -- Я легко представляю себе субэлектронные структуры без фигур и цветов.

- И что же дальше? - сказал Турнен. - Ведь я тоже могу представить себе эти структуры. И еще многое такое, для чего вы пока не придумали закорючек, значков и греческих букв.

- Ваши представления, может быть, и годятся для вашего личного употребления, но беда в том, что на них далеко не уедешь.

- На представлениях давно уже никто не ездит. Не вижу, чем мои представления хуже ваших.

- На представлениях физики вы приехали сюда и уедете отсюда, а ваши представления годятся только для застольных парадоксов.

- Я мог бы вам напомнить, что идея деритринитации возникла тоже из застольного парадокса. Да и все идеи возникли из застольных парадоксов. Все фундаментальные идеи выдумываются, и вы это прекрасно знаете. Они не висят на концах логических цепочек. Но дело ведь даже не в этом. Что дальше? Ну не смог бы я прилететь сюда. И что? Ведь я не увидел здесь ничего такого, чего не мог бы представить себе, сидя дома.

Леонид Андреевич не стал слушать, что там отвечает физик. Он посмотрел на Алика. Инженер-водитель тосковал. Просто встать и уйти ему, наверное, было неловко, наверное, он боялся, что это будет выглядеть демонстративно. Спор же ему был до одурения скучен. Сначала он порывался встрянуть и направить беседу в другое русло и даже сказал: "Между прочим, в прошлом году..." Потом съел кусочек маринованной миноги. Потом сотворил из салфетки кораблик. Потом с надеждой взглянул на часы, но нужное ему время еще, по-видимому, не пришло. И не то, чтобы спор ему был непонятен, он слышал тысячи таких споров - и когда сидел, обливаясь потом, за рулем вездехода, идущего через заросли, и здесь в столовой, и в мастерских Базы, и даже на танцевальной веранде. Просто все это было ему бесконечно чуждо. Он любил конкретности своего времени: ощущение микронных зазоров на кончиках пальцев, спокойный и правильный гул могучих двигателей, блеск приборов в качающейся кабине. И он всю жизнь с кротким недоумением следил, как эти конкретности теряют смысл на Земле, отскакивают на периферию Большой Жизни, уходят на далекие планеты, и он отступал и уходил вместе с ними, любя их по-прежнему, но постепенно теряя уверенность в их (и своей) нужности, потому что, если на этих диких мирах и нельзя обойтись без его искусства и его вездеходов, то люди, кажется, намереваются обойтись без самих этих миров. Таких, как инженер-водитель Алик Кутнов, было много, гарнизоны инопланетных баз комплектовались в основном из них. Это были очень способные люди (неспособных людей вообще не бывает), но области приложения их способностей неумолимо уходили в прошлое, и большинству Аликов еще предстояло понять это и искать выход.

- Вы безобразно самоуверенны, - говорил Турнен. - Вы воображаете, что

оседлали наконец историю человечества. Но вы никак не можете понять, что не нужны никому, кроме самих себя, и не нужны уже давно...

- Человечество тоже никому не нужно, кроме самого себя. Вы ничего не утверждаете, вы только отрицаете...

Алик Кутнов мастерил второй кораблик. С мачтой.

В том-то и беда. Человечество никогда никому не было нужно, кроме самого себя. Да и самому себе оно стало нужным не так уж давно. А дальше? Дальше была равнина, и по равнине пролегали широкие дороги, и петляли едва заметные тропинки, и все они вели за горизонт, а горизонт скрывала мгла, и не видно было, что в этой мгле. Может быть, все та же равнина, может быть, гора. А может быть, и наоборот. И не видно было, какие дороги сузятся в тропинки, и какие тропинки расширятся в дороги...

- Алик, - сказал Леонид Андреевич, - что вы делаете, когда по незнакомой дороге вы подъезжаете к незнакомому лесу?

- Снижаю скорость и повышаю внимание, - ответил Алик, не задумываясь.

Леонид Андреевич посмотрел на него с восхищением.

- Вы молодец, - сказал он. - Все бы так.

- Да, - оживился Алик. - Вот в прошлом году...

Снизить скорость и повысить внимание. Очень точно сказано. А за рулем восседает молодой широкоплечий парень, ему весело мчаться по прямой дороге, а лес все ближе, и парню кажется, что вот там-то и есть самое интересное, и он влетает в лес на полной скорости, не потрудившись узнать, по-прежнему ли прямая дорога в лесу, или она обернулась там тропинкой или оборвалась болотом.

- ...И после этого, - сказал Алик, - мы больше туда никогда не ездили. - Он посмотрел на часы. - Вот теперь я пойду, - сказал он.

- И я тоже, - сказал Леонид Андреевич.

Физик посмотрел на них незрячими глазами, не переставая говорить. Турнен опять резал хлеб.

Когда они вышли из столовой, Леонид Андреевич спросил Алика:

- Неужели все, что вы говорили этому физику - выдумка?

- А что я ему говорил?

- Про русалок, про чешуйчатых людей...

Алик ухмыльнулся.

- Да как вам сказать... По-моему, все это вранье. Куроде никто не верит, а Ларни болел... Да вы сами, Леонид Андреевич, бывали в лесу. Ну какие там могут быть люди? И тем более русалки...

- Я так и подумал, - сказал Леонид Андреевич.

х х х

Кабинет Поля Гнедых, директора Базы и начальника службы индивидуальной безопасности, находился на самом верхнем ярусе Базы. Леонид Андреевич поднялся к нему на эскалаторе.

Кабинет Поля с экранами и селекторами межзвездной, планетной и внутренней связи, с фильмотеками, с информарием, с планетографическими картами олицетворял на Пандоре то же, что здание Мирового Совета на Земле: здесь было сосредоточено управление планетой. Но в отличие от Мирового Совета директор Базы реально мог управлять только ничтожным кусочком территории своей планеты, крошечным каменным архипелагом в океане леса, покрывавшего континент. Лес не только не подчинялся Базе, он противостоял ей со всеми ее миллионами лошадиных сил, с ее вездеходами, дирижаблями и вертолетами, с ее вирусифобами и дезинтеграторами. Собственно, он даже не противостоял. Он просто не замечал Базы.

- Иногда мне хочется взорвать там что-нибудь, - сказал Польш, глядя в окно.

- Где именно? - сейчас же спросил Леонид Андреевич.

- В самой середине.

- Тогда бы мы даже не увидели взрыва, - сказал Леонид Андреевич. - А уехать вам отсюда иногда не хочется?

- Иногда хочется, - сказал Польш. - Когда много туристов. Когда на всех не хватает егерей и они начинают бунтовать и требовать права на самообслуживание.

- Вы им не разрешайте, - попросил Леонид Андреевич. - Я вот тут пошел без егеря, чуть не заблудился.

- Знаю, - мрачно сказал Польш. - А почему вы не берете с собой карабина, когда выходите, Леонид Андреевич?

- Какого карабина?
- Любого!
Леонид Андреевич поморгал.
- Боюсь, - сказал он.
- Не понимаю.
- Боюсь, - пояснил Леонид Андреевич. - Вдруг выстрелит.
- Ну?
- Ну и попадет в кого-нибудь...
Некоторое время Поль смотрел на него. Потом вынул из шкафа свой карабин и подошел к Леониду Андреевичу.
- Вот здесь в прикладе, - сказал он терпеливо, - встроены маленький радиопередатчик. Где бы вы ни находились...
- Да нет, я это знаю... - сказал Леонид Андреевич.
- Так в чем же дело?
- Хорошо. - Леонид Андреевич отсоединил приклад. - Так? -- спросил он. - Теперь я буду брать эту деревяшку с собой. Буду носить ее в свое м... ядг... ядг... в охотничьей сумке. - Он вставил приклад на место и вернул карабин Полю. - Вы довольны, Поль?
Поль пожал плечами.
- Не понимаю. Вы что - кокетничаете?
- Нет, - сказал Леонид Андреевич. - Я капризничаю.
- Когда мы с Атосом писали о вас сочинение... это было очень много лет назад... мы изображали вас совсем не таким.
- А каким же? - спросил польщенный Леонид Андреевич.
- Вы были велик. У вас горели глаза...
- Всегда?
- Практически всегда.
- А когда я спал?
- В наших сочинениях вы никогда не спали. Вы вели корабль сквозь магнитные бури, сквозь бешеные атмосферы. Руки у вас были, как сталь, и вы были стремительны...
- Так я и сейчас такой! - вскричал Леонид Андреевич. - Где здесь корабль?
Он вскочил, выхватил у Поля карабин, приложился, прищутив один глаз, и закричал:
- Тра-та-та-та!..
Потом он опустил карабин и спросил:
- Ну как?
- Не то, - сказал Поль, безнадежно махнув рукой. - Интеллекта нет.
- Очень мне нужен интеллект, - обиженно сказал Леонид Андреевич.
Он снова лег в кресло и спросил:
- Я вам не мешаю?
- Нет, - сказал Поль, пряча карабин в шкаф. - Я только все удивляюсь: что вы у нас на Базе делаете?
- А вы никому не расскажете? - спросил Леонид Андреевич.
- Если не хотите, нет, не расскажу.
- Я ухаживаю, - сказал Леонид Андреевич.
Поль сел.
- Это за кем же? - спросил он. - Неужели за Ритой Сергеевной?
- А что, заметно?
- Да есть такое мнение.
- Так вот я не за ней ухаживаю, -- оскорбленно сказал Леонид Андреевич. -- Я ухаживаю совершенно за другой женщиной. Она уже давно улетела.
- Ага, - сказал Поль. - А вы, значит, остались на медовый месяц.
- Вы циничны, - сказал Леонид Андреевич. - Мы никогда не поймем друг друга. Расскажите лучше, что сегодня новенького?
- Рита Сергеевна застрелила тахорга, - сказал Поль значительно.
- Молодец. А еще?
- На вверенной мне Базе за истекшие сутки ничего не случилось, все в порядке, недостатка ни в чем не испытываем, - сказал Поль.
- А на базах, которые вам не вверены?
- Какие имеются в виду?
- Земля, например. Или, скажем, Радуга.
- На Земле тоже недостатка ни в чем не испытывают. Испытывают избыток. А на Радуге... Знаете что, Леонид Андреевич, сводки уже в типогра-

фии, через полчаса прочтете сами.

- Нет, - сказал Леонид Андреевич. - Я хочу узнать что-нибудь первым. Ведь вы же про меня сочинение писали, Поль. Расскажите мне что-нибудь особенное. Чего нет в сводках.

- Вас интересуют сплетни? - осведомился Поль.

- Очень, - сказал Леонид Андреевич.

- Жаль. Сплетен у меня нет. По Д-связи сплетен не передают. По Д-связи нынче передают черт знает что.

Леонид Андреевич сейчас же вытащил записную книжку и приготовил авто-ручку.

- Нет, серьезно, - продолжал Поль. - Сегодня ночью вдруг прервали передачу ядерного прогноза и выдали нам какую-то шифровку на имя Мостепаненко. Без имени адресанта. Это уже третий случай. На прошлой неделе была шифровка некоему Герострату, а на позапрошлой - Пеккелису. На мой запрос не ответили. Идиотство какое-то.

- Да, - сказал Леонид Андреевич. - Но зато интересно.

Он нарисовал в записной книжке женскую головку и написал под ней печатными буквами: ИДИОТСТВО; ИДИОТСТВО; ИДИОТСТВО...

- Герострат... - сказал он. - Какой же это Герострат? Не тот ли? Вообще в свете современной физической теории вполне можно предположить...

- Кто-то идет, - сказал Поль, и Леонид Андреевич замолчал.

В кабинет вбежал человек.

Леонид Андреевич не знал его, но было видно, что этот человек из леса и что он взволнован, и Леонид Андреевич сел прямо и сунул книжку в карман.

- Связь! - сказал человек, задыхаясь. - Когда будет связь, Поль?

Он был в комбинезоне, отстегнутый капюшон болтался у него на груди на шнурке рации. От башмаков до пояса комбинезон щетинился бледно-розовыми стрелками молодых побегов, правая нога была опутана оранжевой плетью лианы, волочащейся по полу, и казалось, что это щупальце самого леса, что оно сейчас напряжется и потянет человека обратно, через коридоры управления, вниз по эскалатору, и через аэродром, к обрыву, к башне лифта, но не в лифт, а мимо, вниз...

- Выйди отсюда, - сердито сказал Поль.

- Ты ничего не понимаешь, - задыхаясь сказал человек. Лицо его было в красных и белых пятнах, глаза выкачены. - Когда будет связь?

- Курода! - железным голосом сказал Поль. - Выйдите вон и приведите себя в порядок!

Курода остановился.

- Поль, - сказал он и сделал странное движение головой, словно у него чесалась шея. - Честное слово, мне срочно нужно!

Леонид Андреевич снова лег. Поль подошел к Куроде, взял его за плечи и повернул лицом к двери.

- Формалист, - сказал Курода плаксиво. - Бюрократ.

- Стой, не двигайся, - сказал Поль. - Шляпа! Дай пакет.

Курода сделал странное движение головой, и Леонид Андреевич увидел на его тощей подбритой шее, в самой ямочке под затылком коротенький бледно-розовый побег, тоненький, острый, уже завивающийся спиралью, дрожащий, как от жадности.

- Что там, опять подхватил? - спросил Курода и полез в нагрудный карман. - Нет у меня пакета... Слушай, Поль, ты мне можешь сказать, когда будет связь?

Поль что-то делал с его шеей, что-то уминал и массировал длинными пальцами, брезгливо оскалившись и бормоча что-то неласковое.

- Стой спокойно, - прикрикнул он. - Не дергайся! Ну что ты за шляпа!

- Вы поймали чешуйчатого человека? - спросил Леонид Андреевич.

- Чепуха! - сказал Курода. - Я не говорил, что эти люди были чешуйчатые... Поль, ты скоро? Это надо послать им в первую очередь! Ай!

- Все, - сказал Поль. Он отошел от Куроды и бросил что-то полуживое, корчащееся, окровавленное в диспенсер. -- Немедленно к врачу. Связь в семь часов вечера.

Лицо Куроды вытянулось.

- Попроси экстренный сеанс! - сказал он. - Ну что это такое - ждать до семи вечера?

-- Хорошо, хорошо, иди, потом поговорим.

Курода неохотно пошел к двери, демонстративно волоча ноги. Розовые побеги на его комбинезоне уже увядали, сморщивались и осыпались на пол. Когда он вышел, Поль сказал:

- Обнаглели. Вы представить себе не можете, Леонид Андреевич, до чего мы все обнаглели. Никто ничего не боится. Как дома. Поиграл в садике - и к маме на коленки, прямо как есть, в земле и песочке. Мама вымоет...

- Да обнаглели немножко, - негромко проговорил Леонид Андреевич. - Я рад, что вы это замечаете.

Поль Гнедых не слушал. Он смотрел в окно, как Курода сбегает по эскалатору, волоча за собой обрывок лианы.

- Похож на Атоса, - сказал он вдруг. - Только Атос, конечно, никогда не пришел бы в таком виде. Вы помните Атоса, Леонид Андреевич? Он писал мне, что когда-то работал с вами.

- Да, на Владиславе. Атос-Сидоров.

- Он погиб, - сказал Поль, не оборачиваясь. - Давно уже. Где-то вон там... Жалко, что он вам не понравился.

Леонид Андреевич промолчал.

2

Голос дежурного произнес:

- Экстренный сеанс Д-связи. Земля вызывает Горбовского Леонида Андреевича. Говорите, Леонид Андреевич...

Поль поднялся, чтобы выйти, но Горбовский сказал:

- Куда вы, Поль? Останьтесь! Какие у меня с Землей могут быть секреты? Да еще по Д-связи... Горбовский слушает, - сказал он в микрофон. - Это кто?.. Кто?! А если по буквам? Нет, на экране ничего не разберу... Ботва какая-то на экране... Бот-ва!.. Да... А-а, Павел!? Так бы и говорил. Ну, как ты живешь?!

Связь была на редкость плохая. Изображение на экране напоминало полуразрушенную древнюю фреску, а Горбовский все время морщился и переспрашивал, вдавливая пальцем в ухо горошину репродуктора. Поль присел в кресло для посетителей и стал разбирать сводки.

- Как тебе сказать... Более или менее отдохнул... Что?.. А-а да, неплохо... Пока все в порядке. А почему ты вдруг заинтересовался?.. Ну-ну!.. Опять... А нельзя ли как-нибудь этого Прянишникова временно посадить под замок? Чтобы не открывал... Закрывать надо, а не работать! Слышишь? Закрывать! Контакт уже установлен?.. Ну вот. Только этого нам не хватало... Да. Я всегда очень интересовался этим вопросом. Только не в этом смысле, как ты думаешь... Я говорю: интересовался, только в другом смысле! В негативном смысле, понимаешь? В негативном!.. В смысле "да минет нас чаша сия"!.. Правильно ты понимаешь. Решительно против. Это открытие нужно закрыть, пока еще не поздно! Вы не даете себе труд подумать, что вы там делаете!..

За окном был дождь и туман. Настоящий туман. Тянуло сыростью и запахом леса, неприятным острым запахом, который в обычные дни не поднимался на такую высоту. Издалека, из очень далекого далека слабо доносилось урчание грома. Поль записал для памяти на полях сводки: "В 15.00 пожарная тревога, в 17.00 биологическая тревога".

- ...Да, мне здесь очень хорошо сидеть... А в печати нужны контр-выступления... Ты мне скажи вот что. Чего тебе от меня нужно? Только прямо и без дипломатии, потому что плохо слышно... Не скажу я этого. Как я могу тебе это сказать, если я считаю, что нет?.. Представляю. Действительно глупо. Надо как-то сдерживать... Откуда вы там взяли, что это общественная потребность? Стоит компании мальчишек поднять шум, как вы... Да!.. Да, я - нет. Решительно - нет... Нет!.. Слушай, Павел. Я об этом думаю уже лет десять... Давай лучше я подумаю еще лет десять, а?.. Кстати, какой это чужак посылает сюда шифровки на имя Герострата?.. Как много тебе нужно, чтобы я оставался твоим любимейшим другом. Ладно, передай им так. Только имей в виду, что я все равно скажу - нет... Ну как... Как ты сам только что сказал. Леонид-мол Горбовский... Ах, на магнитофон... А что я старый стал, ты тоже записываешь?.. Значит, так... Э-э... Я... м-м-м... глубоко убежден в том, что в настоящее время всякие акции подобного рода могут иметь далеко идущие и даже катастрофические для человечества последствия. Хорошо я сказал?.. Так. Ты не хочешь, чтобы я заставлял тебя врать, но ты хочешь, чтобы врал я сам?.. Не буду я врать, Павел. И вообще имей в виду: этот вопрос не в нашей компетенции.

Теперь этот вопрос уже в компетенции Мирового Совета... Вот я и даю Мировому Совету рекомендацию... Да, мне здесь хорошо сидеть, и никаких проблем... Будь здоров.

Поль поднял глаза. Горбовский медленно вынул из ушей репродукторы, осторожно положил их в кювету с раствором и некоторое время сидел, по-маргивая и постукивая пальцами по поверхности стола. Лицо у него стало желчным.

- Поль, - сказал он, - вы давно здесь?

- Четвертый год.

- Четвертый год... А до вас кто был?

- Максим Хайроуд, а до него -- Ральф Ионеско, а кто был до Ральфа - я уже не знаю. Вернее, не помню. Узнать?

Горбовский, казалось, не слушал.

- А чем вы занимались до Пандоры? - спросил он.

- Года два охотился, а до этого работал на мясомолочной ферме. На Волге.

Это не было похоже на беседу. Горбовский задавал вопросы таким тоном, как будто собирался пригласить Поля на работу.

- Поль, если это не секрет, как случилось, что вы сменили здесь Макса?

- Я работал у Максима старшим егерем. При нем здесь погибли двое туристов и один биолог, и он ушел. Меня назначили начальником по традиции.

- Это вам сам Макс сказал?

- Что именно?

Горбовский повернулся и посмотрел на Поля.

- Макс ушел потому, что... не выдержали нервы?

- Мне кажется, да. Он очень мучился. Со мной он, конечно, не говорил ни о чем подобном, но я знаю, что последнее время он не спал ночей. Каждый раз, когда кто-нибудь выходил на связь нерегулярно, он менялся в лице. Это я видел сам.

- Да-а... - протянул Горбовский. Потом он встрепенулся. -- Что же это вы тут расселся? Садитесь на свое место, Поль, а я сяду туда. Если вы меня не выгоняете, конечно.

Они поменялись местами. Несколько секунд Горбовский сидел в кресле для посетителей очень прямо и выжидательно смотрел на Поля, потом осторожно прилег.

- Лет пять назад, - сказал он, - мне пришлось участвовать в увлекательнейшей охоте. Мой друг Кондратьев... Вы слышали о нем, конечно, он недавно умер... Кондратьев пригласил меня охотиться на гигантских спрутов. Не припомню, чтобы какое-нибудь другое существо вызывало у меня такое же отвращение и инстинктивную ненависть. Одного я убил, второго сильно покалечил, но он ушел. А спустя два месяца появилась хорошо вам, вероятно, известная статья Лассвица.

Поль сдвинул брови, пытаясь вспомнить.

- Лассвиц, Лассвиц... Хоть убейте, не помню, Леонид Андреевич.

- А я помню, - сказал Горбовский. - Вы знаете, у человечества есть, по крайней мере, два крупных недостатка. Во-первых, оно совершенно не способно созидать, не разрушая. А во-вторых, оно очень любит так называемые простые решения. Простые, прямые пути, которые оно почитает кратчайшими. Вам не приходилось думать по этому поводу?

- Нет, - сказал Поль, улыбаясь, - боюсь, что не приходилось.

- А как у вас обстоят дела с эмоциями, Поль?

- Думаю, что обстоят хорошо. Я могу любить, могу ненавидеть, могу презирать, могу уважать. По-моему, спектр полный. Да, еще могу удивляться. Вот как сейчас, например.

Горбовский вежливо улыбнулся.

- А такая эмоция, как разочарование, вам знакома? - спросил он.

- Разочарование... Еще бы! Я всю жизнь только и делаю, что разочарываюсь.

- Я тоже, - сказал Горбовский. - Я был очень разочарован, когда выяснилось, что расшатать инстинкты у человека еще труднее, чем расшатать наследственность. Я был очень разочарован, когда оказалось, что мы интересуемся Странниками гораздо больше, чем Странники - нами...

- Правильнее сказать, Странники нами вовсе не интересуются.

- Вот именно. Я несколько приободрился, - продолжал Горбовский, -

когда наметились успехи алгоритмизации человеческих эмоций, мне казалось, что это открывает широкие и довольно ясные перспективы. Но боже мой, как я был разочарован, когда мне довелось поговорить с первым кибернетическим человеком!.. Вы знаете, Поль, у меня такое впечатление, что мы можем чрезвычайно много, но мы до сих пор так и не поняли, что из того, что мы можем, нам действительно нужно. Я боюсь, что мы не поняли даже, чего мы собственно хотим. Вы чего-нибудь хотите, Поль?

Поль вдруг ощутил усталость. И какое-то недоверие к Горбовскому. Ему показалось, что Горбовский смеется над ним.

- Не знаю, - сказал он. - Хочу, конечно. Например, очень хочу, чтобы меня полюбила женщина, которую я люблю. Чтобы охотники возвращались из леса благополучно. Чтобы мои друзья не погибали неизвестно где. Вы об этом спрашиваете, Леонид Андреевич?

- Но достаточно ли вы хотите этого?

- Думаю, что достаточно, -- сказал Поль и взял сводку.

- Странно, - сказал Горбовский задумчиво. - Последнее время я все чаще замечая, что раздражаю людей. Раньше этого не было. Не пора ли и мне заняться чем-нибудь другим?

- А чем вы занимаетесь сейчас? - спросил Поль, делая пометки на полях сводки.

- Вот вы даже из вежливости не сказали, что я вас вовсе не раздражаю. Но кто-то же должен раздражать! Слишком стало все определенно, слишком все уверены... Я, пожалуй, пойду, Поль. Пойду побросаю камешки. Вот уж что, кажется, никого не раздражает, как я ни стараюсь... - Он сделал попытку встать и снова лег, глядя на окно, по которому текли крупные капли.

Поль засмеялся и бросил карандаш.

- Вы действительно иногда действуете на нервы, Леонид Андреевич. Но снаружи мокро и неудобно, так что лучше останьтесь. Вы мне не мешаете.

- В конце концов нервы тоже нужно тренировать, - заметил Горбовский задумчиво. - Тренировать свою способность к восприятию. Иначе человек становится невосприимчивым, а это скучно.

Они замолчали. Горбовский, кажется, задремал в своем кресле. Поль работал. Потом секретарь-автомат доложил, что егеря Сименон с туристом-новичком явились на инструктаж. Поль приказал звать.

Вошел маленький чернявый Сименон в сопровождении новичка, физика Марио Пратолини, оба в комбинезонах, увешанные снаряжением, при карабинах и охотничьих ножах. Сименон был как всегда угрюм, а Марио сиял и лоснился от удовольствия и волнения. Поль встал им навстречу. Горбовский открыл глаза и стал смотреть. На лице его появилось сомнения, и Поль сразу понял, в чем дело: новичок был явно плох.

- Куда отправляетесь? - спросил Поль.

- Пробный выход, - отвечал Сименон. - Первая зона. Сектор шестнадцать.

- Я не такой уж и новичок, директор, - сказал Марио с веселым достоинством. - Я уже охотился на Яйле. Может быть, можно обойтись без пробы?

- Нет, без пробы нельзя, - сказал Поль. Он вышел из-за стола и остановился перед Марио. - Без пробы нельзя, - повторил он. - Инструкцию изучили?

- Два дня зубрил, директор. Мне приходилось охотиться на ракопауков, и мне говорили...

- Это несущественно, - мягко перебил Поль. - Давайте лучше поговорим о Пандоре. Вы потеряли егеря. Ваше решение?

- Даю серию сигнальных выстрелов и жду ответа, - отбарабанил Марио.

- Егеря не отвечает.

- Включаю рацию, сообщаю вам.

- Действуйте.

Марио схватился за рацию, и Сименон едва успел подхватить его карабин. Горбовский опасно поджал ноги.

- Не торопитесь, - посоветовал Поль, - и будем считать, что карабин вы уже утопили.

Марио воспринял это как шутку. По его движениям было видно, что рации вообще для него не диковинка, но не такие - агрегаты из коротковолнового приема-передатчика, радиометра и биоанализатора. Марио с сопением крутил верньеры, Поль ждал, а Сименон, держа у ноги оба карабина, смотрел в

угол.

- Странно, - сказал, наконец, Марио. - Просто удивительно...

- Да нет, - сказал Поль. - Что же тут удивительного? Вы, собственно, чего хотите?

- Ах, да! - Марио вдруг осенило. - Так я получаю концентрацию белк а... Ага... Белка много...Так. Сейчас. Готово! Передавать?

- Передавайте, - холодно сказал Поль.

- Э-э... А-аа... Постойте, я еще не подсоединил микрофон... - Марио засунул руку за воротник, ища шнур микрофона. -- Вообще, если рассуждать логически, совершенно непонятно, как может потеряться егерь.

- Слева, слева, - мрачно подсказал Сименон.

- Да, - согласился Поль. - Егерю теряться совершенно незачем. Но можете потеряться вы.

Марио подсоединил микрофон и снова спросил:

- Передавать?

- Передавайте, - сказал Поль.

- Алло, алло, - сказал Марио стандартным радиоголосом, - База, База, говорит Пратолини, потерял егеря, жду указаний!

- Поль, - мрачно сказал Сименон. - В пробном выходе все это не так уж обязательно. Мы пройдем от ориентира к ориентиру, я покажу ему тахорга, и мы вернемся менять белье...

- А в чем дело? - спросил Марио несколько раздраженно. - Меня не слышно? Как вы меня слышите? Алло!

- Слышу вас хорошо, - сказал Поль. - С запада на ваш сектор идет лиловый туман, приготовьтесь. Включайте пеленгатор и ждите на месте.

Марио включил пеленгатор и спросил:

- А что, лиловый туман - это существенно?

Поль повернулся к Сименону.

- Ты готовил его к выходу? - спросил он тихо.

Сименон покусал губу.

- Поль, - сказал он. - Мы идем в пробный выход.

- Ты ошибаешься, - сказал Поль ровным голосом. - Вы не идете в пробный выход. Вы сейчас идете в террарий и будете тщательно готовиться к пробному выходу. Не в кафе, а в террарий. И не рассказывать легенды, а готовиться к пробному выходу. А завтра я приму вас опять и посмотрю, как вы подготовились. Я вас не задерживаю.

- Прошу прощения! - воскликнул Марио. Глаза его засверкали. - Я не мальчик! Я охотился на Яйле, у меня не так уж много времени! Я приехал охотиться на Пандору! В пандорианский террарий я мог бы сходить и в Кэйптауне...

- Пойдем, пойдем, - сказал Сименон, взяв его за руку.

- Да нет, Жак, что значит - пойдем? Это странный, необъяснимый формализм! - Поль холодно смотрел ему в глаза. Марио стало неловко, и он стал смотреть на Горбовского - как на знакомого человека и соседа по столу в столовой. - На Яйле я не видел ничего подобного!

- Пойдем, пойдем, - повторил Сименон и потянул его за собой.

- Но я требую хотя бы объяснений! - гремел Марио, обращаясь уже прямо к Горбовскому. - Я терпеть не могу, когда со мной обращаются, как с каким-нибудь сопляком! Что это за вздор? Почему это у меня может вдруг теряться егерь?

- Не сердитесь, Марио, - сказал Горбовский и улегся поудобнее. - Не надо так сердиться, а то на вас по-настоящему рассердятся. Вы ведь совсем-совсем не правы. Совсем-совсем. И ничего уж тут не поделаешь.

Марио несколько секунд смотрел на него, раздувая ноздри. Потом, произведя неопределенное движение рукой, он сказал:

- Это совсем другое дело. В конце концов порядок должен быть во всем. Но могли же мне сразу просто сказать, что я не прав...

- Да пойдем же! - в отчаянии вскричал Сименон.

- Жак, - сказал Поль им вслед. - В восемнадцать ноль-ноль зайдешь ко мне.

Горбовский неожиданно вскочил.

- Подождите, Жак! - закричал он. - Один вопрос! Можно? Что вы будете делать, если столкнетесь в лесу с неизвестным животным?

- Пристрелю и позову биологов, - зло ответил Сименон и скрылся за дверью.

- Гордец какой, - сказал Горбовский и снова повалился в кресло,
- Видали? - сказал Польш. - Ну, я им покажу пробный выход, они у меня вспомнят первый закон человечества... - Он вернулся за свой стол, отыскал давешнюю сводку и приписал на полях: "22.00 - радиологическая тревога и землетрясение. 24.00 - общая эвакуация". Затем он нагнулся над микрофоном секретаря и продиктовал: "В 18.00 совещание всего свободного от дежурства персонала у меня в кабинете".

Горбовский сказал:

- Очень вы грозны, Польш.
- Тем хуже для меня, - сказал Польш.
- Да, - согласился Горбовский. - Тем хуже для вас. Вы еще очень молодой начальник. Со временем это проходит.

Польш хотел ответить, что в конце концов он предпочел бы вообще не быть начальником и что на благоустроенных планетах начальники вообще никому не нужны, как вдруг под потолком вспыхнул красный свет, и раздался оглушительный неприятный звон. Оба вздрогнули и разом повернулись к экрану аварийной связи. Польш включил прием и сказал:

- Директор слушает.

Послышался хриплый задыхающийся голос:

- Говорит Сартаков! Говорит Сартаков! Как меня слышно?
- Слышно хорошо, - нетерпеливо сказал Польш. - В чем дело?
- Польш! Мы свалились! Сектор семьдесят три, повторяю, сектор семьдесят три. Слышишь меня?
- Да, сектор семьдесят три. Продолжай.
- Пеленгаторы работают, люди целы, вертолет разрушен. Ждем помощи. Ты слышишь меня?

- Слышу отлично, жди на связи... - Польш положил руки на пульт. - Дежурный, говорит директор. Один дирижабль с одним вездеходом. На дирижабль группу Шестопала, на вездеход - Кутнова. Готовность доложить через пять минут. Полный аварийный запас. Повторите!

Дежурный повторил.

- Исполняйте... Внимание, База! Заместителю директора Робинзону срочно явится к директору в полном походном снаряжении...

- Польш! - снова проговорил хриплый голос. - Если можешь, прилетай сам, мне кажется, это очень важно... Мы висим на дереве, и я вижу очень странные вещи... Такого мы еще не видели! Объяснить тебе не могу, но это что-то особенное... Осторожно, Рита Сергеевна!.. Польш, если можешь, прилетай сам! Не пожалеешь!

- Буду сам, оставайся на связи, - сказал Польш. - Все время оставайся на связи. Оружие в порядке?

- У нас все в порядке, кроме вертолета... Он весь в каком-то киселе... И сломана лопасть...

Польш отскочил от стола и распахнул стенной шкаф. Горбовский стоял около карты и возил пальцем по сектору семьдесят три.

- Здесь уже была авария, - сказал он.

Польш подошел к нему, застегивая комбинезон.

- Где? - руки его замерли. - Ах вот оно что... - проговорил он и начал застегиваться еще быстрее. Горбовский смотрел на него, подняв брови.

- Да? - сказал он.

- В этом секторе, - сказал Польш, - три года назад погиб Атос. По крайней мере он пеленговал в последний раз именно отсюда.

Хриплый голос сказал:

- Я вам, Рита Сергеевна, не советую что-нибудь здесь трогать. Давайте будем сидеть смирненько и ждать. Вам удобно сидеть?.. Ага, вот и хорошо... Нет, я сам здесь ничего не понимаю, так что давайте сидеть и ждать, ладно? Вы кушать не хотите?.. Ну и что же, меня тоже тошнит... Примите вот эту пилюльку...

Горбовский нежно взял Поля за пуговицу нагрудного прожектора и сказал:

- Можно, я с вами, Польш?

Полю стало неприятно. Этого он никак не ожидал от Горбовского. Это никуда не годилось с любой точки зрения.

- Что вы, Леонид Андреевич, - сказал он, морщась, - зачем?

- Я чувствую, что мне нужно там быть, - сказал Горбовский. - Непременно. Можно?

Глаза у Горбовского были какие-то непривычные. Полю они показались испуганными и жалкими. Этого Поль терпеть не мог.

- Знаете что, Леонид Андреевич, - сказал он, отстраняясь, - тогда уж лучше, может быть, мне взять Турнена? Как вы полагаете?

Горбовский задрал брови еще выше и вдруг покраснел. Поль почувствовал, что тоже краснеет. Сцена получилась омерзительная.

- Поль, - сказал Горбовский, - голубчик, опомнитесь, что вы? Я - старый занятой человек, мне это все, что вы думаете, как-то даже безразлично... Я совсем из других соображений...

Поль совсем смутился, потом рассвирепел, а потом ему пришло в голову, что все это сейчас не имеет никакого значения и думать нужно совсем о другом.

- Снаряжайтесь, - сухо сказал он. - И приходите к ангару. Извините, все.

- Благодарю вас, - сказал Горбовский и вышел. В дверях он столкнулся с заместителем директора Робинзоном, и они потеряли несколько секунд, уступая друг другу дорогу с озабоченными улыбками.

- Джек, - сказал Поль, - ты остаешься за меня. Я лечу сам. Авария у Сартакова. Туристы не должны знать. Понял? Ни одна живая душа. Там Рита Сергеевна. Объяви готовность номер один.

3

Дирижабль, рискованно-низко ныряя над лесом в крутящихся под ветром тучах, сбросил вездеход в полукилометре от того места, где были замечены сигнальные ракеты Сартакова.

Леонид Андреевич ощутил легкий толчок, когда включились парашюты, и через несколько секунд второй, более сильный толчок, почти удар, когда вездеход, сокрушая деревья, рухнул в лес. Алик Кутнов отстрелил парашюты, включил для пробы двигателя и доложил: "Готов". Поль скомандовал: "Бери пеленг и - вперед".

Леонид Андреевич косился на них с некоторой завистью. Оба они работали, оба были заняты, и видно было, что им обоим нравится все это - и рискованный прыжок с малой высоты, и колодец в лесной зелени, получившийся в месте падения танка, и гул двигателей, и вообще все положение, когда не надо больше чего-то ожидать, когда все уже произошло и мысли не разбредаются, как веселая компания на пикнике, а строго подчинены ясной и определенной цели. Так, вероятно, чувствовали себя старинные полководцы, когда затерявшийся было противник вдруг обнаруживался, намерения его определялись, и можно в своих действиях опереться наконец на хорошо знакомые положения приказов и уставов. Леонид Андреевич подозревал также, что они втихомолку даже радуются происшествию как случаю продемонстрировать свою готовность, свое умение, свою опытность. Радуются, постольку, конечно, поскольку все пока были живы и никому ничего особенного не угрожало. Сам же Леонид Андреевич, если отвлечься от мимолетного ощущения зависти, ждал встречи с неизвестным, надеялся на эту встречу и боялся ее.

Вездеход медленно и осторожно двигался на пеленг. При его приближении растительность мгновенно теряла влагу, и все - стволы деревьев, ветви, листья, лианы, цветы, грибы - рассыпалось в труху, смешивалось с болотным илом и тут же смерзлось, стеля под гусеницы звонкую ледяную броню. "Вас видим!" - сообщил голос Сартакова из репродуктора, и Алик сейчас же затормозил. Туча трухи медленно оседала.

Леонид Андреевич, поспешно отстегивая предохранительные ремни, водил глазами по обзорному экрану. Он не знал, что он должен увидеть. Что-то похожее на кисель, от которого тошнит. Что-то необычное, что нельзя описать. А вокруг шевелился лес, менял окраску, переливаясь и вспыхивая, обманывая зрение, наплывая и отступая, издевался, пугал и глумился лес, и он весь был необычен, и его нельзя было описать, и от него тошнило. Но самым невозможным, самым невообразимым в этом лесу были люди, и поэтому прежде всего Леонид Андреевич увидел их. Они шли к вездеходу, тонкие и ловкие, уверенные и изящные, они шли легко, не оступаясь, мгновенно и точно выбирая место, куда ступить, и они делали вид, что не замечают леса, что в лесу они как дома, что лес уже принадлежит им, они даже, наверное, не делали вид, они действительно думали так, а лес висел над ними, ловко притворяясь и знакомым, и покорным, и простым - совсем своим. Пока.

Рита Сергеевна и Сартаков вскарабкались на гусеницу, и все вышли им навстречу.

- Что же это ты так неловко? - сказал Поль Сартакову.

- Неловко? - сказал Сартаков. - Ты посмотри! Видишь?

- Что?

- То-то, - сказал Сартаков. - А теперь присмотришь...

- Здравствуйте, Леонид Андреевич, - сказала Рита Сергеевна. - Вы общили Тойво, что все в порядке?

- Тойво ничего не знает, - ответил Леонид Андреевич. - Вы не беспокойтесь, Рита. А вы как себя чувствуете? Что у вас случилось?

- Да ты не туда смотришь, - нетерпеливо говорил Сартаков Полю. - Да вы, кажется, ослепли все!..

- А! - закричал Алик, указывая пальцем. - Вижу! Ух ты...

- Да-а... - тихо и напряженно произнес Поль.

И тогда Леонид Андреевич тоже увидел. Это появилось как изображение на фотобумаге, как фигурка на детской загадочной картинке "Куда спрятался зайчик?" - и, однажды разглядев это, больше невозможно было потерять его из виду. Оно было совсем рядом, оно начиналось в нескольких шагах от широких гусениц вездехода.

Огромный живой столб поднимался к кронам деревьев, сноп тончайших прозрачных нитей, липких, блестящих, извивающихся и напряженных; пронизывающий плотную листву и уходящий выше, в облака. Он зарождался в клоаке, в жирной клокочущей клоаке, заполненной протоплазмой, живой, активной, вспухающей пузырями, примитивной плотью, хлопотливо организующей и тут же разлагающей себя, изливающей продукты разложения на плоские берега, плюющей клейкой пеной... И сразу из шума леса выделился голос клоаки, словно включились невидимые звукофильтры: клокотание, плеск, всхлипывания, бульканье, протяжные болотные стоны, и надвинулась тяжелая стена запахов: сырого сочащегося мяса, сукровицы, свежей желчи, сыворотки, горячего клейстера, и только тогда Леонид Андреевич заметил, что Рита Сергеевна и Сартаков были в кислородных масках, и увидел, как Алик и Поль брезгливо кривясь, поднимают к лицу намордники респираторов, но сам он не стал надевать респиратор, он словно бы надеялся, что хоть запахи расскажут ему то, чего не рассказывали ни глаза, ни уши.

- Какая жуть... - сказал Алик с отвращением. - Что это такое, Вадим?

- Откуда я знаю? - сказал Сартаков. - Может быть, какое-нибудь растение...

- Животное, - сказала Рита Сергеевна. - Животное, а не растение... Оно питается растениями.

Вокруг клоаки, заботливо склоняясь над нею, трепетали деревья, их ветви были повернуты в одну сторону и никли к бурлящей массе, и по ветвям струились и падали в клоаку толстые мохнатые лианы, и клоака принимала их в себя, и протоплазма обгладывала их и превращала в себя, как она могла растворить и сделать своей плотью все, что окружало ее...

- Нет, - говорил Сартаков. - оно не движется. Оно даже не становится больше, не растет. Сначала мне показалось, что оно разливается и подбирается к нашему дереву, но это было просто от страха. Или это дерево подбиралось к нему...

- Не знаю, - говорила Рита. - Я вела вертолет и ничего не заметила. Скорее всего мы налетели на этот столб, винты запутались в слизи, хорошо что мы шли низко и на самой маленькой скорости, мы боялись грозы и искали место отсидеться...

- Если бы только растения! - говорил Сартаков. - Мы видели, как туда падают животные, их словно тянет туда что-то, они с визгом сползают по ветвям и бросаются туда и растворяются - сразу, без остатка.

- Нет, это, конечно, чистая случайность, - говорила Рита. - Нам сначала не повезло, а потом повезло. Вертолет буквально сел на крону и даже не перевернулся, и даже дверцу не заклинило, так что, по-моему корпус цел, полетели только лопасти винтов...

- Ни минуты покоя, - говорил Сартаков. - Оно бурлит непрерывно, как сейчас, но это еще не самое интересное. Подождем еще несколько минут, и вы увидите самое интересное...

И когда прошли эти несколько минут, Сартаков сказал:

- Вот оно!

Клоака рожала. На ее плоские берега нетерпеливыми судорожными толчка-

ми один за другим стали извергаться обрубки белесого, зыбко вздрагивающего теста, они беспомощно и слепо катились по земле, потом замирали, сплющивались, вытягивали осторожные ложноножки и вдруг начинали двигаться осмысленно, еще суетливо, еще тычась, но уже в одном направлении, все в одном определенном направлении, расходясь и сталкиваясь, но все в одном направлении, по одному радиусу от клоаки, в заросли, прочь, одной текучей белесой колонной, как исполинские мешковатые слизнеподобные муравьи.

- Оно выбрасывает их каждые полчаса, - говорил Сартаков, - по десять, двадцать, по тридцать штук... С удивительной правильностью, каждые двадцать семь минут...

- Нет, не обязательно туда, - говорила Рита. - Иногда они уходят в том направлении, а иногда вон туда, мимо нашего дерева. Но чаще всего они действительно ползут так, как сейчас... Польша, давайте посмотрим, куда они ползут, вряд ли это далеко, они слишком беспомощны...

- Может быть, и семена, - говорил Сартаков, - а может быть, и щенки, откуда мне знать, может быть, это маленькие тахорги. Ведь никто и никогда еще не видел маленьких тахоргов. Хорошо бы проследить и посмотреть, что с ними делается дальше. Как ты думаешь, Польша?

Да, хорошо бы. Почему бы и нет? Раз уж мы здесь, то почему бы и нет? Мы могли бы ехать рядом и быть настороже. Все возможно, пока еще возможно все, возможно, это лишний нарост на маске, загадочный и бессмысленный, а может быть, именно здесь маска приоткрылась, но лицо под ней такое незнакомое, что кажется маской, и как хорошо было бы, если бы это оказались семена или маленькие тахорги...

- А почему бы и нет? - сказал Польша решительно. - Давайте! По крайней мере, я буду знать, в чем будут копаться наши биологи. Пошли в рубку, надо сообщить Шестопалу, пусть дирижабль следует за нами...

Они спустились в рубку, Польша связался с дирижаблем, а Алик стал разворачивать вездеход. "Хорошо, - говорил Шестопал. - Будет исполнено. А что там внизу? Там какой-нибудь гейзер? Я все время натыкаюсь на что-то мягкое и ничего не вижу, очень неприятно, и стекла в кабине залепило какой-то слизью..." Алик делал поворот на одной гусенице и валил кормой деревья. "Ай! - вдруг сказала Рита. - Вертолет!" Алик затормозил, и все посмотрели на вертолет. Вертолет медленно падал, цепляясь за распростертые ветви, скользя по ним, переворачиваясь, цепляясь изуродованными винтами, увлекая за собой тучи листьев. Он упал в клоаку. Все разом встали. Леониду Андреевичу показалось, что протоплазма прогнулась под вертолетом, словно смягчая удар, мягко и беззвучно пропустила его в себя и сомкнулась над ним. "Да, - сказал Сартаков с неудовольствием. - Глупость какая, вся недельная добыча..." Клоака стала пастью сосущей, пробующей, наслаждающейся. Она катала в себе вертолет, как человек катает языком от щеки к щеке большой леденец. Вертолет крутило в пенящейся массе, он исчезал, появлялся вновь, беспомощно взмахивая остатками винтов, и с каждым появлением его становилось все меньше, органическая обшивка истончалась, делалась прозрачной, как тонкая бумага, и уже смутно мелькали сквозь нее каркасы двигателей и рамы приборов, а потом обшивка расплзлась, вертолет исчез в последний раз и больше не появился. Леонид Андреевич посмотрел на Риту. Она была бледна, Руки ее были стиснуты. Сартаков откашлялся и сказал: "Честно говоря, я не предполагал... Должен тебе сказать, директор, я вел себя достаточно опрометчиво, но я никак не предполагал..."

- Вперед, - сухо сказал Польша Алику.

х х х

"Щенков" было сорок три. Они медленно, но неумоимо двигались колонной один за другим, словно текли по земле, переливаясь через стволы сгнивших деревьев, через рытвины, по лужам стоячей воды, в высокой траве, сквозь колючие кустарники. И они оставались белыми, чистыми, ни одна соринка не приставала к ним, ни одна колючка не поранила их, и их не пачкала черная болотная грязь. Они лились с тупой бездумной уверенностью, как будто по давно знакомой привычной дороге.

Алик с величайшей осторожностью, выключив все агрегаты внешнего воздействия, шел параллельно колонне, стараясь не слишком приближаться к ней, но и не терять ее из виду. Скорость была ничтожная, едва ли не меньше скорости пешехода, и это длилось долго. Через каждые полчаса Польша

выбрасывал сигнальную ракету, и скучный голос Шестопада сообщал в репродуктор: "Ракету вижу, вас не вижу". Иногда он добавлял: "Меня сносит ветром. А вас?" Это была его личная традиционная шутка.

Время от времени Сартаков (с разрешения Поля) выбирался из рубки, соскакивал на землю и шел рядом с одним из "щенков". "Щенки" не обращали на него никакого внимания: видимо, они даже не подозревали, что он существует. Потом, (опять-таки с разрешения Поля) рядом со "щенками" прошлись по очереди Рита Сергеевна и Леонид Андреевич. От "щенков" резко и неприятно пахло, белая оболочка их казалась прозрачной, и под нею волнами двигались какие-то тени. Алик тоже попросился к "щенкам", но Поль его не отпустил и сам не пошел, может быть желая таким образом выразить свое неудовольствие просьбами экипажа.

Возвратившись из очередной прогулки, Сартаков предложил изловить одного "щенка". "Ничего нет легче, - сказал он. - Опростаем контейнер с водой, накроем одного и оттащим в сторону. Все равно когда-нибудь придется ловить". "Не разрешаю, - сказал Поль. - Во-первых, он сдохнет. А во-вторых, я ничего не разрешу до тех пор, пока не станет все ясно". "Что именно - все?" - спросил агрессивно Сартаков. "Все, - сказал Поль. - Что это такое, почему, зачем". "А заодно - в чем смысл жизни," - сказал агрессивно Сартаков. "По-моему, это просто разновидность живого существа," - сказал Алик, который очень не любил ссор. "Слишком сложно для живого существа, - сказала Рита, - я имею в виду, что слишком сложно для таких больших размеров. Трудно себе представить, что это может быть за живое существо." "Это вам трудно представить, - сказал Алик добродушно. - Или мне, например. А вот, скажем, ваш Тойво может все это представить без малейшего труда, ему это проще, чем для меня - завести двигатель. Раз - и представил. Величиной с дом" "Знаете, что это, - сказал успокоившийся Сартаков. - Это ловушка" "Чья ловушка?" "Чья-то ловушка", - сказал Сартаков. "Занимается ловлей вертолетов", - сказал Поль. "А что же, - сказал Сартаков. - Сидоров попался три года назад. Карл еще раньше попался, а теперь вот мой вертолет". "Разве Карл здесь сгинул?" - спросил Алик. "Это неважно, - сказал Сартаков. - Ловушек может быть много". "Поль, - сказала Рита Сергеевна, - можно я поговорю с Тойво?" "Можно, - сказал Поль, - сейчас я его вызову..."

Рита поговорила с Тойво. Сартаков еще раз вылез и прошелся рядом со "щенками". Шестопад еще раз сообщил, что его сносит, и еще раз спросил, не сносит ли их. А потом они увидели, как строй "щенков" нарушился. Колонна разделилась. Леонид Андреевич считал: тридцать два "щенка" пошли прямо, а одиннадцать, построившись в такую же колонну, свернули налево, наперерез вездеходу. Алик продвинулся еще на несколько десятков метров и остановился.

- Слева озеро, - объявил он.

Слева между деревьями открылось озеро, ровная гладь неподвижной темной воды - совсем недалеко от вездехода. Леонид Андреевич увидел низкое туманное небо и смутные очертания дирижабля. Одиннадцать "щенков" уверенно направлялись к воде. Леонид Андреевич смотрел, как они переливаются через кривую корягу на самом берегу и один за другим тяжело плюхаются в озеро. По темной воде пошли маслянистые круги.

- Тонут! - сказал Сартаков с удивлением.

- Тогда уж - топятся, - сказал Алик. - Ну что, Поль, за ними? Или прямо?

Поль рассматривал карту.

- Как всегда, - сказал он. - Этого озера у нас на картах нет. Если карте больше двух лет, то она уже никуда не годится. - Он сложил карту и придвинул к себе перископ. - Пойдем прямо, - сказал он. - Только погоди немного.

Он медленно поворачивал перископ, а потом остановился и стал вглядываться. В кабине вдруг стало тихо. Все смотрели на него. Леонид Андреевич увидел, как его правая рука нащарила клавишу кинокамеры и несколько раз нажала на нее. Потом Поль обернулся и, моргая, посмотрел на Леонида Андреевича.

- Странно, - сказал он. - Может, вы взглянете? У того берега...

Леонид Андреевич подтянул перископ к себе. Он ничего не ожидал увидеть: это было бы слишком просто. И он ничего не увидел. Озерная гладь, далекий, заросший травой берег, зубчатая кромка леса на фоне синего не-

ба.

- А что вы там увидели? - спросил он, вглядываясь.
- Там была белая точка, - сказал Поль. - Мне показалось, что там, в воде, человек... Глупо, конечно.

Темная вода, кромка леса, серое небо.

- Будем считать, что это была русалка, - сказал Леонид Андреевич и отодвинулся от перископа.

4

- Сегодня мы наконец улетаем, - сказал Турнен.

- Поздравляю, - сказал Леонид Андреевич. - А я еще останусь немножко.

Он бросил камешек, и камешек канул в облако. Облако было совсем близко внизу под ногами. Леса видно не было. Леонид Андреевич лег на спину, свесив босые ноги в пропасть и заложив руки за голову. Турнен сидел на корточках неподалеку и внимательно, без улыбки смотрел на него.

- А ведь вы действительно боязливый человек, Горбовский, - сказал он.

- Да, очень - согласился Леонид Андреевич. - Но вы знаете, Тойво, стоит поглядеть вокруг, и вы увидите десятки и сотни чрезвычайно смелых, отчаянно храбрых, безумно отважных... даже скучно становится, и хочется разнообразия. Ведь правда?

- Да, пожалуй, - сказал Турнен, опуская глаза. - Но я-то боюсь только за одного человека...

- За себя, - сказал Горбовский.

- В конечном итоге - да. А вы?

- В конечном итоге - тоже да.

- Скучные мы с вами люди, - сказал Турнен.

- Ужасно, - сказал Леонид Андреевич. - Вы знаете, я чувствую, что с каждым днем становлюсь все скучнее и скучнее. Раньше около меня всегда толпились люди, все смеялись, потому что я был забавный. А теперь вот вы только... и то не смеетесь. Вы понимаете, я стал тяжелым человеком. Уважаемым - да. Авторитетным - тоже да. Но без всякой приятности. А я к этому не привык, мне это больно.

- Привыкнете, пообещал Турнен. -- Если раньше не умрете от страха, то привыкнете. А в общем-то вы занялись самым неблагодарным делом, какое можно себе представить. Вы думаете о смысле жизни сразу за всех людей, а люди этого не любят. Люди предпочитают принимать жизнь такой, какая она есть. Смысла жизни не существует. И смысла поступков не существует. Если поступок принес вам удовольствие - хорошо, если не принес - значит, он был бессмысленным. Зря стараетесь, Горбовский.

Леонид Андреевич извлек ноги из пропасти и перевалился на бок.

- Ну вот уже и обобщения, - сказал он. - Зачем судить обо всех по себе?

- Почему обо всех? Вас это не касается.

- Это многих не касается.

- Да нет. Многих - вряд ли. У вас какой-то обостренный интерес к последствиям, Горбовский. У большинства людей этого нет. Большинство считает, что это не важно. Они даже могут предвидеть последствия, но это не проникает им в кровь, действуют они все равно, исходя не из последствий, а из каких-то совсем других соображений.

- Это уже другое дело, - сказал Леонид Андреевич. - Тут я с вами согласен. Я не согласен только, что эти другие соображения - всегда собственное удовольствие.

- Удовольствие - понятие широкое...

- А, - прервал Леонид Андреевич. - Тогда я с вами согласен полностью.

- Наконец-то, - сказал Турнен язвительно. - А я-то думал, что мне, бедному, делать, если вы не согласитесь. Я уже собирался вас прямо спрашивать: зачем вы, собственно, здесь сидите, Горбовский?

- Но ведь вы не спрашиваете?

- В общем - нет, потому что я и так знаю.

Леонид Андреевич с восхищением посмотрел на него.

- Правда? - сказал он. - А я-то думал, что законспирировался удачно.

- А зачем вы, собственно, законспирировались?

- Так смеяться же будут, Тойво. И вовсе не тем смехом, какой я привык слышать рядом с собой.

- Привыкнете, -- снова пообещал Турнен. -- Вот спасете человечество два-три раза, и привыкнете... Чудак вы все-таки. Человечеству совсем не

нужно, чтобы его спасали.

Леонид Андреевич натянул шлепанцы, подумал и сказал:

- В чем-то вы, конечно, правы. Это мне нужно, чтобы человечество было в безопасности. Я наверное самый большой эгоист в мире. Как вы думаете, Тойво?

- Несомненно, - сказал Турнен. - Потому, что вы хотите, чтобы всему человечеству было хорошо только для того, чтобы вам было хорошо.

- Но, Тойво! - вскричал Леонид Андреевич и даже слегка ударил себя кулаком в грудь. - Разве вы не видите, что они все стали как дети? Разве вам не хочется возвести ограду вдоль пропасти, возле которой они играют? Вот здесь, например, - он ткнул пальцев вниз. - Вот вы давеча хватались за сердце, когда я сидел на краю, вам было нехорошо, а я вижу, как двадцать миллиардов сидят, спустив ноги в пропасть, толкаются, острят и швыряют камешки, и каждый норовит швырнуть потяжелее, а в пропасти туман, и неизвестно, кого они разбудят там в тумане, а им всем на это наплевать, они испытывают приятство от того, что у них напрягается мускулюс глутеус, а я их всех люблю и не могу...

- Чего вы, собственно, боитесь? - сказал Турнен раздраженно. - Человечество все равно не способно поставить перед собой задачи, которые оно не может разрешить.

Леонид Андреевич с любопытством посмотрел на него.

- Вы серьезно так думаете? - сказал он. - Напрасно. Вот оттуда, - он опять ткнул пальцем вниз, - может выйти братец по разуму и сказать: "Люди, помогите нам уничтожить лес". И что мы ему ответим?

- Мы ему ответим: "С удовольствием". И уничтожим. Это мы - в два счета.

- Нет, - возразил Леонид Андреевич. - Потому что едва мы приступили к делу, как выяснилось, что лес - тоже братец по разуму, только двоюродный. Братец - гуманоид, а лес - не гуманоид. Ну?

- Представить можно все, что угодно, - сказал Турнен.

- В том-то и дело, - сказал Горбовский. - Потому-то я здесь и сижу. Вы спрашиваете, чего я боюсь. Я не боюсь задач, которые ставит перед собой человечество, я боюсь задач, которые может поставить перед нами кто-нибудь другой. Это только так говорится, что человек всемогущ, потому что, видите ли, у него разум. Человек - нежнейшее, трепетнейшее существо, его так легко обидеть, разочаровать, морально убить. У него же не только разум. У него так называемая душа. И то, что хорошо и легко для разума, то может оказаться роковым для души. А я не хочу, чтобы все человечество - за исключением некоторых сущеглупых - краснело бы и мучилось угрызениями совести, или страдало бы от своей неполноценности и от сознания своей беспомощности, когда перед ним встанут задачи, которые оно даже не ставило. Я уже все это пережил в фантазии и никому не пожелаю. А вот теперь сижу и жду.

- Очень трогательно, - сказал Турнен. - И совершенно бессмысленно.

- Это потому, что я пытался воздействовать на вас эмоционально, - грустно сказал Леонид Андреевич. - Попробую убедить вас логикой. Понимаете, Тойво, возможность неразрешимых задач можно предсказать априорно. Наука, как известно, безразлична к морали. Но только до тех пор, пока ее объектом не становится разум. Достаточно вспомнить проблематику евгеники и разумных машин... Я знаю, вы скажете, что это наше внутреннее дело. Тогда возьмем тот же разумный лес. Пока он сам по себе, он может быть объектом спокойного изучения. Но если он воюет с другими разумными существами, вопрос из научного становится для нас моральным. Мы должны решать, на чьей стороне быть, а решить мы это не можем, потому что наука моральные проблемы не решает, а мораль - сама по себе, внутри себя - не имеет логики, она нам задана до нас, как мода на брюки, и не отвечает на вопрос: почему так, а не иначе. Я достаточно ясно выражаюсь?

- Слушайте, Горбовский, - сказал Турнен. - Что вы прицепились к разумному лесу? Вы что, действительно считаете этот лес разумным?

Леонид Андреевич приблизился к краю и заглянул в пропасть.

- Нет, - сказал он. - Вряд ли... Но есть в нем что-то нездоровое с точки зрения нашей морали. Он мне не нравится. Мне в нем все не нравится. Как он пахнет, как он выглядит, какой он скользкий, какой он непостоянный. Какой он лживый и как он притворяется... Нет, скверный это лес, Тойво. Он еще заговорит. Я знаю: он еще заговорит.

- Пойдемте, я вас исследую, - сказал Тойво. - На прощанье.
- Нет, - сказал Леонид Андреевич. - Пойдем лучше ужинать. Попросим открыть нам бутылку вина...
- Не дадут, - сказал Тойво с сомнением.
- Я попрошу Поля, - сказал Леонид Андреевич. - Кажется, я пока еще имею на него какое-то влияние.
Он нагнулся, собрал в горсть оставшиеся камешки и швырнул их вниз. Подальше. В туман. В лес, который еще заговорит.
Тойво, заложив руки за спину, уже неторопливо поднимался по лестнице.

КОНЕЦ

Гагра, март 1965

Отредактировано Б.Стругацким в сентябре 1995 года

Аркадий СТРУГАЦКИЙ
Борис СТРУГАЦКИЙ

ПЯТЬ ЛОЖЕК ЭЛИКСИРА

Время действия: наши дни, поздняя весна.

Место действия: крупный город, областной центр на юге нашей страны.

Двухкомнатная квартира средней руки писателя Феликса Александровича Снегирева. Обычный современный интерьер. Два часа дня. За окном - серое дождливое небо.

Феликс у телефона. Обыкновенной наружности человек лет пятидесяти, весьма обыкновенно одетый для выхода. На ногах стоптанные домашние шлепанцы.

- Наталья Петровна? - говорит он в трубку. - Здравствуй, Наташенька! Это я, Феликс... Ага, много лет, много зим... Да ничего, помаленьку. Слушай Наташка, ты будешь сегодня на курсах? До какого часу? Ага... Я к тебе забегу около шести, есть у меня к тебе маленькое дельце... Хорошо? Ну, до встречи.

Он вешает трубку и устремляется в прихожую. Быстро переобувается, натягивает плащ, нахлобучивает на голову бесформенный берет. Затем хватает огромную авоську, набитую пустыми бутылками из-под кефира, лимонада, фанты и подсолнечного масла. Слегка согнувшись под тяжестью стеклотары, выходит на лестничную площадку и остолбенело останавливается.

Из дверей квартиры напротив выдвигаются два санитара с носилками, на которых расprostert бледный до зелени Константин Курдюков, сосед и шапошный знакомый Феликса, третьестепенный поэт городского масштаба. Увидев Феликса, он произносит:

- Феликс! Сам господь тебя послал мне, Феликс!..

Голос у него такой отчаянный, что санитары останавливаются. Феликс с участием наклоняется над ним.

- Что с тобой, Костя? Что случилось?

Мутные глаза Курдюкова закатываются, испачканный рот вяло распушен.

- Спасай, Феликс! - сипит он. - Помираю! На коленях молю... Только на тебя сейчас и надежда... Зойки нет, никого рядом нет...

- Слушаю, Костя, слушаю! Что надо сделать, говори...

- В институт! Поезжай в институт... Институт на Богородском шоссе - знаешь? Найди Мартынюка... Мартынюк Иван Давыдович. Запомни! Его там все знают.... Председатель месткома... Скажи ему, что я отравился, ботулизм у меня... Помираю! Пусть даст хоть две-три капли, я точно знаю - у него есть... Пусть даст!

- Хорошо, хорошо! Мартынюк Иван Давыдович, две капли... А чего именно две капли? Он знает?

На лице Кости появилась странная неуместная улыбка.

- Скажи: мафусалин! Он поймет...

Санитары начали спускаться по лестнице, а Костя отчаянно кричит:

- Феликс! Я за тебя молиться буду!

- Еду, еду! - кричит вслед Феликс. - Сейчас же еду!

Из Костиной квартиры выходит врач и ждет лифта. Феликс испуганно спрашивает:

- Неужели и вправду ботулизм?

Врач неопределенно пожимает плечом:

- Отравление. Сделаем анализы, станет ясно.

- А как вы полагаете, мафусалин от ботулизма помогает?

- Как вы сказали?

- Мафусалин, по-моему... - произносит Феликс смущенно.

- Впервые слышу.

- Какое-нибудь новое средство, - предполагает Феликс. Врач не возражает.

- А куда вы Курдюкова сейчас повезете?

- Во Вторую городскую.

- А, это совсем рядом...

Приходит лифт, у "неотложки" они расстаются, и Феликс гремя бутылками, бежит на середину улицы останавливать такси.

Выбравшись из машины, Феликс поудобнее прихватывает авоську и, кренясь под тяжестью, поднимается по широким ступенькам под бетонный козырек институтского подъезда. В холле довольно много людей, все они стоят кучами и дружно курят. Феликс подходит к ближайшей группе и осведомляется, где ему найти Мартынюка, председателя месткома. Его оглядывают и показывают в потолок. Феликс вручает гардеробщику свой плащ и берет, пытается всучить авоську, но получает решительный отказ и осторожно ставит авоську в угол.

На втором этаже он открывает дверь в одну из комнат и вступает в обширное светлое помещение, где масса химической посуды, мигают огоньки на пультах, змеятся зеленоватые кривые на экранах, а спиной к двери сидит человек в синем халате. Едва Феликс закрывает за собой дверь, как человек этот, не оборачиваясь, рывкает через плечо:

- В местком! В местком!

- Ивана Давыдовича можно? - осведомляется Феликс.

Человек поворачивается к нему и встает. Он огромен и плечист. Могучая шея, всклокоченная шевелюра, черные глаза.

- Я сказал - в местком! С пяти до семи! А здесь у нас разговора не будет. Вам ясно?

- Я от Кости Курдюкова... От Константина Ильича.

Предместкома Мартынюк словно налетает с разбегу на стену.

- От Константина Ильича? А что такое?

- Он страшно отравился, понимаете? Есть подозрение на ботулизм. Он очень просил, прямо-таки умолял, чтобы вы прислали ему две-три капли мафусалина...

- Чего-чего?

- Мафусалина... Я так понял, что это какое-то новое лекарство... Или я неправильно запомнил? Ма-фу-са-лин...

Иван Давыдович Мартынюк обходит его и плотно прикрывает дверь.

- А кто вы, собственно, такой? - спрашивает он неприветливо.

- Феликс Снегирев. Феликс Александрович...

- Мне это имя ничего не говорит.

Феликс взвизгивает.

- А мне ваше имя, между прочим, тоже ничего не говорит! Однако я вот через весь город к вам сюда перся.

Иван Давыдович мрачно смотрит на Феликса.

- Ладно, - произносит он наконец. - Я сам этим займусь. Идите. Стойте! В какой он больнице?

- Во второй городской.

- Чтоб его там... Действительно, другой конец города. Ну ладно, идите. Я займусь.

Внутренне клокоча, Феликс спускается в гардероб, выходит на крыльцо, ставит авоську у ноги и достает сигарету. Повернувшись от ветра, чтобы

закурить, он обмирает: за тяжелой прозрачной дверью, упершись в стекло огромными ладонями и выставив бледное лицо свое, пристально смотрит на него Иван Давыдович Мартынюк. Словно вурдалак вслед ускользнувшей жертве.

Народу в трамвае великое множество. Феликс сидит с авоськой на коленях, а пассажиры стоят стеной, и вдруг между телами образуется просвет, и Феликс замечает, что в этот просвет пристально смотрят на него светлые выпуклые глаза. Лишь секунду видит он эти глаза, клетчатую кепку, клетчатый галстук между отворотами клетчатого пиджака, но тут трамвай со скрежетом притормаживает, тела смыкаются, и странный наблюдатель исчезает из виду. Некоторое время Феликс хмурится, пытаясь что-то сообразить, но тут между пассажирами вновь возникает просвет, и выясняется, что клетчатый наблюдатель мирно дремлет, сложив на животе руки. Средних лет мужчина, клетчатый пиджак, грязноватые белые брюки...

В зале Дома Культуры Феликс, расхаживая по краю сцены, разглагольствует перед читателями.

- ...С раннего детства меня, например, пичкали классической музыкой. Вероятно, кто-то где-то когда-то сказал, что если человека ежечасно пичкать классической музыкой, то он к ней помаленьку привыкнет и смирится, и это будет прекрасно. И началось! Мы жаждали джаза, мы сходили по джазу с ума - нас душили симфониями. Мы обожали душещипательные романсы - нас рушили скрипичные концерты. Мы рвались слушать бардов и менестрелей - нас травили ораториями. Если бы все эти титанические усилия по внедрению классической музыки имели бы КПД ну хотя бы как у паровоза, мы бы все сейчас были знатоками и ценителями. А что в результате? Сами видите что в результате...

Под одобрительный шум в зале Феликс отходит к столику и берет очередную записку.

- "Были ли вы за границей?"

Смех в зале.

- Да, был. Один раз в Польше туристом, два раза в Чехословакии с делегацией... Так. А что здесь? Гм... "Кто, по-вашему, больше боится смерти: смертные или бессмертные?"

В зале шум. Феликс пожимает плечами и говорит:

- Станный вопрос. Я на эту тему как-то не думал... Знаете, по-моему о бессмертии думают главным образом молодые, а мы, старики, больше думаем о смерти!

И тут он видит, как в середине зала воздвигается знакомая клетчатая фигура.

- А что думают о смерти бессмертные? - пронзительным фальцетом осведомляется клетчатая фигура.

Этим вопросом Феликс совершенно сбит с толку и несколько даже испуган. Он догадывается, что это неспроста, что есть в этой сцене некий непонятный ему подтекст, он чувствует, что лучше бы ему сейчас не отвечать, а если уж отвечать, то точно, в самое яблочко. Но как это сделать - он не знает, а потому бормочет, пытаясь то ли сострить, то ли отговориться:

- Поживем, знаете ли увидим... Я, между прочим, пока еще не бессмертный. Мне трудно, знаете ли, о таких вещах судить.

Клетчатого уже не видно в зале, Феликс утирается платком и разворачивает следующую записку.

Покинув Дом Культуры, Феликс решает избавиться от проклятой авоськи с бутылками. Он пристраивается в небольшую очередь у ларька по приему стеклотары и стоит, глубоко задумавшись.

Вдруг поднимается визг, крики, очередь бросается врассыпную. Феликс очумело вертит головой, силясь понять, что происходит. И видит: с пригорка прямо на него, набирая скорость, зловеще-бесшумно катится гигантский МАЗ-самосвал. Судорожно подхватив авоську, Феликс отскакивает в сторону, а самосвал, промчавшись в двух шагах, с грохотом вламывается в ларек и останавливается. В кабине никого нет.

Вокруг кричат, ругаются, воздевают руки.

Выбравшись из развалин ларька испуганный приемщик в грязном белом халате вскакивает на подножку и ожесточенно давит на сигнал.

Потряхивая головой, чтобы избавиться от пережитого потрясения, Феликс направляется на курсы иностранных языков к знакомой своей Наташе, до которой у него было маленькое дельце.

По коридорам курсов он идет свободно, как у себя дома, не раздеваясь и нисколько не стесняясь своих бутылок. Он небрежно стучит в дверь с табличкой "Группа английского языка" и входит.

В пустом кабинетике за одним из канцелярских столов сидит Наташа, Наталья Петровна. Она поднимает глаза на Феликса, и Феликс останавливается. Он ошарашен, у него даже лицо меняется. Когда-то у него была интрижка с этой женщиной, а потом они мирно охладели друг к другу и давно не виделись. Он явился к ней по делу, но теперь, снова увидев ее, обо всем забыл.

Перед ним сидит строго одетая Загадочная Дама, Прекрасная Женщина с огромными сумрачными глазами ведьмы-чаровницы, с безукоризненно нежной кожей лица и лакомыми губами. Не спуская с нее глаз, Феликс осторожно ставит авоську на пол и, разведя руки, произносит:

- Ну мать, нет слов! Сколько же мы не виделись? - Он хлопает себя ладонью по лбу. - Ну что за идиот! Где только были мои глаза?

- Ты только затем и явился, чтобы мне об этом сказать? - довольно прохладно отвечает Наташа. - Или заодно хотел еще сдать бутылки?

- Говори! - страстно шепчет Феликс, падая на стул. - Говори еще! Все, что тебе хочется!

- Что это с тобой сегодня?

- Не знаю. Меня чуть не задавило. Но главное - я увидел тебя!

- А кого ты ожидал здесь увидеть?

- Я ожидал увидеть Наташку, Наталью Петровну, а увидел фею! Или ведьму! Прекрасную ведьму! Русалку!

- Златоуст, - произносит она ядовито, но с улыбкой. Ей приятно.

- Наточка, - говорит он. - Завтра? В "Поплавок", а? На плес, а? Как в старые добрые времена!..

- Не выйдет, - говорит она. - Ушел кораблик. Видишь парус? И вообще уходи. Сейчас ко мне придут.

- Эхе-хе! - Он поднимается. - Не везет мне сегодня... Слушай, Наталья, - спохватился он. - У меня к тебе огромная просьба!

- Так бы и говорил с самого начала...

- У тебя на курсах есть такой Сеня... Семен Семенович Долгополов...

- Знаю я его. Лысый такой, из Гортранса... Очень тупой...

- Святые слова! Лысый, тупой из Гортранса. И еще у него гипертония и зять - пьяница. А ему нужна справка об окончании ваших Курсов. Во как нужна, у него от этого командировка зависит в загранку... Сделай ему зачет, ради Христа. Ты его уже два раза провалила...

- Три.

- Три? Ну значит, он мне наврал. Постеснялся. Да пожалей ты его, что тебе стоит?

- Он мне надоел, - произносит Наташа со странным выражением.

- Так тем более! Сделай ему зачет, и пусть он идет на все четыре стороны... Пожалей!

- Хорошо, я подумаю.

- Ну вот и прекрасно! Ты же добрая, я знаю...

- Пусть он ко мне зайдет завтра в это время.

Вечереет. Феликс предпринимает еще одну попытку избавиться от посуды. Он встает в хвост очереди, голова которой уходит в недра какого-то подвала. Стоит, закуривает, смотрит на часы. Потоптавшись в нерешительности, обращается к соседу:

- Слушай, друг, не возьмешь ли мои? По пять копеек?

Друг отвечает:

- А мои по четыре не возьмешь?

Феликс вздыхает и, постояв еще немного, покидает очередь. Он вступает

в сквер, тянувшийся вдоль неширокой улицы, движение на которой перекрыто из-за дорожных работ. Тихая, совершенно пустая улица с разрытой мостовой и кучами булыжников.

Феликс обнаруживает, что на ботинке развязался шнурок.

Он подходит к скамейке, опускает на землю авоську и ставит правую ногу на край скамейки. Вдруг авоська словно взрывается - с лязгом и дребезгом.

Невесть откуда брошенный булыжник угодил в нее и произвел в бутылках разрушения непоправимые. Брызги стеклянного лома усеяли все близлежащее пространство.

Феликс растерянно озирается. Сквер пуст. Улица пуста. Сгущаются вечерние тени. В куче стеклянного крошева в авоське закопался булыжник величиной с голову ребенка.

- Странные дела... - произносит Феликс в пространство.

Он делает движение, собираясь нагнуться за авоськой, но затем пожимает плечами и уходит, засунув руки в карманы.

В шесть часов вечера Феликс, подумав о еде, входит в зал ресторана "Кавказский". Он останавливается у порога, и тут к нему величественно и плавно придвигается метрдотель Павел Павлович - рослый смуглый мужчина в черном фрачном костюме с гвоздикой в петлице.

- Давненько не изволили заходить, Феликс Александрович! - рокошет он.

- Дела? Заботы? Труды?

- Труды, труды, - невнимательно отзывается Феликс. - А равно и заботы... А вот вас, Павел Павлович, как я наблюдаю, ничто не берет. Атлет, да и только...

- Вашими молитвами, Феликс Александрович. А паче всего - беспощадная дрессировка организма. Ни в коем случае не распускать себя! Постоянно держать в узде!... Извольте вот туда, к окну...

- Спасибо, Павел Павлович, в другой раз... Мне бы с собой чего-нибудь. Домой к ужину. Ну там, пару калачиков, ветчинки, а? Но в долг, Пал Палыч! А?

- Сделаем.

Через некоторое время Феликс получает довольно объемный сверток.

Из телефона-автомата Феликс звонит на квартиру Курдюкова.

- Зочка, это я, Феликс... Ну как там Костя?

- Ой, как хорошо, что вы позвонили, Феликс! Я только что из больницы! Вы знаете, он очень просит, чтобы вы к нему зашли...

- Обязательно. А как же... А как он вообще?

- Да все обошлось, слава богу. Но он очень просит, чтобы вы пришли. Только об этом и говорит.

- Да? Н-ну... Завтра...

- Нет! Он просит, чтобы обязательно сегодня! Он мне просто приказал: позвонит Феликс Александрович - скажи ему, чтобы пришел обязательно сегодня же...

- Сегодня? Хм... - мямлит Феликс.

- Найди его, говорит, где хочешь! Хоть весь город объезди... Что-то у него к вам важное, Феликс. И срочное. Вы, поймите, он сам не свой. Ну забегите вы к нему сегодня, ну хоть на десять минут!

- Ну ладно, ну хорошо, что ж делать...

Когда Феликс входит в палату, Курдюков сидит на койке и с отвращением поедает манную кашу в жестяной тарелке. Он весь в больничном, но выглядит в общем неплохо, за умирающего его принять невозможно. Увидев Феликса, Курдюков живо вскакивает и так ярко к нему бросается, что Феликс даже шарахается от неожиданности. Курдюков хватает его за руку и принимается пожимать и трясти, трясти и пожимать, и при этом говорит, как заведенный, не давая Феликсу сказать ни слова:

- Старик! Ты себе представить не можешь, что тут со мной было! Десять кругов ада, клянусь всем святым! Страшное дело! Представляешь, понабежали со всех сторон, с трубками, наконечниками, с клистирами наперевес, все в

белом - жуткое зрелище...

Наступая на ноги он теснит Феликса к дверям.

- Да что ты все пихаешься? - спрашивает Феликс, уже оказавшись в коридоре.

- Давай, старик, пойдем присядем... Вон там у них скамеечка под пальмой.

Они усаживаются на скамеечку под пальмой.

- Потом, представляешь, кислород! - с энтузиазмом продолжает Курдюков. - Ну думаю, все, врезаю дуба. Однако нет! Проходит час, другой, прихожу в себя - и ничего!

- Не понадобилось, значит, - благодушно вставляет Феликс.

- Что именно? - быстро спрашивает Курдюков.

- Ну, этот твой... Мафусаил... Мафусалин... Зря, значит, я хлопотал.

- Что ты! Они мне, понимаешь, сразу клизму, промывание желудка под давлением, представляешь? У меня, понимаешь, глаза на лоб, я им говорю: ребята срочно зовите окулиста...

И тут Курдюков вдруг обрывает себя и спрашивает шепотом:

- Ты что так смотришь?

- Как? - удивляется Феликс. - Как я смотрю?

- Да нет, никак... - уклоняется Курдюков. - Ну иди! Что тут тебе со мной! Навестил, и спасибо большое... Коньячок за мной. Как только выйду - в первый же день.

Он встает. И Феликс тоже встает - в растерянности и недоумении. Некоторое время они молчат, глядя друг другу в глаза. Потом Курдюков вдруг снова спрашивает полушепотом:

- Ты чего?

- Да ничего. Пойду.

- Конечно, иди... Спасибо тебе...

- Ты мне больше ничего не хочешь сказать? - спрашивает Феликс.

- Насчет чего? - произносит Курдюков совсем уже тихо.

- А я знаю - насчет чего? - взрывается Феликс. - Я знаю, зачем ты меня сюда - на ночь глядя? Мне говорят: срочное дело, необходимо сегодня же, немедленно... Какое дело? Что тебе необходимо?

- Кто говорил, что срочное дело?

- Жена твоя говорила! Зоя!

- Да нет! - объявляет Курдюков. - Да чепуха это все, перепутала она!

Совсем не про тебя речь шла, и было это не так уж срочно... А она говорила - сегодня? Вот дурища! Она просто не поняла...

Феликс машет рукой.

- Ладно. Господь с вами обоими. Не поняла, так не поняла. Выздоровел - и слава богу. А я пошел.

Феликс направляется к выходу, а Курдюков семенит рядом, забегая то справа, то слева.

- Ну ты не обиделся, я надеюсь... - бормочет он. - Ты, главное, знай: я тебе благодарен так, что если ты меня попросишь... О чем бы ты меня не попросил... Ты знаешь, какого я страху натерпелся? Не дай бог тебе отравиться, Снегирев...

А на пустой лестничной площадке Курдюков вдруг обрывает свою бессвязицу, судорожно вцепляется Феликсу в грудь, прижимает его к стене и, брызгаясь, шипит ему в лицо:

- Ты запомни, Снегирев! Не было ничего, понял? Забуди!

- Постой, да ты что? - бормочет Феликс, пытаясь отодрать его руки.

- Не было ничего! - шипит Курдюков. - Не было! Хорошенько запомни! Не было!

- Да пошел ты к черту! Обалдел, что ли? - гаркает Феликс в полный голос. Ему удается, наконец, оторвать от себя Курдюкова, и, с трудом удерживая его на расстоянии, он произносит: - Да опомнись, чучело гороховое! Что это тебя разбирает?

Курдюков трясется, брызгается и все повторяет:

- Не было ничего, понял? Не было! Ничего не было!

Потом он обмякает и принимается плаксиво объяснять:

- накладку у меня получилась, Снегирев... Накладка вышла! Институт же тот, на Богородском шоссе, секретный, номерной... Не положено мне про него ничего знать... А тебе уж и подавно не положено! А я вот тебе ляпнул, а они уже пришли и замечание сделали... Прямо хоть из больницы не выходи!

Накладка это... Загубишь ты меня своей болтовней!

- Ну хорошо, хорошо, - говорит Феликс, с трудом сохраняя спокойствие.
- Секретный. Хорошо. Ну чего ты дергаешься? Какое мне до всего этого дело? Надо, чтобы я забыл, - считай, что я забыл... Не было и не было, что я - спорю?

Он отодвигает Курдюкова с дороги и спускается по лестнице. Он уже в самом низу, когда Курдюков перегнувшись через перила, шипит ему в след на всю больницу:

- О себе подумай, Снегирев! Seriously тебе говорю! О себе!

Дома, в тесноватой своей прихожей, Феликс зажигает свет, кладет на столик сверток (с едой от Павла Павловича), устало стягивает с головы берет, снимает плащ и принимается аккуратно напяливать его на деревянные плечики.

И тут обнаруживает нечто ужасное.

В том месте, которое приходится как раз на левую почку, плащ проткнут длинным шилом с деревянной рукояткой.

Несколько секунд Феликс оцепенело смотрит на эту округлую деревянную рукоятку, затем осторожно вешает плечики с плащом на вешалку и двумя пальцами извлекает шило.

Электрический блик жутко играет на тонком стальном жале.

И Феликс отчетливо вспоминает:

- искаженную физиономию Курдюкова и его шипящий вопль: "О себе подумай, Снегирев! Seriously тебе говорю! О себе!";

- стеклянный лязг и дребезг и булыжник в куче битого стекла на авоське;

- испуганные крики и вопли разбегающейся очереди и тупую страшную морду МАЗа, накатывающегося на него как судьба;

- и вновь бормотанье Курдюкова: "Не дай бог тебе отравиться, Снегирев..."

Слишком много всего для одного дня.

Не выпуская шила из пальцев, Феликс накидывает на дверь цепочку. Он испуган.

Глубокая ночь, дождь. Дома погружены во тьму, лишь кое-где горят одинокие прямоугольники окон.

У подъезда многоэтажного дома останавливается легковой автомобиль. Гаснут фары. Из машины выбираются под дождь четыре неясные фигуры, останавливаются и задирают головы.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: Вон три окна светятся. Спальня, кабинет, кухня... Седьмой этаж.

МУЖСКОЙ ГОЛОС: Почему у него везде свет? Может, у него гости?

ДРУГОЙ МУЖСКОЙ ГОЛОС: Никак нет. Один он. Никого у него нет.

Кабинет Феликса залит светом. Горит настольная лампа, горит торшер, горит люстра, горят бра.

Феликс в застиранной пижаме работает за столом. Пишущая машинка по ночному времени отодвинута в сторону, Феликс пишет от руки. Страшное шило лежит тут же, в деревянном ящичке с картонными карточками.

Звонок в дверь.

Феликс смотрит на часы. Пять минут третьего ночи.

Феликс глотает всухую. Ему страшно.

Он идет в прихожую и останавливается перед дверью.

- Кто там? - произносит он сипло.

- Открой, Феликс, это я, - отзывается негромкий женский голос.

- Наташенька? - с удивлением и радостью говорит Феликс.

Он торопливо снимает цепочку и распахивает дверь.

Но на пороге вовсе не Наташа - давешний мужчина в клетчатом. Под пристальным взглядом его светлых выпуклых глаз Феликс отступает на шаг.

Все происходит очень быстро. Клетчатый оттесняет его, проникает в прихожую, крепко ухватывает за руки и прижимает к стене. А с лестничной площадки быстро и бесшумно входят в квартиру один за другим:

- огромный плечистый Иван Давыдович в черном плаще до щиколоток, в руке - маленький саквояж;
- стройная очаровательная Наталья Петровна с сумочкой на длинном ремешке через плечо;
- высокий смуглый Павел Павлович в распахнутом сером пальто, под которым виден все тот же черный фрачный костюм с той же гвоздикой в петлице.

ФЕЛИКС (обалдело): Пал Палыч?

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Он самый, душа моя, он самый...

ФЕЛИКС: Что случилось?

Павел Павлович ответить не успевает. Из кабинета раздается властный голос:

- Давайте его сюда!

Клетчатый ведет Феликса в кабинет. Иван Давыдович сидит в кресле у стола. Плащ небрежно брошен на диван, саквояж поставлен у ноги.

ФЕЛИКС: Что, собственно, происходит? В чем дело?

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Тихо, прошу вас.

КЛЕТЧАТЫЙ: Куда его?

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Вот сюда... Сядьте, пожалуйста, на свое место, Феликс Александрович.

ФЕЛИКС: Я сяду, но я хотел бы все-таки знать, что происходит...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Спрашивать буду я. А вы садитесь и будете отвечать на вопросы.

ФЕЛИКС: Какие вопросы? Ночь на дворе...

Слегка подталкиваемый клетчатым, он обходит стол и садится на свое место напротив Ивана Давыдовича. Он растерянно озирается; видно, что ему очень и очень страшно.

Хотя, казалось бы, чего бояться? Наташа мирно сидит на диване и внимательно изучает свое отражение в зеркальце, извлеченном из сумки. Павел Павлович обстоятельно устраивается в кресле под торшером и одобряюще кивает оттуда Феликсу. Вот только клетчатый... Он встает в дверях - скрестив ноги, прислонился к косяку и раскуривает сигарету; руки в черных кожаных перчатках.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Сегодня в половине третьего вы были у меня в институте. Куда вы отправились потом?

ФЕЛИКС: А кто вы, собственно, такие? Почему я должен...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Потому что. Вы обратили внимание, что сегодня трижды только случайно остались в живых?.. Ну вот хотя бы это... (Он берет двумя пальцами страшное шило за острие и показывает перед глазами Феликса) два сантиметра правее - и конец! Поэтому я буду спрашивать, а вы будете отвечать. Добровольно и абсолютно честно. Договорились?

Феликс молчит. Он сломлен.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Итак, куда вы отправились от меня? Только не лгать.

ФЕЛИКС: В Дом Культуры. Железнодорожников.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Зачем?

ФЕЛИКС: Я там выступал. Перед читателями... Вот гражданин может подтвердить. Он меня видел.

КЛЕТЧАТЫЙ: Правильно. Не врет.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Кто была та пожилая женщина в очках?

ФЕЛИКС: Какая женщина?.. А, в очках. Это Марья Леонидовна! Зав. библиотекой.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Что вы ей рассказывали?

ФЕЛИКС: Я? Ей?

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Вы. Ей.

КЛЕТЧАТЫЙ: Рассказывал, рассказывал! Минут двадцать у нее в кабинете просидел...

ФЕЛИКС: Что значит - просидел? Она мне путевку оформляла. Договорились о следующем выступлении... Ничего я ей не рассказывал? Что за подозрения? Скорее, она мне рассказывала...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Итак, она заверила вас путевку. Куда вы отправились дальше?

ФЕЛИКС: На курсы! Наташа, скажи ему!

НАТАША: Феликс Александрович, ты не волнуйся. Ты просто рассказывай, как все было, и ничего тебе не будет.

ФЕЛИКС: Да я и так рассказываю все, как было...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Кого еще из знакомых вы встретили на курсах?
ФЕЛИКС: Ну кого... (Он очень старается). Этого... Ну Валентина, инженера, из филиала, не знаю как его фамилия... Потом этого, как его... Ну такой, мордастенный...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: И о чем вы с ними говорили?

ФЕЛИКС: Ни о чем я с ними не говорил. Я сразу пошел к Наташе. К Наталье Петровне.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Потом вы оказались в ресторане. Зачем?

ФЕЛИКС: Как это - зачем? Поесть! Я же целый день не ел... Между прочим, из-за этого вашего Курдюкова!

Павел Павлович поднимается, секунду смотрит на телефон, выдергивает телефонный шнур из розетки и снимает аппарат со столика на пол. Затем произносит: "Эхе-хе..." - и направляется к двери на кухню.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ (раздраженно): Павел... э... Павлович! Я не понимаю, неужели вы не можете десять минут подождать?

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ (приостанавливается на мгновение): А зачем, собственно, ждать? (Издвательским тоном.) Курдюков. Курдюков...

Он скрывается на кухне, оттуда доносится лязг посуды. Феликс обнаруживает, что все с жадным вниманием смотрят на него.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Феликс Александрович, будет лучше всего, если вы сами, без нашего давления, добровольно и честно расскажите нам: с кем вы сегодня говорили о Курдюкове, что именно говорили и зачем вы это делали. Я очень советую вам быть откровенным.

ФЕЛИКС: Да господи! Да разве я скрываю! С кем я говорил о Курдюкове? Пожалуйста. С кем я говорил... Да ни с кем я не говорил! С женой Курдюкова говорил, с Зоей! Она мне сказали, чтобы я поехал к нему в больницу, я и поехал. И все. Больше ни с кем!

На кухне снова слышится звон посуды, в кабинете появляется Павел Павлович. На нем кухонный фартук, в одной руке он держит шипящую сковородку, в другой - деревянную подставку для нее.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: прошу прощения. Не обращайтесь внимания... Я у вас, Феликс Александрович, давешнюю ветчинку там слегка. Вы уж не обессудьте...

ФЕЛИКС (растерянно): Да ради бога... Конечно!

ИВАН ДАВЫДОВИЧ (раздраженно): Давайте не будет отвлекаться! Продолжайте, Феликс Александрович!

Но Феликс не может продолжать. Он с испугом и изумлением следит за действиями Павла Павловича. Тот ставит сковородку на журнальный столик и, нависнув над нею своим большим благородным носом, извлекает из нагрудного кармана фрака черный плоский футляр. Открыв его, он некоторое время водит над ним указательным пальцем, произносит как бы в нерешительности "Гм!" и вынимает из футляра тонкую серебряную трубочку.

КЛЕТЧАТЫЙ (бормочет): Смотреть страшно...

Павел Павлович аккуратно отвинчивает колпачок и принимается капать из трубочки в яичницу - на каждый желток по капле.

НАТАША: Какой странный запах... Вы уверены, что это съедобно?

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Это, душа моя, "ухе-тхо"... В буквальном пере воде - "желчь водяного". Этому составу, деточка, восемь веков...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ (стучит пальцем по столешнице): Довольно, довольно! Феликс Александрович, продолжайте! О чем вы договорились с Курдюковым в больнице?

ФЕЛИКС: С Курдюковым? В больнице? Н-ну... Ни о чем определенном мы не договаривались. Он обещал поставить бутылку коньяку...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: И все?

ФЕЛИКС: И все...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: И ради этого вы поперли на ночь глядя через весь город в больницу?

ФЕЛИКС: Н-ну... Это же почти рядом...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Курдюков ваш хороший друг?

ФЕЛИКС: Что вы! Мы просто соседи! Раскланиваемся... Я ему отвертку, он мне пылесос...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Понятно. Посмотрите, что у вас получается. Не слишком близкий ваш приятель, чувствующий себя уже вполне неплохо, вызывает вас поздно вечером к себе в больницу только для того, чтобы пообещать распить с вами бутылку коньяка. Я правильно резюмировал ваши показания?

ФЕЛИКС: Д-да...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: О чем вы сговорились с Курдюковым в больнице?

ФЕЛИКС: Ей-богу, ни о чем!

КЛЕТЧАТЫЙ: Врет, брешет! Не знаю, о чем они там сговорились, но на лестнице было у них крупное объяснение! Он по ступенькам сыпался - красный, как помидор! Врет!

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ (негромко): А всего-то и надо было вам, ротмистр, сделать два шага вверх по лестнице. Вы бы все и услышали, а мы бы здесь и не гадали...

КЛЕТЧАТЫЙ (смирненно): Виноват, ваше сиятельство. Однако пусть этот аферист объяснит нам, господа, что означали слова: "О себе подумай, Снегирев! О себе!" Эти слова я слышал прекрасно и никак не могу взять в толк, к чему они!

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: О чем вы сговорились с Курдюковым?

ФЕЛИКС: Господа! Да что вы ко мне пристали, в самом деле?

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: О чем вы сговорились с Курдюковым?

ФЕЛИКС: Наташа! Да кто это такие? Что им нужно от меня? Скажи им, чтобы отстали!

Клетчатый коротко гогочет.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Слушайте меня внимательно. Мы отсюда не уйдем до тех пор, пока не выясним все, что нас интересует. И вы нам обязательно расскажите все. Вопрос только - какой ценой. Церемониться мы не будем. Мы не умеем церемониться. И должно быть тихо, даже если вам будет очень больно...

Он берет саквояж, ставит на стол, раскрывает, извлекает автоклавчик и, звякая металлом и стеклом, принимается снаряжать шприц для инъекций.

Феликс наблюдает эти манипуляции, покрываясь испариной.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Разумеется мы бы предпочли получить от вас информацию быстро, без хлопот и в чистом виде, без примесей. Я думаю, это в ваших интересах...

Клетчатый скользящим шагом пересекает комнату и намеревается встать у Феликса за спиной. Феликс в панике отодвигается вместе со стулом и оказывает загнанным между столом и книжной стенкой.

КЛЕТЧАТЫЙ (шепотом): Тихо! Сидеть!

ФЕЛИКС (с отчаянием): С-слушайте! Какого дьявола? Наташа! Пал Палыч!

Наташа сидит на диване, уютно поджавши под себя ноги. Она подпиливает пилкой ногти.

НАТАША (ласково-наставительно): Феликс, милый, надо рассказать. Надо все рассказать, все до последнего.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Да уж, Феликс Александрович, вы уж пожалуйста! Зачем вам лишние неприятности?

ФЕЛИКС (он сломлен, дрожащим голосом): Да-да, надо.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Отвечать будете?

ФЕЛИКС: Да-да, обязательно...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: О чем вы сговорились с Курдюковым?

Феликс не успевает ответить, да он и не знает, что отвечать.

Дверь в комнату распахивается, и на пороге объявляется Курдюков. Он в мокром пальто не по росту, из-под пальто виднеются больничные подштанники, на ногах - мокрые растоптанные тапки.

- Ага! - с фальшивым торжеством произносит он и вытирает рот тыльной стороной кулака, в котором зажата огромная стамеска. - Взяли гада? Хорошо! Молодцы. Но как же это вы без меня? Непорядок, непорядок, не по уставу! Апеллирую к вам, магистр! Не по уставу! Итак: кто ему рассказал про эликсир?

ИВАН ДАВЫДОВИЧ (вскакивая): Он знает про эликсир?

НАТАША (тоже подскочив): То есть как это?

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Что-что-что?

КЛЕТЧАТЫЙ: А что я вам говорил?

КУРДЮКОВ: Хе! Он не только про эликсир знает! Он мне намекал, что ему и про источник известно! Он мне и Крапивкин Яр называл, сукин сын!

Все взоры устремляются на Феликса.

ФЕЛИКС (бормочет, запинаясь): Ты что Курдюков? Какой еще эликсир? Крапивкин Яр - знаю, а эликсир... Какой эликсир?

Курдюков наклоняется к нему, уперев руки в боки:

- А Крапивкин Яр, значит, знаешь?

ФЕЛИКС: З-знаю... Кто же его не знает?

КУРДЮКОВ: Ладно, ладно! "Кто ж его не знает..." А что ты мне про Крапивкин Яр намекал давеча? Помнишь?

ФЕЛИКС: Про Крапивкин Яр? Когда?

КУРДЮКОВ: А сегодня! В больнице! "Вот поправишься, Костенька, и пойдем мы с тобой прогуляться в Крапивкин Яр..." У меня глаза на лоб полезли! Откуда? Как узнал? Я тебя предупреждал давеча? "Молчи! Ни единого слова! Никому!" Говорил я тебе или нет?

ФЕЛИКС: Ну говорил! Так ведь ты про что говорил? Ты же ведь...

КУРДЮКОВ: А! Признаешь! Правильно? А раз признаешь - не надо запираться! Честно признайся: кто тебе рассказал? Наташка? В постельке небось рассказала? Расслабилась?

Он оглядывается на Наташу и шарахается, заслоняясь кулаком со стамеской: Наташа надвигается на него неслышным кошачьим шагом, слегка пригнувшись, с хищно шевелящимися пальцами, норовящими выцарапать глаза.

НАТАША (яростно шипит): Ах ты, паскуда противная, душа гадкая, грязная, ты что же это хочешь сказать, пасть твоя черная, немытая?

КУРДЮКОВ (визжит): Я ничего не хочу сказать! Магистр, это гипотеза! Защитите меня!

Наташа вдруг останавливается, поворачивается к Ивану Давыдовичу и спокойно произносит:

- Все ясно. Этот патологический трус сам же все и разболтал. Обожрался тухлятиной, вообразил, что поддыхает, и со страху все разболтал первому встречному...

КУРДЮКОВ: Вранье! Первый был доктор из "скорой помощи"! А потом санитары! А уж только потом...

НАТАША: Ты им все разболтал, гнида?

КУРДЮКОВ: Никому! Ничего! Он уже и так все знал!

Клетчатый, оставив Феликса, начинает бочком-бочком придвигаться к Курдюкову. Заметив это, Курдюков валится на колени перед Иваном Давыдовичем.

КУРДЮКОВ: Магистр! Не велите ему! Я все расскажу! Только попросил съездить его к вам... Назвал вас, виноват. Страшно мне было очень... Но он и так уже все знал! Улыбнулся этак зловеще и говорит: "Как же, знаю, знаю магистра..."

ФЕЛИКС: Что ты несешь? Опомнись!

КУРДЮКОВ: "Поеду, говорит, так и быть, поеду, но вечером мы еще с тобой поговорим!" Я хотел броситься, я хотел предупредить, но меня промывали, я лежал пластом...

ФЕЛИКС: Товарищи, он все врет. Я не понимаю, чего ему от меня надо, но он все врет...

КУРДЮКОВ: А вечером он уже не скрывался! Поймите меня правильно, я волнуюсь, я не могу сейчас припомнить его речей в точности, но про все он мне рассказал специально, чтобы доказать свою осведомленность...

ФЕЛИКС: Врет.

КУРДЮКОВ: ...Чтобы доказать свою осведомленность и склонить меня к измене! Он сказал, что нас пятеро, что мы бессмертные...

ФЕЛИКС: Врет.

КУРДЮКОВ (заунывно, словно бы пародируя): "В Крапивкином Яре за шестью каменными столбами под белой звездой укрыта пещера, и в той пещере эликсира источник, точащий капли бессмертия в каменный стакан..."

ФЕЛИКС: Впервые эту чепуху слышу. Он просто с ума сошел.

КУРДЮКОВ (воздевши палец): "Лишь пять ложек эликсира набирается за три года, и пятерых они делают бессмертными..."

ФЕЛИКС: Он же из больницы сбежал, вы видите...

КУРДЮКОВ (обычным голосом): Он вас назвал, магистр. И Наташечку. И вас, князь. А пятого, говорит, я до сих пор не знаю...

Все смотрят на Феликса.

ФЕЛИКС (пытаясь держать себя в руках): Для меня все это - сплошная галиматья. Горячечный бред. Ничего я этого не знаю, не понимаю и говорить об этом просто не мог.

Все молчат.

Феликс встает, и на него сзади насккивает Курдюков. Он обхватывает Феликса левой рукой за лицо, чтобы зажать рот, а правой с силой бьет стамеской в спину снизу вверх. Стамеска тупая, рука у Курдюкова соскальзывает, и ни какого убийства не получается. Феликс лягает Курдюкова

ногой, тот отлетает на Ивана Давыдовича, и оба они вместе с креслом рушатся на пол.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ (насмешливо): Развоевались!...

НАТАША (она уже возлежит на диване): Шляпа. И всегда он был шляпой, сколько я его помню...

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Но соображает быстро, согласитесь...

Иван Давыдович, наконец, поднимается, брезгливо вытирая ладони о бока, а Курдюков остается на полу - лежит скорчившись, обхватив руками голову.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Господа, так все-таки нельзя. Так мы весь дом разбудим. Я попрошу, господа...

ФЕЛИКС (дрожащим голосом): Слушайте, а может, хватит на сегодня? Может, вы завтра зайдете? Ведь, ей-богу,ждемся, что кто-нибудь милицию вызовет...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Сядьте. Сядьте, я вам говорю!... (Пауза). Вот что, господа. Ситуация переменялась. Я бы сказал, она усложнилась. Я, господа, прошу вас основательно усвоить, что сегодня нам ничего здесь делать нельзя. (Он принимается собирать обратно в саквояж свои медицинские причиндалы). Если мы оставим здесь труп, милиция разыщет нас очень быстро. Это понятно?

КЛЕТЧАТЫЙ: Виноват, герр магистр, не совсем понятно. Нам не обязательно оставлять труп здесь! Можно выкинуть его в окно. Седьмой этаж... Вдребезги! Самоубийство!

НАТАША (решительно): Нет, господа, я тоже против. Все знают, что мы с Феликсом дружили, вчера он ко мне заходил, ночью меня не было дома... Зачем мне это надо? Затаскают по следователям. Я вообще против того, чтобы Феликса трогать. Его надо принять.

КУРДЮКОВ (выскакивает из угла, как черт из коробочки): Это за чей же счет? Сука! Шлюха ты беспардонная!

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Да тише вы, Басаврюк! Сколько можно повторять? Ти-ше! Извольте не забывать, что это по вашей вине все мы сидим здесь и не знаем, на что решиться...

И тут Феликс взрывается. Он грохает ладонью по столу и голосом, сдавленным от страха и ненависти, объявляет:

- Убирайтесь к чертовой матери! Все до одного! Сейчас же! Сию минуту! Чтобы ноги вашей здесь не было!

Клетчатый, хищно присев, делает движение к Феликсу.

ФЕЛИКС (Клетчатому): Давай, давай, сволочь, иди! Ты, может, меня и изуродуешь, бандюга, протокольная морда, ну и я здесь тоже все разнесу! Я здесь вам такой звон устрою, что не только дом - весь квартал сбежится! Иди, иди! Я вот сейчас для начала окно высажу с рамой...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ (резко): Прекратите истерику!

ФЕЛИКС (бешено): А вы заткнитесь! Заткнитесь и выметайтесь отсюда со всей своей бандой! Немедленно!

ИВАН ДАВЫДОВИЧ (очень спокойно): Вашу дочь зовут Лиза...

ФЕЛИКС: А вам какое дело?

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Вашу дочь зовут Лиза, ваших внуков зовут Фома и Антон, живут они на Малой Тупиковой, шестнадцать. Правильно?

Феликс молчит.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Я надеюсь, вы понимаете, на что я намекаю?

ФЕЛИКС: Чего вам от меня надо - вот чего я никак не пойму!

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Сейчас поймете. Судьбе было угодно, чтобы вы проникли в нашу тайну...

ФЕЛИКС: Никаких тайн я не знаю и знать не хочу.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Пустое, пустое. Следствие закончено. Не об этом вам надлежит думать. Вам предстоит сейчас сделать выбор: умереть или стать бессмертным. Вы готовы сделать такой выбор?

ФЕЛИКС медленно качает головой.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Почему?

ФЕЛИКС: Почему? Да потому, что нет у меня никакого выбора... Если я выберу смерть, вы меня выкинете в окно... А если я выберу это ваше бессмертие - я вообще не знаю, какую гадость вы мне тогда сделаете. Чего от вас еще ждать?

НАТАША: Святая дева! До чего же глупы эти современные мужчины! Я, помнится, моментально поняла, о чем идет речь...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Не забывайте, мадам, это было пятьсот лет назад...

НАТАША: Четыреста семьдесят три!

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Да-да, конечно... Тогда ведь все это было в порядке вещей: бессмертие, философский камень, полеты на метле... Вам ничего тогда не стоило поверить первому слову! А вы представьте себе, что пишете заметку для газеты "Кузница кадров", а тут к вам приходят и предлагают бессмертие... (Он пристально, изучающе смотрит на Феликса, а потом начинает с выражением, словно читая по тексту, говорить.) Недалеко от города, в Крапивкином Яру, есть карстовая пещера, мало кому здесь известная. В самой глубине ее, в гроте, совсем уже никому не известном, свисает со свода одинокий сталактит весьма необычного красного цвета. С него в каменное углубление капает эликсир жизни. Пять ложек в три года. Этот эликсир не спасает ни от яда, ни от пули, ни от меча. Но он спасает от старения. Говоря современным языком, это некий гормональный регулятор необычайной мощности. Одной ложечки в три года достаточно для того, чтобы воспрепятствовать любым процессам старения в человеческом организме. Любим! Организм не стареет! Совсем не стареет. Вот вам сейчас пятьдесят лет. Начнете пить эликсир, и вам всегда будет пятьдесят. Всегда вечно. Понимаете? По чайной ложке в три года, и вам всегда пятьдесят лет.

Феликс пожимает плечами. Не то чтобы он поверил всему этому, но речь Ивана Давыдовича, а в особенности научные термины производят на него успокаивающее действие.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Беда, однако, в том, что ложечек всего пять. А значит и бессмертных может быть только пять. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Понятно? Или нет?

ФЕЛИКС: Шестой лишний?

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Истинно так.

ФЕЛИКС: Но ведь я, кажется, не претендую...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: То есть вам угодно выбрать смерть?

ФЕЛИКС: Почему - смерть? Меня это вообще не касается! Вы идите своей дорогой, а я - своей... Обходились же мы друг без друга до сих пор!

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Я вижу, что вы пока не поняли ситуацию. Эликсира хватает только на пятерых. Надо объяснять, что желающих нашлось бы гораздо больше! Если бы сведения распространились, у нас бы просто отняли бы источник, и мы бы перестали быть бессмертными. Понимаете? Мы все были бы давным-давно мертвы, если бы не сумели до сих пор - на протяжении веков! - Сохранить тайну. Вы эту тайну узнали, и теперь одно из двух: или вы присоединяетесь к нам, или, извините, мы будем вынуждены вас уничтожить.

ФЕЛИКС: Глупости какие... Что же, по-вашему, я побегу сейчас везде рассказывать вашу тайну? Что я, идиот? Меня же немедленно посадят в психушку!

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Может быть. И даже наверное. Но согласитесь - уже через неделю сотни и сотни дураков выйдут на склоны Крапивкина Яра с мотыгами и лопатами. Люди так легковверны, так жаждут чуда! Нет, рисковать мы не станем. Видите ли, у нас есть опыт. Мы можем быть спокойны лишь тогда, когда тайну знают только пятеро.

ФЕЛИКС: Но я же никому не скажу! Ну зачем это мне, сами подумайте! Дочерью своей клянусь!

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Не надо. Это бессмысленно.

В кабинете появляется Павел Павлович с подносом, на котором дымятся шесть чашечек кофе.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: а вот и кофе! Прошу! (Наташе). Прошу, деточка... Ротмистр! Магистр, прошу вас... Вам приглянулась эта чашечка! Пожалуйста! Феликс Александрович! Я вижу, они вас совсем разволновали - хлебните черной бодрости, успокойтесь... Басаврюк, дружище, старый боевой конь, что ты забился в угол? Чашечку кофе - и все пройдет!

Обнеся всех, он возвращается к журнальному столику с оставшейся чашечкой и, очень довольный, усаживается в кресло.

Феликс жадно, обжигаясь, выхлебывает свой кофе, ставит пустую чашечку на стол и озирается.

Один только Павел Павлович с видимым наслаждением вкушает "Черную бодрость". Иван же Давыдович хотя и поднес свою чашечку к губам, но не пьет а пристально смотрит на Феликса. И Наташа не пьет: держа чашечку на весу, она внимательно следит за Иваном Давыдовичем. Ротмистр ищет, где бы ему присесть. А Курдюков у себя в углу уже совсем было нацелился

отхлебнуть и вдруг перехватывает взгляд Наташи и замирает.

Иван Давыдович осторожно ставит свою чашечку на стол и отодвигает ее от себя указательным пальцем. И тогда Курдюков с проклятием швыряет свою чашечку прямо в книжную стенку.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ (хладнокровно): Что, муха попала? У вас, Феликс Александрович, полно мух на кухне...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Князь! Ведь я же вас просил! Ну куда мы денем труп?

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ (ерничает): Труп? Какой труп? Где труп? Не вижу никакого трупа!

Наташа высоко поднимает свою чашечку и демонстративно медленно выливает кофе на пол. Ротмистр, звучно крикнув, ставит свою чашечку на пол и осторожно задвигает ногой под диван.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Ну, господа, на вас не угодишь... Такой прекрасный кофе... Не правда ли, Феликс Александрович?

КУРДЮКОВ: Гад ядовитый! Евнух византийский! Отравитель! За что? Что я тебе сделал? Убью!

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Басаврюк! Если вы еще раз позволите себе повисить голос, я прикажу заклеить вам рот!

КУРДЮКОВ (страстным шепотом): Но он же отравить меня хотел! За что?

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Да почему вы решили, что именно вас?

КУРДЮКОВ: Да потому, что я сманил у него этого треклятого повара! Помните, у него был повар, Жерар Декотиль? Я его переманил, и с тех пор он меня ненавидит!

Иван Давыдович смотрит на Павла Павловича.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ (благодарно): Да я и думать об этом забыл! Хотя повар и на самом деле замечательный...

Феликс, наконец, осознает происходящее. Он медленно поднимается на ноги. Смотрит на свою чашку. Лицо его искажается.

ФЕЛИКС: Так это что - вы меня отравили? Павел Павлович?

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Ну-ну, Феликс Александрович! Что за мысли?

КЛЕТЧАТЫЙ (благодарно разглагольствует): Напрасно беспокоитесь, Феликс Александрович. Это он, конечно, целился не в вас. Если бы он целился в вас, вы бы уже у нас тут похолодели... А вот в кого он целился - это вопрос! Конечно, у нас здесь теперь один лишний, но вот кого он считает лишним?..

ФЕЛИКС: Зверье... Ну и зверье... Прямо вурдалаки какие-то...

Клетчатый:

А как же? А что прикажете делать? У меня, правда, опыта соответствующего пока нет. Не знаю, как это у них раньше проделывалось. Я ведь при источнике всего полтора года состою.

Феликс смотрит на него с ужасом, как на редкостное и страшное животное.

КЛЕТЧАТЫЙ: Сам-то я восемьсот второго года рождения. Самый здесь молодой, хе-хе... Но здесь, знаете ли, дело не в годах. Здесь главное - характер. Я не люблю, знаете ли, чтобы со мной шутили... Быстрота и натиск прежде всего, я так полагаю. Извольте, к примеру, сравнить ваше нынешнее положение с тем, как я себя вел при аналогичном, так сказать, выборе. Я тогда в этих краях по жандармской части служил и занимался преимущественно контрабандистами. И удалось мне выследить одну загадочную пятерку. Пещерка у них, вижу, в Крапивкином Яру, осторожное поведение... Ну думаю, тут можно попользоваться. Выбрал одного из них, который показался мне пожиже, и взял. Лично. А взявши - обработал. Ну-с, вот он мне все и выложил... Заметьте, Феликс Александрович: то, что вам нынче на блюде преподнесли по ходу обстоятельств, мне досталось в поте лица... Всю ночь, помню, как каторжный... Однако в отличие от вас я быстро разобрался, что к чему. Там, где место пятерым, - шестому не место.

ФЕЛИКС: Так вот почему этот идиот на меня кинулся... Со стамеской своей...

КЛЕТЧАТЫЙ: Не знаю, не знаю, Феликс Александрович... У него опыт! С одна тысяча двести восемьдесят второго годика! Такое время при источнике удержаться - это надобно уметь!

ФЕЛИКС: Костя? С тысяча двести?...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ (бодро): Так! Давайте заканчивать. Феликс Александрович, вы - сюда. Итак... с вашего позволения, я буду сразу переводить на русский... м-м-м... "В соответствии с основным... э-э-э...

установлением... а именно, с параграфом его четырнадцатым... э-э... Трактующим о важностях..." Проклятие! Как бы это... Князь, подскажите, как это будет лучше, - "Ахе-ллан"?

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Да пропустите вы всю эту белиберду, магистр! Кому это нужно? Давайте суть и своими словами!

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Хорошо, я самую суть. Случай чрезвычайный, присутствуют все пятеро, каждый имеет один голос. Очередность высказываний произвольная либо по жребию, если кто-нибудь потребует. Прошу.

КУРДЮКОВ (свистящим шепотом): Я протестую!

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: В чем дело?

КУРДЮКОВ: Он же не выбрал! Он должен сначала выбрать!

НАТАША (глядясь в зеркальце): Ты полагаешь, котик, что он выберет смерть?

Все, кроме Курдюкова и Феликса, улыбаются.

КУРДЮКОВ: Я ничего не полагаю! Я полагаю, что должен быть порядок! Мы его должны спросить, а он должен ответить!

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Ну хорошо. Принято. Феликс Александрович, официально осведомляемся у вас, что вам угодно выбрать: смерть или бессмертие?

Белый, как простыня, Феликс откидывается на спинку стула и хрустит пальцами.

ФЕЛИКС: Объясните, хоть что все это значит!

ИВАН ДАВЫДОВИЧ (с досадой): Вы прекрасно понимаете! Если вы выбираете смерть, то вы умрете, и тогда голосовать нам, естественно не будет надобности. Если же вы выберете бессмертие, тогда вы становитесь соискателем, и дальнейшая ситуация подлежит обсуждению.

Пауза.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ (с некоторым раздражением): Неужели нельзя обойтись без этих драматических пауз?

НАТАША (тоже с раздражением): Действительно, Феликс! Тянешь кота за хвост...

ФЕЛИКС: Я вообще не хочу выбирать.

КУРДЮКОВ (хлопнув себя по коленям): Ну вот и прекрасно! И голосовать нечего!

НАТАША: Феликс, ты доиграешься! Здесь тебе не редколлегия!

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Феликс Александрович, что это? Шутка? Извольте объяснить...

КУРДЮКОВ: А чего объяснять? Чего тут объяснять? Он же этот... Гуманист! Тут и объяснять нечего! Бессмертия он не хочет, не нужно ему бессмертие, а отпустить его нельзя... Так чего тут объяснять?

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Вы, Феликс Александрович, неудачное время выбрали для того, чтобы оригинальничать...

ФЕЛИКС: Я в эту игру играть не намерен.

НАТАША (нежно): Это же не игра, дурачок! Убьют тебя - и все. Потому что это не игра. Это кусочек твоей жизни. Может быть последний.

КУРДЮКОВ: А что она вмешивается? Что она лезет? Где это видано, чтобы уговаривали?

НАТАША (указывает пальцем на Феликса): Я - за него.

КУРДЮКОВ: Не по правилам!

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Магистр, а может быть, Феликс Александрович плохо себе представляет конкретную процедуру? Может, нам следует ввести его в подробности?

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Может быть. Попробуем. Итак, Феликс Александрович, когда вы выбрали бессмертие, вы тотчас становитесь соискателем. В этом случае мы утверждаем вашу кандидатуру простым большинством голосов, и тогда вам с господином Курдюковым, как самым старшим, останется решить вопрос между собой. Это может быть поединок, это может быть жребий - как вы договоритесь. Мы же со своей стороны сосредотачиваем усилия на том, что ваше... э... соревнование... не вызвало нежелательных осложнений. Обеспечение алиби... Избавление от мертвого тела... Необходимые лжесвидетельства... И так далее. Процедура вам ясна?

ФЕЛИКС (решительно): Делайте, что хотите. В шестой лишний я с вами играть не буду.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ (потрясенный): Вы отказываетесь от шанса на бессмертие?

Феликс молчит.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ (с восхищением): Господа! Да он же любопытная фигура! Вот уж никогда бы не подумал! Писателишка, бумагомарака!.. Вы знаете, господа, я тоже за него. Я - консерватор, господа, я не поклонник новшеств, но такой поворот событий! Или я ничего не понимаю, или теперь уже новые времена наступили, наконец... Хомо новус?

КУРДЮКОВ (скулит): Да какой он там хомо новус! Что вам, глаза позалепило? Продаст же он вас! Продаст! Для виду согласится, а завтра продаст! Да посмотрите вы на него! Ну зачем ему бессмертие? Он же гуманист, у него принципы! Феликс, ну скажи ты им, ну зачем тебе бессмертие, если у тебя руки будут в крови? Ведь тебе зарезать меня придется, Феликс! Как ты своей Лизке в глаза посмотришь?

НАТАША: А что это он вмешивается? Что он лезет? Где это видано, чтоб отговаривали?

КУРДЮКОВ (не слушая): Феликс! Ты меня слушай, ведь тебя знаю, тебе же это не понравится. Ведь бессмертие - это не жизнь, это совсем иное существование! Ведь я же знаю, что ты больше всего ценишь. Тебе дружбу подавай, любовь... А ведь ничего этого не будет! Откуда? Всю жизнь скрываться - от дочери, от внуков... Они же постареют, а ты - нет! От властей скрываться. Феликс! Лет десять на одном месте - больше нельзя. И так веками, век за веком! (Зловеще). А потом ты станешь такой, как мы. Ты станешь такой, как я!

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Неплохо изложено. Я бы еще добавил из Шмальгаузена: "Природа отняла у нас бессмертие, давши взамен любовь". Но ведь и наоборот, господа! И наоборот!

КУРДЮКОВ (не слушая): Это же нужен особый талант, Феликс, - получать удовольствие от бессмертия!

ФЕЛИКС: Что ты меня уговариваешь? Ты своих динозавров уговаривай, чтобы они от меня отстали! Мне твое бессмертие и даром не нужно!

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Не увлекаетесь ли вы, Феликс Александрович? Как-никак, бессмертие есть заветнейшая мечта рода человеческого! Величайшие из величайших по пояс в крови не постеснялись бы пойти за бессмертием!.. Не гордыня ли вас обуревает, Феликс Александрович?

ФЕЛИКС: Вы мне предлагаете не бессмертие. Вы мне предлагаете совершить убийство.

КУРДЮКОВ (страстно): Убийство, Феликс! Убийство!

ФЕЛИКС: Величайшие из величайших - ладно. Знаю я, кого вы имеете в виду. Чингиз-хан, Тамерлан... Вы мне их в пример не ставьте, я этих маньяков с детства ненавижу.

КУРДЮКОВ (подхалимски): Живодеры, садисты...

ФЕЛИКС: Молчи! Ты мне никогда особенно не нравился, чего там... А сейчас вообще омерзителен... Такой ты подонок оказался, Костя, просто подлец... Но убить! Нет.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: А вы что же, друг мой, хотите получить бессмертие даром? Забавно! Много ли вы в своей жизни получили даром? Очередь в кооператив - и то в грязи извалялись, а? А тут все-таки - бессмертие!

Феликс оглядывает всех по очереди.

ФЕЛИКС: Господи! Подумать только - Пушкин умер, а эти бессмертны! Коперник умер. Галилей умер...

КУРДЮКОВ (остервенело): Вот он! Вот он! Моралист вонючий - в натуральную величину! Неужели вы и теперь не понимаете, с кем имеете дело?

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ (поучительно): Что жизнь, что бессмертие... Жизнь дается нам бесплатно, а за бессмертие надо платить! Мне кажется, господа, вопрос решен. Феликс Александрович погорячится-погорячится да и поймет, что жизнь дается человеку один раз, и коль скоро возникла возможность растянуть ее на неопределенный срок, то такой возможностью надлежит воспользоваться независимо от того, какая у тебя фамилия - Галилей, Велизарий, Снегирев, Петров, Иванов... Феликсу Александровичу не нравится цена, которую приходится за это платить. Тоже не страшно! Внутренне соберется... Вы, кажется, вообразили себе, Феликс Александрович, что вам предстоит перепилить сопернику горло тупым ножом или, понимаете ли... Как он вас, стамеской... Или шилом...

КУРДЮКОВ: Только на шпагах.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Ну зачем обязательно на шпагах? Две пилюльки, совершенно одинаковые на вид, на цвет, на запах... (Лезет в кармашек, достает плоскую круглую коробочку, раскрывает и показывает.) Вы берете

одну, соперник берет оставшуюся... Все решается в полминуты, не более... И никаких мучений, никаких судорог! Рецепт древний, многократно испытанный... И заметьте! Мук совести никаких: фатум!

КУРДЮКОВ (кричит): Только на шпагах!

НАТАША (задумчиво): Вообще-то на шпагах зрелищнее...

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Во-первых, где взять шпаги. Во-вторых, где они будут драться. В этой комнате? В-третьих, куда деть труп, покрытый колотыми и рубленными ранами? Разумеется, это гораздо более зрелищно. Особенно если принять во внимание, что Феликс Александрович сроду шпагу в руке не держал, а Басаврюк дрался на шпагах лет четыреста подряд... Такие бои особенно привлекательны для той стороны, у которой превосходство...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Вы забегаете, князь! Давайте подбивать итоги. Вы, князь, за соискателя. Вы, сударыня, тоже. Басаврюка я не спрашиваю. Ротмистр?

КЛЕТЧАТЫЙ (бросает окурок на пол и задумчиво растирает его подошвой): Всячески прошу прощения, герр магистр, но я против. И вы меня извините, мадам, целую ручки, и вы, ваше сиятельство. Упаси бог, никого обидеть не хочу и никого не хочу задеть. Однако мнение в этом вопросе имею свое. Господина Басаврюка я знаю с самого моего начала, и никаких внезапностей от него ждать не приходится. Он наш... А вот господин писатель, не в обиду ему будет сказано... Не верю я вам, господин писатель, не верю и никогда не поверю. И не потому я не верю, что вы плохой какой-нибудь или себе на уме, - упаси бог! Просто не понимаю я вас. Не понимаю я, что вам нравится, а что не нравится, чего хотите, а чего не хотите... Чужой вы, Феликс Александрович. Будете вы в нашей маленькой компании как заноза в живом теле, и лучше для всех нас, если вас не будет. Совсем. Извините великодушно, если кого задел. Намерения такого не было.

КУРДЮКОВ (прочувствованно): Спасибо, ротмистр! Никогда этого не забуду!

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Господа! Голоса разделились поровну. Решающий голос оказался за мной...

Он со значением смотрит на Феликса, и на лице его вдруг появляется выражение изумления и озабоченности.

Феликс больше не похож на человека, загнанного в ловушку. Он сидит вольно, несколько развалясь, закинув руки за спинку своего кресла. Лицо его спокойно и отрешенно, он явно не слышит и не слушает, он даже улыбается углом рта.

Наступившая тишина возвращает его к действительности. Он как бы спохватывается и принимается шарить рукой по бумагам на столе, находит сигареты, сует одну в рот, а зажигалки нет, и он смотрит на Клетчатого.

ФЕЛИКС: Ротмистр, отдайте зажигалку! Давайте, давайте, я видел! Что за манеры? (Ротмистр возвращает зажигалку.) И перестаньте мусорить на пол! Вот пепельница, пользуйтесь!

Все смотрят на него настороженно.

ФЕЛИКС: Господа динозавры, я тут несколько отвлекся и, кажется, что-то пропустил... Но знаете, что я обнаружил? У нас тут с вами, славу богу, не трагедия, а комедия! Комедия, господа! Забавно, правда?

Все молчат.

КУРДЮКОВ (неуверенно): Комедия ему...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Я хотел бы поговорить с соискателем наедине.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: И я тоже...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Куда у вас здесь можно пройти, Феликс Александрович?

ФЕЛИКС: Что за тайны? А впрочем, пойдемте в спальню.

В спальне Феликс садится на тахту, Иван Давыдович устраивается на стуле.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Итак, насколько я понял по вашему поведению, вы сделали выбор.

ФЕЛИКС: Какой выбор? Смерть или бессмертие? Слушайте, бессмертие, может быть, и неплохая штука, не знаю... Но в такой компании... В такой компании только покойников обмывать!

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Ах, Феликс Александрович, как вы меня беспокоите! Но смерть еще хуже! Да, конечно, по-своему вы правы. Когда обыкновенный серенький человек волею судьбы обретает бессмертие, он с неизбежностью превращается через два три-века в черт те что. Сторона характера, превалировавшая в начале его жизни, становится со временем единственной.

Так появляется наша Наталья Петровна - маркитанточка из рейтарского обоза. Ныне в ней, кроме маркитантки, уже ничего не осталось, и надо быть, простите, Феликс Александрович, таким вот неприятным самцом, как вы, чтобы увидеть в ней женщину...

ФЕЛИКС: Ну знаете!.. Ваш Павел Павлович не лучше!

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Нисколько не лучше! Я знаю, с чего он начинал, он очень древний человек, но сейчас это просто гигантский вкусовой пупырышек...

ФЕЛИКС: Недурно сказано!

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Благодарю вас... У меня вообще впечатление, Феликс Александрович, что из всей нашей компании я вызываю у вас наименьшее отвращение. Угадал?

Феликс неопределенно пожимает плечами.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Благодарю еще раз. Именно поэтому я и решил потолковать с вами без свидетелей. Чтобы не маячили рядом совсем уж омерзительные рожи. Не стану притворяться: я холодный, равнодушный и жестокий человек. Иначе и быть не может. Мне пять сотен лет! За такое время волей-неволей освобождаешься от самых разнообразных химер: любовь, дружба, честь. Мы все такие. Но в отличие от моих коллег по бессмертию я имею идею. Для меня существует в этом мире нечто такое, что нельзя ни сожрать, ни засунуть под зад, чтобы стало еще мягче. За свою жизнь я сделал сто семь открытий и изобретений! Я выделил фосфор на пятьдесят лет раньше Брандта, я открыл хроматографию на двадцать лет раньше цвета, я разработал периодическую систему примерно в те же годы, что и Дмитрий Иванович... По понятным причинам я вынужден сохранять все это в тайне, иначе мое имя гремело бы в истории - гремело бы слишком, и это опасно. Всю жизнь я занимался тем, что нынче назвали бы синтезированием эликсира. Я хочу, чтобы его было в достатке. Нет-нет, не из гуманных соображений! Меня не интересуют судьбы человечества. У меня свои резоны. Простейший из них: мне надо сидеть в подполье и шарахаться от каждого жандарма. Мне надоело опережать время в своих открытиях. Мне надоело быть номером ноль! Я хочу быть номером один. Но мне не на кого опереться. Есть только четыре человека в мире, которым я мог бы довериться. Но они абсолютно бесполезны для меня. А мне нужен помощник! Мне нужен интеллигентный собеседник, способный ценить красоту мысли, а не только красоту бабы или пирожка с капустой. Таким помощником можете стать вы. По сути, Курдюков оказал мне услугу: он поставил вас передо мной. Я же вижу - вы человек идеи. Так подумайте: попадется ли вам идея, еще более достойная, чем моя!

ФЕЛИКС: Я ничего не понимаю в химии.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: В химии понимаю я! Мне не нужен человек, который понимает в химии. Мне нужен человек, который понимает в идеях! Я устал быть один! Мне нужен собеседник, мне нужен оппонент. Соглашайтесь, Феликс Александрович! До сих пор бессмертных творил фатум. С вашей помощью их начну творить я. Соглашайтесь!

ФЕЛИКС (задумчиво): Н-да-а-а...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Вас смущает плата? Это пустяки. Нигде не сказано, что вы обязаны убирать его собственными руками. Я помогу вам. Я обойдусь даже совсем без вас.

ФЕЛИКС: И всунете меня в сапоги убитого?

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Вздор, вздор, Феликс Александрович! Детский лепет, а вы же взрослый человек... Константин Курдюков прожил семьсот лет! И все это время он только и делал, что жрал, пил, грабил, портил малолетних и убивал. Он прожил шестьсот пятьдесят лишних лет! А вы разводите антимию вокруг его сапог! Кстати, и не его это сапоги - он сам влез в них, когда они были еще теплые... Послушайте, я был о вас лучшего мнения! Вам предлагают грандиознейшую цель, а вы думаете о чем?

ФЕЛИКС: Ни вы, ни я не имеем права решать, кому жить, а кому умереть.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Ах, как с вами трудно! Гораздо труднее, чем я ожидал! Чего вы добиваетесь тогда? Ведь пойдете под нож!

ФЕЛИКС: Да не пойду я под нож!

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Пойдете под нож, как баран! А это ничтожество, эта тварь дрожащая, коей шестьсот лет как пора уже сгнить дотла, еще лет шестьсот будет порхать без малейшей пользы для чего бы то ни было! А я-то вообразил, что у вас действительно есть принципы. Ведь вы же писатель! Вам же представляется возможность, какой не было ни у кого! Переварить в душе

своей многовековой личный опыт, одарить человечество многовековой мудростью... Вы подумайте, сколько книг у вас впереди, Феликс Александрович! И каких книг - невиданных, небывалых! Да... а я-то думал, что вы действительно готовы сделать что-то для человечества... Эх вы, мотыльки, эфемеры!

Иван Давыдович поднимается и выходит, и сейчас же в спальне объявляется Клетчатый.

КЛЕТЧАТЫЙ: Прошу прощения... Телефончик...

Он быстро и ловко отключает телефонный аппарат и несет к двери.

Оставшись один, Феликс бормочет:

- Ничего... Тут главное - нервы. Ни черта они мне не сделают...

У двери в спальню Курдюков уламывает Клетчатого.

КУРДЮКОВ: Убежит, я вам говорю! Обязательно удерет! Вы же его не знаете!

КЛЕТЧАТЫЙ: Куда удерет? Седьмой этаж, сударь...

КУРДЮКОВ: Придумает что-нибудь! Дайте я сам посмотрю.

КЛЕТЧАТЫЙ: Нечего вам там смотреть, все уже осмотрено...

КУРДЮКОВ (страстно, показывая растопыренные ладони): Чем? Чем я его шлепну? А если даже и шлепну - что здесь плохого?

КЛЕТЧАТЫЙ: Плохого здесь, может быть, ничего и нет, но с другой стороны, приказ есть приказ... (Он быстро и профессионально обшаривает Курдюкова). Ладно уж, идите, господин Басаврюк...

Курдюков на цыпочках входит в спальню и плотно закрывает за собой дверь.

Феликс встречает его угрюмым взглядом, но Курдюкова это нисколько не смущает. Он подсказывает к тахте и наклоняется к самому уху Феликса.

КУРДЮКОВ: Значит делаем так. Я беру на себя ротмистра. От тебя требуется только одно: держи магистра за руки, да покрепче. Остальное - мое дело.

Феликс отодвигает его растопыренной ладонью.

КУРДЮКОВ: Ну что уставился? Надо нам из это дерьма выбираться или не надо? Чего хорошего, если тебя или меня шлепнут? Ты, может думаешь, что о тебе кто-нибудь позаботится? Чего тебе тут магистр наплел? Наобещал небось с три короба! Больше заботиться некому! Дурак, нам только бы вырваться отсюда, а потом дернем кто-куда... Неужели у тебя места не найдется, куда можно нырнуть и отсидеться?

ФЕЛИКС: Значит, я хватаю магистра?

КУРДЮКОВ: Ну?

ФЕЛИКС: А ты, знаешь, хватаешь ротмистра?

КУРДЮКОВ: Ну! Остальные - они ничего не стоят!

ФЕЛИКС: Пошел вон!

КУРДЮКОВ: Дурак! Не веришь мне? Ну ты мне только пообещай: когда я ротмистра схвачу, попридержи Иван Давыдовича!

ФЕЛИКС: Вон пошел, я тебе говорю!

КУРДЮКОВ (рычит как собака): О себе подумай, Снегирев! Еще раз тебе говорю! О себе подумай!

Едва он скрывается в спальню является Наташа и тоже плотно закрывает за собой дверь. Она подходит к тахте, садится рядом с Феликсом и озирается.

НАТАША: Господи, как давно я здесь не была! А где же секретер? У тебя же тут секретер стоял...

ФЕЛИКС: Дочери отдал. Почему это тебя волнует?

НАТАША: А что это ты такой колючий? Я ведь тебе ничего плохого не сделала. Ты ведь сам в эту историю въехал... Фу ты, какое злое лицо! Вчера ты на меня не так смотрел... Страшно?

ФЕЛИКС: А чего мне бояться?

НАТАША: Ну как сказать... Пока Курдюков жив...

ФЕЛИКС: Да не посмеете вы.

НАТАША: Сегодня не посмеет, а завтра...

ФЕЛИКС: И завтра не посмеет. Неужели никто из вас до сих пор не сообразил, что вам же хуже будет?

НАТАША: Слушай. Ты не понимаешь. Они совсем без ума от страха. Они сейчас от страха на все готовы, вот что тебе надо понять. Я вижу, ты

что-то там задумал. Не зарывайся? никому не верь, ни единому слову. И спиной ни к кому не поворачивайся - охнуть не успеешь! Я видела, как это делается...

ФЕЛИКС: Что это ты вдруг меня опять полюбила?

НАТАША: Сама не знаю. Я тебя сегодня словно впервые увидела. Я же думала: ну, мужичишка, на два вечера сгодится... А ты вон какой у меня оказался! (Она придвигается к нему, прижимается, гладит по лицу). Мужчина... Ну обними меня! Ну что ты сидишь, как чужой? Ну это же я... Вспомни, как ты говорил: фея, ведьма прекрасная... Ну! Я ведь проститься хочу. Я не знаю, что будет через час...

Феликс с усилием освобождается от ее рук и встает.

ФЕЛИКС: Да что ты меня хоронишь? Перестань! Вот нашла время и место!

НАТАША: Ну почему? Почему? Это же я, вспомни меня... Трупик мой любимый, желанный!

ФЕЛИКС: Слушай, тебе же пятьсот лет! Побойся бога, старая женщина! Да мне теперь и подумать страшно!

Она останавливается, будто он ударил ее кнутом.

НАТАША: Болван. Труп вонючий. Евнух.

ФЕЛИКС (спохватившись): Господи, ну извини... Что это я, в самом деле... Но и так же тоже нельзя.

НАТАША: Дрянь. Идиот. Ты что - вообразил, что магистр за тебя заступится? Да ему одно только и нужно - баки тебе забить, чтобы ты завтра по милициям не побежал, чтобы время у нас оставалось решить, как мы тебя будем кончать! Что он тебе наобещал? Какие золотые башни? Дурак ты стоеросовый, кастрат неживой! Тьфу!

В спальню заглядывает Павел Павлович. В руке у него бутерброд, он с аппетитом прожевывает лакомый кусочек.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Деточка, десять минут истекли! Я полагаю, вы уже закончили?

НАТАША (злобно): И не начали даже!

И она стремительно выходит вон мимо посторонившегося Павла Павловича.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Ай-яй-яй-яй-яй! Вы ее, кажется, обидели. Напрасно, напрасно. (Садится, откусывает бутерброд.) Весьма опрометчиво. Могли бы заметить: у нас ко всем этим тонкостям, к нюансам относятся очень болезненно! Обратили внимание, как Басаврюк попытался подставить маркизу вместо себя? Дескать, это она все наши секреты вам по женской слабости рассказала? Ход простейший, но очень, очень эффективный! Могло бы и пройти... Вполне могло бы! А что в основе? Маленькое недоразумение, случившееся лет этак семьдесят назад. Или сто, точно не помню. Отказала ему маркиза. Никому никогда не отказывала, а ему отказала... Чувствуете? Вы не поверите, а вот сто лет прошло, и еще сто пройдет, а забыто не будет! А в общем-то, мы все друг друга не слишком-то долюбливаем. Это магистр наш, Иван Давыдович, высоко о себе мнит, а на самом деле - обыкновенный графоман от науки. Я же специально справки наводил у него в институте... Он там вечный предместкома. Вот вам и друг Менделеева! Диву даюсь, что в нем этот ротмистр нашел!

Феликс садится на другой край тахты и исподлобья наблюдает за Павлом Павловичем. А тот неторопливо извлекает из своего футляра очередную серебристую трубочку, капает из нее на последний кусочек бутерброда и, закативши глаза, отправляет кусочек в рот. Она наслаждается, причмокивает, подсасывает, покачивает головой как бы в экстазе. Проглотивши, наконец, он продолжает:

- Вот чего вы, смертные, понять не в состоянии - вкуса. Вкуса у вас нет! Иногда я стою в зале ресторана, наблюдаю за вами и думаю: "Боже мой! Да люди ли это? Мыслящие ли это существа? "Ведь вы же не едите, Феликс Александрович! Вы же просто в рот куски кладете! Это же у вас какой-то механический процесс, словно грубый грязный кочегар огромной лопатой швыряет в топку базарный уголь. Ужасающее зрелище, уверяю вас. Вот, между прочим, один аспект нашего бессмертия, который вас, конечно, на ум не приходит. Наше бессмертие - это бессмертие олимпийцев, упивающихся нектаром, это бессмертие пирующих воинов Валгаллы! Этот эликсир - что-то поразительное! Вы можете есть все, что угодно, кроме распоследней тухлятины. Вы можете пить любые напитки, кроме отравленных ядов. Никаких

катаров, никаких гастритов, никаких заворотов кишок и прочих запоров... И при всем при том ваша обонятельная и вкусовая система всегда в идеальном состоянии. Какие безграничные возможности для наслаждения! Какое необозримое поле для эксперимента! А вы ведь любите вкусненько поесть, Феликс Александрович! Не умеете - да. Но любите! Так что нам с вами будет хорошо. Я вас кое-чему научу, век благодарны будете... И не один век!

ФЕЛИКС: Да вы просто поэт! Бессмертный бог гастрономии!

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Оставьте этот яд. Он неуместен. По сути дела, я хотел помочь вам преодолеть вашу юношескую щепетильность. Я понимаю, у вас нет и быть не может привычки распоряжаться чужой жизнью, это не в обычаях общества... А может, вы просто боитесь рисковать? Так ведь риска никакого нет. Пусть он сколько угодно кричит о шпагах - никаких шпаг ему не будет. Будут либо две пилюльки, либо два шприца. Магистр обожает шприцы! А тогда все упирается в чистую технику, в ловкость рук. Этим буду заниматься я, и успех я вам гарантирую...

ФЕЛИКС: Слушайте, а зачем это вам? Какая вам от меня польза? Чокаться вам не с кем, что ли? Нектаром...

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Польза-то как раз должна быть вам очевидна. Во-первых, мы уберем мозгляка. Это поганый тип, он у меня повара сманил. Жерарчика моего... Карточные долги я ему простил, пусть, но Жерара! Не могу я этого забыть, не хочу, и не просите... А потом... Равновесия у нас в компании нет, вот что главное. Я старше всех, а хожу на вторых ролях. Почему? А потому, что деревянный болван ротмистр держит почему-то нашего алхимика за вождя. Да какой он вождь? Он пеленки еще мочил, когда я был хранителем трех ключей... А теперь у него два ключа, а у меня - один!

ФЕЛИКС: Понимаю вас. Однако же я не ротмистр.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Э, батенька! Что значит - не ротмистр? Физически крепкий человек, да еще с хорошо подвешенным языком, да еще писатель, то есть человек с воображением... Да мы бы с вами горы своротили вдвоем! Я бы вас с маркизой помирил. Что вам делить с маркизой? И стало бы нас уже трое...

ФЕЛИКС: Благодарю за честь, но вынужден отказаться.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Почему, позвольте узнать?

ФЕЛИКС: Тошнит.

Пауза.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Позвольте мне резюмировать ситуацию. С одной стороны - практическое бессмертие, озаренное наслаждениями, о которых я упомянул лишь самым схематическим образом. А с другой - скорая смерть, в течение ближайшей недели, я полагаю. И вам угодно выбрать...

ФЕЛИКС: Я резюмирую ситуацию совсем не так...

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Батенька, да в словах ли дело? Бессмертия вы хотите или нет?

ФЕЛИКС: На ваших условиях? Конечно нет.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ (воздевая руки): На наших условиях, видите ли! Да что же вы за человек, Феликс Александрович? Я чудовищно стар. Вы представить себе не можете, как я стар. Я сам иногда вдруг обнаруживаю, что целый век выпал из памяти... Скажем, времена до Брестской унии помню, и что было после Ужгородской - тоже помню, а что было между ними - как метлой вымело... Так вы можете представить, сколько я этих соискателей на своем веку повидал! Кого только среди них не было... Византийский логофет, монгольский сотник, богомол - еретик, ювелир из Кракова... И как же все они жаждали припасть к источнику! Головы приносили и швыряли передо мной: "Я! Я вместо него!" Конечно, нравы теперь не те, головы не принято отсекают, но ведь и не требуется! Просто согласие от вас требуется, Феликс Александрович! Так нет! И ведь знаю, казалось бы, я вас - не идеал, совсем не идеал! И выпить, и по женской части, и материальных потребностей, как говорится, не чужд... И вдруг такое! Нет потрясли вы меня, Феликс Александрович. В самое сердце поразили. Может быть, мученический венец принять хотите?

Он смотрит на часы и поднимается. Произносит задумчиво:

- Ну что ж, каждому свое. Пойдемте, Феликс Александрович, времени у нас больше не осталось.

В кабинете тем временем Наташа шарит по полкам с книгами, берет одну

книгу за другой, прочитывает наугад несколько строчек и равнодушно роняет на пол. Из угла в угол по разбросанным книгам, окуркам, осколкам посуды снуют Курдюков. Клетчатый, стоя лбом у стены, внимательно следит за ним. Иван Давыдович листает журнальную подшивку.

За окном светает.

Входят Павел Павлович и Феликс.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Наконец-то! (Отбрасывает подшивку). Итак, Феликс Александрович, ваше решение?

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: одну минуточку, магистр. Я хочу сделать маленькое уточнение. Я тут поразмыслил и пришел к выводу, что ротмистр прав. Отныне я за нашего дорогого Басаврюка. Как говорится, старый друг лучше новых двух.

КУРДЮКОВ: Благодетель!

НАТАША: Я тоже. К дьяволу чистоплюев.

КУРДЮКОВ: Благодетельница! (Торжествуя показывает Феликсу язык.)

ИВАН ДАВЫДОВИЧ (после паузы): Вот как? Н-ну что ж... А я, напротив, самым категорическим образом поддерживаю кандидатуру Феликса Александровича. И я берусь доказать любому, что он несомненно полезен для нашего общества.

Он бросает короткий взгляд на Клетчатого, и тот, сделав отчетливый шаг вперед, становится рядом с ним.

КЛЕТЧАТЫЙ: Я тоже за господина писателя. Раз другие меняют, то и я меняю.

КУРДЮКОВ: За что, я же свой... А он сам не хочет...

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ: Во-первых, он сам не хочет. А во-вторых, магистр, вы все-таки оказались в меньшинстве...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Но я и не предлагаю принимать какие-нибудь необратимые решения прямо сейчас! Уже светло, сделать сегодня мы все равно ничего не сможем, мы не готовы, надо все хорошенько продумать... Господа! Мы расходимся. У времени и месте следующей встречи я каждого извещу во благовремени...

КУРДЮКОВ (хрипит): Он же в милицию... Сию же минуту!..

Иван Давыдович обращает пристальный взор на Феликса.

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Милостивый государь! Вам были сделаны весьма лестные предложения, не забывайте об этом. Обдумайте их в спокойной обстановке. И помните, пожалуйста, что длинный язык может лишь принести вам и вашим близким непоправимые беды!

ФЕЛИКС: Иван Давыдович! Да перестаньте вы мне угрожать. Неужели не понятно, что я скорее откушу себе язык, чем хоть кому-нибудь раскрою такую тайну? Неужели вы не способны понять, какое это счастье для всего человечества, что у источника бессмертия собралась именно ваша компания, компания бездарей, ленивых, бездарных, тупых ослов...

ИВАН ДАВЫДОВИЧ: Милостивый государь!

ФЕЛИКС: Какое это безмерное счастье! Помыслить ведь страшно, что будет, если тайна раскроется и к источнику прорвется хоть один настоящий, неукротимый, энергичный, сильный, негодяй! Что может быть страшнее! Бессмертный пожиратель бутербродов - да это же огромная удача для планеты! Бессмертный энергичный властолюбец - вот это уже беда, вот это уже страшно, это катастрофа... Поэтому спите спокойно, динозавры вы мои дорогие! Под пытками не выдам я вашей тайны...

Они уходят, они бегут. Первой выскакивает Наталья Петровна, на ходу запихивая в сумочку свои косметические цацки. Величественно удаляется, постукивая зонтиком-тростью, Павел Павлович, сохраняя ироническое выражение на лице. Трусливо озираясь, удирает Курдюков, теряя и подхватывая больничные тапочки. Клетчатый не совсем улавливает пафоса происшедшего, он просто дожидается Ивана Давыдовича. Иван же Давыдович слушает дольше всех, но в конце концов и он не выдерживает и уходит.

ФЕЛИКС (им вслед): Под самыми страшными пытками не выдам!

Феликс стоит у окна и рассматривает всю компанию с высоты седьмого этажа. Курдюкова запихивают в "жигули". Клетчатый за ним, Наташа садится за руль, Иван Давыдович - с нею рядом. Павел Павлович приветствует отъезжающую машину, приподняв шляпу, а затем неспешно, постукивая тростью - зонтиком, уходит из поля зрения.

И тогда Феликс оборачивается и оглядывает кабинет. Вся мебель сдвинута и перекошена. На полу раздавленные окурки, измятые книги, черные пятна кофе, разбитый телефонный аппарат, осколки фарфора. На столе, на листах рукописи валяются огрызки и объедки, тарелки с остатками еды, грязная сковорода.

Дом уже проснулся. Гудит лифт, хлопают двери, раздаются шаги, голоса.

И тут дверь кабинета растворяется, и на пороге появляется дочь Феликса Лиза с двумя карапузами-близнецами.

- Почему у тебя дверь... - начинает она и ахает. - Что такое? Что у тебя тут было?

ФЕЛИКС: Пиршество бессмертных.

ЛИЗА: Какой ужас... И телефон разбили! То-то я не могла дозвониться... В садике сегодня карантин, и я привела к тебе...

ФЕЛИКС: Давай их сюда, этих разбойников. Идите сюда скорее, ко мне. Сейчас мы с вами все тут приберем. Правильно, Фома?

ФОМА: Правильно.

ФЕЛИКС: Правильно, Антон?

АНТОН: Неправильно. Бегать хочу.

Аркадий СТРУГАЦКИЙ
Борис СТРУГАЦКИЙ

ПОВЕСТЬ О ДРУЖБЕ И НЕДРУЖБЕ

Ровно в девятнадцать ноль-ноль тридцать первого декабря прошлого года Андрей Т. лежал в постели и с покорной горечью размышлял о прошлом, настоящем и будущем. Как легко подсчитать, до Нового Года оставалось всего пять часов, но никаких радостей это обстоятельство Андрею Т. не сулило, ибо он не просто лежал (смешно думать, что ему вдруг захотелось в последние часы старого года поваляться под одеялом), а соблюдал постельный режим: горло его было завязано и болело.

Андрей Т. лежал в постели и с покорной горечью раздумывал о том, какой он все-таки невезучий человек. Весь его огромный опыт, накопленный за четырнадцать лет жизни, свидетельствовал об этом с прямо-таки болезненной несомненностью.

Например, стоило человеку по какой-либо причине (пусть даже неуважительной, не в этом дело) не выучить географии, как его неумолимо вызывали отвечать - со всеми вытекающими отсюда последствиями. Стоило человеку забраться в стол к старшему брату - студенту (совершенно случайно, ничего дурного не имея в виду), как там оказывалась наводящая изумление японская электронная машинка, которая тут же незамедлительно выскакивала из рук и с треском падала на пол. Опять же с вытекающими последствиями. Стоило человеку проесть с трудом обретенный рубль на мороженом (сливочный, шоколадный и фруктовый шарик в соответствующем сиропе), как буквально в двух шагах от кафе обнаруживался книгоноша, распродающий последние экземпляры "Зарубежного детектива".

Да, удачи не было. Удача кончилась три года назад, когда человеку подарили к дню рождения лотерейный билет и он выиграл на этот билет будильник.

Однако даже невезение должно иметь какие-то пределы. Заболеть ангиной за несколько часов до Нового года - это уже не просто невезение. Это уже судьба. Рок.

Закон бутерброда, сказал папа. Очень может быть. Папа нередко высказывает вполне здравые мысли. Насчет закона бутерброд он впервые высказался еще на заре времен, года три назад. Андрей Т. решил тогда, что бутерброд в данном случае является именем крупного немецкого ученого и пишется через два "т". Он даже вписал этого Буттерброда в кроссворд вместо Гейзенберга, чем повергнул старшего брата в неописуемое и оскорбительное веселье. Много воды утекло с тех пор, и много бутербродов вывалилось из рук на пол, на тротуар и просто на сырую землю, прежде чем великий закон утвердился в сознании Андрея Т. во всей своей непреклонной определенности: бутерброд всегда падает маслом (ветчиной, сыром, вареньем) вниз, и нет от

этого спасения.

Нет от этого спасения.

Если человек дал Милке Пономаревой списать контрольную, человеку ставят "банан" за то, что он списал контрольную у Милки.

Если человек тихо и никому не мешая пристроился к телевизору наслаждаться одним из семнадцати мгновений весны, человека поднимают, напяливают на него смиренный парадный костюм и ведут на именины к бабушке Варе, которая не держит телевизора из принципа.

И уж если человек, изнемогший от географии и литературы, взлелеял в душе чистую мечту провести праздник Нового года и заслуженные каникулы в Грибановской Караулке, - все, пиши пропало: человека поражает фолликулярная ангина, и пусть он еще спасибо скажет, что это не чума, не проказа и не стригущий лишай...

В девятнадцать ноль-пять с целью выяснить, не изменилось ли положение к лучшему, Андрей Т. произвел экспериментальный глоток всухую. Положение не изменилось, горло болело. Зря, выходит, поедал он отвратительные горькие порошки, полоскал многострадальные голосовые связки мерзкими растворами, терпел на шее колючую шерстяную повязку. Может быть, маме следовало послушаться бабушку Варю и обложить шею очищенными селедками? В глубине души Андрей Т. знал, что и эта крайняя мера не привела бы ни к чему. Пропала новогодняя ночь, пропали каникулы, пропало все то, ради чего он жил и работал последний месяц второй четверти. Сознать это было столь невыносимо, что Андрей Т. повернулся на спину и разрешил себе испустить негромкий стон. Это был стон мужественного человека, попавшего в западню. Стон обреченного звездолетчика, падающего в своем разбитом корабле в черные пучины пространств, откуда не возвращаются. Словом, это был душераздирающий стон.

А папа и мама находились уже, вероятно, на месте, в окрестностях Грибановской Караулки, где так удивительно отсвечивают в отблесках костра пушистые сугробы, где отягощенные снегом лапы огромных елей и сосен отбрасывают таинственные тени, где можно рыть тоннели в снегу, носиться по лесу, издавая воинственные кличи, а потом, забравшись на печку, слушать смех и споры взрослых и песни старшего брата, студента, под гитару...

Впрочем, справедливости ради следует отметить, что скоростная ангина у Андрея Т. едва не нарушила эту традиционную семейную вылазку. Сначала мама решительно высказалась в том смысле, что раз так, то она, мама, останется с Андрюшенькой и ни в какую Грибановскую Караулку не поедет. Сейчас же, не желая уступать ей в великодушии, в том же смысле высказался и папа. И даже брат-студент, совершенно лишенный родственных чувств, особенно когда это касалось малокалиберной винтовки, двенадцатикратного бинокля и упоминавшейся уже японской вычислительной машинки, и тот вызвался провести новогоднюю ночь "у скорбного одра", как он выразился, имея в виду, вероятно, постель больного. Положение спас дедушка. Узнав в последнюю минуту о неприятности, он явился и выгнал всех из дому, после чего подмигнул Андрею Т. и устроился в соседней комнате шелестеть газетами и мурлыкать под нос "Ой на гори тай жнецы жнуть..." Авторитетный человек дедушка, подполковник в отставке и депутат, но многого не понимает.

В девятнадцать ноль-ноль Андрей Т. произвел второй экспериментальный глоток всухую. Положение оставалось прежним. Тогда Андрей Т. спустил ноги с кровати, нашарил тапочки и потащился в ванную полоскать предательское горло раствором календулы в теплой воде. Задрев голову и уставя в потолок бессмысленный взгляд, клопоча и булькая, он продолжал размышлять. Собственно, что такое мужество? Мужество - это когда человек не сдается. Бороться и искать, найти и не сдаваться. Когда у человека ангина, бороться и искать невозможно, остается одно: не сдаваться. Например, можно послушать приемник. Можно тщательно и со вкусом перелистать альбом с марками. Есть новенький сборник научной фантастики. Есть старенький томик "Трех мушкетеров". На худой конец, есть кот Мурзила, которого давно пора потренировать на вратаря. Нет, мужественный человек, даже больной до беспомощности, всегда найдет себе применение. Кстати, дедушка до сих пор не обучен играть в "балду".

Мир немного посветлел. Андрей Т. поставил пустой стакан на полку и вышел в прихожую. А выйдя в прихожую, он увидел на столике под зеркалом телефон. А увидя телефон, он остановился как громом пораженный. Просто

непостижимо, что такая простая вещь не пришла ему в голову раньше. Старый верный друг Генка - вот кто ему нужен! Конечно, он тоже ничем не поможет, но с ним можно говорить как равный с равным, сдержанно-мужественно посетовать на судьбу и услышать в ответ сдержанно-мужественные слова утешения и участия. Андрей Т. схватил трубку и набрал номер.

Подошел сам Генка-Абрикос, шумно выразил радость и спросил, как там у них в Грибановской Караулке. Андрей Т. ответил, что ни в какой он не в Грибановской Караулке, а дома, и сдержанно-мужественным голосом поведал другу о своей фолликулярной ангине и о своем одиночестве. После этого Генка-Абрикос тридцать секунд молчал, соображая, и вдруг сказал:

- Не тушуйся, старик. Не пропадем. Ровно в девять буду у тебя.

Погоняем в Автодром и вообще.

У Андрея Т. на миг даже сперло дыхание.

- Что? - спросил он растерянно.

- Жди меня ровно в девять, - сдержанно-мужественным тоном произнес друг Генка по прозвищу Абрикос. - Привет.

И в трубке запищали короткие гудки.

Мир не просто посветлел. Мир засиял. Андрей Т. представил себе, как Генка вваливается в эту вот дверь - огромный, толстощекий, с автодромом под мышкой и пахнущий праздничными мандаринами и морозом, и как он бубнит, раздеваясь: "Не отпускали нипочем, а я им говорю: "А ну вас к лешему совсем, говорю, там Андрюха лежит бездыханный, а вы меня держите..." Да. Генка. Верный друг. Абрикос. Андрей Т. осторожно передохнул, положил трубку и помигал, потому что у него подозрительно защипало глаза. Друг. Да.

Он вернулся в постель и забрался под одеяло. Собственно, особенно удивляться или умиляться здесь нечего. Настоящая мужская дружба превыше всего. Сам Андрей Т. тоже не колебался бы ни минуты, а уж Генка и подавно. Он ведь человек действия, Генка-Абрикос, он идет на помощь другу не задумываясь. Как-то весенним вечером компания недорезанных басмачей из соседней школы окружила Андрея на темной окраине парка Победы и после краткого выяснения кто есть кто, принялась не больно, но унизительно лупить его сумками со спортивным барахлом. И тут появился Генка-Абрикос. Он ворвался в круг, разя направо и налево своими чудовищными граблями, и противник пришел в замешательство. Правда, в конце концов обработали их обоих основательно, но отступили они хоть и в беспорядке, однако с честью. Такое не забывается...

И Андрей Т. весело крикнул:

- Дедушка! Иди сюда, мне одному скучно!..

Было девятнадцать часов двадцать одна минута.

В двадцать сорок семь, когда Андрей Т., рассеянно вертя в пальцах плененную ладью, раздумывал над очередным ходом, дедушка в кресле расслабился, поник седой головой и негромко захрапел. Андрей Т. поглядел на него, откинулся на подушки и стал ждать. Несомненно, Генка-Абрикос должен был явиться с минуты на минуту.

В двадцать один тридцать четыре Андрей Т. поднялся и на цыпочках направился в ванную. Друга Генки все еще не было. Покончив с раствором календулы, Андрей Т. в задумчивости поглядел на телефон, но сдержался и снова вернулся в постель. "Мало ли что..." - туманно подумалось ему.

В двадцать один пятьдесят три Андрей Т. отшвырнул сборник научной фантастики и сел, обхватив колени руками. Дедушка спал в кресле напротив, закинув голову и явственно похрапывая. Кот Мурзила в позе Багиры, черной пантеры, предавался дреме на бездействующем телевизоре. На табуретке возле кровати безмолвствовал Андреев любимец и мученик, радиоприемник второго класса "Спидола", он же Спиха, он же Спиридон, он же Спидлец этакий, в зависимости от состояния эфира и настроения. А Геннадий М. по прозвищу Абрикос так и не пришел.

Андрей Т. мрачно нахмурился. Ему было неудобно, неприятно, тревожно. Саднило горло. Свет в комнате то притухал, то разгорался до ослепительного блеска. Чтобы рассеяться, Андрей взял Спиху и повернул верньер до щелчка. Зашуршала несущая частота, пробилась какая-то неявная музыка. И вдруг послышался знакомый голос. Явственный, хотя и слегка приглушенный голос Генки-Абрикоса отчетливо произнес:

- Андрюха... Андрюха... Ты меня слышишь?.. Андрюха... Пропадаю, старик... На помощь...

Андрей Т. подскочил на месте (распрямылся, как стальная пружина). Он в смятении огляделся. Он затряс головой. Он сделал глоток всухую и не почувствовал боли. Шуршала несущая частота, и Спидлец монотонно раз за разом повторял голосом Генки-Абрикоса:

- Ты меня слышишь?.. Андрюха... Андрюха... На помощь, старик, пропадаю... Андрюха... Ты меня слышишь?..

Не надо скрывать: Андрей Т. растерялся. Да и кто бы не растерялся на его месте? Каким это таким образом Генку-Абрикоса вдруг занесло в мировой эфир? Что с ним случилось? Где он находится? Не сводя глас со шкалы диапазонов, Андрей Т. робко осведомился:

- Генка, ты где?

Спиридон все продолжал взывать к нему о помощи голосом Генки-Абрикоса, но тут что-то произошло со шкалой диапазонов. Она озарилась зеленоватым мерцающим сиянием и превратилась в дисплей, как на японской вычислительной машинке старшего брата, а по дисплею побежали справа налево светящиеся слова. Андрей читал, обмирая: "ЕСЛИ ХОЧЕШЬ СПАСТИ НЕОБХОДИМО УСПЕТЬ ДО ПОЛУНОЧИ ВХОД НА КУХНЕ У ХОЛОДИЛЬНИКА ЕСЛИ ХОЧЕШЬ СПАСТИ НЕОБХОДИМО УСПЕТЬ ДО ПОЛУНОЧИ ВХОД НА КУХНЕ У ХОЛОДИЛЬНИКА ЕСЛИ ХОЧЕШЬ СПАСТИ..."

Дзынь! Все исчезло, погасли бегущие слова, шкала снова стала шкалой, и монотонный голос Генки-Абрикоса оборвался на полуслове.

- Так! - громко произнес Андрей Т. - вот оно, значит, что!

Собственно, он по-прежнему понимал мало. Ясно было только, что старый верный друг Генка попал в какую-то непостижимую беду, что поспеть к нему на помощь требуется до полуночи и... Что это там было насчет какого-то входа у холодильника? Андрей Т. отлично знал, что никакого хода у холодильника нет, а есть там по сторонам холодильника два белых шкафчика. И если даже ход этот есть, то вести он должен в лучшем случае прямо в морозное вечернее пространство на высоте пятого этажа. Да, было о чем подумать и было что взвесить, и Андрей Т. принялся обдумывать и взвешивать, как вдруг Спиха тихонько, но необыкновенно явственно сыграл начальные такты старой славной песенки:

К другу на помощь! Вызволить друга
из кабалы и тюрьмы!..

И Андрея Т. мгновенно бросило в жар. Генка-Абрикос не обдумывал и не взвешивал тогда весной в темных аллеях парка победы. Не обдумывал и не взвешивал, когда узнал о фолликулярной ангине и одиночестве два часа назад. Андрей Т. взглянул на светящийся циферблат над головой. Черные стрелки показывали двадцать два часа одиннадцать минут. Андрей Т. огляделся. Дедушка мирно похрапывал в своем кресле, покойно сложив на животе руки. Кот Мурзила на телевизоре, не поднимая головы, медленно распахнул свои глазищи, сверкнувшие зеленым. Андрей Т. решительно спустил ноги с кровати.

Стараясь двигаться по возможности бесшумно, он облачился в тренировочный костюм, весьма кстати висевший тут же на спинке стула, и пробрался в прихожую. Несомненно, предстояла экспедиция, и подготовиться следовало тщательно. Андрей Т. натянул шерстяные носки и обулся в зимние ботинки. Затем он надел лыжную куртку, застегнул "молнию" до повязки на горле и подхватил в качестве оружия складной металлический штатив для фотоаппарата, тяжелый и прикладистый, как дубина былинного витязя. Прикидывая боевой штатив в правой руке, он не без удивления обнаружил в левой любимую "Спидолу". Это было довольно странно: откуда взялся приемник в левой руке, которой он только что застегивал "молнию"? И коли уж на то пошло, откуда здесь взялся этот штатив? Это же не наш штатив, у нас нет штатива, у нас никогда не было штатива... Но времени удивляться и размышлять не было, настала минута действия. Двадцать первая минута одиннадцатого.

Ход у холодильника Андрей Т. увидел прямо с порога кухни. Оказывается, кухонный шкафчик справа от холодильника примыкал к нему не вплотную, а отстоял сантиметров на сорок, и в стене между ними красовалась прямоугольная зияющая дыра в рост невысокого человека. И дыра эта являла

вид настолько непривлекательный, что Андрей Т. в нерешительности остановился. Ему представились скользкие выщербленные ступени, ведущие в зловонное подземелье, ржавые крючья в стенах, нороящие угодить в глаз, и еще какие-то серые, мохнатые, копошащиеся, с горящими красноватыми глазками...

Андрей Т. никогда не был трусом. Просто иногда он ратовал за разумную осторожность. Вот и сейчас он отчетливо понял, что минута действия временно прекратила течение свое и уступила место минуте здравого смысла. Перед нами как будто подземелье? Отлично. В таком случае не следует ли заняться сначала изготовлением смоляного факела? Не следует ли сменить зимние ботинки на болотные, скажем, сапоги? И вообще не пора ли вовлечь в события дедушку, боевого офицера, имеющего, кстати, опыт преследования врага в тоннелях Берлинского метро? Или еще лучше - позвонить замечательному человеку, классному руководителю Константину Павловичу, бывшему танкисту и кавалеру ордена Славы.

Известно, что есть лишь один способ делать дело и множество способов от дела уклоняться, так что трудно сказать, как бы все обернулось в дальнейшем, но тут Спиха, Спидлец этаким, вновь тихонько проиграл начальные такты славной мушкетерской песенки, и Андрея Т. вновь бросило в жар. С пронзительной откровенностью признался он самому себе, что и сапоги болотные резиновые, и факелы смоляные коптящие, и всякие иные причиндалы, могущие еще прийти ему в голову, есть не что иное, как чушь несусветная и отговорки. Что стыдно ему, здоровенному (пусть даже слегка больному) парню, прятаться за спину ветерана великой войны. И что вообще топтаться без толку между холодильником и кухонным шкафчиком в то время, как друг Генка погибает и ждет помощи, попросту постыдно. И он ринулся вперед и нырнул в зияющую дыру.

Он был приятно разочарован. Не оказалось там ни осклизлых ступеней, ни ржавых крючьев, ни снующих крыс. Оказался там длинный коридор казенного вида, тускло освещенный пыльными лампами под жестяными абажурами с отбитой эмалью. Пахло канцелярией, на оштукатуренных стенах мотались под сквозняком приклепанные бумажки с выцветшими машинописными текстами. Бросался в глаза странный призыв: "Тов. пенсионеры! Просьба не курить, не сорить и не шуметь!" Справа и слева вдоль коридора тянулись ряды обшарпанных дверей с темными пятнами возле ручек, и каждую дверь украшала надпись, как правило грозная и в повелительном наклонении: "Не стучать!", "Не зевать по сторонам!", "Не сметь!" И даже "Миновать быстро и не оглядываться!"

Андрей Т. шел медленно, машинально читал надписи и думал, за какой дверью надо искать Генку, и вдруг ему пришло в голову, что ведь совершенно непонятно, куда ведет этот коридор, - по всем расчетам, он должен был с самого начала пронизать стену дома, пройти над улицей и вонзиться в балконы кинотеатра "Космос". Озадаченный этой мыслью, он даже остановился и тут же обнаружил, что коридор кончился. Впереди был тупик, и в тупике были две двери - последние. Надпись на левой двери гласила с вызовом: "Для смелых". Надпись на правой двери снисходительно ухмылялась: "Для не очень".

Андрей Т. сдвинул брови и погрузился в самоанализ.

Скромность требовала признать, что со смелостью у нас обстоит не так чтобы очень. Правда, в первой четверти Андрей Т. взобрался по пожарной лестнице до пятого этажа. Но по возвращении на твердую почву у него так тряслись руки и ноги, что взыскательные наблюдатели это заметили, и пришлось соврать, будто на него напал приступ застарелой болезни Паркинсона (за многими делами он так и не удосужился выяснить, есть ли такая болезнь на самом деле, и если есть, то болеют ли ею люди). Словом, скромность утверждала, что избрать следует правую дверь, и Андрей Т. послушался. Он решительно отворил дверь с надписью "Для не очень".

Так. За дверью была знакомая комната. В знакомом кресле похрапывал знакомый дедушка, на знакомом телевизоре жмурился знакомый кот, со знакомой кровати свешивалось знакомое одеяло.

Андрей Т. решительно закрыл дверь. Скромность, конечно, скромностью, но не такой же ценой! Впрочем, не беда, ничего не потеряно. И в конце концов, избрав сначала правую дверь, он поступил по крайней мере честно, а как известно, "Честность - это больше, чем смелость, это мужество!" (Из запоздалой речи бабушки веры по поводу сокрытия двойки по поведению за

совершение некоего смелого поступка на уроке по рисованию). Что ж, придется быть не только честным, но и смелым, вот и все. Андрей Т. перешел к левой двери, стиснул зубы крепче и толчком отворил ее.

Ничего особенного. Открылся тоннель с кирпичными стенами, низкий, сыроватый, но вполне опрятный и тихий. Цементный пол. На полу виднеются следы, оставшиеся, видимо, еще с тех времен, когда цемент не схватился. Гм. Странные следы. Не Генкины. Гм. Похоже, здесь проходила лошадь. Копыта. Гм...

Андрей Т. продвигался по тоннелю с некоторой опаской, стараясь жаться к стенам, подальше от странных следов. Он был готов ко всему, но ничего пока не происходило. Мало-помалу он приободрился, он уже и вправду ощущал себя не только мужественным, но и смелым. Спиридон, кажется, тоже пришел в хорошее настроение. Во всяком случае, он принялся напевать вполголоса: "Наши жены - пушки заряжены, вот кто наши жены..."

Внезапно стены тоннеля раздались, вспыхнул яркий свет множества ламп дневного света, засверкал и заискрился белый и черный кафель. Андрей Т. остановился и зажмурил глаза от слепящего блеска. Когда же он разжмурился, то увидел, что стоит на самом краю плавательного бассейна.

Да, это был самый обыкновенный плавательный бассейн, точно такой же, в каком Андрей Т. некогда сдавал нормы ГТО, - выложенный кафелем, шириною метров в десять и метров пятьдесят в длину.

Ясно было, что дальнейший путь к бедствующему Генке-Абрикусу лежит на противоположной стороне бассейна через широкий дверной проем, темнеющий за легкой пеленой струйчатого пара. Ясно было также, что обойти бассейн невозможно, потому что кромка пола между его боковыми краями и стенами по-дурацки узкая и вдобавок наклонена градусов этак на сорок пять, с альпинистскими шипами не удержишься. "Придется вплавь или вброд", - подумал с неудовольствием Андрей Т. и тут только обнаружил, что в бассейне нет ни капли воды.

Это было как нельзя более кстати. Пожалуй, даже слишком. Если судьба бросает под ноги заведомо смелому человеку сухие бассейны, то надлежит смотреть в оба. Андрей Т. посмотрел в оба, и то, что он увидел, очень ему не понравилось. По всему пространству бассейна на чистом сухом кафеле были разбросаны какие-то заскорузлые тряпки и иные предметы столь же неопрятной сущности. Андрей Т. разглядел продранный шерстяной носок, старую футболку с номером, обтрепанные брюки, вывернутый наизнанку тулуп, ржавый велосипедный насос и череп. При виде черепа сердце Андрея Т. подскочило к горлу: "Генкин!". Но он тут же вздохнул с облегчением: череп был коровий, из их школьного зоологического кабинета.

Несколько секунд Андрей Т. колебался, хотя отлично понимал, что бассейна этого ему не миновать. Он поднял глаза. Черные стрелки на светящемся циферблате показывали двадцать два часа тридцать семь минут. Время поджимало. Андрей Т. поколебался еще три секунды и решительно прыгнул на кафельное дно.

Оказавшись в бассейне, он торопливо зашагал к противоположному краю, которые вдруг словно бы отодвинулся куда-то в неимоверную даль. Сначала он шагнул просто торопливо, потом зашагал быстро, потом очень быстро и, наконец, пустился бегом во все лопатки.

Нет, не зря коварная судьба устроила этот бассейн на его пути! И подозрительные тряпки с черепами оказались в этом бассейне, надо думать, не случайно! Не успел Андрей Т. пробежать и половины расстояния до края, как в уши его ударил глухой клокочущий рев. Со всех четырех сторон сразу из каких-то невидимых труб хлынули в бассейн свирепые потоки мутной вспененной воды, исходящей паром как бы от сдерживаемого бешенства.

Отступать было бессмысленно, это Андрей Т. понял сразу. Оставалось наступать. И, вспомнив свои былые успехи на стометровке, он рванул вперед с таким рвением, как будто твердо поставил себе целью перекрыть все олимпийские рекорды Валерия Борзова. Возможно даже, что он и перекрыл бы эти рекорды, но он не успел. Мутные волны набросились на него, ударили по ногам и окатили с головой.

- Ай-яй-яй-яй-я-а-ай! - взвыл в ужасе Спиха латиноамериканским голосом.

- Вр-р-решь! - прорычал Андрей Т.

Мутные пенистые валы тщились опрокинуть и утопить его, но он неудержимо рвался вперед, похожий теперь уже не на Валерия Борзова, а на

скоростной скутер, идущий на редане.

Потом дно ушло у него из-под ног, он бросил на произвол судьбы боевой штатив, поднял Спиридона повыше над головой и поплыл. Он отчаянно работал ногами и отчаянно загребал правой рукой, он ничего не видел сквозь бурлящую пену и клубящийся пар, в ушах стоял рев волн, прорезаемый отчаянным свистом Спиридона, а он все загребал правой и отрабатывал ногами, загребал и отрабатывал, загребал и отрабатывал целую вечность, пока не врезался в противоположную стенку бассейна с такой силой, что загудело во всем теле от травмированной макушки до самых пяток.

Через минуту он стоял наверху, на сухом полу, выложенном черным и белым кафелем. Он стоял и пошатывался от пережитых волнений, с него текло, он все еще держал своего Спиридона высоко над головой и с тупым интересом смотрел, как вода в бассейне, по-прежнему пенясь и исходя паром, уходит в невидимые трубы. И вот уже обнажилось дно, и снова появилось на свет неопрятное тряпье вперемешку с ржавым хламом, только теперь среди всех этих старых штанов и костей сиротливо блестел под лампами дневного света боевой штатив для фотоаппарата.

- Всех не спасешь, верно? - произнес знакомый голос.

Тут только Андрей Т. обнаружил рядом с собой некоего дядю. Был этот дядя в комбинезоне с ляжками на голое загорелое тело, отличался изрядным ростом и чем-то очень напоминал соседа по лестничной площадке по прозвищу Конь Кобылыч. Голос у него был низкий и приятный, и смотрел он на Андрея Т. ласково и приветливо.

- Хорошо еще, что сам жив остался, - продолжал он. - А ну раздевайся, давай обсушимся, да и подзаправиться не мешает...

Он в два счета освободил Андрея от мокрой одежды, быстро и ловко развесил все на горячих трубах парового отопления и набросил Андрею на голые плечи огромное теплое мохнатое полотенце.

- Смелчак, смелчак... - приговаривал он при этом. - Если можно так выразиться, рыцарь без страха и упрека... Молодец, ничего не скажешь...

Он усадил Андрея за уютный столик у стены, быстро и ловко выставил на скатерть большой кипящий чайник, пузатый заварочный чайник и цветастую чашку с блюдцем, затем присел к столику и сам.

- В здешних палестинах так нельзя, - говорил он с ласковой укоризной. - Здесь головой надобно работать, головой. А вы все ногами норовите, ногами. Вот и хватили шилом патоки. Не-ет, не зная броду, не суйся в воду. А то ведь дурная голова покоя ногам не даст, нипочем не даст. Уж поверьте мне, кривой-то дорожкой ближе напрямик...

Андрей Т. слушал и давался диву, а между тем уже отхлебывал из цветастой чашки крепкий чай с молоком и поедал нечто белое, пухлое, очень вкусное, в обычной жизни почти не бывающее, надо полагать - калач.

- Вы, мой огурчик, вступились в дело опасное и безнадежное, - продолжал новоявленный Конь Кобылыч. - Вы и понятия не имеете, куда вас несет. Вот миновали вы воду. Хорошо. Даже превосходно. А огонь? А медные трубы? Об этом вы подумали, луковка моя сахарная? Положим, что вам своей головы не жаль. Ну, а о маме вы подумали? Подумали о мамочке своей? Не подумали. По глазам вижу, что не подумали, капуста вы моя белокочанная! А об отце?..

Все тот же огромный четырнадцатилетний опыт подсказывал Андрею, что подобные аргументы старших следует переносить молча и с наивозможно виноватым видом. Тем не менее Андрей Т. поставил чашку и произнес с достоинством:

- Собственно, я ведь...

- Не подумали! - гаркнул Конь Кобылыч и подлил ему горячего из чайника и молочника. - Об отце вы тоже не подумали!

- Но ведь Генка...

Конь Кобылыч воздел руки над головой.

- Ну разумеется - Генка! - с горестной усмешкой воскликнул он. - Генка - прежде всего! Юбер аллес, если можно так выразиться. А мать пусть рвет на себе волосы и валяется в беспамятстве! А отец пусть скрипит зубами от горя и слепнет от скупых мужских слез! Пусть! Главное, конечно, - это Генка!

Тут Спиридон, стоявший до того тихонько на краю стола, внезапно запел:

Если друг оказался вдруг
И не друг, и не враг,
А так...

Конь Кобылыч протянул руку, щелкнул верньером и поставил Спиридона под стол.

- Генка - только о нем мы и думаем днем и ночью, - горестно продолжал он. - Для него мы совершаем геройские подвиги вместо того, чтобы лишний раз взять в руки учебник по литературе. Дурака Генку спасти - вот это подвиг и ура, это не то что постараться на твердую четверку по литературе вылезти... Как же - Генка!

Андрей Т. насупился. Конь Кобылыч при всем своем гостеприимстве и прочих приятных качествах был пустой болтун и больше ничего. Андрея так и подмывало повернуться к нему спиной и засвистеть маршиком из "Моста через реку Квай". Все, что он говорил о родителях и Генке, было глупо и несправедливо. Есть вещи, которые нельзя не делать несмотря ни на что. Например, люди идут сражаться за родину. Или погибают, спасая женщин и детей. Или летят в космос. Да мало ли еще? Или нечего приплетать сюда родителей и, тем более, тройки по литературе. И нечего выключать Спиридона.

Андрей Т. решительно отодвинул чашку и встал.

- Спасибо, - сказал он. - Мне пора.

Конь Кобылыч приятно улыбнулся.

- Подкрепились? - осведомился он умильно.

- Подкрепился. Спасибо, - отвечал Андрей Т.

- Пообсохли?

- Пообсох. Спасибо.

- Самочувствие нормальное?

- Нормальное.

- Ну, будем одеваться, когда так.

Андрей Т. принялся одеваться. Ему хотелось поскорее уйти, и ему была неприятна близость Коня Кобылыча, а тот вертелся вокруг и помогал натягивать, зашнуровывать, застегивать и одергивать. Когда они застегнули последнюю "молнию" (на лыжной куртке до повязки на горле), он отступил на шаг, полюбовался и сказал:

- Вот и ладненько. А теперь домой, к мамочке.

"Фиг тебе - к мамочке!" - злобно подумал Андрей Т. он достал из-под стола Спиридона и взглянул на светящийся циферблат на стене. Двадцать три ноль-три.

- До свидания, сказал он и направился к дверному проему.

- Куда же вы? - вскричал Конь Кобылыч. - Вам не туда! Вам обратно!

- Туда, туда, - успокоительно сказал ему Андрей Т., не останавливаясь. - Туда, и не мимо!

- А как же мама? - вопил вслед Конь Кобылыч. - А медные трубы? Вы забыли про медные трубы!

Но Андрей Т. больше не откликнулся. Он на ходу повернул верньер до щелчка, и Спидлец немедленно взвыл:

"Мы расстаемся навсегда, пускай бегут года..."

Сразу за порогом широкого дверного проема оказался тускло освещенный зал с зеркальным паркетом и с воздухом столь необыкновенно сложного состава, что уже на двадцати шагах ничего нельзя было различить за какой-то бесцветной дымкой. Однако сразу с порога же имела место уходящая по паркету дорожка черного дерева, и Андрей Т. понял, что опасность заблудиться ему не грозит. Он решительно зашагал по черным полированным квадратикам, стараясь отогнать расслабляющие воспоминания о своем подвиге в бассейне и о сладком чае с молоком и калачом. Он полагал, что главные испытания еще впереди и к ним нужно быть морально готовым. Вскоре он достиг своего: слова Коня Кобылыча о медных трубах (а кстати, и об огне), вначале с пренебрежением забытые им, не шли больше у него из головы.

И вот в ту самую минуту, когда зловещие слова эти пустили особенно прочные корни в сознании Андрея, черная дорожка под его ногами вдруг раздвоилась. Две совершенно одинаковые черные дорожки поуже уходили в бесцветную дымку вправо и влево под углом в две трети "пи". Причем поперек правой дорожки были большими белыми буквами написано: "Для умных", а поперек левой - "Для не слишком".

Заложив руки со Спиридоном за спину, Андрей Т. стоял на распутье, и горькая мудрая усмешка стыла на его хорошо очерченных губах. Легко справившись с мальчишеским желанием выкрикнуть в пространство что-либо обидное и погрозить (в пространство же) кулаком, он произнес короткий внутренний монолог:

- Не очень-то вы балуете нас разнообразием, господа! Выражаясь вульгарным жаргоном Пашки Дробатона, второй раз хохма - это уже не хохма. Нас опять ставят перед бесчестным выбором: либо забудь о своей скромности, либо отправляйся домой, к мамочке. Не выйдет, господа! Как говорит мой старший брат - студент: тривиально и лежит на поверхности. Легко видеть. Прости меня, моя скромность.

Криво усмехаясь (большое искусство, освоенное в свое время ценой двухчасового безобразного кривляния перед зеркалом в прихожей), Андрей Т. двинулся по дороге для умных. Впрочем, насилие, учиненное им над собственной скромностью, не очень угнетало его. Гораздо важнее было то, что никаких новых бассейнов со свирепыми водами и вообще никаких болезнетворных физических воздействий ожидать в ближайшем будущем, по-видимому, не приходилось. Ум есть ум, господа. Если мне и дадут, то, скорее всего, по мозгам, а уж это я как-нибудь переживу.

Дорога для умных оказалась на удивление короткой. Упиралась она, естественно, в обыкновенную дверь. Не тратя ни минуты времени и все еще храня на хорошо очерченных губах кривую усмешку, Андрей Т. взялся за ручку и потянул.

Андрей Т. остолбенел. За дверью была все та же знакомая комната. В знакомом кресле храпел во все завертки знакомый дедушка, на знакомом телевизоре валялся знакомый кот Мурзила, со знакомой кровати свешивалось знакомое одеяло. Ах, вот, Андрей Т. тихонько закрыл дверь и тупо уставился на нее в упор. Вот, значит, как. Вот, значит, на чем вы меня провели. Вот, значит, что вы считаете умом. Умному, значит, дорога домой, в постельку. Ну, это мы тоже проходили. "Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет". А Генке, значит, там пропадать у вас? Нет уж, дудки! Андрей Т. произнес в пространство несколько обидных слов, показала (в пространство же) сдвоенный кукиш и, повернувшись спиной к бесполезной двери, рысцой пустился обратно к развилке.

Дорога для не слишком умных оказалась значительно длиннее, и Андрей Т. уже начал беспокоиться, когда впереди в белесой дымке замаячило какое-то мерцающее голубоватое пятно. Еще минута хода на рысях, и он неожиданно для себя чуть ли не носом уперся в прямоугольное матовое окно, вделанное в стену. Окно мерцало голубым неоновым огнем, а на матовом стекле было написано по вертикали большими красными буквами: "Вход", причем рядом с надписью была изображена большая красная стрела, указывающая в небо.

Это был поистине странный указатель, но Андрей Т. так и не успел как следует удивиться, потому что сразу обнаружил рядом нечто вроде лестницы. Собственно, это и была лестница, только не из ступенек, а из вделанных в стену металлических скоб, покрытых зеленой масляной краской. Подобную лестницу Андрей Т. видел во время школьной экскурсии на шефский завод: там она (лестница, конечно, а не экскурсия) вела на самую верхотуру гигантской заводской трубы. Здесь лестница вела в белесую дымку над головой и далее неведомо куда, потому что снизу были видны только первые шесть скоб.

Андрей Т. бросил взгляд на светящийся циферблат - ничего себе, уже четверть двенадцатого! - и стал искать, куда поставить Спиридона, ибо ясно было, что на этой, с позволения сказать, лестнице понадобятся все четыре конечности, а может быть, даже и зубы. Он уже решил было засунуть приемник в случившийся неподалеку чудовищный сервант без стекол и без полок, но тут Спидлец вдруг затянул трясущимся тенором старинный душераздирающий романс:

- Не уходи! Побудь со мной еще минутку!..

Андрей Т. в смущении остановился.

- Ты что это? - спросил он неискренне.

- Не уходи! Мне без тебя так будет жутко!.. - с рыданием в голосе объяснил Спиридон.

Сердце Андрея дрогнуло.

- Ну ладно, ладно тебе... - пробормотал он и принялся запихивать чувствительный аппарат за пазуху.

Спиридон уже вполголоса, но по-прежнему с рыданием и истерическим

надрывом сообщил: "И чтоб вернуть тебя, я буду плакать дни и ночи...", После чего замолк, а Андрей_Т. поплевал на ладони, крикнул для основательности и начал подъем.

Первые скобы он преодолел легко и даже не без лихости - пол был еще виден, и в случае чего можно было бы просто прыгнуть вниз. На десятой скобе пол исчез из виду, пришлось остановиться и перевести дух. К пятнадцатой скобе все вокруг заволокло сплошной белесой пеленой и вдобавок возникло ощущение, будто стена начинает загибаться внутрь зала наподобие эдакого свода. Девятнадцатая скоба шаталась, как молочный зуб, - именно здесь Андрей Т. смалодушничал и подумал, что следовало бы, пожалуй, вернуться вниз и все досконально, тщательно обдумать и взвесить. Однако как раз в этот момент угревшийся за пазухой Спиридон хрипло провозгласил, что "Лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал". Андрей Т. устыдился и сейчас же взял одним рывком еще полдюжины скоб. Дальше он не считал. Ему стало не до счета. У него зверски заныли плечи и начали трястись ноги. Несомненно, это был приступ болезни Паркинсона, явившийся из мира выдумок и пустых фантазий, чтобы наказать Андрея за самонадеянность. О мои руки! О мои ноги! Все-таки подсунули мне болезнетворное воздействие, подлецы! Но Тут ведь главное что? Бороться и искать, найти и не сдаваться. Не сдаваться? Ни в коем случае! Даже если ты болен, все равно чем - фолликулярной ангиной или болезнью Паркинсона. Какие там могут быть болезни, если погибает мой лучший друг Генка по прозвищу Абрикос? "Держись, Генка! - твердил про себя Андрей Т. и цеплялся за ледяные скобы. - Я иду, Генка! - рычал он и карабкался по влажным скобам. - Вр-р-решь, не возьмешь!" - хрипел он и повисал на липких скобах, обвившись вокруг них подобно некоему тропическому удаву.

Но все на свете имеет конец, и в одну поистине прекрасную минуту Андрей Т. обнаружил, что больше не цепляется, не карабкается и не висит, а блаженствует, сидя на твердом полу и прислонившись спиной к твердой стене. Плечи еще ныли, но не очень сильно. Ноги еще дрожали, но служить не отказывались. Андрей Т. обследовал ладони. Ладони, в общем, были целы и невредимы, хотя и горели, как будто он целый вечер тренировал подъем разгибом на перекладине. Следовало ожидать появления водяных пузырей, но от этого еще никто не умирал.

Андрей Т. встал. Он был убежден, что Генка-Абрикос находится где-то поблизости. Но Генки не было. Была большая комната, освещенная крайне скудно.

Собственно, комната вообще не была освещена. В ней, как говорится, царил тьма, но во тьме этой в великом множестве мигали, загорались и гасли крошечные круглые окна с лампочками, и в их слабом переменчивом свете можно было рассмотреть, что вся она заставлена сплошными рядами громоздких, угловатых то ли шкафов, то ли ящиков. Тянуло теплом и даже жаром, пахло странно, а впрочем, скорее приятно. И было полно звуков. Какой-то длинный шелест. Низкое монотонное гудение. Резкий хлесткий щелчок. Снова гудение. Снова шелест. Андрей_Т. посмотрел, принялся, послушал и робко воззвал:

- Генка! Эй, Генка! Ты здесь?

Еще не успело увязнуть в жарком пахучем воздухе его последнее слово, как комната разразилась целым шквалом новых огней и звуков. Вспыхнули и замигали новые мириады круглых окошечек, в кромешной тьме под потолком побежали справа налево беспорядочные толпы светящихся цифр, шелест покрылся непрерывным звучным стрекотанием, а хлесткие щелчки забили часто и напористо, как выстрелы в "Великолепной семерке".

Ошеломленный Андрей Т. втянул голову в плечи и попятился, но тут комната успокоилась. Торжественный, превосходно поставленный голос объявил:

- Посторонний объект обнаружен, исследован и отождествлен как желающий пройти...

Одновременно на невидимом дисплее в темноте под потолком побежали справа налево светящиеся слова:

Посторонний объект обнаружен исследован отождествлен как желающий пройти...

- Процедура представления начинается, - продолжал голос, и на дисплее побежали произносимые им фразы без знаков препинания, без союзов и без предлогов. - Представляюсь, имею честь представиться: Всемогуший

Электронный Думатель, Решатель и Отгадыватель, сокращенно Вэдро. С кем имею честь?

- Собственно... - нетвердо проговорил Андрей Т. - Видите ли... Я...

Андрей. Меня зовут Андрей. Я школьник.

Снова шквал огней и звуков. Голос безмолвствовал, но на дисплее, стремительно катясь друг за другом, загорелись слова:

Андрей имя осмыслено школьник учащийся школы социальное положение осмыслено конец процедуры представления конец процедуры конец...

Андрей Т. поклонился, шаркнул ногой и сказал:

- Собственно, мне к Генке нужно. Я очень тороплюсь. Как мне к Генке пройти?

Голос торжественно ответил:

- Желающий пройти должен успешно выдержать два этапа испытания.

Первый этап: я задаю вопросы. Второй этап: я даю ответы. Доложите готовность к испытанию.

Даже в лучшие времена предложение держать испытания никогда не вызывало у Андрея никаких положительных эмоций. Теперь же он так и взвился от злости.

- Какое еще испытание? - заорал он. - Какое может быть испытание, когда Генка-Абрикос там пропадает? Да провалитесь вы с вашим испытанием, и без вас обойдусь!

С этими словами он очертя голову устремился в проход между рядами шкафов-ящиков. Но ему пришлось тут же остановиться, потому что он увидел в конце прохода низкие дубовые ворота. На воротах висел массивный ржавый замок, у ворот дремал на табурете то ли сторож, то ли вахтер в ватнике, с берданкой на коленях, у ног же вахтера лежала устрашающего вида немецкая овчарка. Мощная голова ее покоилась на лапах, но треугольные уши стояли торчком, а желтые глаза бесстрастно взирали прямо в лицо Андрею.

- Понятно, - уныло сказал Андрей Т., повернулся и пошел из прохода.

- Доложите готовность к испытанию, - повторил голос как ни в чем не бывало.

- Готов, - буркнул Андрей Т.

Голос объявил:

- Процедура ввода информации в школьника Андрея начинается. Ввод информации. Первый этап. Я задаю три вопроса. Один вопрос из наук логических, один вопрос из наук гуманитарных, один вопрос из наук физико-технических. Если школьник Андрей отвечает на все три вопроса правильно, конец первого этапа. Доложите осмысление информации о первом этапе.

- А если неправильно? - вырвалось у Андрея.

Никакого ответа не последовало, на дисплее пронесся бесконечный ряд светящихся семерок, и где-то со скрипом приоткрылась дверь. За дверью, разумеется, была знакомая комната со знакомым дедушкой, знакомым котом и знакомым одеялом.

- Мне все понятно, - мрачно пробормотал Андрей Т.

Дверь со скрипом затворилась, а на дисплее побежали слова:

ВСЕ ПОНЯТНО ИНФОРМАЦИЯ ОБЪЕКТОМ ОСМЫСЛЕНА ОСМЫСЛЕНА ПЕРВЫЙ ЭТАП
НАЧИНАЕТСЯ ПЕРВЫЙ ЭТАП ПЕРВЫЙ...

- Первый вопрос формулируется! - провозгласил Вэдро. - Дано: столб и улитка. Высота столба десять метров. За день улитка поднимается по столбу на шесть метров, за ночь опускается на пять метров. Сколько суток потребуется улитке, чтобы достигнуть вершины столба? На размышление сто двадцать секунд. Размышление начинается!

На дисплее вспыхнуло число 120 и сейчас же сменилось числом 119. Потом пошли 118, 117, 116... Андрей Т. быстро произвел расчет: за день плюс шесть, за ночь минус пять, всего за сутки плюс один. Высота столба десять метров. Значит, легко видеть... Он уже открыл было рот, но спохватился. Слишком уж легко было видеть. Не может быть, чтобы задача решалась так просто...

100, 99, 98, 97...

Это проклятое Вэдро ловит на какой-то чепухе. Не выйдет! Мы до городской олимпиады доходили, нас голыми руками не возьмешь!

81, 80, 79, 78...

Правда, на городской олимпиаде мы таки ни одной задачки не решили, но

все-таки... Тьфу ты, что за ерунда лезет в голову! Значит, за первые сутки один метр, за вторые два...

63, 62, 61, 60...

Меньше минуты осталось! Ай-яй-яй... Э... Э! Ведь в последний день она сразу залезет на шесть метров вверх до самой верхушки, и спускаться ей уже не придется! Значит...

- Четыре с половиной суток! - радостно закричал Андрей Т.

На дисплее число 41 погасло, и побежали слова:

ОТВЕТ ЧЕТЫРЕ ПЯТЬ ДЕСЯТЫХ СУТОК ОСМЫСЛЕНО ВЕРНО ВЕРНО ВЕРНО
ОСМЫСЛЕНО
ВЕРНО...

Андрей Т. ликовал. Вот так-то! Нас на кривой не объедешь! Так будет со всяким, кто покусится!

- Второй вопрос формулируется! - объявил Вэдро. - Дано: произведение Юрия Михайловича Лермонтова "Герой нашего времени". Требуется имя Печорина. Как звали Печорина. Имя. На размышление двести секунд. Размышление начинается.

200, 199, 198, 197...

От ликования Андрея не осталось и следа. Волна слепого ужаса, черной паники окатила его. Это хуже, лихорадочно думал он. Это гораздо хуже! Как же его звали-то? Печорин... Грушницкий... Они ведь там все только по фамилиям... Княжна Мэри... Или только по именам, без фамилий... Еще там был какой-то капитан... Штабс-капитан... Иван... Иван...

146, 145, 144, 143...

С этими фамилиями мне всегда не везло... Тогда еще историк взял да и спросил меня: "Какая фамилия у Петра Первого?" А я и ляпнул сдуру: "Великий!"... Беда! Что делать-то? Ведь выставят сейчас, как пить дать выставят...

119, 118, 117, 116...

Постой-ка... А, все равно терять нечего. Андрей Т. спросил противным сварливым голосом:

- А что это у вас Лермонтов Юрием Михайловичем заделался, когда он всегда был Михаил Юрьевич?

На дисплее число 103 вдруг застыло в неподвижности. Комната бешено застрекотала и загудела, и разразилось такое хлесткое щелканье, словно принялся работать кнутами целый полк пастухов. На дисплее побежали длинные очереди бессмысленных семерок, погасли и сменились словами:

ЛЕРМОНТОВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ НЕ НЕ НЕ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ НЕ НЕ НЕ
ВТОРОЙ
ВОПРОС НЕ КОРРЕКТЕН НЕ НЕ НЕ ВТОРОЙ ВОПРОС ОТМЕНЯЕТСЯ БЕЗ ЗАМЕНЫ
БЕЗ БЕЗ
БЕЗ СБОЙ МАГНИТОНЕЙ ЛЕНТЫ СБОЙ МАГНИТНОЙ ЛЕНТЫ...

Ага! Андрей Т. снова воспрянул духом. Заело! И без замены! Попалось Вэдро. "Сбой магнитной ленты" - это было Андрею знакомо. Не зря же папа занимается в своем СКБ конструированием электронно-вычислительных машин, а мама в своем НИИ на этих машинах работает. Опять эти сбои замучили, жалуется, бывало, мама, а папа неодобрительно ворчит и советует переходить на машину ЕС-1020, где можно легко обходиться без всяких магнитных лент...

Звуковой кавардак в комнате внезапно стих, и Вэдро по-прежнему торжественно и важно произнес:

- Третий вопрос формулируется! Дано: гиперболоид инженера Гарина. Требуется изложить принцип его действия. На размышление двести сорок секунд. Размышление начинается.

На дисплее вспыхнуло число "240", а Андрей Т. озадаченно закусил ноготь.

Книгу он знал хорошо, а некоторые места из нее знал даже наизусть. Но вот как раз то место, где Гарин объясняет Зое устройство аппарата, он как-то не любил. Вернее, не очень любил. Читал, конечно, и не один раз, и схему разглядывал, аккуратный такой чертежик... Теперь бы вспомнить только. Тепловой луч. Инфракрасный луч. "Первый удар луча пришелся по заводской трубе..." И дальше: "Луч гиперболоида бешено заплясал среди этого разрушения..."

221, 220, 219, 218...

Спокойствие. Главное - спокойствие. Что мы там имеем? "Луч из дула аппарата чиркнул поверх двери - посыпались осколки дерева". Еще: "Пенсне

все сваливалось с мокрого носа Роллинга, но он мужественно стоял и смотрел, как за горизонтом вырастали дымные грибы и все восемь линейных кораблей американской эскадры взлетели на воздух..." Не то, но все равно прекрасно. Мокрый нос Роллинга... Ключ мне нужен, ключ, а не мокрый нос! 187, 186, 185, 184...

"То-то! Идея аппарата проста до глупости..." Это я знаю, что она проста... "В аппарате билось, гудело пламя..." Это я тоже знаю. О чем это он тогда Зое?... Пирамидки. Гиперболоид из шамонита. Так я и не собрался узнать, что такое этот шамонит... Стоп! Гиперболоид вращения, выточенный из шамонита! Пирамидки! Микрометрический винт! Гиперболическое зеркало! Ура!

153, 152, 151, 150...

Теперь сформулируем. Спокойненько сформулируем, не спеша. Да, тут Вэдро опять маху дало. Просчиталось Вэдро. Не учло нынешний уровень. У нас все эти гиперболоиды, фотонные ракеты и прочие машины времени от зубов отскакивают, мы их как орешки щелкаем, они нам что братья родные!

Андрей Т. с шумом выдохнул, дождался, пока на дисплее появилось число 100 (для ровного счета), и принялся со вкусом и обстоятельно описывать принцип действия и устройство аппарата для получения инфракрасных лучей большой мощности, известного под названием "гиперболоид инженера Гарина".

Он увлекся. Он говорил с выражением. Он декламировал излюбленные отрывки. Он щедро показывал руками и даже пытался рассказывать взад и вперед в тесноте между шкафами-ящиками. И - дивное дело! - по мере того как он рассказывал, все медленнее мигали желтые лампочки, все тише делались шумы, угасали запахи, и становилось как будто все прохладнее. Когда же он с особенным наслаждением и во всех подробностях описал бронзовое кольцо с двенадцатью фарфоровыми чашечками для установки пирамидок из смеси алюминия и окиси железа (термит) с твердым маслом и желтым фосфором, Вэдро замер и затих окончательно. Возможно, заснул, а то и просто застыл с разинутым от изумления ртом.

Андрей Т. подождал немного и сказал:

- Ну?

На дисплее появилась и погасла одинокая семерка. Затем не понеслись, обгоняя друг дружку, не побежали чинно, а побрели вразнобой на дисплее светящиеся слова:

ТРЕТИЙ ВОПРОС ОТВЕТ ВЕРЕН ВЕРЕН ВЕРЕН ОТВЕТ ВЕРЕН ГРАНИЦА
ВЕРНОСТИ
РЕАЛЬНОСТЬ ГИПЕРБОЛОИДА МИКРОМЕТРИЧНОСТЬ ВИНТА ЖЕЛТИЗНА ФОСФОРА
ОСМЫСЛЕНО
ВЕРНО ВЕРНО ВЕРНО ОСМЫСЛЕНО...

Читая по складам эту бредятину, Андрей Т. ликовал и злорадствовал. Обалдело Вэдро! То-то же, знай наших! Видно, даже попрощаться не придется...

И опять преждевременным было его ликование. Вновь вспыхнули и замигали россыпи круглых лампочек, вновь вокруг зашелестело, застрекотало, защелкало, и Вэдро как ни в чем не бывало объявил:

- Конец первого этапа. Второй этап начинается. Школьник Андрей задает мне три любых вопроса, я отвечаю на них правильно, конец второго этапа, конец испытания. Школьник Андрей возвращается домой, к мамочке. Доложите осмысление информации о втором этапе.

У школьника Андрея отвис подбородок.

- Это как так - к мамочке? - ошеломленно произнес он.

На дисплее побежала надпись:

Без ответа вопрос риторический без ответа без без без...

- Это как так - к мамочке? - возопил возмущенный Андрей Т. - Мне не надо к мамочке! Мне не надо домой! Мне надо к Генке! Меня Генка ждет на подмогу! Это нечестно! Я на все вопросы ответил!

Вэдро снисходительно прогудел:

- Дополнительная информация, разъяснение. Даже тот желающий пройти, кто успешно выдержал первый этап испытания, пропускается только в том случае, если я не сумею, не смогу, окажусь не в состоянии правильно ответить хотя бы на один вопрос из трех вопросов, заданных им мне на втором этапе. Поскольку вероятность такого случая теоретически исчезающе мала, а практически равна нулю, второй этап испытания рассматривается как формальная процедура, предшествующая возвращению желающего пройти

восвояси. Доложите осмысление дополнительной информации.

- Осмыслил, - мрачно сказал Андрей Т. он чуть не плакал от обиды. - Ну, а если я все-таки задам такой вопрос, что вы не ответите?

- Невозможно, - высокомерно отозвался Вэдро. - Я всемогущ. Во всем, что касается вопросов, ответов, загадок, задач, проблем, теорий, гипотез, придумок и задумок, я всемогущ.

- А все-таки?

- Никаких все-таки быть не может. Я всемогущ.

Бороться и искать, найти и не сдаваться!

- Мало ли что всемогущ, - тоном неверного Фомы возразил Андрей Т. - а если всемогущ, то вот, пожалуйста. Первый вопрос: как мне отсюда попасть к Генке?

Ответ упал подобно удару сабли:

- Никак.

А на дисплее побежало:

ПЕРВЫЙ ВОПРОС ПОДВЕРГНУТ ОТВЕТУ НЕЙТРАЛИЗОВАН ОТВЕТ ВЕРЕН ВЕРЕН ВЕРЕН

ОТВЕТ ВЕРЕН...

Андрей Т. в отчаянии закусил губу. Не вышло... Он кое-что смыслил в электронных машинах. Если у этого Вэдра достаточно обширная память (стоит только посмотреть на эти шкафы-сундуки) и приличное быстроедействие, то его ведь и в самом деле ничем не проймешь. Но есть, наверняка есть на свете загадка, которую не знает даже эта железная скотина, но пока додумываешься до этой загадки - состаришься. А вопросов всего три... Даже два уже только...

- Бросьте вы это, молодой человек, - произнес у него над ухом странно знакомый голос.

Он обернулся и увидел рядом давешнего то ли сторожа, то ли вахтера в ватнике и с берданкой под мышкой. Овчарки при нем не было.

- Разве его одолеешь? - продолжал сторож-вахтер, безнадежно махнув рукой. - Он же здесь для того и поставлен, чтобы желающих пройти заворачивать. Его пронять никакой возможности нет. Здесь ведь как? Хотя рыбы не есть, зато и в воду не лезть. А вы все о друге хлопчете, о Генке своем. Друг с тобой, знаете ли, как рыба с водой: ты на дно, а он на берег. Да и это бы ничего, но только здесь вам не отломится, нет. Не ступай, собака, в волчий след - оглянется, съест...

Тут только, к своему огромному изумлению, Андрей Т. узнал в вахтере Коня Кобылыча. Правда, со времени их последнего свидания Конь Кобылыч как будто слегка поусох и съежился, но это был, несомненно, он, беспардонный болтун и оппортунист.

- Так что послушайтесь доброго совета, - бубнил Конь Кобылыч, - Заканчивайте здесь. Ну задайте ему для проформы вопросы попроще... Дважды семь там... Или, скажем, куда девается земля, когда в ней дырка... Он вам ответит, распрощаетесь вы по-доброму - и домой, в постельку, к мамочке...

- Сгиньте вы! - дрожа от ярости, просипел Андрей Т.

И Конь Кобылыч сгинул.

"Вопрос, вопрос... - мучился Андрей Т. - где же мне взять вопрос?

Может, дать ему доказать какую-нибудь теорему? Из тех, о которых галдит старший брат-студент со своими лохматыми приятелями. Как ее... Проблему Гольбаха, например, или эту... О бесконечном количестве пар... Нет, не годится. А вдруг докажет? А я ведь даже проверить не сумею, правильно или нет. Гм... Нет, умными вопросами машину не испугаешь. Умными... Тут все дело в том, что правильно поставленный вопрос уже содержит в себе половину ответа (из очень давней речи папы по поводу страданий над забытой ныне арифметической задачей). А неправильно поставленный? Что, если вопрос поставить неправильно? Гм... Как бы это его поставить?..."

- Почему у кошки пять ног? - выпалил Андрей Т.

Вэдро не снизошел до ответа голосом. На дисплее побежали слова:

ВОПРОС НЕ ВОПРОС НЕКОРРЕКТЕН СОДЕРЖИТ ЛОЖНУЮ ИНФОРМАЦИЮ ЛОЖНУЮ

ОТВЕРГАЕТСЯ...

Честно говоря, Андрей Т. ожидал чего-то вроде этого, но немедленно изобразил негодование.

- Как это так - отвергается? - вскричал он. - Нечестно! Сами же

говорили, что всемогущий! А раз всемогущий, должны на любой вопрос...

- Разъясняю! - веско провозгласил Вэдро. - Дополнительная информация. Всемогущий электронный думатель, решатель и отгадыватель отвечает верно, правильно на любой корректно поставленный вопрос. Он отвергает вопросы некорректные, то есть содержащие заведомо ложную информацию, типа: "Почему у привидений короткая стрижка?" Он не отвечает на вопросы, имеющие эмоциональную подоплеку, типа: "Почему да отчего на глазах слезинки?" Он оставляет без внимания вопросы, содержащие неопределенность, типа: "В чем смысл жизни?" Он игнорирует риторические вопросы типа: "Иван Иванович, вы ли это?" Восклицание: "Нечестно!" - отмечается. Заявление: "Сами же говорили, что всемогущий!" - подтверждается.

- Все равно нечестно, - проворчал Андрей Т.

Он понял, что дело дрянь. Вторая попытка обвести вокруг пальца хитроумное Вэдро провалилась тоже. Ну, и с чем же мы теперь остались? Задачи ему давать бессмысленно. Если и есть на свете задачи, которых ему не решить, то я их не знаю и придумать не сумею. Дурацкие вопросы он отмечает. И прямо скажем, правильно делает. Я бы на его месте тоже отметал. Поэтому остается... Что? Вернуться к себе и лечь в постельку. Я буду в постельке нежить свою ангину, а Генка будет гибнуть и пропадать. Очень мило.

Все горе ведь в чем? Всемогущий. Значит, все может. Все задачи. Все вопросы. Все загадки. Все теоремы...

Постой-постой! Кто-то что-то мне про это говорил. То ли мне, то ли при мне... Неважно. Что же это было? Ага. Что со словом "все" должно быть связано какое-нибудь исключение, а иначе получается парадокс... Парадокс! Ну держись, Вэдро! Всемогущий? Я тебе покажу всемогущество, ты у меня попляшешь. Сейчас... Сейчас... Ага! Только надо сначала его подготовить. И Андрей Т. вкрадчиво осведомился:

- А можно, я спрошу просто так, не в порядке? Я не все понимаю и хотел бы уяснить...

- Разъяснение? - весело рявкнул Вэдро. - Готов!

- Значит, вы можете ответить на любой корректный вопрос.

- Да.

- И можете решить любую задачу...

- Да!

- И можете придумать любую задачу и любой вопрос...

- Да!

- Любой-любой? Любую-любую?

- Да! Да! Да! Всемогущ! Думаю, придумываю, решаю! Думаю, загадываю, отгадываю! Всемогущ!

- Прекрасно, - произнес Андрей Т., задыхаясь от возбуждения. - Отлично. От скромности вы не умрете.

Хвастливое Вэдро секунду молчало, а затем объявило высокомерно:

- От скромности не умирают. Скромность не смертельна. Кроме того, я вообще бессмертен.

- С чем вас и поздравляю, - сказал Андрей Т. - а теперь разрешите вопросик уже в порядке.

- В рамках второго испытания?

- Да. В рамках.

- Готов!

- Вопросик, - проговорил Андрей Т. и изо всех сил стиснул кулаки, чтобы не трястись. - Такой, значит, вопросик. Дано: вы можете придумать любой вопрос. Требуется ответить: можете ли вы придумать такой корректный вопрос, на который сами же ответить не сможете?

Вэдро сейчас же гаркнул:

- Да!

На дисплее справа налево понеслись светящиеся слова:

ВТОРОЙ ВОПРОС ПОДВЕРГНУТ ОТВЕТУ НЕЙТРАЛИЗОВАН ОТВЕТ ВЕРЕН ВЕРЕН ВЕ...

И в ту же секунду Вэдро столь же горделиво и уверенно гаркнул:

- Нет!

И немедленно, тоном ниже:

- Да.

И тут же, почти уже робко:

- Нет...

На дисплее началась каша. Натыкаясь друг на друга и болезненно дергаясь, то пускаясь вскачь, то едва ползя, двигались там такие примерно строки:

НЕЙТРАЛИЗДТВЕТ 7777 НЕТ ОТВЕТГНУТВОПР ДА 777 ДНЕТНДА ВЕРНЕВЕРВЕТ
НГУЖ...

Андрей Т. рыдал от счастья. Можно было представить себе, что сейчас творится в электронных кишках этого самодовольного идиота! Анализируя начало коварного вопроса, Вэдро обнаруживало ключевое выражение "можете ли" и по своему всемогуществу немедленно отвечало "да". Но через долю секунды в анализатор поступало выражение прямо противоположное: "сами же... Не сможете", и приходилось все по тому же всемогуществу отвечать "нет". И не было этому конца.

Вэдро отчаянно боролся с этой логической икотой.

- Да! - хрипел он. - Днет! Нда! Данетданеда! Днднет! Ндет! Нечестно!

Дандн!..

Включились и беспорядочно замигали все круглые лампочки, сколько их было. Во всех шкафах-сундуках бешено хлестали перематываемые магнитные ленты. Панически гудела, набирая обороты вентиляторов, система охлаждения. А на дисплее уныло, словно осенние мухи, ползали вокруг странного слова "бндэц" покосившиеся семерки...

- Ндюк!.. - из последних сил выкрикивал Вэдро. - Амндгу!..

Потом лязгнул ржавый замок, и распахнулись настежь низкие дубовые ворота, пропуская в комнату поток радостного солнечного света и свежего воздуха. Протрусила и скрылась поджавшая хвост овчарка. И прошел между рядами шкафов-ящиков с деловым видом Конь Кобылыч, но уже без берданки, в черном рабочем халате и в очках с мощной оправой, похожий на физика-теоретика из какого-то кинофильма. Он удалился в дальний угол комнаты, чем-то там щелкнул, и Вэдро, прощально гукнув, смолк. Наступила тишина.

- Опять тебя, родимого, зациклили, - произнес Конь Кобылыч с состраданием. - Ума много, а толку мало... Эхе-хе-хе-хе!..

Андрей Т. спохватился и взглянул на светящийся циферблат. А взглянув, не поверил своим глазам. Черные стрелки показывали двадцать три часа двадцать одну минуту! Всего пять минут прошло с тех пор, как он начал подъем по скобяной лестнице!

- А чего тут удивительного, - донесся голос Коня Кобылыча. - Записывали вас на большой скорости, а пускали на нормальной...

Андрей Т. не стал спрашивать, что это означает. Придерживая за пазухой Спиху, он поспешно вышел наружу.

Он стоял в самом центре площади, посыпанной чистеньким красноватым песком, круглой и совершенно ровной, как пол в зале с белесой дымкой. Вовсю светило солнце, и это было странно в такой близости от новогодней полуночи, хотя в то же время казалось и вполне естественным, как и несколько лун в различных фазах, разбросанных по разным участкам голубого неба. Площадь правильным кольцом окружали стоящие друг к другу впрытык хорошенькие разноцветные павильоны, причем над входом в каждый павильон красовалась художественно выполненная вывеска.

"Филуменисты, - читал Андрей Т., медленно проворачиваясь на пятках, - филокартисты, нумизматы, бонисты..."

Он нимало не сомневался, что уж теперь-то бедствующий Генка пребывает где-то совсем поблизости, он даже как будто бы слышал уже и голос его, по-прежнему вызывающий о помощи, он просто знал, что отсюда до Генки рукой подать, но неизвестно было, в какую сторону подавать эту руку. Вспыхнула надежда на справочное бюро, и вот среди множества художественно выполненных вывесок он искал вывеску справочного бюро.

Но очень скоро ему стало ясно, что такой вывески он здесь не найдет. Не место здесь было справочному бюро. Не могло здесь быть и милиции, и газетного киоска, и зеленой лавки. Здесь были только учреждения (возможно, клубы?), где лелеют все мыслимые хобби, страсти, страстишки и увлечения человека. Были павильоны для вполне понятных авиамоделлистов и для смутно знакомых тиффози, и для вовсе непонятных гурманов. Были для меломанов, были для библиофилов, даже для алкоголиков и наркоманов были, хотя, казалось бы, кому в здравом уме и трезвой памяти могло взбрести в голову держать открытый притон для алкоголиков и наркоманов?..

Андрей Т. уже ощутил подступающее отчаяние, когда взгляд его

остановился на вывеске филателисты. И ему сразу стало легче и веселее. Филателисты - это все-таки нечто близкое, это не какие-нибудь тиффози или бонисты. Андрей Т. сам был филателист, а филателист филателисту не волк, не алкоголик какой-нибудь. Филателист всегда объяснит филателисту, как добраться до страждущего друга. Лучше справочного бюро объяснит. И Андрей Т. со всех ног припустил через площадь к яично-желтому павильончику под вывеской филателисты.

Конечно, филателистом он был еще молодым, не очень опытным. Многие тайны этого почтенного хобби еще оставались для него за семью печатями, однако основные законы филателии были ему уже знакомы. Прилежное изучение журнала "Филателия СССР", ежегодника "Советский коллекционер", а также измусоленного, давно утратившего обложку французского каталога Ивера принесло свои плоды. Во всяком случае, главное он знал: а) самая красивая марка - это еще не самая ценная; б) самая ценная марка - не обязательно самая интересная, в) простое обрезание у марки зубцов не превращает ее в редкую беззубцовую разновидность.

В павильоне Андрея обступила тишина, прохлада и приятная полутьма. Вдоль стен высились застекленные шкафы, стеллажи и витрины, уставленные альбомами и кляссерами. Альбомы и кляссеры были в приятном беспорядке разбросаны по поверхности длинного стола посередине. Альбомы и кляссеры громоздились на табуретках и стульях. Десятки и сотни альбомов и кляссеров! Может быть, тысячи!.. Андрей Т. даже не представлял себе, что такое может быть, хотя и знал, конечно, из литературы, что за последние полтора века в мире выпущено около миллиона марок...

Не помня себя, он приблизился к столу и раскрыл наугад один из больших кляссеров. Кровь ударила в лицо, закружилась голова, его бросило в жар: кляссер был набит "цеппелинами". И не подумайте, здесь были далеко не одни только марки, посвященные межконтинентальным перелетам дирижабля "Граф Цеппелин", ничего подобного! Здесь были собраны все марки всех стран с изображениями дирижаблей - именно так собрал бы их сам Андрей Т., если бы был он не школьником восьмого класса, а небольшим государством с развитой промышленностью и со статьей бюджета, предусматривающей пополнение и углубление государственных коллекций.

Здесь был "цеппелины" Италии и "цеппелины" Лихтенштейна, "цеппелины" Парагвая и редчайшие "цеппелины" США, знаменитые немецкие "Поляр Фарт" и "Зюдамерика Фарт", здесь были великолепные советские серии, посвященные дирижаблестроению, и все разновидности "Малыгина", ленинградские конверты, доставленные дирижаблем ЛЦ-127 из Ленинграда в бухту Тихую, а оттуда ледоколом "Малыгин" в Архангельск, со всеми сопроводительными штампами, штемпелями и отметками...

Андрей Т. восседал в удобном высоком кресле, и в одной руке у него была большая филателистическая лупа, а пальцы другой сжимали специальный, удобно изогнутый филателистический пинцет, и настольная лампа с козырьком заливала страницы кляссера ярким матовым светом, и он листал и рассматривал, рассматривал и изучал, изучал и смаковал, и мир стал тесным, теплым и необыкновенно уютным - не было в этом мире ничего, кроме круга света и красоты марок, сверкавших, словно драгоценные камни.

Впрочем, был в этом мире еще комментатор. Но он скромно оставался в тени, за границей яркого круга, и он был услужлив, ненавязчив и полезен. Не надо было шарить по страницам новенького наисовременнейшего Ивера - страница с искомой серией раскрывалась как бы сама собой, и только мелькала на мгновение ловкая смуглая рука. Не надо было копаться в горах справочной литературы - негромкий доброжелательный голос без задержек сообщал все самое интересное о каждой марке, о каждом конверте, о каждом спецгашении. Не надо было тянуться за очередным кляссером - он сам бесшумно выскакивал из темноты, направляемый и раскрываемый все той же ловкой смуглой рукой.

- Беззубцовые "цеппелины"! - восклицал потрясенный Андрей, и мягкий, доброжелательный голос немедленно подхватывал:

- Совершенно верно. Причем обратите внимание - угловые экземпляры, огромные поля...

- И без наклеек!

- В идеальном состоянии.

- Не фальшивки?

- Ни в коем случае. Взгляните в лупу. Видите? Растровая сетка -

квадраты, между тем как у фальшивок растровая сетка - точки...

Но вот наступил момент, когда "цеппелины" исчерпались, и тогда комментатор предложил своим мягким голосом:

- Может быть, вас интересует тема "космос"?

- Ну... Это же просто раскрашенная бумага... - неуверенно возразил Андрей Т., повторяя заявление кого-то из собратьев-филателистов.

- В каком-то смысле, безусловно, да, - согласился комментатор. - Торговцы марками ловко используют популярность этой темы для обдeldывания своих сомнительных делишек... И все-таки не откажитесь взглянуть.

Да, здесь было на что взглянуть! Яркие, словно тропические бабочки, серии Экваториальной Гвинеи... Потрясающие воображение стереоскопические блоки Бутана... Тяжелые, словно медали, чеканные марки молодых африканских республик, выполненные на золотой фольге... Пиршество красок, буйство фантазии... Здесь был даже один из знаменитых сувенирных листков с изображением Юрия Гагарина, побывавших с космонавтом Георгием Гречко на борту "Салюта"! Все автографы всех космонавтов! Марки "Лунной почты"!..

- А вот взгляните-ка на этот конверт... - говорил и показывал всезнающий и доброжелательный комментатор. - А вот обратите внимание: редкая типографская ошибка в дате - 1999 вместо 1969...

Альбомы и классеры следовали один за другим непрерывным и неиссякаемым потоком, и вот постепенно какое-то смутное беспокойство начало овладевать Андреем.

Почему все темнее становилось вокруг и все ярче разгорался манящий круг света, в котором возникали все новые сокровища? Почему пинцет как будто бы сам собой тянулся к очередному шедевру, а лупа словно бы так и ловчилась, чтобы получше увеличить и выявить тонкий нюанс? И почему все никак не удавалось разглядеть в сгущающемся сумерке доброжелательного и всезнающего комментатора?.. И Спиридон, Спидлец, старый верный Спиха! Как это ты очутился там, на самом далеком шкафу, в самом темном углу? Что вообще происходит?

Генка!

Андрей Т. положил лупу и пинцет и рывком отодвинулся от стола вместе с креслом.

- Извините, - пробормотал он. - Я очень вам благодарен, конечно...

- Вы еще не видели самого интересного, - мягко остановил его комментатор. - Классику! Вы ведь знаете, что такое классика, не правда ли? Старая Германия, Черный пенни в листах, британские колонии...

- Все это, конечно, страшно интересно, - виновато пробормотал Андрей Т. и встал. - Но тут такое дело... Я очень спешу... И кстати, не могли бы вы мне сказать...

- Вы не понимаете, - проникновенно и внушительно произнес комментатор. - Мне следовало еще раньше объяснить вам... Это не рядовой просмотр, молодой человек. Это дарительный просмотр! Для пятидесятитысячного посетителя! Вам разрешается выбрать себе любую марку! Такое выпадает раз в жизни...

Андрей Т. впервые повернулся к нему лицом.

- Дело в том... Начал он и остановился, разинув рот.

Ну конечно же, это опять был Конь Кобылыч! Он совершенно уже усох, он сделался настоящим карликом, смуглым и черным карликом с ослепительно белой манишкой и ослепительно белыми манжетами, но это, несомненно, был тот самый Конь Кобылыч!

- По... послушайте... - заикаясь, проговорил Андрей Т. и отступил на шаг.

- Да! - нестерпимым голосом взвизгнул комментатор Конь Кобылыч. - Да, это я! Но какое это имеет значение? А это вы видели?

Рука его, сверкнув манжетой, шестиметровой молнией метнулась во тьму, выхватила из нее и грохнула на стол в круг света плоский металлический ящик с четырьмя секретными замками разных систем.

- Это вы должны увидеть, молодой человек... - сипел Конь Кобылыч, торопливо нажимая клавиши, набирая цифры на миниатюрном телефонном диске, чем-то щелкая, клацая и стрекоча. - Это мало кто видел, а вы сейчас увидите... И может быть, не только увидите... Как пятидесятитысячному посетителю... Ваше право... Конечно, придется выполнить целый ряд формальностей... Вот, прошу вас!

Крышка стального ящика откинулась. На черном бархате под плитой

бронированного стекла в отсветах лампы лежала она.

Единственная. Неповторимая. Уникальная. Фантастически знаменитая.

- Розовая Гвиана! - благоговейно прошептал Андрей Т.

- Она! - сверкая глазами, подтвердил Конь Кобылыч.

- Но ведь ее нет даже в британской королевской коллекции!

- А у нас есть!

- Обалдеть можно... - жалобно простонал Андрей Т.

И наступила тишина почтительного созерцания.

Нет, лучше скажем так. Указанная тишина попыталась наступить, но у нее ничего не получилось.

Вмешался забытый Спиридон. Вмешался негромко, но самым решительным образом! Он запел незамысловатую песенку, от которой у Андрея всегда почему-то бежали мурашки по спине и становилось грустно и весело одновременно. Это был песенка о веселом барабанщике, всего лишь о барабанщике, но Спиридон пел ее от души, и получалось как-то так, что дело не только в том, что веселый барабанщик в руки палочки кленовые берет. Главное, оказывается, в том, что мир огромен и сложен, и дел в этом мире у человека невпроворот, что жизнь коротка, а вселенная вечна, и смешно тратить свои лучшие годы на ерунду, а любая марка, даже самая знаменитая, есть всего-навсего кусочек раскрашенной бумаги, и стоит она никак не больше, чем пачка других раскрашенных кусочков бумаги, которую предложат за нее в распродаже...

Но взглядишь - и ты увидишь
Как веселый барабанщик
С барабаном вдоль по улице идет... -

пел Спиридон, и Андрей, сдерживая накипающие слезы, слушал его и давал себе слово больше никогда, никогда...

Почтительное созерцание не состоялось. Даже не бросив на Розовую Гвиану прощального взгляда, Андрей Т. молча двинулся вдоль стола в самый темный угол, чтобы взять Спиху в свои хозяйские руки и прижать к своей хозяйской груди. Он уже подошел к шкафу, когда за спиной его раздался нечеловеческий, каркающий звук. Он обернулся, и в то же мгновение Конь Кобылыч выхватил из-под мышки лазерный пистолет. Ослепительный луч просек темноту на голове Андрея и вонзился прямо в грудь транзисторному менестрелю.

Андрей Т. задохнулся от ужаса, а Спиридон жалобно пискнул на полуслове и замолк. Посередине шкалы диапазонов у него тлело, остывая на глазах, раскаленное вишневое пятно.

- Это подло! - закричал Андрей Т. он сорвал Спиридона со шкафа и прыгнул за спину. - За что? Что он вам сделал?

Конь Кобылыч стоял на другом конце стола и смотрел на него, выставив вперед отвратительную физиономию.

- Иди! - просипел он. - Иди и сдохни!

- Скотина вы, - сказал Андрей Т. - такой приемник загубили, такого певуна...

Ему и самому было немножко странно, что он не испытывает никакого страха перед этим фантастическим мерзавцем с фантастическим оружием. Ему было только горько за Спиху, тревожно за Генку и досадно за потерянное время. Но зато он знал теперь, куда идти: шкаф медленно повернулся на невидимой оси и открыл проход в промозглую ржавую тьму.

Место было совершенно непонятное. Андрей Т. шагнул по железным решетчатым галереям и время от времени спускался по крутым железным же трапам. Решетки галерей и ступеньки трапов были ржавые и мокрые. Справа тянулась мокрая шершавая стена. Слева тянулись мокрые ржавые железные перила. За перилами была непроглядная пропасть, и, насколько хватал глаз, ничего больше не было. Сверху сквозь переплетения балочных и решетчатых конструкций, тоже, несомненно, железных, ржавых и мокрых, сочился жиденький ржавый свет. Все. Сначала Андрей Т. решил, что попал в какую-то необычную шахту, потом подумал о внутренностях старого океанского лайнера, потом представил себя в заброшенной тюрьме и в конце концов перестал думать об этом вообще.

В стене справа изредка попадались мокрые ржавые железные двери с разнообразно-однообразными надписями типа: "Пожарный выход". Или: "Выход

здесь". Или: "Входа нет. Выход". Или даже: "А вот и выход". Один разок из чистого любопытства Андрей Т. приоткрыл дверь с надписью "Самый простой выход из" и полюбовался спящим дедушкой, после чего закрыл дверь поплотнее, вытер руку о штаны и пошел дальше, более не останавливаясь. Впрочем, чем дальше он шел, тем чаще стали попадаться двери либо заставленные штабелями пустых ящиков, либо просто забитые крест-накрест досками. Возможно, это свидетельствовало о том, что противник уже отказался от попыток остановить Андрея Т. путем запугивания, дезинформации и подкупа. Если это так, то теперь Андрею предстоял открытый бой.

Тут была одна трудность: у него не было собственного опыта настоящих боев. Участия в случайных кампаниях после уроков в качестве сражателя или сражаемого считать за опыт в нынешних обстоятельствах, очевидно, не стоило. Правда, на первый взгляд он мог бы опереться, с одной стороны, на боевой опыт дедушки-подполковника, а с другой - на обширный материал, вычитанный в батальной литературе и высмотренный в кино. Однако, если судить по дедушкиным рассказам, наука побеждать сводилась главным образом к науке обеспечивать свои войска в достаточных количествах боепитанием и пищевым довольствием, что опять-таки мало подходило к обстоятельствам. А из литературы и кино Андрею, как на грех, ничего сейчас не вспоминалось, кроме отчетливой, но довольно бесполезной фразы: "Наступать! Они уже выдыхаются!"

Одним словом, как ни верти, наиболее разумным представлялось следующее: приостановить стремительное продвижение, попытаться собрать информацию о противнике, спокойно оценить обстановку и тогда уже действовать в соответствии. И он стал охотно замедлять шаги и через минуту остановился, прижимая локтем к боку навеки умолкшего Спиридона, и вдруг увидел перед собой Генку.

- Генка... - прошептал Андрей Т., не веря глазам.

Абрикос был совершенно таким же, каким он видел его в последний раз, когда они прощались после школы "до следующего года", - в распахнутой настежь кожаной куртке, с голубой сумкой аэрофлота через плечо, со снежинками в волосах на непокрытой голове, и решительно непохоже было, что он терпит какое-то бедствие.

- Генка! - заорал Андрей Т. вне себя от радости. - Ура! Бежим!

- Я не Генка, - виновато произнес Генка.

Андрей Т. заморгал. Он увидел, что да, это, пожалуй, действительно не Генка. Вернее, не совсем Генка. Во-первых, настоящий Генка никогда не говорил виновато, просто не умел. Во-вторых (и это показалось Андрею главным), этот Генка просвечивал насквозь. Правда, не очень сильно, а так, слегка. Читать сквозь него газету было бы, наверное, затруднительно, но вот смотреть телевизор, например...

- А... А кто же ты... вы? - растерянно спросил Андрей Т.

- Я - напоминание, - ответил прозрачный Генка и смущенно усмехнулся.

Это смущение было легко и понять, и простить. Действительно, смешно и неловко называть себя напоминанием, если ты огромен, как танк, имеешь толстые румяные щеки, густые и кудрявые (очень поповские!) Волосы до плеч и пусть тщательно скрываемый, но вполне различимый прыщ на лбу. Но вот чего нельзя было простить, так это бьющего в глаза намека, который был, несомненно, заложен в столь лирическом имени.

- Напоминание? - проговорил Андрей Т., ощетиниваясь. - А кому же, интересно, это напоминание?

- Как это кому? Тебе, конечно, - с дурной наивностью призрака ответил Генка-напоминание.

- Ах, мне? - Андрей Т. понизил голос до шипения. - И кто же это просил тебя мне что-нибудь напоминать?

- Никто не просил.

- А если никто не просил, так чего же ты лезешь со своими напоминаниями?

- А ты чего?

- Чего я чего?

- Чего ты тут затормозил? Испугался?

- Я испугался?

- Ты.

- Я?

- Ты.

- Я испугался?

- Я не знаю, испугался ты или не испугался, - пробормотал Генка-напоминание, делаясь от неловкости еще прозрачнее. - Я только вижу, что ты затормозил, а времени до полуночи осталось всего ничего, вот я и...

- А тебя просили? - разразился Андрей Т. - Тебя просили напоминать? Без тебя, думаешь, не помнят? Я в напоминаниях не нуждаюсь! Я без напоминаний сто лет обходился и еще сто лет обойдусь! Мне твои напоминания...

Тут он обнаружил, что разговаривает сам с собой, и замолчал, остывая. Шмыгнул носом, и поправил Спиридона под мышкой. Покосился на темную пропасть за ржавыми перилами. Еще раз шмыгнул носом. Покосился на то место, где только что маячило напоминание. И, не давая себе больше ни секунды на раздумья, ринулся вниз по гремящим железным ступенькам.

Он ураганом неся по дребезжащим решетчатым галереям, он обвалом ссыпался по гудящим трапам, он проскальзывал под какими-то нависающими фермами, он был ловок, стремителен, могуч, упруг, гибок и неустойчив. Не было ему преград ни в море, ни (тем более) на суше. Не были ему страшны ни льды, ни (смешно сказать!) неведомые хозяева этого ржаво-железного балагана. Даешь Генку! Была ясная цель, была стальная решимость этой цели достигнуть, и он не нуждался ни в каких позорных напоминаниях. Жаль, конечно, что нет в руках ракетного ружья, или штурмового автомата, или, на худой конец, хотя бы боевого штатива, но ведь главное оружие - решиться!..

И вот он оказался на самой нижней галерее, над самым последним трапом, и странная, наводящая оторопь сцена открылась перед ним.

Действие происходило на дне гигантской, метров пятьдесят диаметром, кастрюли с низкими, в лошадиный рост, железными стенками. На самой середине кастрюли возвышался Генка Абрикос. Он стоял в знакомой до боли позе, расставив ноги, заложив руки за спину и угрюмо набычившись, как сотни раз стоял у доски, когда до такой степени не знал урока, что не мог даже пользоваться подсказками. Но Андрей Т. лишь мельком оглядел его, привычно отметив натренированным глазом и попорченную прическу, и подбитый глаз, и ссадины на костяшках пальцев. Все это было, конечно, очень интересно, однако по-настоящему внимание Андрея с первого же взгляда целиком поглотила удивительная публика, вольно расположившаяся у стены в левой части кастрюли на множестве кресел, стульев, диванов, кушеток и прочих сидений. В течение первых секунд невероятная пестрота красок и форм в этой массе народа не давала Андрею сосредоточиться, и только постепенно обрел он способность выделять из нее отдельные фигуры.

Была там омерзительного вида старуха в сером штопаном балахоне, который вздымался у нее на спине двумя острыми горбами разной величины. Физиономия у нее тоже была серая, нос загибался ястребиным клювом, правый глаз горел кровавым огнем наподобие катафота, а на месте левого тускло отсвечивал большой шарикоподшипник, подбородка же у нее не было вовсе - торчали там, на месте подбородка, растопыренные желтые зубы. Словом, это была такая старуха, что от нее надлежало бежать со всех ног немедленно, стремительно и в бесконечность...

Был там страхолюдный толстяк в бесформенном костюме в красно-белую шашечку, распространившийся на четыре стула и половину тахты, целая гора нездорового ноздреватого сала. Лицо его общими очертаниями и цветом, а также выразительностью походило на небезызвестный первый блин, да вдобавок и не просто первый, а самый первый из всех блинов. Впрочем, при всей своей устрашающей наружности, толстяк этот был, наверное, не из опасных противников, ибо все свои силы без остатка употреблял на то, чтобы не расплзтись и не расплыться по полу...

И был там удивительный мужчина, похожий на покосившуюся вешалку для одежды. Он единственный из всей компании стоял, подпертый костылем спереди и двумя костылями по бокам, а на нем висело расстегнутое пальто горохового цвета, из-под которого виднелись: висящий до полу засаленный шелковый шарф, свободно болтающиеся полосатые брюки и шерстяной полосатый свитер, не содержащий внутри себя, как казалось, ничего, кроме некоторого количества слегка спертого воздуха. Сдвинутая вперед и набок широкополая шляпа скрывала почти все лицо его, так что видеть можно было только его узкий, лаково поблескивающий подбородок и торчащую далеко вперед узкую, лаково поблескивающую трубку...

И был там еще попсовый - нет, не просто попсовый, а прямо-таки

забойный молодой человек с длинными прямыми волосами, с одутловатым прыщавым лицом и с глазами столь красными, воспаленными, что они тут же вызвали воспоминание об уэллсовском спящем, который проснулся. Помещался он в массивном кожаном кресле, развалившись поперек на манер сыщика Пауля Дрейка, покачивая ногой, перекинутой через подлокотник и облаченной в задубеневший от грязи клеш сверхъестественной ширины, копая в носу и то и дело поднося к свисавшей с губы сигарете роскошную зажигалку "Ронсон"...

И еще был там могучего телосложения хмырь без шеи, в пятнистой лиловой майке, замшевых штанишках выше колен и кедах на босу ногу, с бледной безволосой кожей, испещренной затейливой татуировкой, и с колоссальной щетинистой челюстью, которая непрерывно и весьма энергично двигалась, то ли перетирая попавшие в ротовую полость булыжники, то ли умеряя зуд в воспаленных деснах. Глаз и лба у этого гражданина почти что не было, во всяком случае, чтобы их заметить, зато у него были колоссальные, под стать челюсти, вилоподобные длани, и ими он в рассеянности сгибал и разгибал железный дворницкий лом...

Всего их там было не менее двух десятков, нехороших и разных, и все они поразительно различались друг от друга формами и расцветками, словно бы принадлежали к различным зоологическим семействам, и в то же время в чем-то были схожи - наверное, в том, что самим обликом своим и повадками дружно и нагло бросали вызов распространенному мнению, будто бы в человеке все должно быть прекрасно, а потому, несомненно, составляли то неопределенное сообщество, которое принято называть дурной или неподходящей компанией. И странное дело, хотя каждый из них являл мерзопакость совершенно бредовую, однако у Андрея, остолбенело их разглядывавшего, шевелилось в глубине души ощущение, что они ему не совсем знакомы, что где-то он их или таких же уже видывал - то ли на репродукциях картин знаменитых художников, то ли на иллюстрациях к книгам знаменитых писателей, а может быть, и в натуре, живьем, во плоти...

Вцепившись в мокрое железо перил, Андрей Т. понемногу приходил в себя, оцепенение от первого шокового удара отпустило его, и он разом ощутил волны ледяного зловония, поднимавшиеся из гигантской кастрюли, услышал голоса, гулко раздававшиеся в этой железной бочке, и понял, что тут происходит.

Происходил допрос. Неподходящая компания допрашивала пленника, а пленником был не кто иной, как старый верный друг Генка по прозвищу Абрикос.

- Так что же, юноша, - произнес удивительный мужчина, подпертый костылями, - так и будем все время молчать?

- Он полагает, что мы тут собрались играть с ним в молчанку! - пропытел самый первый блин и рассмеялся собственной шутке, отчего весь пошел волнами, как плохо застывший студень.

- В молчанку унд в гляделку, - добавил красноглазый юноша, поигрывая "Ронсоном".

- Уж полночь близится, а толку нет и нет, - брюзгливо проговорил недобитый фашист в мундире без пуговиц и на деревянной ноге. - Сколько можно уговаривать этого молодчика? Обед проговаривали, ужин проговаривали...

- Дайте его мне, - свистящим шепотом предложил Хмырь-с-челюстью, не переставая жевать.

- Помолчите, коллеги, - сказал удивительный мужчина, выбросил из трубки кольцо синего дыма и снова обратился к Генке: - Как мне кажется, вы, юноша, все еще не осознали, что выхода у вас нет и говорить вам все равно придется...

- А он будет отвечать, - дребезжащим голосом проворковала двугорбая старуха. - Это он с вами, скверными дядьками и тетками, не хочет разговаривать, а мне он все расскажет. Ведь правда, моя лапочка? Ведь ты расскажешь милой доброй старой бабушке, как формулируется закон Бойля - Мариотта?

В ответ на этот странный и неожиданный вопрос Генка только едва заметно повел плечом, и тогда в дело вступила эстрадная халтурщица, располагавшаяся с ногами на диване и горстями жвавшая шоколадную карамель из расставленных вокруг нее коробок. Утерев ладонью пасть, измазанную шоколадом и губной помадой, она решительно заявила:

- Если уж на то пошло, гораздо интереснее было бы выяснить схему

промышленного производства серной кислоты. Да и лабораторная схема не помешала бы...

- Пусть он мне насчет квадратных уравнений все обскажет, не то я из него кишки вытяну и на барабан намотаю... - просвистел Хмырь-с-челюстью, не переставая жевать.

- Позвольте, позвольте! - взревел человек-ишак, вскакивая и опрокидывая при этом свою табуретку. - Я ведь так ничего и не услышал о строении инфузории! И еще мне так и не сказали, почему при смачивании лица одеколоном мы ощущаем охлаждение...

- Не смей без очереди! - рявкнул недобитый фашист и треснул деревяшкой об пол.

Тут почтенная компания чудовищ словно взорвалась. Разом разверзлись все два десятка глоток, угрозы, проклятия и призывы к тишине и порядку смешались в сплошной нечленораздельный гам, железные стены гигантской кастрюли загудели, и затряслась даже решетка галереи, на которой стоял Андрей Т. уже недобитый фашист схватился врукопашную с человеком-ишаком, уже двугорбая старуха вцепилась с яростью в патлы эстрадной халтурщицы, уже Хмырь-с-челюстью (не переставая жевать) с угрожающим видом поднял над головой лом... Но вот красноглазый юноша, так и не покинувший своего кресла, отделил от губы сигарету, сунул в рот два пальца и издал оглушительный свист, от которого у Андрея засвербило в ушах. И столпотворение в кастрюле мгновенно утихло.

- Продолжайте, - сказал красноглазый удивительному мужчине.

Тот выпустил в гнусный воздух кастрюли два синих дымовых кольца и вытянул в сторону Генки длиннющий костлявый палец.

- Отвечайте, юноша, и не медлите, - произнес он. - Какие страны играют ведущую роль в мировом производстве хлопчатобумажных тканей?

Генка молчал.

- Каков удельный вес США в производстве электроэнергии развитых капиталистических стран?

Генка едва заметно повел плечом.

- Какое минеральное сырье из стран Южной Азии вывозится на мировой рынок?

Генка был недвижим.

Кто бы они ни были, эти жуткие инквизиторы-экзаменаторы - диверсанты ли разведчики из другого мира или служители неведомого культа, - с Генкой им не повезло. Во-первых, Генка был прирожденным троечником и ничего этого (из физики, математики, биологии и, тем более, из экономической географии) не знал и знать не хотел. Но самое главное - он был из тех, кто никогда никому и ничего не уступают. Особенно если его припирают к стенке. Андрей Т. сам был свидетелем того, как Генку в метро приперла к стенке почтенная пожилая женщина, увешенная сумками и кошелками. Генка проехал восемь остановок, в том числе и ту, где им нужно было выходить. Он краснел, бледнел, читал газету, в которую были завернуты его ботинки с коньками, даже притворялся мертвым, но места своего так и не уступил... Да, этой банде уродов следовало бы схватить кого-нибудь послабее духом и покрепче знаниями!

- А скажи мне, малтшик, - вкрадчиво произнес недобитый фашист, - какими характеристиками отличается танк Т-34 от танка Т-6 "Тигр"?

Это он попал в яблочко. Генка на всю школу славился великолепным знанием танковой, артиллерийской, авиационной и ракетной техники, как отечественной так и иностранной, как современной, так и давно прошедших эпох. Неужели?... Генка есть Генка. Он едва заметно повел плечом и сплюнул в сторону. Между уродами прошло движение.

- Однако же, юноша, - проговорил удивительный мужчина, - вы воображаете, что наше терпение безгранично. Но перед вами не тюфяки какие-нибудь, не рохли и не слабонервные интеллигенты! Попробуйте напрячь свое убогое воображение и представить себе, что станет с вами, когда после полуночи у нас будто развязаны руки!

Двугорбая старуха облизнулась. Самый первый блин плотоядно потер руки. Эстрадная халтурщица хихикнула. Хмырь-с-челюстью сломал лом и с лязгом швырнул обломки на железный пол.

Андрей Т. взглянул на светящийся циферблат. Черные стрелки показывали без пяти минут новогоднюю ночь. Вдруг что-то лязгнуло под его ногой. Он поглядел... Шпага. Мокрая, ржавая, холодная, как все здесь. Но - шпага.

Оружие. Сила! Только силу можно было противопоставить этому купающемуся в зловонии амфитеатру разбойников. У Алексея Толстого сказано как-то не так, и вообще никакой здесь не амфитеатр, но это как раз неважно. Андрей_Т. обтер рукоять шпаги полой куртки.

- Надо полагать, - говорил удивительный мужчина, - вы все еще надеетесь на помощь вашего приятеля Андрея Т. напрасно. Полночь близится, близится время крайних воздействий, близится ужасное для вас испытание, юноша, а тем временем! - удивительный мужчина возвысил голос. - А тем временем ваш так называемый друг мирно сидит себе в окружении любимых своих марок, смакует свое любимое фруктовое мороженое и о вас даже думать забыл!

- Врешь! - взревел Андрей Т. и выскочил на железные перила. - Врешь! - вскричал он и одним прыжком приземлился на самой середине железной кастрюли рядом с Генкой. - Выходите! Выходите! Выходите все! На меня! На одного!

Вперед, вперед! И не сдаваться!.. -

хрипло запел вдруг оживший Спиридон.

На Андрея, расставив чудовищные лапы, шел Хмырь-с-челюстью. За ним, отставая на шаг, выдвигались, ухмыляясь и переглядываясь, недобитый фашист и красноглазый юноша. Андрей Т. мрачно усмехнулся и сделал глубокий выпад...

Прекрасное новогоднее солнце било сквозь морозное окно.

- Пришел твой, - сказал дедушка.

- Который час? - хриплым со сна голосом спросил Андрей Т.

- Начало одиннадцатого, - сказал дедушка и удалился.

Приблизился Генка-Абрикос, совершенно красный с мороза, со снежинками в попсовых волосах и без Автодрома. Он уселся на табурет и стал смотреть на Андрея жалкими, виноватыми глазами. Многословные и несвязные объяснения его сводились к тому, что вырваться от Кузи оказалось невозможно, а потом Славка принес новые диски, а потом Кузин папан приготовил шербет, а потом забарахлил магнитофон, а потом пришла Милка... Ну, разумеется - Милка! Так бы и сказал с самого начала...

- Знаешь, Абрикос, - сказал Андрей Т., прерывая на самой середине все эти малодостоверные объяснения, - хочу тебе подарок сделать. Новогодний. Бери мою коллекцию марок.

- Ну?! - воскликнул восхищенный и виноватый Генка.

В передней послышались шаги и голоса. Это вернулись родители, сбежавшие из Грибановской Караулки, потому что не в силах оказались выдержать видения любимого Андрюшеньки, распростертого на ложе фолликулярной ангины.

Генка-Абрикос бубнил что-то благодарное и виноватое, а Андрей_Т лежал на спине, обеими руками держа Спиху, Спиридона, Спидлеца этакое, глядел на его страшную сквозную рану - круглую дыру с оплавленными краями - и слушал.

Будет полдень, суматохою пропахший,
Звон трамваев и людской водоворот,
Но прислушайся - услышишь,
Как веселый барабанщик
С барабаном вдоль по улице идет... -

негромко пел Спиридон, и эта песенка, как всегда, была уместной, и от нее тихонечко и сладко щемило сердце.

Аркадий СТРУГАЦКИЙ
Борис СТРУГАЦКИЙ

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПАСИФИДЫ

Тридцать первого марта барон Като устроил товарищескую вечеринку. Офицеры собрались в отдельном кабинете ресторана "Тако". Сначала чинно пили подогретый сакэ и говорили о политике, о борьбе сумо [национальная японская борьба] и о регби, затем, когда господин начальник отдела удалился, пожелав подчиненным хорошо провести вечер, расстегнули мундиры и заказали виски. Через полчаса стало очень шумно, воздух наполнился табачным дымом и кислым запахом маринадов. Все говорили, не слушая друг друга. Барон Като щипал официанток. Савада плясал, топчась среди низких столиков, молодежь хохотала, хлопала в ладоши и орала "доккой-са!" [ритмичный напев (нечто вроде русского "тра-ля-ля!")]. Кто-то встал и ни с того ни с сего сипло затянул императорский гимн "Кимигига е" - его потянули за брюки и усадили на место.

В самый разгар веселья в кабинет с визгом вбежала официантка, ее преследовал рослый румяный янки в пилотке набекрень. Это был известный дебошир и весельчак Джерри - адъютант и личный переводчик командующего базой ВМС США "Шарк". Джерри обвел озадаченных таким нахальством японцев пьяными глазами и гаркнул:

- Здорово, джапы!

Тогда капитан Исида, не вставая, схватил его за ногу и сильно дернул к себе. Джерри как подкошенный обрушился прямо на блюда с закусками, а барон Като с наслаждением ударил его по глазам эфесом кортика. Американца, избитого и облепленного маринованной редькой, вышвырнули обратно в общий зал.

Контр-демарша против ожидания не последовало - вероятно, на этот раз Джерри развлекался без компании. Офицеры отложили кортики и пустые бутылки, выпили еще по чарке виски и стали расходиться. Капитан Исида возвращался с бароном Като. Барон покачивался, таращил глаза на яркую весеннюю луну и молчал. Только у дверей дома Исида он вдруг запел шатающимся голосом.

Исида сочувственно похлопал его по плечу и отправился спать. Под утро ему приснился сон. Он видел этот сон уже несколько раз. Он снова "кайгун тайи", капитан-лейтенант императорского флота, и стоит в боевой рубке эсминца "Миками". Вокруг расстилается черное в багровом свете заката Коралловое море, а навстречу, из призрачной мглы стремительно надвигаются три американских торпедоносца. Он уже различает азартные лица пилотов и тусклые отблески на боках торпед. "Огонь! Огонь!" - кричит он. Торпедоносцы растут, их крылья закрывают все небо. Ослепительная вспышка, удар - и он с замирающим сердцем летит куда-то в пустоту...

- Проснись же, Исида! - сердито сказал барон Като.

Исида перевернулся на спину и открыл глаза. В комнате было душно. Яркое утреннее солнце проникало сквозь щели бамбуковой шторы. У изголовья сидел на корточках барон Като, жилистый, широкоплечий, с темной щеткой усов под вздернутым носом.

- Проснулся?

- Почти, - Исида потянулся за часами. - Семь часов... Почему такая спешка?

- Живо одевайся, поедem. Расскажу по дороге.

Исида не стал больше расспрашивать. Через пять минут они сбежали по лестнице в прихожую, быстро обулись и выскочили во двор. У ворот стоял новенький штабной "джип". Мальчишка-шофер в каскетке с желтым якорем над козырьком включил зажигание и вопросительно оглянулся на офицеров.

- В Гонюдо, - коротко распорядился барон.

Исида откинулся на спинку сиденья.

- Где это - Гонюдо? - спросил он.

- Курортное местечко на побережье. В трех милях от Аодзи.

"Джип" миновал бетонные, поросшие травой стены арсенала на окраине города и понесся по прямому, мокрому от росы шоссе. Справа между холмами синело море. Исида жадно глотал свежий ветер.

- Так вот, - сказал барон Като, - кинокомпания "Ямато-фируму" снимает видовую картину "Пейзажи Японии". Вчера вечером в Гонюдо прибыли их кинооператоры.

- Выгнать, - сказал Исида. Он не любил видовых фильмов. Кроме того, его слегка мутило.
- Они получили разрешение от губернатора...
- Все равно выгнать.
- Погоди. Разрешение на съемку от японских властей у них есть. Но тут вмешались американцы. Они объявили, что не допустят возни с киноаппаратами вблизи военной базы.

- Ах вот как? - Исида снял фуражку и расстегнул воротник мундира. - Значит, вмешались американцы?

Барон Като кивнул.

- Вот именно. И какка [его превосходительство (япон.)] приказал мне и тебе отправиться туда и уладить дело.

- Гм... А при чем здесь мы? То есть очень приятно лишний раз натянуть нос амэ, но какое отношение имеет штаб военно-морского района к "Ямато-фируму"?

- Приказ есть приказ, - неопределенно сказал барон. Он покосился на шофера и нагнулся к уху Исида: - За разрешение производить съемки в окрестностях оборонных объектов "Ямато-фируму" заплатила префектуре кругленькую сумму. И, говорят, кое-что перепало господину начальнику штаба нашего района. Ведь окрестности Аодзи - одно из самых красивых мест в Японии.

- Ах вот как! - Капитан Исида снова надел фуражку, опустил ремешок под подбородок и задремал.

Шоссе проходило по насыпи в полукилометре от берега. Был отлив. Море отступило, обнажив широкую полосу песчаного дна. Блестели на солнце лужи и заводи. По мелководью, высоко подоткнув полы разноцветных кимоно, бродили женщины и дети с граблями и совками - они собирали съедобные ракушки. Барон Като достал из-под сиденья полевой бинокль и попытался получше рассмотреть голые ноги молоденьких девушек. Но "джип" трясло, и барон увидел только прыгающие пестрые пятна. Он разочарованно опустил бинокль. В эту минуту шофер оглянулся и сказал:

- Гонюдо, господин барон.

Исида зашевелился, протер глаза кулаками и сладко, с прискуливанием, зевнул.

Они миновали нарядные домики, утопающие в зелени и цветах, и выехали на пляж, где у светло-голубого павильона беспокойно колыхалась большая толпа скудно одетых курортников. Скандал, по-видимому, достиг уже критической точки. Любопытные наседали друг на друга, подпрыгивали, стараясь заглянуть через головы. Барон и Исида на ходу выскочили из "джипа" и остановились, прислушиваясь. Из недр толпы доносились яростные возгласы на японском и английском языках:

- Да поймите же вы...

- Я вас вышвырну отсюда со всеми вашими...

- Keep quiet, lieutenant, do keep quiet, for Lord's sake! [Спокойно, лейтенант, ради бога, спокойно! (англ.)]

- У нас есть разрешение от самого губернатора!

- А я вам говорю - убирайтесь!

- Keep quiet... [Спокойно... (англ.)]

- Это Джерри, - сказал Исида.

Барон ухмыльнулся.

- Ничего. Он был пьян как свинья. К тому же амэ и в трезвом виде не способны отличить одного японца от другого. Пойдем.

Он врзался в толпу, бесцеремонно отодвигая плечом мужчин, обходительно похлопывая женщин по голым спинам. Исида вперевалку двигался вслед за ним, строго поглядывая по сторонам. К нему круто повернулся молодой человек в темных очках, которого барон грубо ткнул локтем в бок.

- Я и раньше не питал симпатий к господам военным... - темные очки молодого человека негодующе блеснули. Исида старательно наступил на его босую ногу.

- Виноват, - вежливо сказал он.

Лицо в темных очках сморщилось, молодой человек тихонько взвыл и отшатнулся. Протиснувшись через толпу взволнованных девиц, барон Като и Исида вступили в круг.

В центре круга, словно петухи перед схваткой, стояли лицом к лицу маленький толстяк в белом, с наголо обритой, лоснящейся от пота головой и

доблестный Джерри. Толстяк, подпрыгивая, брызгал слюной и потрясал какой-то бумагой. Джерри угрожающе нависал над ним, выпятив англосаксонскую челюсть. Его левый глаз стыдливо прятался под огромным лиловым синяком, зато правый так и пылал сквозь упавшую на него прядь прямых волос. Рядом с Джерри, хватая его за плечо, суетился чин ВМС США с золотой "капустой" на фуражке.

- Do keep quiet, Jerry! [Пожалуйста, спокойнее, Джерри (англ.)] - стонал он.

Позади толстяка теснились рослые, мускулистые парни, обвешанные неуклюжими футлярами. Позади Джерри и чина ВМС, прочно уперев в песок тяжелые башмаки с гамашами, неподвижно стояли двое сержантов военной полиции. Их кулаки в белых перчатках медленно сжимались и разжимались. В стороне беспорядочной грудой валялись треноги и громоздкие аппараты.

- Мы имеем право снимать, и мы будем снимать!.. У меня разрешение губернатора!

- Нет, вы не будете снимать, будьте вы прокляты!

- Do keep quiet, lieutenant... [Пожалуйста, спокойнее, лейтенант... (англ.)]

Барон Като и капитан Исида переглянулись, расправили плечи и с каменными лицами двинулись вперед. Они остановились между толстяком и Джерри, четко повернулись к американцам и одновременно отдали честь.

- Капитан третьего ранга барон Като, офицер отдела координации штаба Н-ского военно-морского района.

- Капитан-лейтенант Исида, офицер отдела координации штаба Н-ского военно-морского района.

На минуту воцарилось молчание. Джерри растерянно переводил глаза с одного на другого и облизывал пересохшие губы. Первым опомнился чин ВМС США. С трудом подбирая слова, он сказал по-японски:

- Э-э... капитан третьего ранга Колдуэлл. Э-э... Здравствуйте.

- Лейтенант Смитсон, адъютант командующего базой "Шарк", - буркнул Джерри. - Чем можем служить?

Барон Като выпятил грудь.

- Его превосходительство господин командующий Н-ским военно-морским районом передает господам американским офицерам уверения в своем доброжелательном к ним отношении и выражает глубокое сожаление по поводу имеющего здесь место недоразумения между господами американскими офицерами и съемочной группой кинокомпании "Ямато-фируму". Он изволит опасаться, что господам американским офицерам...

Вот что значит настоящий аристократ! Как он говорит, какое красноречие! Исида слушал и испытывал чувство гордости и легкой зависти. Но на личного переводчика командующего базой затейливые периоды, изобилующие непонятными ему словами и целыми фразами и оборотами из лексикона официальной переписки, произвели совсем другое впечатление. Едва барон замолк и снова отдал честь, Джерри, трясаясь от негодования, рявкнул:

- Говорите коротко, что вам здесь надо?

- Э-э... - затянул капитан третьего ранга.

Барон презрительно сказал:

- Мог бы быть и повежливее, сопляк...

Это был высокопробный жаргон осакских притонов, и Джерри опять не понял. В толпе послышались смешки. Джерри побагровел.

- Говорите, пожалуйста, медленнее.

Хохот усилился. Толстяк позади Исиды трясся и кашлял от смеха.

- Мы прибыли сюда, - сказал Като, тщательно выговаривая каждый слог и невозмутимо глядя на Джерри, - чтобы помочь вам уладить это недоразумение.

- Да, да, пожалуйста, - обрадованно воскликнул капитан третьего ранга, - военная база... киноаппараты... нельзя. Пожалуйста.

Барон Като повернулся к толстяку, и тот сразу перестал смеяться.

- Вы руководитель съемочной группы?

- Да. Моя фамилия - Хотта. Дзюкити Хотта.

- У вас есть разрешение губернатора?

- Да. Вот, пожалуйста.

Барон взял бумагу, пробежал ее и вернул толстяку.

- Все в порядке. Можете снимать.

- Виноват...

- Можете снимать. Я разрешаю вам снимать, понятно?

- Иди и снимай, болван. Убирайся! - прошипел Исида.

Толстяк, кланяясь и птясь, ретировался к своим парням с футлярами, а Джерри шагнул вперед и схватил Като за плечо.

- Что вы сказали ему? - грубо спросил он.

Като осторожно освободился.

- Позволю себе заметить, что вы, господин лейтенант, обращаетесь к старшему по чину, и покорнейше прошу впредь не забываться.

- Что вы сказали ему? - повторил Джерри.

- Я разрешил ему начать съемки.

- Impossible! [Невозможно! (англ.)] - ахнул капитан третьего ранга.

- Наоборот, весьма POSSIBLY, - ответил по-английски Като. - Позволю себе обратить ваше внимание, господа американские офицеры, на то, что Гонюдо находится за пределами территории базы "Шарк" и в пределах Н-ского морского округа. Здесь распоряжаются их превосходительство господин командующий, представителями которого мы имеем честь в данном случае быть, и господин губернатор.

- Но... Но... военная база... все видно... Impossible! Jerry, tell'm 'tis impossible! [Невозможно! Джерри, скажи им, что это невозможно! (англ.)]

Капитан третьего ранга Колдуэлл горячо заговорил по-английски. Джерри, красный, как вареный лангуст, кивнул и снова обратился к барону:

- Отсюда просматривается вся береговая линия и все пирсы нашей базы. Мы не можем позволить, чтобы это попало на пленку вашей проклятой компании!

Барон молча развел руками.

- Мы протестуем против ваших действий, - сказал Джерри.

Барон пожал плечами, как европеец.

- Мы вызовем военную полицию...

- Позволю себе заметить, господин лейтенант, что подобные угрозы не к лицу офицеру военно-морских сил союзной державы.

Между тем толпа поредела. Солнце припекало не на шутку. Курортники, справедливо полагая, что инцидент исчерпан, один за другим отходили и устремлялись к шезлонгам и цветастым зонтам, разбросанным по пляжу. Кинооператоры хлопотали у двух треног; вокруг них бегал, обливаясь потом, толстый Хотта. Полицейские сержанты с ненавистью поглядывали на них, но не трогались с места. Капитан Колдуэлл беспомощно переступал с ноги на ногу. Барон, косясь в сторону красивой полной южанки, раскинувшейся на песке неподалеку, сказал:

- В сущности, это только вопрос принципа, господин лейтенант. Отсюда до ваших пирсов не меньше двух миль. Что может попасть на пленку на таком расстоянии?

- Мы будем жаловаться вашему правительству, - мрачно заявил Джерри, - и добьемся изъятия этой пленки.

Исида зевнул. Он вспомнил, что еще не завтракал, и оглянулся, шаря глазами по вывескам на павильонах. И в этот момент со стороны моря донесся странный хриплый звук, похожий на вой сирены. В километре от берега, у самой линии отлива блеснуло оранжевое пламя. Плотный рыжий столб мокрого песка и пара взлетел над водой, на секунду застыл неподвижно и стал медленно оседать. Громовой удар потряс воздух.

2

Туча песка и водяной пыли, поднятая неожиданным взрывом, рассеялась, и все взгляды обратились к небу. Небо было бездонно синим и совершенно пустым.

- What's that? [Что это? (англ.)] - осипшим голосом осведомился капитан третьего ранга.

Джерри потерял нижнюю губу.

- Dunno... Hore 'tis not a war [Не знаю... Надеюсь - не война (англ.)].

Он подозрительно посмотрел на Като и Исида.

- И что, часто здесь, в Гонюдо, бывают такие фейерверки?

- Бывают... - неопределенно сказал Като. - Нам пора.

Он отошел к "джипу" и поставил ногу на подножку. Красивая южанка поднялась, торопливо натягивая шелковый халат.

- Это... опасно? - спросила она встревоженно.

- Нисколько, сестрица, - галантно ответил барон. - Просто нам пора.

Исида!

Пляж пришел в движение. Курортники взволнованно переглядывались, размахивали руками и строили предположения.

- Какая-нибудь старая мина...

- При отливе? Хотя, может быть...

- Чепуха! Просто шальной снаряд с полигона.

- В этом районе нет полигонов.

- Нет есть!

- Кажется, в Японии уже не найти места, где бы не было полигонов.

Кто-то уверял, что за несколько секунд до взрыва видел высоко в небе движущийся предмет, весьма напоминающий "соратобу-сара" - "летающее блюдо".

- Вы думаете, это русские?

- Война!..

Исида сплюнул, презрительно скривив губы.

- До свидания, - сказал он американцам.

- До свидания, - скорбно откликнулся капитан третьего ранга.

Исида в последний раз полюбовался заплывшим глазом Джерри, отдал честь и направился к "джипу".

- Это твоя работа? - спросил он, усаживаясь.

- Что? Ах, Джерри... Нет. По-моему, это Савада: у него железный кулак...

Барон ткнул шофера в спину согнутым пальцем и уже открыл было рот, чтобы что-то сказать, как вдруг раздался громкий пронзительный крик:

- Смотрите! Там человек!..

Лысый Хотта, приплясывая от возбуждения, махал рукой в сторону моря.

- Там человек! Как раз там, где взорвалось!

Все, кто был на пляже, увидели за желтой полосой обнаженного дна, на фоне светло-синего мелководья отчетливый силуэт, похожий на веселую игрушку "дарума" - японского ваньку-встаньку.

- Человек!

- Его оглушило, он не может подняться!..

- Бедняга!..

Красавица южанка сердито воскликнула:

- Мужчины, что же вы стоите?!

Кинооператоры, сбросив брюки и рубашки, решительно двинулись на помощь потерпевшему. За ними последовало несколько курортников. Барон Като, посвистывая сквозь зубы, взял бинокль.

- Вот оно что... - пробормотал он, вглядываясь. - Странно!..

Капитан Исида знал Като около пятнадцати лет, и ни разу за это время барон не подал повода заподозрить себя в гуманности и человеколюбии. Поэтому капитан удивился, когда Като, внимательно рассмотрев черный силуэт идиота, валявшегося в подводной воронке, внезапно отбросил бинокль и принялся расшнуровывать ботинки. Исида спросил:

- Туда?

- Раздевайся, - приказал барон вместо ответа.

- Однако...

- Скорее, Исида, иначе мы опоздаем!

Исида молча повиновался. Поддернув трусы, они соскочили с машины, пробежали мимо американцев, проводивших их насмешливыми замечаниями, и пустились вдогонку за кинооператорами. Песок был сырой и плотный, бежать было легко. Они обогнули две или три небольшие, неглубокие лужи, перепрыгнули через торчащие из воды камни и вскоре опередили одного из курортников. Исида рассмеялся: это был тот самый молодой человек в темных очках. Молодой человек слегка прихрамывал.

- Скорей, скорей! - торопил Като.

Исида бежал за ним, строго соблюдая интервал в два шага, как рекрут на занятиях по гимнастике. "Вассе, вассе!.. Раз-два, раз-два!.. Вассе, вассе!.." Перед его глазами равномерно, в такт прыжкам дергалась смуглая мускулистая спина барона. На левой лопатке красовалась красно-синяя хоримонотатуировка, изображающая хризантему. "Вассе, вассе!.." Под ногами

заплескалась вода. Неожиданно Като остановился, и Исида чуть не налетел на него. Като торжественно сказал:

- Вы арестованы, потрудитесь встать!

С трудом переведя дух, Исида вышел из-за спины барона. Что-то холодное и скользкое коснулось его колен. Это был маленький осьминог, видимо выброшенный взрывом. Бурый бесформенный комок щупалец судорожно сокращался, покачиваясь на волне. Исида выругался сквозь зубы, отшвырнул его в сторону и поднял глаза. Шагах в двадцати над поверхностью воды возвышались блестящие черные плечи, грудь и голова Железного Человека.

Исида всегда был немного суеверен; и когда из кучки кинооператоров и курортников, топтавшихся рядом, донеслось слово "каппа" [японский водяной], он в испуге отступил назад, оступился и чуть не упал. Впрочем, он сразу вспомнил, что каппа народных сказок обитают только в прудах и болотах. Кроме того, его успокоил вид армейского двенадцатизарядного кольта, неизвестно откуда появившегося в вытянутой руке барона.

Люди с опасливым удивлением смотрели на Железного Человека, а Железный Человек неподвижно глядел на них громадными выпуклыми глазами, торчащими по бокам головы. Искры солнечного света дрожали на его чешуйчатой коже цвета вороненной стали. Шеи у него не было, и теперь стало понятно, почему издали он казался похожим на "дарума".

- Вы арестованы, - повторил барон. - Вставайте и не пытайтесь сопротивляться, иначе я буду стрелять.

Исида облегченно засмеялся. Разумеется, это всего-навсего шпион в водолазном костюме. Офицеры морской обороны барон Като и Исида схватили шпиона иностранной державы! Молодчина, Като!..

- Встать, мерзавец! - крикнул он.

Железный человек не пошевелился. Исида щелкнул языком.

- Может быть, он без сознания... или сдох?

- Сейчас проверим.

Позади послышался плеск воды. Исида оглянулся. К ним подбегал молодой человек в темных очках.

- По... погодите... немного... - произнес молодой человек, задыхаясь.

- Не... не стреляйте.

- Не лезьте не в свое дело, - любезно сказал Исида, - и не хватайте господина офицера за руку, а не то получите по морде.

- Он просто... не понимает... вас!

- ТА КХАЙ ГА ЦХУНГА, - сказал Железный Человек.

Все замерли. Барон переложил пистолет в левую руку.

- Заговорил!

Железный Человек безжизненным голосом выбрасывал глухие гортанные звуки. Он по-прежнему не шевелился, но глаза его медленно налились желтым светом, едва заметным на солнце, и вновь погасли. На лице молодого человека в темных очках изобразилось изумление.

- Послушайте, - прошептал он, - да ведь это...

Барон подозрительно уставился на него.

- В чем дело?

- Он говорит, что очень недоволен, - молодой человек поднял палец. -

Он говорит по-тангутски! [тангуты - кочевой народ, населяющий плоскогорья Тибета; авторы никоим образом не рискнут поручиться за грамматическую и фонетическую правильность приводимых здесь тангутских фраз - предлагаемый рассказ пришел к ним (авторам) издалека и при передаче, надо думать, пострадал особенно сильно именно в этой части]

- По... Как?

- По-тангутски! На тангутском языке! Необыкновенно!..

- Откуда вы знаете?

- Откуда я знаю! Я аспирант филологического отделения Киотского университета, и тангутский язык - моя специальность. Я - Эйкити Каваи!

Ни на кого из присутствующих это имя не произвело заметного впечатления, но барон Като попросил:

- Узнайте, пожалуйста, кто он такой?

- Сейчас, - с готовностью сказал Эйкити Каваи. Он подумал и отдельно произнес, вытянув шею к Железному Человеку: - Цха гхо та на!

- Кха го га тангна, - ответил Железный Человек.

Каваи снял очки, озадаченно поглядел на чешуйчатую тушу, затем перевел взгляд на барона.

- Он говорит, что прибыл от Нижнего Человечества. Боюсь ошибиться, но мне кажется, что он имеет в виду океанское дно.

- И мы не взяли с собой киноаппарата! - в отчаянии воскликнул один из операторов.

Другой изо всех сил кинулся обратно к пляжу. Никто не обратил на это внимания.

- Значит, прибыл с океанского дна, - сказал Като. - А он не врет?

- Откуда он знает по-тангутски? - несмело произнес низенький волосатый курортник.

- Погодите, может быть, я не совсем правильно его понял. Спросим еще раз.

Каваи обменялся с Железным Человеком несколькими фразами. Исида с интересом следил, как вспыхивают и гаснут желтые огоньки в выпуклых, как у рыб-телескопов, глазах чудовища.

- Ничего не скажешь, - проговорил, наконец, Каваи, разводя руками. В голосе у него было смущение, словно Железный Человек совершил бестактность, - с океанского дна, со дна Большого Восточного Моря... Так у тангутов назывался Тихий океан. Никакой ошибки.

Барон сунул пистолет под мышку и кусал ноготь.

- Начинается прилив, - напомнил Исида.

- Да, да... Послушайте, Каваи-сан, попросите его подняться и следовать за нами. На берегу можно будет поговорить в более удобной обстановке.

- Он говорит, - перевел через минуту Каваи, - что ему трудно ходить.

Здесь он весит много больше, чем у себя на Тангна... на родине.

- Мы ему поможем, - с легким сердцем пообещал барон, - за этим дело не станет.

Он повернулся к кинооператорам:

- Вы здоровые ребята, возьмитесь-ка за это дело.

Те поспешно, хотя и не очень охотно, приблизились к Железному Человеку. Загорелый парень в черных фундоси [род набедренной повязки, предмет национальной японской одежды] осторожно притронулся к его плечу.

- А-ац!

Исида даже подпрыгнул от неожиданности. Парень в черных фундоси взвыл, опрокинулся на спину и скрылся под водой, задрав ноги. Через мгновение он вынырнул, отплевываясь и ругаясь.

- Черт! Вот черт!.. Он бьет электричеством, как динамо-машина!

Кинооператоры немедленно отошли на исходные рубежи.

- Каков на ощупь? - наивно осведомился низенький волосатый курортник.

- Пощупайте сами, - посоветовал пострадавший, вытирая лицо дрожащей ладонью.

- Скажите ему, чтобы он выключил это свое электричество, - предложил Исида.

Каваи махнул рукой.

- Я не знаю, как это сказать по-тангутски. Тангуты понятия не имели о таких вещах.

- Но ведь надо же что-то делать?

Вода прибывала. Она доходила уже до пояса. Плечи Железного Человека скрылись под водой, и над поверхностью возвышалась только черная чешуйчатая голова, похожая на перевернутый котелок. Все посмотрели на барона. Барон Като думал.

- Может быть, сбегать за веревкой? - нетерпеливо сказал Исида.

Но Железный Человек обошелся без посторонней помощи. Когда его стеклянные глаза лизнула первая волна, он наклонился и начал подниматься. Видно было, что это стоит ему немалых усилий. Вот над водой вновь появились плечи, затем покатая, заостренная книзу грудь и, наконец, раздутый живот и тяжелые, как бревна, ноги. Железный Человек был гораздо выше нормального человеческого роста. Он постоял, слегка покачиваясь, сделал два неуверенных шага, качнулся сильнее, неуклюже замахал трехпальными руками, но удержался и не упал.

- Ну вперед, вперед, - ласково сказал барон Като.

Каваи срывающимся фальцетом выкрикнул короткую фразу, и Железный Человек медленно двинулся к берегу мимо пораженных людей.

В эту минуту Исида впервые в жизни испытал странное чувство: ощущение реальности окружающего мира померкло, все стало зыбким, фантастическим,

как во сне. Яркое голубое небо, теплое темно-синее море, бело-желтая полоса пляжа, вдали знакомые очертания Аодзи, затянутые белесой дымкой. А рядом громадная, нелепая фигура, грузно шагающая на прямых, негнущихся ногах, лязгающая металлом при каждом движении...

3

Гостя из океанских глубин встречало все население Гонюдо. Сотни раздетых, полуодетых и почти одетых курортников и местных жителей толпились на берегу. Хотта и один из операторов целились объективами. Откуда-то появились полицейские в светлых мундирах. Они деловито покрикивали, осаживая и удерживая, награждая наиболее нетерпеливых толчками в область живота и груди, как это предписывает инструкция. Тощий курортник с серой кожей наркомана упал, на него сейчас же наступили, он громко запротестовал.

- Ти-ше! - заорал кто-то. - Железный Человек ступил на берег Японии!

Несколько минут длилось неловкое молчание, тускло освещенное робкими улыбками. Никто не представлял себе, что можно ожидать от такого гостя, как нужно отнестись к нему и как вообще следует поступать в подобных случаях. Поэтому люди просто глазели. Стрекотали киноаппараты. Парень в черных фундоси гордо объявил: "Он ударил меня током!" - и запрыгал на одной ноге, вытряхивая воду из уха. Барон Като исподлобья поглядывал на американцев, стоящих в первых рядах. Капитан третьего ранга стоял, отвесив нижнюю губу. Джерри курил сигарету, часто затягиваясь и сплевывая.

Наконец Каваи кашлянул и выступил вперед.

- Друзья мои! - сказал он. - Этот... кхе... господин прибыл, как вы уже, наверное, знаете... кхе... со дна океана. Вот. Я думаю... кхе, кхе... мы рады его приветствовать на земле. Да?

В толпе недружно крикнули "банзай!". Железный Человек молчал, уставившись перед собой стеклянными глазами, и тихонько покачивался.

- Это он взорвался? - спросил курортник-наркоман.

- По всей видимости, он, - тоном величайшего сожаления ответил Каваи.

- Так недолго и людей покалечить, - сердито пробормотал курортник-наркоман.

Каваи сокрушенно вздохнул.

- Что это на нем надето? - не выдержал один из полицейских.

- Одну минуточку! - Через толпу проталкивался массивный человек средних лет, с жирным, обрюзгшим лицом.

- Простите, пожалуйста, за бесцеремонность, - сказал он, - я корреспондент "Токио-симбун". Мне сказали, что это - господин из океана, что он говорит по-тангутски и что уже нашелся переводчик...

- Эйкити Каваи к вашим услугам.

- Так вот, я хотел бы задать господину несколько вопросов. Вы не возражаете?

Исида недоумевал, почему барон не пошлет всех к чертовой матери и не увезет Железного Человека к себе, чтобы там без лишних свидетелей выяснить, нельзя ли извлечь из этого забавного приключения какую-нибудь пользу. Но Като сказал:

- Нет, мы не возражаем.

- Благодарю, - корреспондент бросил изумленный взгляд на барона, стоявшего поодаль с пистолетом под мышкой, - благодарю вас. Господин Каваи, спросите господина из океана, какова цель его прибытия на сушу.

Каваи повернулся к Железному Человеку, но тот вдруг глухо пробормотал что-то.

- Он утомлен, - перевел Каваи, - и, если не ошибаюсь, ранен.

- Какая жалость! Но все-таки спросите его, умоляю вас!

Каваи обменялся с Железным Человеком несколькими фразами.

- Он прибыл сюда для торговли.

Толпа сдержанно загудела.

- Он говорит, что его раса... кхе... решила завязать сношения с Верхним Человечеством, то есть с нами. Он предлагает торговать. Да... кхунгу... кхе... да, торговать...

- Он будет торговать рыбой? - крикнули в толпе.

- Нижнее Человечество будет торговать алмазами!...
- Ого!
- ...и жемчугом!

Корреспондент быстро записывал. Курортники прорвали редкую цепочку полицейских и придвинулись к Железному Человеку вплотную. Хотта и его операторы неистовствовали.

- Откуда у них алмазы?
- Господин переводчик!
- Что они требуют взамен?..
- Господин переводчик!..
- Ой! Разорвете купальник! Да не вы, а вы...
- Господин переводчи-ик!..

- Выяснилось, что Нижнему Человечеству необходимы... кхе... тяжелые металлы, тяжелее золота... Нет, свинец не нужен... Почему? Потому что это... кхе... да, он так и говорит, потому что это к о н е ч н о е вещество, а им нужны м е н я ю щ и е с я тяжелые металлы. Что он имеет в виду? Не знаю. Не знаю, господа. Возможно, радиоактивные... Кроме того, Нижнее Человечество готово поделиться с Верхним Человечеством своими техническими достижениями. Что касается алмазов и жемчуга - эти драгоценности... кхе... в изобилии водятся там, на дне... Да, им уже давно известна ценность алмазов и жемчуга.

- Друзья мои, будьте благоразумны! Не толкайтесь!
- Господин переводчик!.. О, господи!..

Кто-то неосторожно уперся рукой в бедро Железного Человека, взвизгнул и бросился назад. Толпа отхлынула.

- Ну можно ли так! Господин Снизу... господин из океана смертельно устал и хочет отдохнуть. Ему плохо!..

- Еще один вопрос! - просительно возопил корреспондент "Токио-симбун".

Исида вопросительно посмотрел на Като. Тот едва заметно покачал головой.

- Слушайте, - сказал Исида, - вам лучше уйти.
- Да, да... - торопливо подхватил Каваи. - Вам лучше уйти, знаете ли...

- Но...

- Идите, идите, - сказал Исида, легонько подталкивая представителя шестой державы к толпе.

Корреспондент возмутился.

- Не трогайте меня! - крикнул он. - В конце концов, почему именно вы монополизируете право общения с гостем всей Японии?!

Тогда Железный Человек слегка нагнулся и протянул к самому лицу корреспондента чешуйчатые влажные ладони. Все замерли, полицейские смущенно переглянулись. Между ладонями с громким треском проскочила фиолетовая искра. Секунду корреспондент, страшно скосив глаза, смотрел на толстые трехпалые руки, затем отскочил в сторону и с оскорбленным видом удалился.

- Хора, слушайте! - крикнул Исида. - Прошу дать дорогу!

Полицейские расчистили в толпе узкий коридор, который, впрочем, значительно расширился, когда Железный Человек, звякая и гремя, двинулся вслед за бароном Като и Каваи. Капитан Исида замыкал шествие. Когда они подошли к "джипу", барон Като приказал шоферу раздобыть несколько пар резиновых ластов. На пляже оказалось много аквалангистов, и ласты были получены через минуту. Напялив их на руки, Исида, шофер, Каваи и двое операторов осторожно посадили Железного Человека в "джип". Като осуществлял общее руководство. Железный Человек с лязгом обрушился на сиденье и остался полулежать в крайне неудобной позе - с ногами, торчащими из машины на метр.

- Едем? - спросил Исида, отирая пот со лба.

Като кивнул.

- Только сначала приведем себя в порядок.

Они стыдливо зашли за радиатор и принялись одеваться. Шофер стоял рядом, почтительно держа на вытянутых руках ремни и мундиры.

- Одну минуту, - раздался рядом вкрадчивый голос.

Они обернулись. Это был Джерри; из-под его локтя выглядывал капитан третьего ранга.

- Да? - сказал барон Като.

- Скажите, это действительно человек с океанского дна?

- Полагаю, да. Во всяком случае, чертовски похож.

- Куда вы его везете?

- В Аодзи. Ко мне на квартиру.

- Гм... А почему он взорвался?

- У него что-то лопнуло в его корабле, - небрежно сказал барон, - мы там исцарапали ноги об обломки.

Исида быстро огляделся. Каваи и операторы, окруженные любопытными, стояли возле Железного Человека и о чем-то оживленно разговаривали.

- Зачем он вам нужен? - спросил Джерри.

- Станный вопрос...

- А все-таки?

Барон Като затянул ремень, взял у шофера кольт и сунул в кобуру.

- Вы же слышали, - процедил он сквозь зубы. - Нижние Люди готовы поделиться с нами своими техническими достижениями. Мне кажется, они должны понимать кое-что в подводных лодках...

- С кем это "с вами"?

- С нами, с японцами.

- Вы не имеете права, - неуверенно сказал Джерри.

- А вы?

Тут капитан третьего ранга разразился пространной речью по-английски и закончил ее японским "пожалуйста". Джерри хмуро глядел под ноги, разрывая песок носком ботинка.

- Хорошо, - сказал вдруг барон. - Исида, пойд и отгони от машины этих дураков. И операторов тоже. Оставь только Каваи.

Исида нахлобучил фуражку и неуверенно посмотрел на Като.

- Иди, иди, - кивнул барон, - не беспокойся.

И Исида пошел.

Когда через четверть часа он вернулся, потный и воинственный после переговоров с толпой, Джерри, капитан третьего ранга и двое сержантов военной полиции выгружали Железного Человека из "джипа". Каваи растерянно бегал вокруг них, сам Железный Человек слабо сопротивлялся и выкрикивал короткие гортанные слова. Работа спорилась.

- Куда это его? - удивленно спросил Исида.

- У нас нет места в машине. Пусть везут его на своем "додже" в управление базы. В конце концов, ведь мы союзники... - Барон Като мельком взглянул на какую-то сиреневую бумажку, которую держал в руке, сунул ее в карман и выплюнул окурочку сигареты.

- Поедем, - сказал он. - Хорошо бы успеть до обеденного перерыва.

Около двух часов ночи с третьего на четвертое апреля адъютант и личный переводчик командующего базой "Шарк" сидел в своей комнате на Симбанте и сочинял отчет. Литературный труд не входил в число любимых занятий лейтенанта Смитсона. Он писал, перечеркивал, вполголоса ругался и то и дело вдохновлялся из плоской прямоугольной бутылки "Уайт Хорс". Он путался в бесконечных "который", "каковой", "последний", мусолил зажим "вечной ручки" и таращил глаза в черную ночь за окном, где над плоской крышей здания управления базы поднимался кровавый огрызок ущербной луны.

Лейтенант Смитсон, Джерри, парень из Алабамы, еще немного терпения, и ты станешь большим человеком! Самое главное, составить отчет таким образом, чтобы сразу было видно, чего ты стоишь! Чертовски трудная задача все-таки. Итак... "Благодаря решительности и находчивости в трудных условиях начавшегося прилива, при участии и посильной помощи оказавшихся на месте происшествия двух чинов японских сил морской обороны..." Про Колдуэлла упоминать не стоит - этот мямля ничем не помог. Вот без японских чинов не обойдешься: их расписка на пять тысяч долларов подшита к делу. Джерри хихикнул. Он выдал этим господам чек на пять тысяч, а на его банковском счету было всего две. Командующий базой в тот же день возместил Джерри целиком все пять тысяч. Джапам придется помалкивать - дело, хе-хе, деликатное... Так. "Общение с Железным Человеком облегчалось тем, что

последний говорит по-тангутски". Кто эти тангуты? Какие-нибудь допотопные джапы, должно быть. "Переводчиком служил аспирант филологического факультета Киотского университета Эйкити Каваи, специалист по тангутскому языку..." Это пришлось проверить. Каваи действительно оказался аспирантом и т.д., уволенным в прошлом году по независящим от него обстоятельствам (в последнее время перебивался репетиторством в богатых семьях). "Железный Человек был доставлен в распоряжение базы "Шарк" и помещен в здании управления базы, где с ним регулярно проводятся беседы, имеющие целью выяснить, в какой мере общение и связь с подводным миром может оказаться полезной для ВМС США".

Джерри сам вел эти беседы. Откровенно говоря, толку от них было прискорбно мало. Железный Человек оказался существом чертовски необщительным и тяжелым на подъем. Он вонял и непрерывно ныл, что ему плохо, и что у него что-то не в порядке с аппаратурой, и что он торчит здесь, на Верхней Земле, уже бог знает сколько, основные вопросы еще не решены, и что его ждут, и что вообще все они, Верхние Люди, порядочная сволочь. Он наотрез отказался беседовать с профессорами Окубо и Яманиси, знавшими тангутский язык и специально приехавшими из Токио. Он сказал им, что они "кха-кханги", после чего они зарделись и с бешеной вежливостью попросили разрешения покинуть базу. Каваи казался после этого очень довольным: парень здорово боялся конкуренции и из кожи вон лез, чтобы всем угодить - и Железному Человеку, и Джерри, и сержанту охраны. Железный Человек относился к нему тоже неплохо и однажды даже отключил ток и позволил к себе прикоснуться. Каваи сделал это с интересом, а Джерри - по долгу службы. Железный Человек оказался на ощупь именно тем, чем казался на вид, - Железным Человеком. Джерри потом долго мыл руки и ругался. Это был единственный случай, когда Железный Человек позволил к себе прикоснуться. В дальнейшем он бил любого и всякого током, а одного хитроумного лейтенанта-техника, облекшегося в резиновые рукавицы, он так схватил за бока, что хитроумный лейтенант отлеживался целый час.

Джерри прекрасно понимал, что как переводчик Каваи нисколько не хуже других, но как, черт побери, выяснить у этой железной скотины устройство подводных кораблей, позволяющих перемещаться на глубине пяти-семи километров? Как будет по-тангутски "торпеда"? Или "экипаж"? Или "давление на квадратный дюйм"? Позавчера железная обезьяна разразилась пространной речью, так что Каваи едва успевал переводить, а Джерри - записывать. Как казалось сначала, речь шла о грозном оружии подводного нападения и о методах, которыми пользовались Нижние Люди для уничтожения или ограбления кораблей Верхних Людей. Но в середине беседы вдруг выяснилось, что Железный Человек попросту излагает историю "Марии Целесты", захваченной, оказывается, одной из научных экспедиций обитателей океанского дна. Джерри, которому было в высшей степени наплевать на "Марию Целесту", на которого нажимал командующий базой, ожидающий со дня на день прибытия комиссии из штаба ВМС, только вздохнул и слабым голосом попросил Каваи перевести разговор на другую тему.

Короче говоря, Джерри практически ничего не добился. Это будет самое слабое место в отчете. Удалось выяснить только, что где-то в Тихом океане на большой глубине находится громадный подводный город (по аналогии с Атлантидой в газетах его с легкой руки какого-то журналиста назвали Пасифидой [Пасифида - от Pacific - Тихий океан (англ.)]; Железный Человек же называл этот город "Длинной Дырой"). Где именно находится Пасифида, осталось совершенно неясным, потому что Джерри отчаялся объяснить аспиранту-филологу, что такое "координаты", и вообще у Нижних Людей была своя, совершенно невразумительная система счета. Жители подводного города достигли высокой ступени цивилизации, далеко не в первый раз посещают сушу, но только сейчас находят возможным начать постоянные сношения с людьми. Сам Железный Человек - первый посланец подводного мира. Он готов организовать Общество содружества, основой которого послужат торговые связи. Разве Верхнее Человечество не нуждается в алмазах и жемчуге? О технических достижениях Нижних Людей он распространяться не может за неимением полномочий.

Все это было достаточно прискорбно само по себе. Но вдобавок командующий базой изнемог под давлением общественного мнения и разрешил вчера вечером устроить пресс-конференцию. В присутствии тринадцати корреспондентов от восьми газет Человек из Пасифиды прямо заявил, что

оставаться здесь далее не намерен: к нему, видите ли, плохо относятся, мучают пустой болтовней и не дают возможности заняться делом, ради которого он, собственно, прибыл. Он вернется в океан и найдет другой берег, где предложения Нижнего Человечества будут оценены по достоинству.

Пресса взвыла. Сегодняшние утренние газеты разразились неистовой руганью. "Майнити-симбун" обратилась к министру внутренних дел с вопросом, известно ли министру, что Человек из Пасифиды, почетный гость Японии, содержится под замком на американской военной базе. "Асахи" предлагала принять немедленные меры. "Японии нужны алмазы!", "Пасифида - город алмазов", "Алмазы или подводные лодки?", "Не позволим американцам дискредитировать Японию в глазах алмазного народа!", "Протест Общества покровительства животным"...

"Кэйдзай-симбун" опубликовала интервью своего корреспондента с Человеком из Пасифиды под жирной шапкой: "Есть ли у вас образцы алмазов?" - "Хагуфу! (Вот!)" - отвечает Железный Человек". Фотография изображала подводного гостя, указывающего трехпалой рукой на свой громадный выпуклый глаз. Под фотографией сообщалось об учреждении анонимного акционерного общества "Алмазная Пасифида", подготавливающего выпуск акций на пять миллиардов иен.

Действительно, после обеда Эйкити Каваи получил телеграмму с предложением принять должность одного из директоров компании и главного консультанта с окладом в сто пятьдесят тысяч иен. Вместе с телеграммой Каваи были вручены пятьдесят тысяч иен представительских. Джерри только облизнулся, узнав об этом. Впрочем, он утешился, попросив Каваи оставить для него акций на восемь тысяч долларов. Это верное дело. Кажется, командующий тоже имел с Каваи приятную беседу на ту же тему. Да что командующий - алмазный ажиотаж охватил всю базу. Несколько часов назад два идиота из охраны - капрал Корн и рядовой Харрис - попытались вывинтить у Железного Парня алмазные глаза. Капрал парализован, рядовой прибежал к Джерри и, трясаясь как студень, признался во всем. Оба будут отданы под суд.

Джерри потер руки и придвинул к себе вечерние газеты. "Новая авантюра; значит, марсианские земельные участки - только цветочки?" Радикалы вонючие!.. "Акции алмазных копей стран свободного мира упали на два и три четверти пункта, положение продолжает оставаться неустойчивым". То-то и оно! "Алмазы Якутии или алмазы Пасифиды?" Фотографии: Человек из Пасифиды сидит в кресле; Человек из Пасифиды и доктор Эйкити Каваи; Человек из Пасифиды и Мисс Япония; Человек из Пасифиды читает "Асахи-симбун"... Кретины, господи боже мой!..

Джерри зевнул и взъерошил волосы. Ладно, отчет надо все-таки кончать. Завтра наконец прибывает комиссия. Железному Мальчику не долго остается прохлаждаться под его - Джерри - крылышком. Погрузят на самолет - и тю-тю!.. Там он выложит все о подводных лодках, уполномочен он или нет. Джерри снова прищурился на луну и закусил конец перламутровой ручки.

Крыша здания управления вдруг подпрыгнула. Белая вспышка озарила окна верхнего этажа. Качнулись стены, со звоном посыпались стекла. Стол скрипнул и покосился, грохнулась на пол бутылка с виски. Громовой раскат ударил в уши. Оглушенный и обалдевший от неожиданности, Джерри соскользнул со стула и юркнул под подоконник.

Взрывов больше не было. Снаружи взвыли сирены, потянуло горелым. Несколько пар солдатских ботинок торопливо прогрохотали по асфальту. Откуда-то донеслись встревоженные крики и гудки автомобилей. Джерри подождал еще немного, встал, трясущимися руками надел пилотку и выбежал на улицу. У подъезда управления он столкнулся с сержантом охраны. Лицо сержанта было потно и вымазано в саже, мундир разорван.

- Я хотел бежать за вами, - задыхаясь, проговорил сержант, - взрыв в комнате восемьдесят восемь, сэр. И пожар. Железный Человек исчез, сэр. Словно и не было. Но пожар потушен, сэр.

Джерри стремительно шел, почти бежал по коридору. Под каблуками омерзительно скрипело битое стекло.

- Часовой, сэр, - сержант едва поспевал за ним, - часовой оглушен, сэр... Кирпич упал прямо на макушку. Как нарочно, сэр...

- "Как нарочно", - машинально повторил Джерри, останавливаясь перед комнатой N_88, в которой содержался Железный Парень.

Она была неузнаваема. Сорванная дверь едва держалась на одной петле.

В беспорядочно прыгающих лучах фонариков мелькали груды почерневшей штукатурки, куски кирпича, обвалившиеся перекрытия, дыбом торчали взломанные доски пола. В углу - раздробленные в щепу остатки мебели. Остро воняло гарью и кислотой. Среди этого разрушения, подсвечивая себе фонариками, ползали грязные мокрые солдаты охраны. Джерри споткнулся о пустой огнетушитель, с проклятием отшвырнул его и заорал:

- Что вы здесь делаете, черт вас поберет?!

Солдат, тщательно перебиравший горсть алебастровой трухи у себя на ладони, испуганно вытянулся.

- Ищем... Ищем Железного Человека, сэр... - заикаясь, проговорил он.

- Вон, вон отсюда! Сержант! Отведите это стадо вниз и оцепите здание!

Оставьте мне ваш фонарик, сержант...

Солдаты, толкаясь и сопя, выбрались из комнаты. Оставшись один, Джерри присел на корточки и внимательно огляделся. Никаких следов Железного Парня. Человек из Пасифиды исчез, словно лопнувший мыльный пузырь... Впрочем... Джерри протянул руку и взял тяжелый лоскут металлической ткани, похожий на обрывок средневековой кольчуги. Еще несколько таких клочков, припудренных штукатуркой, виднелись под обломками. Но это было все. Ни крови, ни растерзанных внутренностей, ни раздробленных костей. Вероятно, Человек из Пасифиды был чем-то вроде медузы.

Рассвет застал Джерри перепачканным, утомленным и растерянным. Алмазных очков он так и не нашел. За проломами выбитых окон волновалась толпа, слышались выкрики солдат и полицейских: "Стенд бэк! Каэрэ! Осади назад!" Джерри понуро пошел к выходу. У порога он наступил на небольшой ящик, исковерканный, как и все в комнате. Джерри уже видел несколько таких ящиков, когда рылся в обломках, но не обратил на них внимания. Сейчас он рассеянно перевернул его носком ботинка. К ящику прилип, вдавленный в него взрывом, обрывок металлической одежды Человека из Пасифиды. Из-под сетки виднелся край красно-белой наклейки. Заинтересованный лейтенант Смитсон нагнулся, отодрал чешуйчатую сетку и... Он не поверил своим глазам. На наклейке рядом с большими черными иероглифами красовалась четкая надпись по-английски: "Сухая анодная батарея. 80 вольт. Сделано в Японии. Компания "Токио-Дэнки".

Не менее пяти минут лейтенант разглядывал надпись и ощупывал ящик. Затем воровато огляделся, отодрал наклейку и сунул ее в карман.

5

- "Человек из Пасифиды приходит и уходит", "Человек из Пасифиды - жертва несчастного случая", "Несчастный случай или злой умысел?", "Главный консультант и один из директоров компании "Алмазная Пасифида" Эйкити Каваи сообщает, что незадолго до своей трагической гибели Железному Человеку удалось связаться со своими соотечественниками. Недалек тот день, когда подводные корабли Нижнего Человечества с грузом драгоценных камней войдут в порты нашей страны", "Учредители компании "Алмазная Пасифида" собираются обратиться в международный суд с жалобой на действия командующего базой ВМС США "Шарк".

Барон Като отложил газету.

- Как тебе это понравится?

Капитан Исида аккуратно подцепил палочками и отправил в рот ломтик соленой рыбы.

- Прекрасная дикция. Ты мог бы выступать по радио. Хочешь пива?

Барон покачал головой.

- Я думаю, чего только нельзя натворить в наше время, имея на плечах голову! Кстати, тебя интересуют деньги?

Капитан Исида знал барона пятнадцать лет. Поэтому он не торопясь допил пиво и спокойно спросил:

- Сколько?

Като вытащил пачку банкнотов.

- Пока на твою долю приходится тысяча.

- Иен?

- Что ты! Конечно, долларов. Джерри оказался прохвостом, и я получил

всего две тысячи.

- Вот как? - сказал Исида и потянул к себе черно-зеленые бумажки.

- Пересчитай. Это еще не все. Остается господин главный консультант и один из директоров компании "Алмазная Пасифида". Пока он еще ничего не дал. Но он обязательно даст. Он уже обещал, - барон закурил сигарету и продолжал. - Я сразу понял, что это жулики. Потом я узнал и господина Каваи. Я узнал его, как только он снял свои темные очки. Мы уже веселились однажды на его деньги - в конце марта я продал ему двадцать килограммов динамита и выбракованный костюм для работ с токами высокой частоты. Этот костюм валялся на складе арсенала с сорок четвертого года.

- Вот как? - повторил Исида. Он тщательно пересчитал деньги и сунул их во внутренний карман кителя.

Като вздохнул.

- Да, чего только не сделаешь в наше время, имея хорошую голову и кучу железного тряпья... Между прочим, Каваи обзавелся секретарем. Плечистый парень, похожий на боксера. Кажется, очень сильный...

- Он и должен быть сильным, - кивнул Исида убежденно, - треснуть часового по макушке так, чтобы потом думали, что это кирпичом, может только очень сильный человек.

- Я думаю, без кирпича не обошлось, - возразил барон Като. - Попробуй-ка просиди трое суток в упаковке из резины и железа!

Капитан Исида приятно осклабился и потянулся за бутылкой.

Аркадий СТРУГАЦКИЙ

Борис СТРУГАЦКИЙ

ЖИДЫ ГОРОДА ПИТЕРА,

ИЛИ

НЕВЕСЕЛЫЕ БЕСЕДЫ ПРИ СВЕЧАХ

Комедия в двух действиях

Назвать деспота деспотом всегда
было опасно. А в наши дни настолько
же опасно назвать рабов рабами.

Р. Акутагава

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Кирсанов Станислав Александрович, 58 лет.

Зоя Сергеевна - его жена, 54 года.

Александр - их старший сын, 30 лет.

Сергей - их младший сын, 22 года.

Пинский Александр Рувимович - старый друг, 58 лет.

Базарин Олег Кузьмич - добрый знакомый, 55 лет.

Артур - друг Сергея, 22 года.

Егорыч - сантехник, 50 лет.

Черный Человек.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Гостиная-кабинет в квартире профессора Кирсанова. Прямо - большие окна, задернутые шторами. Между ними - старинной работы стол-бюро с многочисленными выдвижными ящичками. На столе - раскрытая пишущая машинка, стопки бумаг, папки, несколько мощных словарей, беспорядок.

Посередине комнаты - овальный стол, - скатерть, электрический самовар, чашки, сахарница, ваза с печеньем. Слева, боком к зрителям, установлен огромный телевизор. За чаем сидят и смотрят заседание Верховного Совета: хозяин дома профессор Станислав Александрович Кирсанов, рослый, склонный к полноте, украшенный кудрявой русой шевелюрой и бородищей, с

подчеркнуто-величавыми манерами потомственного барина, в коричневой домашней толстовке и спортивных брюках с олимпийским кантом; супруга его, Зоя Сергеевна, маленькая, худощавая, гладко причесанная, с заметной сединой, нрава тихого и спокойного, очень аккуратная и изящная (в далекой молодости - балерина), - она в строгом темном платье, на плечах - цветастая цыганская шаль; их сосед по лестничной площадке и приятель дома Олег Кузьмич Базарин, толстый, добродушнейшего вида, плешивый, по сторонам плечи - серебристый генеральский бобрик, много и охотно двигает руками, когда говорит - для убедительности, когда слушает - в знак внимания, одет совершенно по-домашнему - в затрапезной куртке с фигурными заплатами на локтях, в затрапезных же зеленых брючках и в больших войлочных туфлях.

Из телевизора доносится: "Итак, товарищи... Теперь нам надо посоветоваться... Вы хотите выступить? Пожалуйста... Третий микрофон включите..."

Кирсанов: Опять эта харя выперлась! Терпеть его не могу...

Базарин: Бывают и похуже... Зоя Сергеевна, накапайте мне еще чашечку, если можно...

Зоя Сергеевна (наливая чай): Вам покрепче?

Базарин: Не надо покрепче, не надо, ночь на дворе...

Кирсанов (с отвращением): Нет, но до чего же мерзопакостная рожа! Ведь в какой-нибудь Португалии его из-за одной только этой рожи никогда бы в парламент не выбрали!

Разговор этот идет на фоне телевизионного голоса - рявкающего, взрывающегося, митингового: "Я говорю здесь от имени народа... Четверть миллиона избирателей... И никто здесь не позволит, чтобы бесчестные дельцы наживались, в то время как трудящиеся едва сводят концы с концами..." "Голос Нишанова: "То есть я вас так понимаю, что вы предлагаете голосовать сразу? Очень хорошо. Других предложений нет? Включите режим регистрации, пожалуйста..."

Кирсанов: Сейчас ведь проголосуют, ей-богу.

Зоя Сергеевна: А это с самого начала было ясно. Неужели ты сомневался?

Кирсанов: Я не сомневался. Но когда я вижу, что они сейчас проголосуют растратить шестнадцать миллиардов только для того, чтобы неведомый Сортир Сортирыч получил возможность за мой счет ежемесячно ездить в Италию... и даже не сам Сортир Сортирыч, а его зять-внук-племянник... Только для этого заключается контракт века, который по сю сторону никому решительно, кроме Сортир Сортирыча, не нужен... загадят территорию величиной с Бенилюкс... отравят двадцать четыре реки... завоняют всю Среднерусскую возвышенность... Но зато племянник Сортир Сортирыча на совершенно законном основании сможет теперь поехать за бугор и купить там себе "тойоту"...

И в этот момент в квартире гаснет свет.

Кирсанов: Что за черт! Опять?

Базарин (уверенно): Пробки перегорели. Говорил я вам, что не надо этот подозрительный самовар включать...

Кирсанов: Да при чем здесь самовар?.. Подождите, я сейчас пойду посмотрю... Ч-черт, понаставили стульев...

Зоя Сергеевна: Нет, это не пробки перегорели. Это опять у нас фаза пропала.

Базарин (с недоумением): Куда пропала? Фаза? Какая фаза?

Слышны какие-то шумы и неясные голоса с лестницы (из-за кулис справа), голос Кирсанова: "А в этом крыле? Что?.. Понятно... Ну, и что мы теперь будем делать?.." Базарин, подобравшись в темноте к окну, отдергивает штору. За окном падает крупный снег, там очень светло: отсветы уличных фонарей, низкое светлое небо, в огромном доме напротив - множество разноцветно освещенных окон.

Кирсанов (появляется из прихожей справа): Поздравляю! По всей лестнице света нет. И по всему дому, кажется...

Зоя Сергеевна: Ну, по крайней мере, не так обидно. Фаза опять пропала?

Кирсанов: Она, подлая... (Подходит к окну.) Живут же люди, горюшка не знают! (Зое Сергеевне.) Лапа, а где у нас были свечки?

Зоя Сергеевна: По-моему, мы их на дачу увезли...

Кирсанов: Ну, вот! За каким же дьяволом? Это просто поразительно - ничего в доме ничего не найдешь, когда надо!..

Базарин: Станислав, побойся бога. Зачем тебе сейчас свечи? Второй час уже, спать пора... (Спохватывается.) Тьфу ты, в самом деле! У меня же в холодильнике суп, на три дня сварено. И голубцы! Теперь, конечно, все прокиснет...

Зоя Сергеевна: Ничего у вас не прокиснет, Олег Кузьмич, вынесите на балкон и все дела.

Кирсанов (от бюро, с торжеством): Вот они! Видала? Вот они, голубчики... (Передразнивает.) "На дачу, на дачу..."

Зоя Сергеевна: Ой, а где же они были?

Кирсанов: В бюро они у меня были. В бюро! Очень хорошее место для свечей. Интересно, как бы ты без меня существовала в этом мире?.. Где спички?

Зоя Сергеевна: А в бюро их у тебя нет? Замечательное место для спичек...

Кирсанов (укрепляет свечи в канделябрах на бюро и расставляет по столу): Ладно, ладно, лапа, сходи на кухню, все равно стоишь...

Базарин (чиркает спичкой, свечи загораются одна за другой): Да на кой ляд вам это понадобилось, в самом деле? Спать давно пора...

Кирсанов: Ну куда тебе спать, ты же сейчас человек одинокий и даже в значительной степени холостой... Сиди, пей чай, наслаждайся беседой с умными людьми...

Из-за кулис справа появляется длинная черная фигура - рослый человек в блестящем мокром плаще до пят с мокрым блестящим капюшоном.

Черный Человек (зычно): Гражданин Кирсанов?

Кирсанов (ошеломленно): Да... Я...

Черный Человек: Станислав Александрович?

Кирсанов: Да! А в чем дело? Как вы сюда попали?

Черный Человек (зычно): Спецкомендатура ЭсА! (Обыкновенным голосом.) У вас дверь приоткрытая, а звонок не работает. Паспорт ваш, будьте добры...

Кирсанов: Какая еще комендатура? (Достает из бюро паспорт и протягивает Черному Человеку.) Какая может быть сейчас комендатура? Ночь на дворе!

Черный Человек берет паспорт, и тотчас же во лбу у него загорается электрический фонарь наподобие шахтерского. Внимательно перелистав паспорт, он молча возвращает его Кирсанову, а сам распахивает большой черный "дипломат" и, держа навесу, некоторое время роется в нем.

Черный Человек: Распишитесь... Вот здесь...

Кирсанов (расписываясь): А в чем, собственно, дело? Вы можете толком мне объяснить - что, куда, откуда? Войну, что ли, объявили?

Черный Человек (вручает Кирсанову какую-то бумажку): Получите.

Кирсанов (смотрит в бумажку, но ничего не видит, света не хватает): Я ничего здесь не вижу! В чем дело? Вы что - объяснить не можете по-человечески?

Черный Человек: Там все сказано. Будьте здоровы.

Фонарик его гаснет, а сам он как бы растворяется во тьме.

Базарин: Ну и дела!

Кирсанов (раздраженно): Не вижу ни черта... Зоя! Где мои очки?

Зоя Сергеевна: Дай сюда... (Отбирает у мужа бумажку и читает вслух) "Богачи города Питера!.."

Базарин и Кирсанов (одновременно): Что-о?

Зоя Сергеевна (после паузы): "Богачи города Питера! Все богачи города Питера и окрестностей должны явиться сегодня, двенадцатого января, к восьми часам утра на площадь перед СКК имени Ленина. Иметь с собой документы, сберегательные книжки и одну смену белья. Наличные деньги, драгоценности и валюту оставить дома в отдельном пакете с надлежащей описью. Богачи, не подчинившиеся данному распоряжению, будут репрессированы. Лица, самовольно проникшие в оставленные богачами квартиры, будут репрессированы на месте. Председатель-комендант спецкомендатуры ЭсА"... Подписи нет, какая-то печать. Господи, что это

значит?

Базарин: Это значит, что документы надо сразу же спрашивать, вот что! Извините... (Осторожно берет бумажку из рук Зои Сергеевны.) Печать!.. Я вам такую печать из школьной резинки за десять минут сварганю... (Переворачивает бумажку.) Так... Кирсанову Станиславу Александровичу... адрес... Правильный адрес... Ну, и как прикажете это понимать?

Кирсанов (нервно): Дай сюда... (Он уже нашел и нацепил очки.) Не понимаю, что это может означать - ЭсА? Советская Армия?

Базарин: Социалистическая Антарктида... Судорожная Аккредитация... Чушь это все собачья, и больше ничего! Двери надо за собой запирасть как следует. Интересно, Зоя Сергеевна, как там ваша шубка в передней поживает? Я у вас там, помнится, шубку видел...

Зоя Сергеевна, подхватившись, выходит в прихожую.

Кирсанов (озаренно): ЭсА - это Штурмбтайлунг!

Базарин (непонимающе): Ну?

Кирсанов: Штурмовые отряды! ЭсА. Ну, помнишь - у Гитлера?

Базарин: При чем здесь Гитлер? Какой может быть Гитлер в наше время?

Зоя Сергеевна (возвратившись): Шуба целая... И вообще все как будто цело... Нет, это был никакой не жулик...

Базарин: А кто же тогда?

Зоя Сергеевна: Откуда мне знать? А только это был не жулик и не шутник. Может быть военный... или милиция... или органы...

Базарин: Удивительно знакомая рожа лица! Станислав, а? Тебе не показалось? По-моему, у тебя аспирант такой есть... как его... Моргунов... Моргачев... Ну, на Новый год у вас был, длинный такой, сутулый... Зоя Сергеевна!

Кирсанов ничего не слыша, читает и перечитывает повестку, сдвинув к себе все канделябры.

Кирсанов: Какой я им богач! Что они - совсем уже с ума посходили? Нашли богача, понимаете ли. Драгоценности им подавай... Валюту... Идиоты!

Базарин: Ты что? Серьезно все это воспринимаешь?

Кирсанов: Замечательно интересное кино! А как ты мне еще прикажешь все это воспринимать? Является посреди ночи какой-то гестаповец, вручает, понимаете ли, повестку... явиться, понимаете ли, со сменой белья... Послушай, дай-ка я радио включу.

Он подбегает к бюро и включает репродуктор. Комната оглашается сухим мертвенным стуком метронома.

Кирсанов: Ну вот, пожалуйста! А это как прикажете понимать?

Базарин: А что тут такого? Два часа ночи.

Кирсанов: Ну и что же, что два часа ночи? Где это ты слышал, чтобы метроном по радио передавали в мирное время?

Базарин: А что, разве не полагается? Я, честно говоря, трансляцию и не включаю никогда...

Кирсанов: Я, честно говоря, тоже никогда не включаю... Может быть, так оно и должно быть, но когда я эту хренацию слышу, я сразу же блокаду вспоминаю... Ну его к черту! (Выключает репродуктор.) Испортили все-таки настроение, подонки... Так хорошо сидели...

Базарин: Зоя Сергеевна, можно, я еще одну штучку выкурю?

Зоя Сергеевна (рассеяно): Курите.

Кирсанов: Дай-ка и мне, пожалуй, тоже...

Базарин (укоризненно): Станислав!

Кирсанов: Ничего, ничего, давай... Сегодня можно. Гляди, как руки трясутся, смех и грех, ей-богу!

Базарин: Ты бы лучше корвалол выпил, чем закуривать.

Кирсанов (закуривает от свечи): Нет, но как тебе это нравится! Богача отыскали!.. Только ты мне не говори, что это чьи-то шутки. За такие шутки сажать надо! За такие шутки я бы...

Зоя Сергеевна (прерывает его): Позвони Сенатору.

Кирсанов: Что?

Зоя Сергеевна: Позвони Евдокимову.

Кирсанов: Да ты что - сдурела? Лапочка!

Зоя Сергеевна: Позвони Сенатору, я тебя прошу.

Кирсанов (тыча пальцем в сторону телевизора): Он же на сессии сейчас сидит!

Зоя Сергеевна: Он должен был сегодня прилететь, мне Анята говорила.

Позвони, прошу тебя!

Кирсанов (нервно): И не подумаю. Стану я среди ночи беспокоить человека из-за какой-то дурацкой ерунды!

Базарин: Да, Зоя Сергеевна, тут вы, знаете ли... В самом деле - неловко. Конечно, это очень удобно - иметь среди своих добрых знакомых члена Верховного Совета, но, согласитесь, что это все-таки не тот случай...

Зоя Сергеевна: Откуда вы знаете, какой это случай?

Базарин: Н-ну... Как вам сказать... Лично я не могу к этому серьезно относиться, как хотите. И вам не советую.

Кирсанов: Главное, что я ему скажу, ты подумала? (Язвительно.) "Богачи города Питера!" Да он пошлет меня к чертовой матушке и будет прав. Если уж звонить, то тогда в милицию. Там, по крайней мере, хоть дежурный не спит. Во всяком случае, не должен спать, раз он за это деньги получает...

Базарин (решительно): Никуда звонить не надо. Совершенно очевидно, что это чей-то дурацкий розыгрыш. Сегодня же старый Новый год, вот и развлекаются какие-то кретины!

Зоя Сергеевна(тихо): Старый Новый год завтра.

Кирсанов (он снова внимательно изучает повестку): Это рэкетеры какие-нибудь! Знаете, что у них здесь на печати написано? "Социальная ассенизация"! Идиоты! И рассчитывают на полнейших идиотов!.. Кстати, что это такое - СКК имени Ленина?

Базарин: Спортивно-концертный комплекс. Это где-то на юге, возле Парка Победы.

Кирсанов: Ну вот! Оставлю им все на столе, а сам поскачу с бельем на другой конец города...

Базарин (с большим сомнением): М-да, это вполне возможно. Только, по-моему, он очень похож на твоего Моргачева...

Кирсанов: На какого Моргачева?

Базарин: Ну, на Моргунова... На аспиранта твоего, как его там...

Кирсанов: Ты, кажется, всерьез полагаешь, будто я уже не способен узнать собственного аспиранта?

Базарин: Извини, но я ничего не полагаю. Я только тебе говорю, что он очень похож...

Кирсанов: У меня нет такого аспиранта. Это не мой аспирант. Это вообще не аспирант. Это либо жулик, черт его подери, либо идиотский шутник!

Базарин (кратко): Ну, извини, я вовсе не хотел тебя обидеть. Я тоже считаю, что это идиотская шутка и что нам всем надо успокоиться. Зоя Сергеевна, я вас умоляю: успокойтесь и не берите в голову. Хотите, я чайник пойду поставлю? Газ, я надеюсь еще не выключили?..

В прихожей хлопает дверь, и в комнате появляется Александр Рувимович Пинский. Это длинный, невообразимо тощий человек, долговолосый, взлохмаченный, с огромным горбатым носом и с неухоженной бородашкой. Он старый друг семьи Кирсановых, живет двумя этажами выше по той же лестнице, поэтому он в пижаме и тапочках, а поверх пижамы - в некогда роскошном восточном халате. В руке у него листок бумаги.

Пинский (возбужденно): Слава богу, вы не спите... Как вам это понравится? (Он швыряет бумажку на стол.) По-моему, это уже переходит все пределы!

К бумажке тянутся все трое, но быстрее всех оказывается Зоя Сергеевна.

Зоя Сергеевна (читает высоким ненатуральным голосом): "Жиды города Питера!.." Что это такое?

Пинский: Читай, читай, дальше там еще интереснее.

Кирсанов (отбирает у жены листок): Позволь. Дай мне. (Читает.) "Жиды..." Так. "Все жиды города Питера и окрестностей должны явиться сегодня, двенадцатого января, к восьми часам утра на стадион "Локомотив". Иметь с собой документы, а именно: свидетельство о рождении, паспорт, расчетные и абонементные книжки по оплате коммунальных услуг. Все ценности, как-то: меха, наличные деньги, сберегательные книжки, валюту, драгоценности и украшения, а также коллекции - оставить дома в надлежащем порядке. Жиды, не подчинившиеся данному распоряжению, подлежат заслуженному наказанию..." Так. Тут у них что-то зачеркнуто... А, понятно.

"Лица, самовольно проникшие в оставленные квартиры, будут наказаны..." Но это как раз вычеркнуто. То есть в оставленные квартиры проникать можно... Ну и, конечно, председатель - комендант - ассенизатор. Подписи опять нет, а печать есть. Та же самая...

Пинский (кипя): Ну что - узнаете? Что вы на меня вытаращились? Неужели не узнаете? Олег Кузьмич, вы же у нас в некотором роде историк, вы же у нас специалист по межнациональным отношениям!.. Вижу, что ни хрена вы не узнаете и не помните ни хрена. В сорок первом году в Киеве немцы такое же вот расклеивали по стенам, почти слово в слово... "Жида города Киева"... А потом - Бабий Яр! Неужели не помните?... (Торжествующе.) Вот они, наконец, высунулись ослиные уши, хулиганье фашистское, доморощенное! И ведь главное - совершенно уверены, что какой-нибудь еврей обязательно с перепугу поспешит к восьми часам, а они на него будут глазеть и ржать, как жеребцы, и пальцами на него указывать...

Зоя Сергеевна (Кирсанову): В последний раз тебя прошу. Позвони Евдокимову.

Кирсанов: Погоди, лапа. Дай разобраться. (Пинскому.) Откуда у тебя эта бумажка?

Пинский: Да только что принес какой-то гад. Наглец хладнокровный, еще расписаться заставил. Откуда я мог знать, что он мне подсовывает? Я думал, это из военкомата. Он ведь, подлец, представился: "Спецкомендатура"...

Кирсанов: Рослый такой парень, в черном плаще?

Пинский: Ну!

Кирсанов: И фонарь во лбу?

Пинский: Да! А ты откуда...

Кирсанов (сует ему в руку свою повестку): На, почитай.

Пинский: Зачем?

Кирсанов: Читай, читай, увидишь.

Базарин: Так-так-так. Это уже серьезно.

Кирсанов (ехидно): А чего тут серьезного? Ну, ходят мои аспиранты, ну, разносят шуточные повестки...

Базарин: Перестань. Может быть, в самом деле позвонить Евдокимову?

Кирсанов: Но я же не знаю, что ему говорить! Как это все расскажешь?

Свежему человеку... в третьем часу ночи...

Пинский (прочитав Кирсановскую повестку): Что за чертовщина! Откуда это у тебя?

Кирсанов: Спецкомендатура социальной ассенизации. Здоровенный громила с кейсом и с шахтерским фонарем между глаз.

Пинский: Какой же ты, к едрене фене, богач?

Кирсанов: Да уж какой есть, извини, если не угодил.

Базарин: Вот что. Надо немедленно позвонить в милицию и сообщить, что имеют место хулиганские действия со стороны неизвестного лица.

Кирсанов (раздраженно): Подожди. Давай сначала разберемся. Если это хулиганские действия какого-то идиотского лица, тогда звонить совершенно незачем. Ну, дурак, ну, ходит по квартирам и разносит дурацкие повестки. Ну, напугает дюжину дураков вроде нас... Если дело обстоит таким образом, тогда звонить в милицию - сами звоните. Мне уже повестку принесли, меня уже одурачили, и теперь можно спокойно ложиться спать. Вторую не принесут!

Базарин (задумчиво): Логично.

Кирсанов: А раз логично, тогда давайте ложиться спать. Хватит. Все.

Пинский (алчно): Догнать бы сейчас этого жлоба и накидать бы ему пачек, чтобы кровавыми соплями умылся, падло позорное...

Кирсанов: Сиди уж, старое дреколье. Да смотри, случайно не пукни, а то развалишься. Догнал он... пачек он накидал...

Пинский: Ничего, ничего, не беспокойся, мне бы его только поймать, а там бы я с ним разобрался, не впервой... Меня ведь, главным образом, что поражает? Меня наглость эта первобытная поражает. Вот они уже по квартирам пошли. Вы понимаете, что это означает? Это означает, что они адрес мой - знают. Спрашивается: откуда? Кто им дал? Зачем? Чувствуете?..

Кирсанов: Между прочим, мой адрес они тоже знают...

Пинский (отмахиваясь): Да перестань ты! Ты-то здесь при чем? Подумаешь богачом его обозвали! В первый раз в жизни. Меня жидом всю мою жизнь обзывают! Устно. А теперь вот и письменно начали...

Кирсанов: Знаешь, когда в нашей стране человека обзывают богачом, ничего хорошего в этом нет, уверяю тебя. Еще неизвестно, что хуже.

Пинский: Ах, тебе неизвестно, что хуже? Может быть, ты предпочел бы оказаться жидом?

Кирсанов: Я бы предпочел, чтобы на меня не наклеивали ярлыков. Никаких.

Пинский: А жид - это вовсе не ярлык. Жид - это имманентное состояние. Перестать быть богачом можно, а жидом - нет.

Базарин: Да не о том вы говорите, не о том! Оба хуже, вот в чем беда! Так уж у нас сложилось, что миллионы людей это думают. Что еврей, что богач - плохо. Плохо, и все! И мы не имеем права ни в чем винить этих людей. У них есть все основания так думать. Их так воспитали...

Кирсанов: Но позволь, в самом деле! Какой же я, к черту, богач?

Базарин: Да. Ты богач. С точки зрения тети Моти, которая получает семьдесят рублей пенсии, да еще трешку в месяц ей посылает дочка из Сызрани... с точки зрения этой тети Моти, ты - богач! У тебя пять тысяч на книжке, у тебя автомобиль, у тебя дача, у тебя трехкомнатная квартира, у тебя жена может не работать...

Кирсанов: Так у тебя, наверное, не пять тысяч, у тебя, может быть, двадцать тысяч на книжке... Я же знаю, что ты на вторую квартиру копишь...

Базарин: И я богач! И Александр Рувимович богач. Хотя у него "Жигулей" и нет пока...

Кирсанов: У меня "Жигули" второй год под брезентом стоят, резину не могу купить ни за какие деньги!..

Базарин: "Жигулей" у него пока нет, но он зато дочку отправил в Америку, и она ему оттуда подбрасывает... и не трешку в месяц, уж будьте уверены!

Пинский (рывает): Я дочку в Америку не отправлял! Это ваш Госконцерт говенный ее туда выжил!

Базарин: Этого тетя Мотя ничего не знает. И знать не хочет. Она одно знает: всю жизнь вкалывала, как проклятая, а сейчас, старуха, по помойкам бутылки собирает.

Пинский: И виноват в этом, конечно, еврей Пинский.

Кирсанов: И богач Кирсанов.

Базарин: Да! Еврей Пинский и богач Кирсанов! Потому что никаких других объяснений у тети Моти нет!..

Пинский: Как это - нет! А куда же смотрит работник политпросвещения товарищ Базарин Олег Кузьмич?

Базарин (не слушая): Потому что сначала ей очень хорошо объяснили, что во всем виноваты вредители. Потом ей объяснили, что во всем виноват Гитлер... Да только она не дура. Сорок лет уже нет ни Гитлера, ни вредителей, а жить-то все хуже и хуже... И всю свою жизнь она видит где-нибудь то барина в трехкомнатной квартире с телефоном, то сытого еврея из торговли...

Пинский: А еврея, который в говенном котле всю смену лежит и зацепки хреном выколачивает, - такого еврея она не видела? Так пусть посмотрит! (Тычет себя большим пальцем в грудь.)

Базарин: Представьте себе - такого еврея она не видела. Потому что, простите меня, Александр Рувимович, такой еврей и в самом деле большая редкость...

Кирсанов: Ну ладно, хватит вам, что вы опять сцепились... Не об этом же речь идет. Ей-богу, Олег, ну что ты, в самом деле... Ты что же хочешь мне сказать - сидит где-то какая-то тетя Мотя и сочиняет эти повестки?

Пинский: Не-ет, это не тетя Мотя сочиняет. Это сочиняет сытый, гладкий, вчерашний молодежный вожак, и "Жигули" у него есть, и квартира с телефоном, да только вот бездарный он, к сожалению, серый, как валенок, а потому - убежденный юдофоб... У нас же юдофобия покоит веков - бытовая болезнь вроде парши, ее в любой коммунальной кухне подхватить можно! У нас же этой пакостью каждый второй заражен, а теперь, когда гласность разразилась, вот они и заорали на весь мир о своей парше... Вы, Олег Кузьмич, всегда их, бедненьких, защищаете! Я вас понимаю, сами-то вы выше этого, сами вы все норовите с высоты пролетарского интернационализма проблему обозревать, поэтому у вас всегда и получается, что все кругом бедненькие... даже богатенькие... Мне иногда кажется, Олег Кузьмич, что вы мне просто простить не можете... Это ж надо же, ведь такой был образцово-показательный еврей-котельщик, рыло чумазое, каждое второе слово - мат, подлинное воплощение пролетарского интернационализма, - так нет же,

в институты полез, изобретателем заделался, начлабом, дочку в консерваторию пристроил...

Базарин: Перестаньте, Александр Рувимович! Вы прекрасно знаете, что ничего подобного я не думаю и что ничего подобного я не говорил. Я только одно хотел сказать: что в каждой шутке есть доля истины. Даже в самой дурацкой. Мы вот с вами возмущаемся по поводу этих бумажек, а нам бы не возмущаться надо, а задуматься, потому что солома показывает, куда дует ветер...

Пинский хочет ему что-то ответить, но тут Зоя Сергеевна резко поднимается и берет ближайший канделябр.

Кирсанов (всполошившись): Лапа, ты куда? (Пинскому и Базарину.) Да заткнитесь вы, наконец! Что вы опять сцепились, как цепные собаки! (Зое Сергеевне.) Лапа, не уходи, они больше не будут.

Зоя Сергеевна: Три часа уже. Я пойду вещи соберу.

Кирсанов: Какие вещи?

Зоя Сергеевна: Я еще сама толком не знаю, надо посмотреть... Что они там глупости пишут - смена белья. Зима на дворе. Носки надо шерстяные обязательно взять, рейтузы теплые...

Базарин: Позвольте, Зочка Сергеевна...

Зоя Сергеевна: Тошно мне вас слушать, честное слово. Вы все делаете вид, будто это шутка, будто развлекается кто-то. Будто вы не чувствуете, что это всем нам конец, начало конца...

Кирсанов (беспомощно): Ты что же - серьезно считаешь, что я должен туда идти?

Зоя Сергеевна: Я ничего не считаю. Я знаю только, что идти придется и что ты пойдешь, и я бога молю, чтобы меня пустили с тобой, потому что без меня ты там погибнешь на третий день...

Кирсанов: Лапушка, опомнись! Ну что ты такое говоришь? Ведь это же все ерунда! Ну хочешь, я в милицию позвоню? Подожди, я сейчас же позвоню! (Он подсакивает к телефону, торопливо набирает 02.) Алло... Товарищ лейтенант, с вами говорят из дома шестнадцать по Беломорской улице. У нас тут по лестницам ходит какой-то деятель и вручает гражданам хулиганские повестки... (Замолкает, слушает.) Так почему же вы ничего не предпринимаете? (Слушает.) То есть как это так? А кто же, по-вашему, должен этим хулиганством заниматься? Что? (Слушает.) Да, получил... (Слушает.) В каком смысле, простите? (Слушает.) Позвольте, вы что же хотите мне сказать... (Слушает, потом медленным движением опускает трубку и поворачивается к остальным.)

Базарин: Ну?!

Кирсанов: Он говорит: получили предписание - выполняйте...

Базарин: Та-ак. Этого и следовало ожидать.

Кирсанов: Он говорит: это не только у нас в доме, это везде. Милиции это, говорит, не касается.

Зоя Сергеевна, не сказав ни слова, уходит из комнаты в спальню, налево.

Базарин: Проклятье. Я тебе тысячу раз говорил, Станислав: не распускай язык! Тебе не двадцать лет. И даже не сорок. В твоём возрасте нельзя быть таким идиотом и горлопаном!

Пинский: Золотые слова! И, главное, такие знакомые... всю жизнь я их слышу. Иногда с добавлением "жидовская морда".

Кирсанов: Какой я вам горлопан? Что вы городите?

Базарин: На митинге Народного фронта ты речи произносил или папа римский? Кто тебя туда тянул? Что они - не обошлись бы без тебя там?..

Кирсанов: Так это когда было... А потом, причем здесь Народный фронт? Ведь я же богач! Богач я! У меня же драгоценности! У меня меха!

Пинский: Э! Э! Не примазывайся! Меха - это у меня.

Базарин: Вот теперь и я считаю - хватит. Звони Сенатору.

Кирсанов молчит, выкапывает из пепельницы окуроч, затягивается.

Кирсанов: Не хочу. Сам звони.

Базарин: Ну, знаешь ли!.. Как угодно. Только я с ним за одной партией не сидел...

И тут за окном в доме напротив разом гаснут все оставшиеся еще освещенными окна. И сейчас же гаснут фонари на улице. Остается только светлое низкое небо над крышами. В комнате делается заметно темнее.

Пинский (подбежав к окну): Ого! И в доме десять тоже погасло...

Так... И в доме восемь... А вы знаете, панове, во всем квартале, пожалуй, света нет! Знаешь что, Слава, кончай-ка ты выгибать грудь колесом и звони-ка ты своему Евдокимову... если, конечно, он захочет теперь с тобой разговаривать, в чем я вовсе не уверен.

Кирсанов: Нет. Я никогда никого ни о чем не просил и просить не намерен. Пусть будет, что будет.

Пинский: А кто говорит, чтобы просить? Спросить надо, а не просить...

Кирсанов: А что, собственно спрашивать? Тебе вполне определенно сказано: предписание получили? Выполняйте! Старший лейтенант милиции Ксенофонов...

Из передней доносится стук дверей, топот, приглушенное ржание. Шипящий голос произносит: "Ш-ш-ш! Тихо ты, сундук африканский!.." Щелкает выключатель. "И здесь света нет..." Другой голос отзывается нарочитым баском: "Взлзаеть... но так - нэвысоко!.." И снова раздается сдавленное ржание. Из прихожей появляется Сергей Кирсанов, младший сын профессора, ладный, сухощавый, среднего роста молодой человек в мокрой кожаной куртке, в "варенках", на голове огромная меховая шапка. И сразу видно, что он основательно навеселе.

Сергей: О, веселые беседы при свечах! Старшему поколению!.. (Срывает с головы шапку и отвешивает низкий поклон. Говорит через плечо в прихожую.) Заходи смело, они, оказывается, не спят. Причем их тут навалом.

Появляется Артур - тоже ладный. Также сухощавый, но на голову выше ростом. Одет он примерно так же, но на первый взгляд производит впечатление странное: он негр, и лица его в сумеречном свете почти не видно.

Артур (отряхивая о колено свою огромную шапку): Здравствуйте. Извиняюсь за вторжение. Мы почему-то думали, что вы уже спите.

Сергей (в прежней шутовской манере): Олег Кузьмич! (Кланяется.) Дядя Шура Пинский! (Кланяется.) Батюшка! (Кланяется.) А это, позвольте вам представить, Артур Петров. Артур Петрович! Мой друг! Вернее, мой боевой соратник. А еще вернее - мой славный поделщик...

Кирсанов (очень неприветливо): Так. Иди-ка ты к себе.

Сергей: Незамедлительно! Мы ведь только представиться. Акт вежливости. А где мамуля?

Кирсанов: Она занята.

Сергей (Артуру): "А глаза добрые-добрые!.."

Оба ржут - довольно неприлично. Из спальни слева появляется Зоя Сергеевна.

Сергей: О! Мамуля! А мы тут тебя ждем. Закусочки бы, а? Немудрящей какой-нибудь. А то ведь мы усталые, с работы, мороз, транспорт отсутствует, в такси не содют...

Зоя Сергеевна: Хорошо, хорошо, пойдемте.

Слегка подталкивая, она вытесняет обоих приятелей в прихожую и выходит за ними.

Кирсанов (Пинскому, неприязненно): Вот оно, твое потакание!

Пинский: А в чем, собственно, дело? Парню двадцать лет. Попытайся вспомнить, каким ты сам был в двадцать лет...

Кирсанов: В двадцать лет у меня не было денег на выпивки.

Пинский: А у него есть! Потому что он работает! Ты в двадцать лет был маменькин сынок, а он работяга. И работа у него, между прочим, достаточно поганая. Ты бы в такой цех не пошел, носом бы закрутил...

Кирсанов: Цех! Ты еще мне скажи - промышленный гигант! Кооперативная, понимаешь, забегаловка на три станка...

Пинский: Ну, конечно! Ну, разумеется! Ведь наши дети могут подвизаться только на великих стройках! Все-таки ты, Станислав, иногда бываешь поразительно туп. Воистину, профессор - это всегда профессор...

Базарин: Мне другое не нравится. Что это за манера такая - водить в дом иностранцев! Нашел время...

Кирсанов: Боже мой, какое счастье, что электричества нет! Ведь он, едва только приходит, как сейчас же включает этот свой громоподобный агрегат... эту свою лесопилку!.. Особенно, когда поддатый...

И тут же, словно по заказу, взрывается оглушительная музыка. Словно заработала вдруг гигантская циркулярная пила. Впрочем, некая милосердная рука тотчас сводит этот рев почти на нет. Все трое смеются, даже Кирсанов.

Пинский: У него же портативный есть, на батарейках!

Кирсанов (Базарину): Да, Кузьмич, оставляем мы тебе команду не в добром порядке.

Базарин: Ты что, собственно, имеешь в виду?

Кирсанов: А то я имею в виду, что меня вот забирают, Шурку забирают, и остается мой оболтус, хочешь ты этого или не хочешь, у тебя на шее.

Базарин: Перестань. Никуда вас особенно не забирают... и потом позволь напомнить тебе, у Сергея же еще Александр остается. Как-никак старший брат...

Кирсанов: Александр... Александра тоже придется тебе тянуть. Если уж на то пошло, то скорее уж Сережка не пропадет - он в этом мире как рыба в воде. А вот Александра тебе придется тащить на себе. И двух его детей. И двух его бывших жен. И третью жену, между прочим. У меня, честно говоря, такое впечатление, что там уже третья намечается...

Пинский: Да, Олег Кузьмич, вы еще сто раз пожалеете, что сами повестки не получили. Представляете? "Словоблуды города Питера!" И - никаких вам хлопот с чужими детьми...

Вбегает Сергей.

Сергей: Пардон, пардон и еще раз пардон! Пап, мамуля сказала, что у тебя свечи лишние найдутся. Дай парочку, не пожалей для любимого сына!

Кирсанов (роясь в бюро): Обязательно надо перед приходом домой надраться...

Сергей: Да кто надрался-то? Пивка выпили и все.

Кирсанов: Тысячу раз просил не являться домой в пьяном виде!.. Кто этот негр, откуда взялся? Зачем таскаешь в дом иностранцев?

Сергей: Да какой же он иностранец? Петров, Артур Петрович, наш простой советский человек. Мы с ним под Мурманском служили. Я ведь тебе рассказывал. Он же меня в эту фирму пристроил...

Базарин: А почему он тогда такой черный?

Сергей: А потому, что у него папан - замбийский бизнесмен. Он тут у нас учился. В Лумумбе. А потом, натурально, уехал - удалился под сень струй.

Базарин: Ах, вот оно как. То есть он, получается, замбиец...

Сергей: Ну, положим, не замбиец, а га...

Базарин: Что? В каком смысле - га? Не понимаю.

Сергей: Объясняю. Папан у него из племени га. Есть такое племя у них в Замбии. Га. Но на самом деле Артур, конечно, никакой не га, а самый обыкновенный русский.

Базарин (глубокомысленно): Ну да, разумеется, поскольку мать у него русская, то вполне можно считать...

Сергей: Мать у него не русская. Мать у него вепска.

Пинский (страшно заинтересовавшись): Кто, кто у него мать?

Сергей: Вепска. Ну, карелка!.. Ну, я не знаю, как вам еще объяснить. Народ у нас есть такой - вепсы...

Кирсанов: Ладно. Бери свечи и удались с глаз долой.

Сергей: Слушаюсь, ваше превосходительство! Премного благодарны, ваше высокопревосходительство! (Уходит.)

Базарин: Ну и поколение мы вырастили, господи ты боже мой!

Пинский: Да уж. С чистотой расы дело у них обстоит из рук вон плохо. По-моему, все они русофобы.

Базарин: Ах, да перестаньте вы, Александр Рувимович! Вы же прекрасно понимаете, что я имею в виду. Нельзя жить без идеалов. Нельзя жить без авторитетов. Нельзя жить только для себя. А они живут так, будто кроме них никого на свете нет...

Кирсанов: Жестокости они, - вот что меня пугает больше всего. Живодеры какие-то безжалостные... Во всяком случае, так мне иногда кажется... Без морали. Ногой - в голову. Лежачего. Не понимаю...

Пинский: Не понимаешь... Мало ли чего ты не понимаешь. А понимаешь ты, например, почему они при всей своей жестокости так любят детей?

Кирсанов: Не замечал.

Пинский: И напрасно. Они их любят удивительно нежно и... не знаю, как сказать... бескорыстно, что ли! Любят трогать их, тискать, возиться с ними любят. Радуются, что у них есть дети... Это совершенно естественно, но согласись, что у нашего поколения все это было не так... А то, что ты их не понимаешь... так ведь и они тебя не понимают.

Кирсанов: Не собираюсь я с тобой спорить, я только вот что хочу

сказать: я не огорчаюсь, если люди не понимают меня, но мне становится очень неуютно, когда я не понимаю людей. Особенно своих детей.

Пауза.

Пинский (ни с того ни с сего): Был бы я помоложе, взял бы сейчас ноги в руки, только бы меня здесь и видели. Вынырнул бы где-нибудь в Салехарде, нанялся бы механиком в гараж, и хрен вам в зубы...

Кирсанов: Ну да - без паспорта, без документов. Всю жизнь скрывайся, как беглый каторжник...

Пинский: Да что ты понимаешь в документах, профессор? Тебе какой документ нужен? Давай пять сотен, завтра принесу.

Пауза.

Кирсанов: Ноги в руки тебе надо было в прошлом году брать. Сидел бы сейчас в Сан-Франциско - и кум королю!

Пинский: Нет уж, извини. Я всегда тебе это говорил, и сейчас скажу. Они меня отсюда не выдавят, это моя страна. В самом крайнем случае - наша общая, но уж никак не ихняя. У меня здесь все. Мать моя здесь лежит, Маша моя здесь лежит, отца моего здесь расстреляли, а не в Сан-Франциско... Я, дорогой мой, это кино намерен досмотреть до конца! Другое дело - голову под топор подставлять, конечно, нет охоты. Вот я и говорю: молодость бы мне. Годиков ну хотя бы пятнадцать скинуть... дюжину хотя бы...

Звонит телефон. Все вздрагивают и смотрят на аппарат. Затем Кирсанов торопливо хватается трубку.

Кирсанов: Да!.. Это я... Ну? (Слушает.) А что случилось? (Слушает.) Ты мне скажи, дети в порядке?... Ну, спускайся, конечно... (Вешает трубку.) Это Санька. У него какой-то не телефонный разговор. Посреди ночи. (Замечает, что в дверях стоит Зоя Сергеевна.) Это Санька звонил, лапонька. С детьми все в порядке, но есть какой-то не телефонный разговор. Сейчас он спустится.

Зоя Сергеевна: Повестку получил.

Кирсанов (ошеломленно): Откуда ты взяла?

Зоя Сергеевна, не отвечая, подходит к столу и протягивает что-то Кирсанову.

Зоя Сергеевна: На, прими нитронг.

Кирсанов: Чего это ради? Я нормально себя чувствую. (Кладет таблетку на язык, запивает из чашки.) Я совершенно спокоен. И тебе советую.

Входит Александр Кирсанов, старший сын. Такой же, как отец, рослый, рыхловатый, русо-кудрявый, но без бороды и без какого-либо апломба. Живет он на последнем этаже по этой же лестнице. Видимо, только что разбужен - лицо помятое, волосы всклокочены, он в пижаме, в руке его листок бумаги.

Александр: Папа, я ничего не понимаю! Посмотри, что мне принесли. (Протягивает отцу листок. Базарину и Пинскому.) Здравствуйте.

Зоя Сергеевна со словами "дай сюда" перехватывает листок и склоняется у свечки. Все молчат. Зоя Сергеевна читает, потом молча возвращает листок мужу, а сама садится у стола и роняет лицо в ладони.

Кирсанов (плачущим голосом): Ну что же это за мерзость, в самом деле! "Распутники города Питера..." Ну как вам это нравится?

Базарин: Распутники?!

Кирсанов: "Распутники города Питера"! Явиться к восьми утра на стадион "Красная Заря"...

Александр (ноет): Я не понимаю, как я это должен понимать... Я сначала подумал, что это розыгрыш какой-то... Но ведь приходил настоящий посыльный в какой-то черной форме... расписаться потребовал...

Зоя Сергеевна (не отнимая рук от лица): Дети проснулись?

Александр: Да нет, они спят. И потом, там у меня... В общем, там есть человек... Папа, ты что, считаешь, что это серьезно?

Пинский: Понимаешь, Саня, мы с папой тоже такие повестки получили. Во всяком случае, похожие.

Александр: Да? Ну, и что теперь надо делать? Идти туда надо, что ли? За что? Папа, ты бы позвонил кому-нибудь...

Кирсанов: Кому?

Александр: Ну, я не знаю, у тебя же полно знакомых высокопоставленных... Объясни им, что у меня двое детей, не могу же я их бросить, в самом деле... Как же это можно? Что у нас сейчас - тридцать седьмой год? Тогда - враги народа, а тут вот распутником объявили ни с того ни с сего... Какой я им распутник? У меня двое детей маленьких! Пап,

ну позвони хотя бы ректору! Он же все-таки член бюро горкома...

Пинский: Саня, сядь. Вот выпей чаю. Он остыл, но это ничего, хороший чай, крепкий... Не унижайся. Не унижайся, пожалуйста. И отца не заставляй унижаться. Они ведь только этого и хотят, - чтобы мы перед ними на колени встали. Им ведь мало, чтобы мы им просто подчинялись, им еще надо, чтобы мы у них сапоги лизали...

Александр: Так ведь надо что-то делать, дядя Шура... Может быть, это ошибка какая-нибудь вышла... Может, можно как-то договориться. В крайнем случае отсрочку какую-нибудь получить... Ну позвони, пап!

Зоя Сергеевна: У тебя там Галина сейчас?

Александр (расстроено): Да.

Зоя Сергеевна: Она завтра сможет побыть с детьми?

Александр: Откуда я знаю? Сможет, наверное...

Зоя Сергеевна (поднимается): Пойдем со мной, я тебе дубленку отдам.

Александр: Зачем? Какую еще дубленку?

Зоя Сергеевна: Твою. На которой я пуговицы перешила. (Направляется к двери в спальню.)

Пинский: Не надо ему дубленку. Отберут у него эту дубленку в первый же день.

Александр (безвольно следуя за матерью): Да кому она нужна, старая, облезлая... Папа, ты пока позвони... Ну надо же что-то делать... (Уходит.)

Кирсанов: Мерзость... Мерзость!!! Ну хорошо, не угодили вам, не потрафили - посадите в тюрьму, к стенке поставьте, но ведь этого вам всегда мало! Надо сначала в лицо наплевать, вымазать калом, в грязи вывалить! Перед всем честным народом - обгадить, опозорить, в парию обратить! "Богач"! "Распутник"! Это Санька-то мой - распутник! Да он же ни с какой бабой в постель лечь не может без штампа в паспорте, для него же половой акт - это таинство, освященное законом, а иначе - порок, срам, грех! Нет, он, видите ли, распутник... Ну какая же все-таки подлая страна! Ведь силища же огромная, ни с чем не сравнимая, из любого человека может сделать мокрое пятно!.. Но почему же обязательно не просто, не прямо, а с каким-нибудь подлым вывертом?..

Базарин: Станислав, прекрати.

Кирсанов: Нет уж, я скажу. Я и тебе скажу, и завтра им все это скажу! Ведь я чего-нибудь вроде этого ждал. Мы все этого ждали. "Товарищ, знай, пройдет она, эпоха безудержной гласности, и Комитет госбезопасности припомнит наши имена!.." Прекрасно знали! Что не может у нас быть все путем, обязательно опять начнут врать, играть мускулами, ставить по стойке "смирно"! Но вот такого! Презрения этого... унижения!.. Я давно пытаюсь представить себе, как должен выглядеть человек, отдельный человек, личность, но обладающий теми же свойствами, что наша страна... Вы только подумайте, какой это должен быть омерзительный тип - чванный, лживый, подлый, порочный... без единого проблеска благородства, без капли милосердия...

Базарин: Перестань сейчас же, я тебе говорю! Как тебе не стыдно? Это уже действительно чистая русофобия!

Пинский: Ах-ах! Ну конечно же - русофобия. Обязательно! Везде же русофобы! Я только теперь понимаю, почему меня в пятидесятом на физфак не приняли! Русофобы! Пронюхали подлецы, что у меня бабушка русская... Стыдитесь, Олег Кузьмич! При чем здесь русофобия? Он же слова дурного про русских не сказал! Зачем же передергивать? И так тошно.

Базарин: Нет уж, голубчики! Это уж вы не извольте передергивать, Александр Рувимович и Станислав Александрович! Я и без вас все прекрасно понимаю! Точно так же, как и вы, я полагаю, что происходящее недостойно, но я-то считаю, что оно недостойно страны. Не страна у нас недостойная, как вы изволите утверждать, а то, что с нами происходит сейчас - недостойно нашей страны. Это разные вещи, и путать их не надо. Проще простого - свалить в одну кучу и страну, и всех дураков с негодьями, которые в ней водятся... Я понимаю, мы с вами не в равном положении сейчас. Вы

- под ударом, а я как бы выхожу чистенький... Но уверяю вас, если бы эта молния ударила и в меня тоже, я бы закричал, конечно, потому что больно, потому что обидно, понимаю, но я бы заставил себя задуматься: почему? Почему выбрали именно меня? Может быть, все-таки не зря выбрали? Может быть, я жил как-то неправильно?.. Ведь все наши дураки и негодяи,

они же к нам не с неба свалились, они же из нас, из гущи нашей, они глупые, однако нутром своим они всегда выражают именно гущу, ту самую, от которой мы все оторвались, отгородились своими окладами, своей чистенькой работкой, и когда нам говорят: ну, ты, гад, выйди из строя, на колени! - может быть, не об унижении своем барском думать надо, а о том надо думать, что это наш последний шанс уразуметь, почему мы чужие, и покаяться... Не перед дураками покаяться, которые нас из строя выдернули, а перед строем...

Кирсанов: Да каяться-то в чем? В чем каяться? И перед каким-таким строем? Перед общественным, что ли?

Базарин: Я не знаю, в чем ты должен каяться. Это тебе виднее. Я тебе уже говорил, что с определенной точки зрения и ты, и я, и он, мы все - зажавшиеся баре, которые берут много, а отдают мало. Мы привыкли к этому, и нам кажется, что так и должно быть. Мы сами построили себе свой модус вивенди, мы сами построили себе удобную в употреблении мораль... Ты вот защищаешь Саньку, что он у тебя бабник не простой, а законопослушный, но ты пойми, что, с точки зрения тети Моти, он и есть самый настоящий распутник! В тридцать лет - две жены, каждой по ребенку заделал, а теперь пожалуйста - у него еще и какая-то Галина... Ну что это - не распутство?

Пинский: Ну, хорошо. Положим, Саньку можно кастрировать, в крайнем случае. А со мной что вы прикажете делать? Тетя Мотя ведь не еврей, а я - еврей, дрянь этакая...

Базарин: Перестаньте, Александр Рувимович! При чем здесь опять евреи? Вы меня знаете, я не антисемит, но эта ваша манера сводить любую проблему к еврейскому вопросу...

Пинский: Ну да, конечно! А как насчет вашей манеры - все сводить к мнению тети Моти?..

Базарин (проникновенно): Когда я говорю о тете Моте, я имею в виду мнение большинства. Того самого большинства, к которому все мы склонны относиться с таким омерзительным высокомерием... Я подчеркиваю: я тоже грешен! Но я хотя бы пытаюсь, хотя бы иногда встать на эту точку зрения и посмотреть на себя с горы...

Пинский (с нарочитым еврейским акцентом): Таки себе хорошенький пейзажик, наверное, открывается с этой вашей горы!

Базарин: Вы, Александр Рувимович, совершенно напрасно все время стараетесь меня вышутить. Остроты отпускать - самое простое дело. И самое пустое! Вы понять попытайтесь. Понять! Не до шуток сейчас, поверьте вы мне...

Пинский: А это уж позвольте мне самому решать. По мне так с петлей на шее лучше уж шутки шутить, чем каяться... А если уж и каяться, то никак уж не перед вами и не перед загадочной вашей тетей Мотей!

Базарин (бормочет): Гордыня, гордыня... Все мимо ушей...

Кирсанов (вдруг): Да, гордыня. Это верно. Хватит. (Подходит к телефону, набирает номер.) Сенатор? Ох, слава богу, что ты не спишь... Это Слава говорит. Слушай, мы здесь попали в какую-то дурацкую переделку. Представь себе: моему Саньке вдруг приносят повестку... (Замолкает, слушает.) Нет... нет-нет... "Распутники города Питера"... (Слушает.) Понятно... Понятно... И что ты намерен делать? (Слушает.) Нет, Зоя не получила, а я получил... (Слушает.) Понятно... Ну, значит, все будет, как будет. Прощай. (Вешает трубку.) Он уже упаковался. Он у нас отныне "политикан города Питера"!

Освещенное небо за окном гаснет. Город погружается в непроглядную тьму.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Два часа спустя. Та же гостиная, озаренная свечами. Кирсанов за столом, придвинув к себе все канделябры, что-то пишет. Зоя Сергеевна пристроилась тут же с какой-то штопкой. Больше в комнате никого нет. Тихо. На самом пределе слышимости звучит фонограмма песен современных популярных певцов.

Зоя Сергеевна: Что ты пишешь?

Кирсанов (раздраженно): Да опишь эту чертову составляю...

Зоя Сергеевна: Господи. Зачем?

Кирсанов (раздраженно): Откуда я знаю? (Перестает писать.) Надо же чем-то заняться... (Пауза.) А эти молодцы все развлекаются?

Зоя Сергеевна: Надо же чем-то заняться...

Кирсанов: Надрались?

Зоя Сергеевна: Нет. Во всяком случае, в меру. Слушают музыку и играют в какую-то игру. На специальной доске.

Кирсанов: В нарды, что-ли?

Зоя Сергеевна: Нет. Какое-то коротенькое название. То ли японское, то ли китайское...

Кирсанов: В го?

Зоя Сергеевна: Да, правильно. В го.

Пауза. В отдалении Гребенщиков стонуше выводит: "Этот поезд в огне - и нам не на что больше жать, Этот поезд в огне - и нам некуда больше бежать. Эта земля была нашей, пока мы не увязли в борьбе..."

Кирсанов: Вождь из племени га сидит и играет в го.

Зоя Сергеевна: Сережка деньги отдал. Двести рублей.

Кирсанов: Что еще за двести рублей?

Зоя Сергеевна: Говорит ты ему давал в долг. В прошлом году.

Кирсанов: Гм... Не помню. Но похвально. (Пауза.) Ты ему все рассказала, конечно...

Зоя Сергеевна: Конечно.

Кирсанов: Ну, и как он отреагировал?

Зоя Сергеевна: Сначала заинтересовался, стал расспрашивать, а потом ехидно спросил: "Веревку велено свою приносить или казенную там на месте дадут?"

Кирсанов: Замечательное все-таки поколение. Отца забирают черт-те знает куда, а он рассказывает по этому случаю анекдот и садится играть в го...

Зоя Сергеевна: Он считает, что нам с тобой вообще никуда не следует ходить...

Кирсанов (раздраженно): Ну да, конечно! Он хочет, чтобы они пришли сюда, чтобы вломились, заковали в наручники, по морде надавали... (Некоторое время угрюмо молчит, а потом вдруг с невеселым смешком произносит нарочито дребезжащим старческим голосом.) "Что, ведьма, понарожала зверья? Санька твой иезуит, а Сережка фармазон, и пропьют они добро мое, промотают!.. Эх, вы-и!"

Зоя Сергеевна (утешающе): Я думаю, ничего особенно страшного не будет. Отправят куда-нибудь на поселение, будем работать в школе или в детском доме... Обыкновенная ссылка. Я помню, как мы жили в Карабутке в сорок девятом году. Была мазанка, печку кизяком топили... Но холодина была зимой ужасная... А вместо сортира - ведро в сенях. Тетя Юля, покойница, она языкастая была... вернется, бывало, из сеней и прочтет с выражением: "Я люблю ходить в ведро, заносить над ним бедро, писать, какать, а потом возвращаться в теплый дом"... Две женщины немолодые, девчонка - и ничего, жили...

Кирсанов (с нежностью): Бедная ты моя лапа... (Слышится стук в наружную дверь.) Погоди, я открою. Это, наверное, Кузьмич, совесть его заела...

Он выходит в прихожую и возвращается с Пинским. Пинского не узнать: он в старом лыжном костюме, туго перетянутом солдатским ремнем, на голове - невообразимый треух, на ногах - огромные бахилы. В руке у него тощий облезлый рюкзак типа "сидор".

Пинский: Я решил лучше у нас посидеть. Одному как-то тоскливо. Кстати, куда мне ключ девать? Сережке отдать, что ли? Я надеюсь, ему повестку еще не прислали?

Кирсанов: Еще не прислали, но могут и прислать. "Разгильдяи города Питера!"...

Пинский: Да нет, вряд ли. Молод еще. Хотя, с другой стороны, тетя Мотя у нас ведь непредсказуема.

Кирсанов: Правильнее говорить не тетя Мотя, а "Софья Власьевна".

Пинский: А это одно и то же. Софья Власьевна, а кликуха у ей - тетя Мотя.

Кирсанов: Да-а, юморок у нас с тобой, Шурик... предсмертный.

Пинский: Типун тебе на язык, старый дурень! Не дрейфь, прорвемся. В любом случае это ненадолго. Агония! Предсмертные судороги административно-командной системы. Я даю на эти судороги два-три года максимум...

Кирсанов: Знаешь, в наши годы - это срок.

Пинский: Зоя, что это ты делаешь?

Зоя Сергеевна: "Молнию" пришиваю.

Пинский: Ну и глупо. Завтра она у него сломается, и что тогда прикажете делать? Пуговицы надо! Самые здоровенные... И никаких "молний", никаких кнопочек... Слушай, пойдем посмотрим, что ты там ему упаковала... Пошли, пошли!

Кирсанов: Тоже мне - старый зек нашелся.

Пинский: Давай, давай, поднимайся... Зек я там или не зек, а на зеков нагляделся - я с ними две стройки коммунизма воздвиг, пока ты в кабинетах задницу наедал!..

Все трое уходят в спальню налево, и некоторое время сцена пуста. Слышен сдавленный голос Виктора Цоя: "Мы хотели пить - не было воды, Мы хотели света - не было звезды, Мы шли под дождь и пили воду из луж... Мы хотели песен - не было слов, Мы хотели спать - не было снов..." Из прихожей справа появляется Базарин.

Базарин: Можно? У вас там опять замок заклинило...

Проходит на середину комнаты, озирается, останавливается у стола и, зябко потирая руки, читает оставленную на столе опись. Потом пожимает плечами, снова озирается, берет телефонную трубку и быстро набирает номер. Некоторое время слушает, потом нервным движением бросает трубку. Из спальни выходит Кирсанов.

Кирсанов: А, это ты... Куда звонишь?

Базарин: Да так... Занято все время... Ну, можешь меня поздравить. "Дармоед города Питера".

Кирсанов: То есть? (И тут до него доходит). Ну да?! Тоже получил?

Базарин: Пожалуйста, прошу полюбоваться... (Вынимает из нагрудного кармана и протягивает Кирсанову сложенную повестку).

Кирсанов (кричит): Шурка! Зоя! Идите сюда! Кузьмич повестку получил!

Первым выскакивает Пинский, за ним появляется Зоя Сергеевна с теплыми кальсонами в руках.

Пинский: Что такое? Что случилось? Епиходов кий сломал?

Кирсанов: Нашего полку прибыло. (Читает с выражением). "Дармоеды города Питера! Все дармоеды города Питера и окрестностей должны явиться сегодня, двенадцатого января, к восьми часам утра на площадь перед городским крематорием..." Ого! Ничего себе, выбрали местечко!

Пинский: Какие все-таки подонки!

Кирсанов (продолжает читать): "...иметь при себе документы, в том числе: аттестат, диплом и удостоверения об окончании специализированных курсов, а также необходимые письменные принадлежности..." Заметьте, ни о деньгах, ни о драгоценностях - ни слова. "Дармоеды, не подчинившиеся данному распоряжению, будут мобилизованы приводом. Председатель - комендант..." Ну, и так далее. Что ж, все как у людей.

Пинский (глубокомысленно): Это они, видимо придурков набирают.

Кирсанов (с укоризной): Шура!

Пинский: Ничего не Шура! Ты не понимаешь! Придурок в лагере - фигура почетная, дай нам бог всем стать придурками... Олег Кузьмич, а кто вам эту штуку доставил? Все тот же самый?

Базарин: Представьте себе, нет. Такой маленький, толстенький, немолодой уже... В очках, очень вежливый. Но ничего, конечно, толком не объяснил, потому что и сам не знает.

Пинский: Ясно. Ну что ж, Олег Кузьмич, надо вам собираться... Позвольте несколько советов. Берите вещи теплые, поношенные, прочные, но самые неказистые. Никакого новья, никакой "фирмы", вообще лучше никакого импорта... Сало есть у вас дома? Возьмите сала.

Базарин: Да откуда у меня сало?

Пинский: А что - вы не любите сало? Вот странно! Глядя на вас, никогда бы не подумал...

Базарин: Я, если хотите знать, вообще свинины не люблю и не ем.

Кирсанов (мрачно усмехаясь): "Для чего же ты не ешь свинины? Только турки да жида не едят свинины..."

Зоя Сергеевна (из спальни): Слава, иди сюда!

Кирсанов: Иду! (Уходит.)

Пинский: Прошу прощения, Олег Кузьмич, я тоже вас покину, а то они там без меня наворотят... Этот обалдуй электробритву хотел с собой взять, еле-еле я успел перехватить. (Уходит.)

Базарин сейчас же подходит к телефону и снова набирает номер. Видимо, снова занято.

Базарин: Ч-черт...

Вешает трубку, принимается нервно ходить взад-вперед, лихорадочно моя руки воздухом. Слышно, как в отдалении играет музыка, и Юрий Шевчук хрипло кричит: "Предчувствие-е-е... гражданской войны!.." Базарин останавливается около телефона, кладет руку на трубку и снова настороженно озирается. Потом снимает трубку и набирает номер.

Базарин: Алло. Семьсот два дайте, пожалуйста... Николай Степанович? Ах, это Сергей Сергеевич... Пардон, не узнал вас... Да, богатым будете... Вы знаете, Сергей Сергеевич, мне тут не совсем удобно разговаривать, поэтому разрешите, я коротко. Понимаете, я получил довольно странную повестку. Я бы даже сказал, оскорбительную. И дело не в том, что я напуган, как здесь некоторые, мне бояться нечего, но я не желаю принимать этот тон, все эти выражения, это оскорбительно... мне кажется, я этого не заслужил. Во-первых, я не понимаю, кто, собственно, проводит это мероприятие... что это за организация такая - "Социальная Ассенизация"? И что это за должность такая - "председатель-комендант"? Это же несерьезно, это же оперетта какая-то! Такое впечатление, будто это мероприятие имеет только одну цель - оскорбить человека... Что?.. Представьте себе: в крематорий! Это же просто издевательство какое-то... Что?

Входит Александр, волоча за ляжку потрепанный рюкзак, Базарин смотрит на него, но в то же время как бы и не видит, - все внимание его приковано к разговору.

Базарин: Это я понимаю... Это я п... Да, все это правильно, но я всегда полагал, что есть граждане, само положение которых... Что?.. Ах, вы так ставите вопрос... Ну, тогда конечно... хотя я со своей стороны... Да, разумеется... Хотя я со своей стороны... Что? Слушаюсь. Понял. Хорошо. (С расстроенным видом кладет трубку.) Канцелярия чертова, аппаратчики...

Александр (жадно): А что они вам сказали?

Базарин: Что они мне сказали? Хе! Что они мне могли сказать? (Словно очнувшись.) Кто это - "они"? Ты про кого спрашиваешь?

Александр: Ну эти... с которыми вы разговаривали. Я понял, это какое-то большое начальство...

Базарин (язвительно): Начальство, мочальство... Ты, собственно, чего сюда приперся? Рано еще.

Александр: Не знаю. У меня там все спят. А я заснуть никак не могу... Так что они вам сказали?

Базарин (язвительно): Они мне сказали, что мероприятие находится под контролем. Под полным контролем! Так что, голубчик мой, можешь собирать свои вещички и отправляться в свой крематорий.

Александр (тупо): Мне не в крематорий назначено, мне на стадион "Красная Заря"... А может быть, вы еще кому-нибудь позвоните, Олег Кузьмич?

Базарин: Все. Больше никому.

Александр (нещадно хрустя суставами пальцев): Я все-таки никак не могу понять, что же это такое с нами происходит? Куда нас, в конце концов, забирают? Это что - мобилизация какая-то? Или, наоборот, наказание? Или еще чего-то? Что мы там - каналы будем копать? Или это переподготовка какая-нибудь? Или перевоспитание очередное? А может быть, и вообще тюрьма? Только если это тюрьма, то абсолютно непонятно - за что? У нас же сейчас не тридцать седьмой год! Даровая рабсила понадобилась? Опять же не те времена: мы же съедим больше, чем настроим. Сколько раз уже сказано было и доказано было, что рабский труд нерентабелен... И вообще, как это можно - всех под одну гребенку? А если у меня бронхиальная астма? Я хоть завтра достану справку, что у меня бронхиальная астма... Я вообще не понимаю, кому это все понадобилось? Зачем? Это же просто экономически невыгодно! И без того вся экономика по швам трещит, а они тут разыгрывают такие мероприятия... Я, между прочим, системный программист, какой же смысл меня на лопату ставить, на киркомотыгу какую-нибудь?

Базарин (проникновенно): Я другого не могу понять. Я самого принципа понять не могу! Ну, хорошо: евреи. Это я понимаю. Это еще можно как-то понять...

Александр: А что они? Вы знаете что-нибудь?

Базарин: Подожди, не отвлекайся... Я могу понять экспроприацию. В конце концов, финансовое положение действительно требует чрезвычайных мер. Но не таких же! Пусть будет реформа, сколь угодно жесткая... Пусть будет налоговая система, самая беспощадная... И даже не в этом дело! В конце концов, есть же люди, которые, так сказать, являются опорой! Так сказать, костяком! Нельзя же опору подрубать! Я понимаю, что настала пора радикального лечения организма. Я, кстати, давно уже это утверждаю... и призываю... Однако это уже получается не лечение, это уже какой-то мрачный анекдот! Усекновение головы - лучшее средство от мигреней...

Александр(вставляет): Главное не понятно, чего они этим хотят добиться...

Базарин (отмахивается от него): Чего они хотят добиться - это как раз понятно. Контроль утрачен над обществом, неужели ты не видишь? Страна захлебывается в собственных выделениях... Крутые меры необходимы! Ассенизация необходима! Вот оно - откуда у них это слово! Слишком далеко мы зашли - понимаешь, в чем дело? Теперь легко не отделаемся, и поделом нам всем - по вору и мука!

Александр: Ну да... А я-то здесь причем? Тоже мне - нашли вора... Сами напахали невесть чего, а я должен за это расплачиваться?

Базарин: Конечно, должен! Тебе, Саня, между прочим, уже тридцать годиков миновало, не маленький! Не только мы пахали, но и вы пахали!

Александр: А дети мои причем?

Базарин: Это несерьезный разговор. Чего ты от меня хочешь? Таковы законы истории. Когда приходит время расплачиваться, расплачиваются все - и виновные, и ни в чем не повинные. Это тебе не ресторан, не жди, никто не скажет: "Счет - мне, пожалуйста".

Из спальни, слева, выходят Пинский, Зоя Сергеевна и Кирсанов.

Пинский (втолковывает): ...а самое правильное - взять сейчас твой "жигуль" и дернуть куда-нибудь подальше...

Кирсанов: Ну что ты за глупости опять порешь! Ну, поймут же, мерзко, за ухо приволокут, как поганых щенков...

Пинский (орет): Да кто тебя будет ловить? Кому ты нужен? Отсидишься у себя в псковской - и вася-кот!

Кирсанов (орет): Сам ты дурак! Я же тебе объясняю: колес нет, ни одной целой покрышки нет, ни одной!

Пинский: У тебя никогда ничего нет, когда нужно.

Кирсанов: Да! У меня никогда ничего нет! И отстань от меня! Я на старости лет зайца из себя изображать не намерен! Ты второй раз разговор на эту тему заводишь, и я тебе окончательно говорю: не желаю слушать!

Пинский (с отчаянием): Господи ты боже мой, ну кто мог подумать, что все это будет так мерзко, так срамно, унижительно, позорно... Беспомощные дряхлые старикашки, ведь это мы итоги с вами подбиваем! Срамная жизнь, срамное подыхание!

Кирсанов (топает в бешенстве ногами): Прекрати! Не желаю этого слушать! Не позволю! Откуда ты знаешь? Мы еще посмотрим! Вот соберется нас пятьдесят тысяч на площади, мы еще посмотрим, что из этого получится! Это тебе не прежние времена! Рабов больше нету! Я на этой площади уже один раз выступал, я и второй раз выступить могу! Они еще пожалеют, что согнали нас всех в одно место!..

Голос у него срывается, и он принимается надрывно кашлять. Зоя Сергеевна торопливо подсовывает ему чашку остывшего чая, а он отстраняет эту чашку и все тшится провозгласить еще что-то, но только отчаянно сипит и больше ничего не может.

Пинский (перепугавшись): Да ладно тебе, ну хорошо, хорошо, успокойся только, ради бога... (Дергает Кирсанова за мочку уха и похлопывает его ладонью между лопаток, издавая губами поцелуйные звуки.) Черт знает что они с нами делают...

Зоя Сергеевна (сердито): А ты бы, между прочим, язык свой мог бы поменьше распускать...

Пинский: Ну, хорошо, ну, виноват, не буду больше... (Базарину) Ну, как вы тут, Олег Кузьмич? Что это вы там про рестораны рассуждали?

Базарин (с изумлением): Я? Про рестораны?

Пинский (поспешно): Наверное, мне послышалось. Виноват...
(Александр) Что, Саня, собрался уже? Это хорошо. Молодец. (Решительно.) Знаешь что? Пойдешь со мной.

Александр: У меня же "Красная Заря"...

Пинский: А наплевать на "Красную Зарю". Давай мне твою повестку, сейчас я там все переправлю и напишу "исправленному верить"...
(Спохватывается.) Нет, это я чепуху говорю. С жидами тебе лучше не связываться. От жидов, голуба моя, держись сегодня подальше. А вот если с отцом тебя наладить - это хорошая идея! Ты как считаешь, Станислав Александрович?

Александр (тупо повторяет): У меня же "Красная Заря", дядя Шура. "Красная Заря"...

Пинский (нетерпеливо): Господи, да неважно это. Кому какое дело? Давай повестку, я тебе сейчас же все переправлю...

Александр (отступая на шаг): Ну нет, не надо... Еще хуже будет. Зачем это мне?... Вот если бы папа со мной пошел...

Пинский (некоторое время смотрит на него ошеломленно, затем кривится в усмешку): Да, это замечательная идея. Там, в твоей компании, папа будет как раз на месте - самый старый распутник города Питера.

Кирсанов (севшим голосом): Я требую, чтобы здесь перестали нагнетать ужасы! Неужели не понятно, что сейчас не те времена. Настоящий террор невозможен - я утверждаю это с полной ответственностью. Все это - очередная глупость нашего начальства, и ничего больше. Сегодня же вечером все мы будем дома. (Жадно пьет остывший чай из стакана.) А если и не будем, то все равно не пропадем...

Голос из прихожей: Хозяева! Есть тут кто?

В дверях появляется Егорыч, местный сантехник, неопределенных лет мужчина, кургузый, в кургузом пиджачке и изжеванных брюках. В руке у него мотается зажженная свечечка, на ногах он держится нетвердо.

Егорыч: Я извиняюсь, я звоню, никто не выходит, а дверь открытая... С-нислав С-саныч, я извиняюсь, конечно, я тебя спросить х-чу... Х-глупость какая-то. Прихожу домой, супруга моя не спит, говорит: повестку т-бе принесли, доигрался. Фамилие мое, адрес мой. Явиться на Вторую сортировочную. Ладно. Все понятно. Одно непонятно: какие-то удивительные слова попадают... какой-то мздоним... нзаданием... Посмотри, пожалуйста. Может, это вообще не ко мне?

Пинский (берет у него повестку): Какой еще там бздоним... Гм... Действительно, какое-то странное слово. И еще вдобавок от руки накорябано... А-а-а! (Хохочет.) Ну, так все правильно, Егорыч! "Мздоимцы города Питера"!

Егорыч: Какие?

Пинский: Мздоимцы! Которые мзду имут, понимаешь?

Егорыч: Ну?

Пинский: Ну, вот и явишься. Куда там тебе? Вторая сортировочная?

Базарин: Перестаньте издеваться над человеком, Александр Рувимович! (Раздраженно выхватывает повестку из руки Пинского.) Дайте сюда... (Читает про себя.) Черт знает что...

Пинский: Вот именно, Олег Кузьмич! Только не черт знает что, а правильное сказать: мать иху так. Как видите, и до тети Моти добрались.

Егорыч: Я извиняюсь...

Пинский (обнимая его за плечи): Не надо, Егорыч, не извиняйся. Иди ты к себе домой и собирай манатки. Теплое бери и курева дня на три... А драгоценности, которые ты стяжал, оставь на столе. Да опись не забудь приложить... в трех экземплярах.

Егорыч (бубнит): Я, Александр Рувимыч, все понимаю. Я ведь насчет слова пришел... Слово какое-то непонятное. И супруга моя не знает...

Они удаляются в прихожую.

Базарин (ни с того ни с сего): Сантехник - это еще не народ.

Кирсанов (сморщившись): Я только умоляю тебя, Олег. Не надо никаких высокопарностей. Народ, не народ... Одна половина народа погонит другую половину народа рыть канал. Так у нас всегда было, так у нас и будет. Вот и все твое политпросвещение.

Базарин: Ты, кажется, призывал не паниковать.

Кирсанов: А я и не паникую. Я высокопарностей не люблю. Ты еще нам

про родниковые ключи истоков расскажи... или про почву исконную, коренную... (Обрывает себя и обращается к Александру.) Александр, тебе денег дать?

Александр (уныло): Мне уже мама дала.

Кирсанов (роется в бюро): Хорошо, хорошо... Не помешает. Вот тебе еще сотня. Сунь ее куда-нибудь... в носок, что ли...

Пинский (вернувшись): Подожди, подожди... Ты что ему - одной бумажкой даешь? Совсем сдурел на старости лет! Мелкими давай! Мелкими! Есть у тебя?

Кирсанов: Есть тут что-то... Мало.

Пинский: Ничего, ничего, зато целее будут... (Александру.) Возьми. Рассуй по разным карманам.

Александр (уныло): Спасибо... Папа, так ты, может быть, действительно со мной пошел бы?

Кирсанов: Нет. Ты пойдешь со мной. И не спорь. И перестань ныть! Дай твою повестку... (Берет у сына повестку и рвет ее на клочки.)

Александр (ужасным голосом): Что ты наделал?!

Кирсанов: Все! Ты свою повестку потерял! И не ныть! Взрослый мужик, стыдись!

Зоя Сергеевна (Александру): Хорошо, хорошо, правильно. За отцом присмотришь. И вообще вдвоем вам будет легче...

Александр (ноет): Ну, а если спросят? Что я им скажу тогда? Что?

Пинский: Скажешь, что подтерся по ошибке... (Взрывается.) Да кто там тебя спросит, обалдуй с Покровки? Кому ты там нужен? Паспорт отберут, и весь разговор... Слушайте, панове, а может, паспорт не брать с собой? Ну, потерял я паспорт, начальник! Еще в прошлом году потерял! По пьяному делу! А?..

Базарин (неприязненно): По-моему, это противозаконно. Обман властей.

Пинский: Ах-ах-ах! Власть обманул гадкий мальчик! Власть к нему со всей душой, а он, пакостник, взял ее - и обманул! Дед плачет, бабка плачет...

Кирсанов: Да нет, не в этом же дело, Шура. Противно же это, мелко... Лганье какое-то семикопеечное... У тебя получается, что если власть у нас подоночная, так и мы все должны стать подонками...

Пинский: Ну, нет так нет, я же не настаиваю. Я только хотел бы подчеркнуть, что чистенький, подлинный паспорт, где-нибудь в хорошеньком заглавнике, - это вещь архиполезная, государи мои!..

Из прихожей, из коридора, ведущего в комнату Сергея, доносится топот и шарканье, слышится голос Артура: "Ничего, ничего, пошли, не упираться..." И вот Артур появляется в гостиной, таща за собой за руку вяло сопротивляющегося Сергея.

Артур: Вот, я его вам привел. (Сергею.) Говори, закаканец! Ведь тебе же хочется это сказать. Ну! Говори!

Сергей (смущенно и сердито): Отстань, африканец, отпусти руку! Не делай из меня попугая.

Артур (отпускает его): Я тебя прошу: скажи. Думай, что хочется; делай, что хочется; и говори, что хочется!..

Кирсанов: Сергей, что ты еще натворил?

Сергей (моментально окрысившись): Да ничего я не натворил! Сразу - натворил! (Артуру.) Говорил же я тебе, сундук кучерявый...

Артур: Станислав Александрович, я вас очень прошу: ну помолчите вы несколько минут! Почему вы никогда не чувствуете, когда надо помолчать? Вам надо помолчать, а вы все норовите поскорее принять меры, даже и не попытавшись узнать, в чем дело... (Сергею.) Будешь говорить? Нет? Тогда я скажу. Понимаете, он испытал жалость. Мы там сидели как люди, ловили кайф, и было все нормально, и вдруг он сказал: мы вот сидим здесь с тобой, а они там - одни, и помирают со страху, и у них ведь теперь ничего не осталось... Я удивился, а он сказал: у них на старости лет осталась одна погремушка - ихняя демократия и гласность, а теперь вот у них и это отбирают. Потрясли перед носом и тут же отобрали. Насовсем. Он сказал: мне их жалко, мне до того их жалко, что даже плакать хочется. И я увидел, что он плачет...

Сергей: Не было этого! Хватит ерундить-то!

Артур: Было это, Серый, было! Ты уже этому не веришь, я и сам-то не верю, хотя ведь и пяти минут не прошло, да только - было! И я тогда вдруг понял: это минута добра. Бывает момент истины, знаете? - а это была минута

добра. И я опять удивился: как же так? Откуда же оно взялось, это добро? Да еще целая минута! Через какую щель оно проползло? И кто его сюда пропустил? И вообще, при чем тут я? И я сказал ему: не бери в голову, Серый! Они получили только то, что сами хотели получить - ни рюмкой больше, ни рюмкой меньше. А он мне сказал: ну и что же? Тем более они несчастны, и еще больше их от этого жалко... Я снова попытался объяснить ему, что вы уже сделали свой выбор... неважно - почему, неважно - как... но сделали! И тогда он сказал... Он согласился со мной и сказал: да, сделали, но, боже мой, до чего же это жалкий выбор! И тут жалость схватила и меня тоже. Я схватился было за бутылку, но сразу же понял: нельзя. Я подумал: вы тоже должны узнать об этом... Теперь-то я вижу, что сделал глупость, никому из вас этого не надо, но - все равно. Это была минута добра. Очень большая редкость в нашей жизни.

Воцаряется неловкое молчание. И вдруг Зоя Сергеевна подходит к Артуру и целует его, а затем целует Сергея.

Сергей: Ну... что ты, мама? Ну что ты? Ничего! Все будет нормально.

Базарин (сварливо): Минуточку, минуточку...

Пинский: Олег Кузьмич, помолчите, ради бога.

Базарин: Нет уж, pardon! Я благодарен молодому поколению за те добрые чувства, которые вызывал у него целую минуту...

Кирсанов: Боже мой, какая зануда!.. Кузьмич!

Базарин: Нет уж, позволь. Молодые люди мягко упрекают нас в том, что мы сделали не тот выбор. Оч-чень хотелось бы знать, какой выбор сделали бы молодые люди, если бы им принесли аналогичные повестки? "Нигилисты города Питера"!

Сергей: Но ведь не принесли же!

Базарин: Но ведь могли принести? И может быть, еще принесут!

Сергей: А вот не могли! И не принесут! Вы этого не понимаете. Приносят тем, кто сделал выбор раньше, - ему еще повестку не принесли, а он уже сделал выбор! Вот маме повестку не принесли. Почему? Потому что плевала она на них. Потому что, когда они вербовали ее в органы в пятьдесят пятом, она сказала им: нет! Знаете, что она им ответила? Глядя в глаза! "Я люблю ходить в ведро, заносить над ним бедро..." "И вся вербовка! И когда в партию ее загоняли в шестьдесят восьмом, она снова сказала им: нет!" Да почему же нет, Зоя Сергеевна? Что же, в конце концов, для вас дороже - Родина или семья?" А она им, ни секунды не размышляя: "Да конечно же, семья". И все. А вот вы, Олег Кузьмич, в партию рвались, как в винный магазин, извините за выражение...

Кирсанов (грозно): Сергей!

Сергей: Папа, я же извинился. И я вообще ничего плохого сказать не хочу. Ни про кого. Я только одно вам объясняю: выбор свой люди делают до повестки, а не после.

Кирсанов: Это я, спасибо, понял. Откуда только ты все это про нас знаешь, вот чего я не понял.

Сергей: Знаю. Мы вообще много про вас знаем. Может быть даже все. Мы же всю жизнь ходим возле вас, слышим вас, наблюдаем вас, хватаем ваши подзатыльники и поэтому знаем все. Про ваши ссоры, про ваши тайны, про ваши болезни...

Артур: Про ваши развлечения...

Сергей: Про ваши неудачи, про ваши глупости...

Артур: Про ваши аборты...

Сергей: Мы только стараемся все это не брать в голову, не запоминать, но оно само собой запоминается, лучше любого школьного урока, хоть сейчас вызывай к доске...

Пинский (вкрадчиво): Я так понимаю, что минута добра благополучно истекла...

Сергей: Дядя Шура, я ведь извинился... Артур, пойдем отсюда. Я же говорил тебе, что все кончится скандалом...

Кирсанов: Да сиди уж ты... жалостливый. Не будет тебе никакого скандала. Не до скандалов нам сейчас.

Базарин (отдуваясь): Да уж, какие тут могут быть скандалы... Я только хотел напомнить молодым людям, что прийти за ними могут и без всяких повесток.

Пинский: Представляете, открывается вот эта дверь, и входят трое в штатском...

Артур (мотает головой): Нет. Не входят.

Пинский: Почему же это?

Вместо ответа Артур молниеносным движением выхватывает из-за спины большой никелированный револьвер и становится в классическую позу: широко расставленные, согнутые в коленях ноги, обе руки, сжимающие револьвер, вытянуты вперед и направлены в зрительный зал. "Пух, пух, пух", - произносит он, поворачиваясь корпусом слева направо и посылая воображаемые пули веером. Потом тем же неуловимым движением забрасывает револьвер за спину и выпрямляется.

Артур: Вот почему. Зачем, спрашивается, им с нами связываться? Мы опасны. С нас гораздо спокойнее снять деньгами.

Базарин (ошеломленно): Позвольте, откуда у вас оружие?

Артур (широко улыбаясь): Из республики Замбия. Папа прислал.

Пинский (настороженно): Настоящий?

Артур: Нет, конечно. Пугач.

Пинский (многозначительно): Гм... Ну, естественно... Рэкетиров отпугивать... Да и вообще...

Сергей (с чувством): Дядя Шура Пинский! Я вас люблю.

Пинский: Да. Я тебя тоже люблю. Лоботряс.

Сергей: Я вас всех люблю. Я даже Саньку нашего, полупротухшего, тоже люблю. Не ходите вы никуда утром. Повестки эти свои порвите, телефон выключите, дверь закройте... Мы с Артуром сейчас вам замок, наконец, починим. И ложитесь все спать. Не поддавайтесь вы, не давайте вы себя сломать!

Кирсанов (горько): Ах, какие вы у нас смелые, какие несломленные! И ничего-то вы не понимаете! Ведь это сейчас они не нас ломают, нас они сломали давным-давно, еще поколение назад. Сейчас они вас ломают! Это ведь они не нам повестки прислали - они вам повестки прислали, чтобы вы на всю жизнь запомнили, кто в этом мире хозяин...

Он замолкает. Слышны тяжелые удары в дверь.

Сергей: Спокуха! Говорить буду я. Артур, встань тут в тенечек.

В дверях возникает знакомая фигура - давешний рослый человек в блестящем мокром плаще.

Черный Человек (зычно): Гражданин Кирсанов?

Кирсанов (поднимается, издает горлом сдавленный жалкий писк).

Черный Человек: Станислав Александрович?

Кирсанов (справившись наконец с голосом): В чем дело?! Кажется наше время еще не вышло!

И тут Сергей подхватывает Черного Человека под локоток и ловко выводит его на авансцену.

Сергей: Старик. Давай по-доброму. Что мы, не люди? Давай спокойненько договоримся...

Черный Человек (обычным голосом): Чего договоримся? Насчет чего?

Сергей: Спокуха! Все будет нормалек. Ты нас не видел, мы тебя не видели. Дверь заперта, хозяев нет, уехали... Два столняка. И все тихо.

Черный Человек: А... Нет. Не получится.

Сергей: Ну почему не получится? Тихо, мирно, по-доброму... Ну, три столняка - пойдет?

Черный Человек: Нет. Не хочу. Брось.

Сергей: Три столняка за минуту молчания. Соображаешь, нет?

Черный Человек (пытаясь высвободиться): Пусти. Я же тебе сказал: нет!

Сергей (уже другим голосом - злым и напряженным): Четыре!

Черный Человек: Нет.

Сергей: Четыре столняка, козел!

Черный Человек: Пусти! Я же тебе сказал - нет!

Сергей отпускает его, отшатывается и, как бы падая, вдруг выбрасывает ногу, сделавшуюся невероятно длинной и прямой. Тяжелый ботинок попадает Черному Человеку прямо в голову. Кейс вылетает у него из-под мышки и кувырком катится по полу, извергая кипы белых листков. Черный Человек с трудом удерживает равновесие, фонарь вдруг вспыхивает у него во лбу, и он становится похож на неуклюжего испорченного робота. И тут из тьмы вылетает Артур, и они вдвоем с Сергеем, издавая устрашающие кошачьи вопли, складываясь и раздвигаясь, как огромные циркули, принимают избивать Черного Человека ногами. Это длится всего несколько секунд. Слышны только кошачьи вопли и екающие плотные удары. Потом Зоя Сергеевна кричит страшно,

отчаянно, как будто бьют ее самое.

Зоя Сергеевна: Перестаньте! Прекратите! Не смейте!

Черный Человек мокрой блестящей кучей валяется на полу среди разбросанных листков, Артур и Сергей нависают над ним, еще напружиненные, еще готовые бить и убивать, - Зоя Сергеевна подбегает к ним и хлещет по физиономии - сначала одного, затем другого.

Зоя Сергеевна: Звери! Зверье! (Падает на колени возле избитого, кричит.) Свет! Свет мне дайте!

И в тот же миг вспыхивает электрический свет. Все остолбенело стоят, ошеломленные, подслеповато моргающие. Пол сплошь усеян белыми листочками, высыпавшимися из распахнувшегося кейса.

Зоя Сергеевна: Сергей! Неси аптечку из ванной! Саня! Воду мне сюда холодную! Таз!..

Она поднимает избитому голову, кладет к себе на колени.

Черный Человек (жалобно и хрипло бормочет сквозь стоны): За что? Ну, за что? Что я тебе сделал? За что?..

Базарин опускается на корточки и принимается торопливо собирать рассыпанные листки, складывает их в пачку, старательно подравнивает дрожащими пальцами, потом читает один листок, садится на пятки, читает другой...

Базарин: Слушайте! Они же все отменили! (Падает на четвереньки, ползает, ища что-то, наконец находит и садится задом на пол. Читает срывающимся голосом.) "Базарину... Олегу Кузьмичу... Во изменении нашего предыдущего распоряжения... предписание вам прибыть... отменяется..." Отменяется! "Впредь до специального распоряжения. Председатель - комендант..." (Трясет перед собой пачкой мятых листков.) Всем отменяется! Станислав! Александр Рувимович! И вам тоже отменяется!..

Черный Человек (стонет): За что? Ой, больно... Осторожнее!..

Базарин (поднявшись на ноги и потрясая листками): Ведь я же говорил! Невозможно это! Я же сразу вам сказал! Невозможно это! Невозможно это! Невозможно!..

Начинает звонить телефон, и звонит долго, но все стоят в полном остолбенении, и никто не берет трубку.